

Ольга Петрова

**Гори, гори
ясно!**

Ольга Петрова

Гори, гори ясно!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70625386

SelfPub; 2024

Аннотация

Что делать, если в личной жизни не везет так, что и в отпуск съездить не с кем? Ввязаться в археологическую авантюру с раскопками и попасть в деревеньку из детства, возрожденную, как по волшебству. Радоваться жарким летним денькам, скакать по полям на лихом коне, погулять на веселой сельской свадьбе, прыгнуть через купальский костер. Но будьте осторожны, потому что кузнец... А кстати, зачем нам кузнец?

Ольга Петрова

Гори, гори ясно!

Ты создаешь новую версию мира, даже когда решаешь, с какой ноги сделать шаг.

Харуки Мураками

1. ЛИХА БЕДА – НАЧАЛО

– Да что же ты делаешь-то! – я резко ударила по тормозам, снижая скорость и одновременно уходя влево от красного Мини-Купера, подрезающего мою машину с энтузиазмом айсберга, приближающегося к Титанику. Сзади возмущенно засигналили. Купер тем временем продолжил свои замысловатые перестроения, в результате которых, как ни странно, к светофору мы подъехали одновременно. Я глянула вправо: ну и кто тут у нас? За рулем сидел крайне самодовольный тип с образцовой бородкой и тщательно уложенными волосами, которые он в данный момент поправлял, глядя в зеркало заднего вида. Мой негодующий взгляд не остался незамеченным, и модник принялся делать какие-то знаки в окно. Неужели извиниться хочет? Я нажала кнопку, правое стекло поползло вниз.

– Девушка, телефончик не дадите?

Потрясающе! В меня чуть не въехали по его милости, а он телефончик просит. Я возмущенно рванула на едва заго-

ревшийся желтый.

Мой опыт вождения исчислялся всего парой лет, и за это время я твердо усвоила, что мужчины рассматривают женщин-водителей исключительно как помеху на дороге, что мой выезд на шоссе автоматически является презумпцией моей виновности, и прав тот, у кого машина круче. Поначалу это злило, порой до слез, но постепенно я научилась узнавать издалека неадекватных водителей и держаться от них подальше, а на хамство и неуважение просто не обращать внимания. Если, конечно, ситуация не становилась опасной, как в этот раз.

Навигатор показывал, что до пункта назначения еще сорок две минуты, расцветивая все вероятные маршруты красным цветом, отчего карта здорово напоминала схему кровеносной системы. И это при том, что я в пути уже не меньше часа! Что поделаешь, вечер пятницы, лето, народ штурмует все выезды из города, дабы, выстояв свое в многочасовых пробках, распределиться по всевозможным дачным направлениям. А я живу «почти за городом», в отдаленном спальном районе между парком и кольцевой, и вынуждена быть невольным участником сего массового исхода.

Продолжая на автопилоте движение в потоке машин, я размышляла о ближайшем будущем. В этом будущем, уже прямо завтра, наступал долгожданный отпуск, а у меня не было на него абсолютно никаких планов. Вернее, планы были – до вчерашнего дня – взять горящую путевку и улететь в

любом южном направлении. Вот только накануне вместо похода в турфирму у меня вышел грандиозный скандал с тем, с кем я собиралась в это путешествие, в результате которого я поняла, что это совершенно не тот человек, с которым можно планировать что-то совместное. Правда, если устроить самой себе допрос с пристрастием, поняла я это гораздо раньше. И скандал практически спровоцировала, уже заранее зная, какую реакцию вызовут некоторые мои мысли, давно просившиеся на язык. Можно сколько угодно уговаривать себя еще потерпеть – ведь столько терпела – убеждать себя, что настоящие отношения надо выстраивать постепенно, но в глубине души, или в сердце – не знаю уж, какая именно деталь организма отвечает за принятие подобных решений – было четко прописано: «не мое». Светящимися буквами, чтобы не перепутала. Это самоуверенное что-то никак не могло ответить на вопрос, кто же мне на самом деле нужен, но точно знало, кто мне не нужен, и мнения своего не меняло никогда. Лишившись в одночасье попутчика, я попыталась оперативно найти попутчицу, но среди подруг не нашлось авантюристок, готовых мгновенно все бросить и улететь со мной на какой-нибудь морской берег. Так что я стояла перед выбором: либо провести отпуск с родителями на даче (комары и грядки), либо полететь отдыхать одной (прилипчивые до неприличия темпераментные южные мужчины и прочие опасности, подстерегающие одинокую путешественницу).

Впереди полз классический автомобиль дачника: набитый

рассадой пожилой шедевр отечественного автопрома. Среди помидорных листьев, размерами сравнявшихся с пальмовыми, проглядывали стоические лица детей, в окне торчала собачья морда с высунутым языком, а в заднее стекло вдавился уставший оратор кот. Венчал эту передвижную фазенду старенький холодильник, ненадежно привязанный на крыше. При каждом резком движении машины (а у нее все движения были резкими), холодильник угрожающе накренился в мою сторону. Я перестроилась в соседний ряд от греха подальше, и, не удержавшись, взглянула на водителя этого вавилонского безобразия. Тщедушный усатый мужичок отчаянно, до побелевших пальцев, вцепился в руль. Интересно, это дорожная ситуация так довела его, или объемная супруга на соседнем сидении, с суровым видом выговаривающая все, что накопилось в ней за время поездки, а может и за всю совместную жизнь?

Разумнее всего было бы выехать с работы попозже, подождав, пока пробки рассосутся, заодно изобразив сверхурочную деятельность – начальство любит, когда сотрудники задерживаются – но, во-первых, начальство само ускользнуло из офиса вскоре после обеда, а во-вторых, дома меня ждал друг. Самый верный, самый преданный, самый искренний, самый любящий. Мой Шарик.

При имени Шарик обычно представляется нечто собакообразное неопределенной масти и еще более неопределенной породы – одно ухо торчит, другое висит, хвост закру-

чивается нелепой баранкой – а уж никак не миниатюрный длинношерстный чихуахуа, два кило рыжего счастья. Честно говоря, раньше на карманных собачек я смотрела со смесью презрения и сочувствия. Мало того, что ростом не удалась, так еще и стали поневоле живыми игрушками светских тусовщиков. Тявкают вечно по поводу и без, а то и вцепиться норовят, куда достанут. В туманном будущем я представляла себе дом, мужа, детей и непременно собаку, а то и две, какой-нибудь «серьезной» породы, вроде немецкой овчарки или лабрадора. Либо терьера, чьей энергии с лихвой хватит на всю предполагаемую семью. Но время шло, семья так и не заводилась, и я, как Малыш из книжки про Карлсона, стала подумывать, что так и проживу всю жизнь без собаки. И тут, как по волшебству, все сложилось само собой. Судьба свела меня с владелицей ожидающей пополнения миниатюрной собачки с трудносклоняемой породой. Получив заверения хозяйки, что все ее отпрыски (собачьи, разумеется) отличаются редкостным умом и доброжелательностью, я решилась. И вот, в то время как мои подруги-однокурсницы ожидали детишек (некоторые – уже очередных), я ждала щенка. За время ожидания было придумано расчудесное аристократическое имя, которое, тем не менее, надо было привязать к букве, которую предложит клуб. Клуб порадовал буквой Ш. После пары дней ломания головы я решила не мучиться больше и, к ужасу заводчицы и назло обществу собаководов назвала щенка Шариком. Аристократическое имя было за-

быто, родословную я даже не удосужилась получить, выставочной карьере закончилась, не начавшись, но все это окупилось по-настоящему золотым характером песика. С самого щенячьего возраста Шарика отличало философское отношение к жизни: в будние дни он терпеливо ждал меня с работы, а в выходные был счастлив сопровождать куда угодно. Он был желанным гостем в любой компании, а его спокойный и веселый нрав опровергал частое заблуждение, что маленькие собаки злобны и вздорны по натуре. Очарованные Шариком, некоторые из моих знакомых кинулись заводить себе питомцев той же породы, но, как-то так вышло, что им достались образцы, не желавшие ломать сложившиеся стереотипы, и вместо необременительного и обаятельного компаньона они получили декоративные исчадия ада. Впрочем, горячо любимые, несмотря ни на что.

Наконец-то дома! Я бросила ключи на столик в прихожей, попутно смахнув с него несколько безделушек, которые с дробным стуком раскатились по полу. Со стоном наклонилась и принялась их подбирать. Шарик решил, что наклонилась я конечно же для того, чтобы ему удобнее было лизнуть меня в лицо, и с восторгом воспользовался предоставившейся возможностью.

Безделушки были не простые, а с историей. Позеленевший от времени браслет, полустершиеся монеты, бусины и подвески. Все это мне привез двоюродный брат Степан. Они вместе с Николаем, вторым моим двоюродным братом, рас-

копали все это богатство на заброшенном бабушкином огороде в деревне, где я в детстве проводила каникулы. Мне все не привыкнуть было, что Колька и Степка, с которыми мы некогда составляли нашу неизменную деревенскую банду во время летних каникул у бабушки, теперь превратились в дюжих парней, при этом один стал широченным, а другой – высоченным, и сам уже являлся отцом пары ребятишек. Бабушка умерла много лет назад, не успела меня в первый класс проводить, и с тех пор я в деревне не была. Даже на кладбище, к стыду своему, уже лет пять не ездила. По словам братьев, теперь от нашего Заречья почти ничего не осталось – лишь несколько домов с доживающими свой век старушками. Правда, в последнее время даже в эту глушь добрались вездесущие дачники и отстраивали свои незамысловатые фазенды на купленных по дешевке, учитывая отдаленность от больших городов, участках.

Братья жили в поселке примерно в получасе езды от Заречья, работали трактористами и потихоньку осваивали заброшенный бабушкин огород, высаживая там картошку. По весне решили расчистить и вскопать заросший бурьяном кусок земли, примыкавший к склону небольшого холма, и наткнулись на этот «клад». Надо сказать, что тот холм мы, будучи детьми, называли просто горушкой, а у взрослых он издавна прозывался Мбгилы, и никто не мог объяснить почему. Да никто, собственно, и не спрашивал. В деревне почти каждое место и человек носили какое-либо прозвище, и никому и

в голову не приходило интересоваться его происхождением. Но братья вспомнили про Могилы, и копать дальше не рискнули, а находки решили отправить мне, как самой «продвинутой» родственнице. Предполагалось, что я постараюсь выяснить ценность этих находок, как с финансовой, так и с археологической точки зрения, но по факту они валялись на столике в прихожей уже которую неделю. Все что я смогла – порыскать по интернету в поисках купли-продажи подобных предметов. И действительно, нашла немало как продавцов, так и покупателей диковинок такого рода. Но чтобы узнать конкретную ценность находок, надо было знать их возраст и этнографическую принадлежность, а чтобы определить это, требовалось мнение экспертов, которые своими знаниями в свободном доступе не разбрасывались. Так что я в очередной раз подумала, что пора бы ссыпать все эти древние мелочи в какой-нибудь дальний ящичек, но так и не реализовала эту мысль и вернула собранное с пола на прежнее место.

Между тем Шарик вполне понятно объяснил, что, хотя он безумно рад видеть свою заработавшуюся хозяйку, законы природы никто не отменял, и после дневного заточения маленькой собачке срочно требуется прогулка. Я выгуляла его возле дома, а на обратном пути столкнулась на лестничной площадке с Максом, соседом снизу.

– А я как раз к тебе шел, – обрадовался он, – Одолжи, пожалуйста, мясорубку! Наша забарахлила в самый ответственный момент.

– Отец пельмени готовит? – поинтересовалась я, отпирая дверь. – Тогда спасибо за прокат буду рада получить натурой.

– Само собой, – рассмеялся Макс.

Отец Макса был инженером и когда-то по долгу службы жил в Новосибирске, работая на какой-то стратегической стройке. Там он не только получил уникальный карьерный опыт, что позволило ему сделаться востребованным специалистом в сфере строительства засекреченных объектов, но и научился делать совершенно умопомрачительные пельмени. Ничего необычного в этом не было, кроме того, что отец Макса был, как это сказать политкорректно, афро-русским, то есть абсолютно натуральным чернокожим африканцем, в юности приехавшим в Россию учиться, и оставшимся здесь навсегда из-за большой любви, которая случилась у него с мамой Макса. А потом, сами понимаете, и Макс случился.

Я вынесла в прихожую коробку с мясорубкой (которая все равно простаивала без дела) и увидела, что Макс с интересом рассматривает «трофеи» на столике.

– Откуда это у тебя? Вроде как старинные.

– Да, наверное. Родственники огород копали, вот и наткнулись. Просили постараться выяснить их происхождение и возможную ценность, а у меня знакомых археологов не нашлось пока.

– Слушай, у меня же есть приятель, Костя, он на историческом факультете учится, все на раскопки поехать рвется, да

основная работа не позволяет. Могу его попросить посмотреть твой антиквариат.

– А какая у приятеля основная работа? – полюбопытствовала я из вежливости.

– Основная работа у него в отцовской компании, – ухмыльнулся Макс. – Костян типа крутой бизнесмен, а истфак – это так, вроде хобби.

– Ладно, забирай, пусть посмотрит, – решила я, особо не надеясь на интересующегося археологией бизнесмена. Зато моя совесть будет чиста, заодно со столиком в прихожей. – И, Макс, честно говоря, никто особо не расстроится, если эти безделушки случайно потеряются.

Макс с понимающим видом подмигнул мне, сгреб все со столика в карман, подхватил коробку с мясорубкой и отсалютовал.

Когда я несколько месяцев назад переезжала на свою нынешнюю квартиру и в первый раз столкнулась с Максом, загружая коробки с вещами в лифт, то самым невежливым образом шарахнулась от него. Уж очень неожиданно возник из-за угла высокий темнокожий парень в короткой куртке и джинсах, и, сверкнув улыбкой, без малейшего акцента спросил:

– Вам помочь?

Вместо ответа я тарашилась на него, прижимая к себе стопку книг. Но Макс, видно, давно уже свыкся с подобной реакцией окружающих, поэтому энергично, но аккуратно за-

грузил все коробки в лифт, затем втиснулся сам и осведомился:

– Какой этаж?

– Седьмой! – пискнула я.

Двери лифта закрылись.

– О, Маркес! – обрадовался мой неожиданный помощник, увидев верхнюю книгу в стопке, которую я прижимала к себе. – Я раз пять перечитывал «Сто лет одиночества», но так и не запомнил всех этих Аурелиано и Аркадио.

– А я запомнила, – невольно фыркнула я. – Иногда повторяю их себе перед сном, помогает заснуть.

Парень весело рассмеялся, а когда двери лифта открылись, он так же быстро и ловко выгрузил вещи и перетащил их в мою новую квартиру. Потом протянул мне руку и представился:

– Макс.

– Катя.

– Ну пока! Если чего надо будет помочь – не стесняйся, обращайся. Я в 81-й живу, – крикнул Макс, уже сбегая вниз по лестнице.

– Спасибо! – крикнула я вдогонку, спохватившись, что забыла его поблагодарить.

– Совершенно не за что! – эхом послышалось в ответ.

Макс очень хороший парень. Он один из тех редких мужчин, с которыми можно дружить. Он абсолютно бескорыстно готов помочь передвинуть шкаф или починить розетку.

С ним можно сходить в кино и попить кофе без всякого подтекста, или засидеться допоздна на кухне за разговором. Макс только что окончил военный инженерно-технический университет и находился на распутье – пойти по стопам отца и отправиться строить секретные объекты (типа военно-морских баз) или искать работу в гражданской сфере. Отец прямо не настаивал, но убедительно советовал выбрать стезю военного инженера и в этом случае обещал подключить все имеющиеся связи для перспективного трудоустройства. Сын тянул с решением и попросил отсрочку до конца июня.

На следующее утро я завтракала, просматривая на ноутбуке варианты туров с вылетом в ближайшие дни, и настроение понемногу портилось. Отправляться на отдых одной получалось не только скучно, но еще и крайне невыгодно. Я решительно закрыла ноутбук и допила кофе, разглядывая унылый дворовый пейзаж за окном. Две абсолютно свободные недели и никаких идей, как их провести. «Ну что, рванем на дачу?» – задумчиво спросила я Шарика, который грелся на солнце, лежа на подоконнике. Шарик радостно завилял хвостом: со мной он был готов хоть на край света, а уж на дачу – тем более.

Я его энтузиазма отнюдь не разделяла. Особенно удручала мысль, что придется поведать маме об окончании моего романа и выслушать (в очередной раз) все, что она думает о моих перспективах выйти замуж и ее перспективах понять внуков. Оканчивались ее рассуждения всегда одинаково.

во – надо было выходить замуж за Виталика, который с завидным упорством ухаживал за мной еще со школы, делал предложение с регулярностью раз в полгода и решительно не желал понять, что у нас с ним ничего не получится. В его жизненном плане была женитьба, а меня он выбрал потому, что я была из приличной семьи (наши мамы были лучшими подругами), приятной наружности и с хорошим здоровьем. То, что у нас не было никаких общих интересов, разные взгляды на жизнь и что он мне просто-напросто не нравился, его никоим образом не смущало, и после каждого моего отказа он терпеливо и занудно перечислял по пунктам преимущества нашего брака. Отвязаться от него я смогла, лишь потеряв голову от любви где-то на втором курсе. После того, как Виталик застал меня в подъезде страстно целующейся с похитителем моего сердца и разума, до него наконец дошло то, что я безуспешно пыталась ему втолковать. Уже через полгода Виталик был женат на дочери другой подруги своей мамы, мой головокружительный роман окончился ничем, а моей маме оставалось только грустить и жалеть свою никчемную дочь.

После окончания университета, под повторяющиеся мамины сентенции о том, что пора бы подумать о создании семьи, молодость быстро проходит, и прочее тому подобное, я проводила дни в прочесывании сайтов кадровых агентств, в конце концов нашла вакансию, с которой мы друг друга вполне устроили, и решительно сосредоточилась на работе.

Та ответила мне полной взаимностью – карьера уверенно пошла в гору.

Вот так и получилось, что в то время, когда мамыны подруги гордо катили коляски с внуками и со вкусом переминали косточки зятьям, она стыдливо выгуливала Шарика, когда я была в командировках, и на вопросы обо мне отвечала односложно. Подруги сочувственно качали головой – еще бы, у их-то дочерей все было как у людей: муж (пусть даже пьющий и гуляющий) и ребенок, а то и несколько (полностью повешенные на бабушку). Моя успешная карьера, финансовая независимость и Шарик вызывали лишь всеобщее сожаление. Самое ужасное я маме, конечно, не говорила – мне совершенно не хотелось замуж.

Наверное, я родилась с талантом выбирать не тех мужчин. Если уж меня угораздило влюбиться – это можно было считать верным знаком – с парнем что-то не так. Причем настолько не так, что через пару недель моей основной задачей будет корректно избавиться от него. Как минимум – мы окажемся кардинально разными – в мировоззрении, моральных понятиях и системе ценностей, как максимум – боюсь даже вспоминать.

Так что после нескольких подобных попыток завести нормальные отношения я пришла к несложному выводу, что со мной что-то не так, взаимная любовь и семейное счастье мне не светят при любом раскладе и пора заканчивать эти эксперименты, пока мое сердце не превратилось в измочаленную

тряпочку. На вопросы о поисках «своей половинки» гордо отвечала, что половинки есть сами знаете у чего, а я изначально целая. И несколько свысока поучала подруг, что только наивные девочки могут верить в то, что у каждого где-то есть тот самый единственный «свой человек». Но временами что-то тоскливо скреблось в душе, словно бездомный котенок, и требовало любви и ласки, и самостоятельная сильная женщина исчезала, оставляя вместо себя отчаянно одинокое существо. Это существо безумно скучало по тому самому единственному с родственной душой и подходящей по рельефу половинкой сердца.

Вместо того чтобы уехать на дачу, я отправилась в парк, погулять с Шариком и подождать, не придет ли само собой решение о судьбе моего отпуска. Не знавший поводка песик бежал то впереди, то позади меня, словно на невидимой резинке, никогда слишком не удаляясь, а я бродила по дорожкам, щурилась на солнышко и ни о чем не думала. От этого увлекательного занятия меня оторвал телефонный звонок. Номер был незнакомым, как и бодрый голос в трубке.

– Катя, привет! Это Костя. Мне Макс передал твои исторические реликвии.

– Что? Ах, да, – я припомнила вчерашний разговор с соседом, – Так это действительно реликвии?

– Пока неясно, но перспектива есть, – туманно объяснил Костя и немедленно перешел к делу. – Скажи, пожалуйста, что представляет собой место, где были сделаны эти наход-

ки?

– Деревня Заречье, Лужский район.

– Заречье? Река, так полагаю, Луга? На каком расстоянии от деревни?

– Точно не знаю, – я растерялась от внезапного расспроса с пристрастием. – Не очень близко, но пешком дойти можно.

– Какой рельеф местности, на которой был сделан раскоп? – археолог-любитель закидывал меня вопросами с энтузиазмом прокурора, желающего поскорее вывести преступника на чистую воду.

– Это горушка невысокая, – поспешила объяснить я. – Когда-то это место называли Мбгилы.

– Кладбище, что ли? – не понял Костя.

– Нет, просто так называли. Но вообще-то...

– Что вообще-то? – прокурор был весьма дотошным.

– Братья не стали дальше копать, потому что наткнулись на кости. Человеческие, очень древние, судя по всему, – нехотя призналась я.

– Отлично! – хищно обрадовался собеседник. – Я перезвоню.

И действительно, он перезвонил уже в тот же вечер и предложил встретиться на следующий день, выпить кофе и пообщаться. По его словам, удалось выяснить «кое-что любопытное». Я с удовольствием отложила отъезд на дачу, а на встречу с бизнесменом-археологом позвала и Макса, который был заинтригован не меньше меня.

2. ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ

Как известно, лето в Питере короткое и внезапное. Зато зима властвует здесь подолгу, до апреля не отпускает простуженный город из своих колючих лап, и продолжает коварно нападать вплоть до самого июня. Поэтому солнечный и жаркий июньский денек был настоящим подарком измученным холодом и сыростью горожанам. Все моментально адаптировались к этому редкому явлению. Девушки деловито бежали в легких развевающихся платьицах и в босоножках на тонких ремешках, щеголяя свежим педикюром. Юноши в шортах и футболках как ни в чем не бывало разговаривали по телефонам, глядя на голоногих и голоруких девушек как на что-то само собой разумеющееся. Ну, подумаешь, лето – что здесь такого. У питерцев летняя одежда всегда наготове, как снаряжение у пожарника, и теплые дни никого не могут застать врасплох. Мы привыкли, что каждый погожий день надо ловить и использовать на все двести процентов. Сразу успеть все – позагорать, искупаться, выехать за город на шашлыки, посидеть в открытом кафе, поесть мороженого, влюбиться, развести мосты, разочароваться и влюбиться снова. Для нас лето – это вспышка жизни в условиях вечного выживания в городе на Неве, прекрасном всем, кроме своего климата. И, конечно, работодателям стоило бы идти навстречу сотрудникам и признавать хорошую погоду

законным основанием для того, чтобы объявить внеочередной выходной. Или, хотя бы, отпустить всех пораньше. А то будет, как в том анекдоте про человека, который все лето проработал. Весь день.

Несмотря на то, что Питер – город весьма многонациональный, на Макса с интересом (а на меня – как на его спутницу – с завистью) поглядывали все встречные девушки, а также некоторые парни. Он давно уже к этому привык, не обращал ни на кого внимания, а вот мне было не по себе.

Неугомонный археолог ждал нас в открытом кафе на канале Грибоедова. Он оказался симпатичным шатеном примерно моего возраста. Одет неброско, но стильно, и каждая вещь, от простой черной футболки до белых кед, скромно говорила о своей эксклюзивности. А еще он был весьма самоуверенным. Такие обычно всем нравятся, плохо только, что они сами об этом прекрасно знают.

– А Макс не говорил, какая ты красавица, – обронил он, без стеснения окидывая меня оценивающим взглядом с головы до ног.

– Спасибо, – сухо поблагодарила я. Не люблю банальностей и лести. Тем более, что знаю, никакая я не красавица. Просто симпатичная... бываю... когда выплусь и отдохну как следует. Но сегодня я как раз выпалась и отдохнула, так что комплимент освоила.

Мы расположились на плетеных креслах и заказали кофе.

– Так что ты нарыл? – иронично осведомился Макс.

– Это вы нарыли. А я – нашел информацию, – веско сказал Костя.

Похоже, шуток над собой Костя не любил. И, судя по тому, что сразу, без предисловий, высыпал на стол знакомые мне предметы и принялся делиться найденной информацией, не привык зря терять время.

– Итак, что мы имеем: несколько бусин разной величины, железное кольцо с полудрагоценным камнем, серебряные монеты, бронзовый браслет, сережка и металлическая бляшка. Бусины шарообразные, стеклянные и сердоликовые. Несколько зеленых – они особенно ценились. Вполне традиционные, бытовали у славянских племен на северо-западе. Эти украшения принадлежали женщине, причем небогатой. Браслет – не самой тонкой работы, просто витая бронзовая проволока. Сережка и кольцо тоже простые, не из дорогих. Предметы подобного типа были в обиходе с восьмого по одиннадцатый век.

– Широкий разброс, – не удержалась я.

– К сожалению, провести радиоуглеродный анализ, чтобы определить более точную датировку, у меня не было возможности. – Костя посмотрел на меня сурово, как профессор на болтающего во время лекции студента. – Зато монеты могут рассказать куда больше. Дело в том, что свои деньги в Древней Руси не чеканили до десятого века. В обращении были римские серебряные денарии и иранские драхмы, а до этого в ходу были шкурки пушных зверей. Присмотритесь-ка, что

изображено на этих монетах? – Костя подтолкнул по одной монетке к Макс и ко мне, дабы сделать процесс опознания находок более интерактивным.

Я пригляделась, но так и не смогла ничего разглядеть на своей, настолько истертым было выбитое невесть когда изображение.

Макс тем временем что-то углядел на той монетке, которая досталась ему.

– Вроде как крест, – неуверенно произнес он.

Я вгляделась в потемневший неровный кружок, который держал на ладони Макс, и, действительно, разглядела тонкий крест, и латинские буквы по кругу. Прочитать надпись не смогла, как ни силилась.

– И о чем же нам может сказать этот крест? – продолжал задавать наводящие вопросы Костя.

Я пожала плечами. Все равно не угадаем.

– Крещение Руси при князе Владимире? – попробовал Макс.

– А вот и нет! – Костя с явным удовольствием опроверг его робкую догадку. – Это византийский крест. На кафедре мою догадку подтвердили и датировали эти монеты девятым веком. Известно, что волна восточного серебра попала на территорию Древней Руси из Византии вместе с варягами, которых византийские правители охотно брали на службу. И это – первая отсылка.

– Куда? – попыталась уточнить я, но Костя лишь хитро

улыбнулся и продолжил:

– Я не просто так интересовался у тебя о месте, где твои сельские родичи так удачно вскопали грядку. Холм, у подножия которого, по твоим словам, были сделаны находки, может представлять собой не что иное, как могильный курган. Обряд захоронения в земляных курганах пришел к славянам тоже вместе с варягами. Каменные насыпи над погребальными камерами стали сооружать уже позднее, в одиннадцатом веке, при Владимире Святом и Ярославе Мудром. Простых людей в курганах не хоронили, значит, это захоронение очень знатного человека. Кстати, название Могилы, которое ты упомянула, вполне логично и происходит из тех времен, когда местное население прекрасно знало, чем на самом деле являлась сия горушка.

– А откуда же женские украшения и кости у подножия холма? – поинтересовалась я.

– Вождей обычно снаряжали для загробной жизни так, чтобы и по ту сторону они ни в чем не нуждались – оружие, богатое облачение – все это сопровождало благородного покойника в могилу. А также наложницы и прислуга. Не по своей воле, сами понимаете.

– Значит, эти украшения принадлежали девушке или женщине, убитой для того, чтобы на том свете ее господин не испытывал недостатка в слугах? – поморщился Макс.

– Но их же вроде бы тоже хоронили внутри кургана, – осторожно высказала я свои скромные познания о древних

погребальных обычаях, – Вождя, жен, слуг, лошадей.

– Могли быть варианты, – уклончиво ответил Костя. – Но позвольте мне продолжить и обратить ваше внимание на вот этот предмет. – Костя осторожно, двумя пальцами поднял железную бляшку и протянул ее нам на ладони. Какой рисунок выбит на этой подвеске?

– По-моему, это птица, – я провела пальцем по полустершемуся изображению. – Летящая, с развернутыми крыльями.

– Точнее, падающая, а не летящая, – Костя придал своему голосу артистическую таинственность. – Сокол, падающий вниз!

– Вспомнила! Точно такой же сокол изображен на гербе Старой Ладogi, – осенило меня.

– Совершенно верно. Герб Старой Ладogi, первой столицы Руси, основанной Рюриком. И герб всего рода Рюриковичей.

Мне показалось, что голос нашего историка задрожал на последних словах, и я с интересом взглянула на него.

– Ты что, намекаешь, что в тех Могилах может быть похоронен кто-то из них, из Рюриковичей? – поразился смелости Костиных предположений Макс.

Костя с бесстрастным видом допил кофе, но в глубине его глаз разгорался фанатичный жар. И тут я поняла, что он взволнован, как семиклассник на первом свидании, и тянет время, чтобы обуздать эмоции. Немного помолчав и, види-

мо, овладев собой, продолжил совершенно спокойным голосом:

– Согласно «Повести временных лет» в 862 году в новгородские земли по призыву союза славяно-финских племён пришел варяг Рюрик, чтобы положить конец внутренним раздорам и междоусобицам.

– Вместе со своими братьями Трувором и Синеусом, – Макс решил блеснуть своими познаниями в истории древней Руси.

– Да, популярная версия, – Костя состроил презрительную мину. – Действительно, согласно упомянутой мной летописи на призыв откликнулись три варяжских вождя – Рюрик, Трувор и Синеус – и стали княжить соответственно в Новгороде, Изборске и Белоозере. Но по датам Трувор никак не мог княжить в Изборске, да и умерли младшие братья как-то уж очень скоропостижно, словно исчезли. Есть другая версия, не столь избитая, по которой Рюрик пришел один, но со всем своим родом, то есть домом – «сине-хус» и верной дружиной – «тру-воринг», а братья со странными именами появились в результате неверного перевода. Мне эта версия кажется куда более правдоподобной, но это мое личное мнение. Летописи полны противоречивых сведений, которые можно трактовать по-разному.

– Да! – горячо закивал Макс. – Я тут недавно одну книжку прочел, так там тоже об этом говорится. Что будто бы все было совсем не так, как в школе учили. И что татаро-мон-

гольского ига не было, и Куликовской битвы... и Рюрика, по моему, тоже.

– Я бы не советовал тебе увлекаться литературой подобного рода, – назидательно, прямо-таки по-отечески посоветовал ему Костя. – Тем, кто знаком с делами давно минувших дней лишь из школьного курса, не стоит лезть в дебри альтернативных исторических теорий.

Макс пристыженно замолк.

– Если о происхождении Рюрика и призвании варягов существует бесчисленное количество версий, в той или иной степени претендующих на подлинность, то о его кончине существует предание, к которому склоняются многие историки. Согласно этому преданию, родоначальник княжеской династии был тяжело ранен в битве на северном берегу Луги. Была поздняя осень, земля уже смерзла, и, поэтому, когда он умер, тело просто засыпали камнями. Сторожить могилу вождя на поле брани остались двенадцать верных соратников. Весной тело Рюрика перенесли на южный берег реки Луги, где и похоронили честь по чести: в большом кургане, в золотом гробу, с конем и с позолоченным седлом. Вместе с ним положили этих двенадцать воинов головами по кругу. Есть и точное указание места захоронения: в пятой пучине по реке Луге, в шестидесяти верстах от Новгорода и в шестидесяти сажнях от реки Луги.

– Переведи, – попросил Макс.

Вместо ответа Костя открыл приложение с картой на экра-

не своего телефона (естественно, наиновейшей модели) и принялся тыкать в него пальцем, показывая и объясняя. Причем показывал он почему-то мне, а Макс, чтобы увидеть, пришлось встать и расположиться за нашими креслами.

– Смотрите: вот река Луга, а вот Великий Новгород. Казалось бы, что проще – отмерить указанное расстояние от Новгорода в сторону Луги и отсчитать нужное число саженей, но есть одна загвоздка – единицы измерения в течение сотен лет менялись не раз. В версте всегда было пятьсот саженей, но сама сажень варьировалась от ста пятидесяти сантиметров – это расстояние расставленных рук взрослого человека – до двух с лишним метров. Получается разброс от сорока пяти до семидесяти пяти километров. Заречье от Новгорода примерно в пятидесяти километрах, вполне подходит.

– Нет, не подходит, – заявила я, подумав, – Получается, что шестьдесят саженей от реки – это максимум метров сто пятьдесят, а насколько я помню, река от деревни гораздо дальше.

– Не торопись с выводами, – возразил Костя, – Со времени описываемых событий прошло больше тысячи лет. Скорее всего, тогда река была полноводнее, а по весне вообще могла разливаться на несколько километров.

– А что такое «пятая пучина»? – Макс буквально влез между нами.

– Пучинами как раз и называли небольшие холмы, или

сопки. У вас там еще холмы есть?

– Вроде да, – неуверенно ответила я.

Так вот на что замахнулся Костя – он решил, что в нашей горушке преспокойненько лежит Рюрик, могилу которого вот уже который год – нет, век! – безуспешно ищут все новые поколения археологов. И это на основании лишь нескольких выкопанных безделушек. Как-то это все очень... предположительно. Хотя, наверняка все археологические открытия начинались именно с предположений.

Костя тем временем подозвал официантку, расплатился и внезапно огорошил нас предложением провести разведку местности в ближайшее время. Его энергичность оказалась очень заразной, я и глазом не успела моргнуть, как они с Максом начали обсуждать детали предстоящего путешествия.

– А разве проводить раскопки без соответствующего разрешения не чревато неприятностями с властями? – попыталась я охладить их пыл.

– Да ерунда, – отмахнулся Костя. – Для этого надо, чтобы нас застукали на месте за хищением ценностей из кургана. Ну, например, если Макс золотой саркофаг будет вытаскивать.

– Почему это Макс? – немедленно обиделся тот.

– Да мы же не разграбление кургана планируем, а всего лишь исследовательскую экспедицию, чтобы оценить исторический потенциал местности. – успокоил приятеля Ко-

стя. – Копнем слегка в разных местах. Если станет ясно, что мои догадки хоть частично подтверждаются, я сразу сделаю заявку на разрешение.

– А заранее это разрешение нельзя заготовить? – упорствовала я.

– Можно, конечно, – замялся Костя. – Но тогда, вероятнее всего, я в этом предприятии участвовать не буду.

– Что, археологи не только раскопками занимаются, но и «копанием» друг под друга? – поддела его я.

– А как же – конкуренция есть везде, – невесело усмехнулся Костя. – Студенту, который совмещает учебу с работой, и при очевидном преобладании последней едва находит время на сдачу сессии, вряд ли дадут возможность поучаствовать в перспективных исследованиях, для этого есть люди с ученой степенью и колоссальным опытом проведения раскопок. Но совсем другое дело будет, если я приду с подготовленной материальной базой.

Он решительно поднялся со своего места, надвинул на лоб кожаную шляпу, взял верный кнут... Шучу, но мелодия из фильма про Индиану Джонса навязчиво вертелась у меня в голове.

– Можем отправиться в ближайший четверг, – объявил он. – Я возьму пару выходных.

– Поехали, – поддержал приятеля Макс. – До конца июня я совершенно свободен, ты же знаешь.

– Катя, там будет где остановиться? – осведомился биз-

несмен-археолог.

– Ага, отель Хилтон Заречье к вашим услугам, – прыснула я. – О чем ты говоришь, там почти все дома уже развалились. Во всей деревне три-четыре старушки свой век доживают.

– Значит, возьмем палатки, – решил Костя.

– Палатки я организую – с отцом договарюсь, – пообещал Макс.

– Ну что же, удачного вам похода! – вежливо пожелала я.

– Что значит «нам»? А ты разве с нами не поедешь? – удивился Костя.

– Катюха, поехали, ты же там все знаешь, сможешь нам показать, – принялся уговаривать меня Макс.

– Спасибо, но походная жизнь не для меня. Братьям позвоню, они вас встретят и все покажут.

– Ну, смотри сама, – Костя настаивать не стал. – До утра четверга у тебя есть время передумать. За доставку я отвечаю, снаряжение Макс обеспечит. Так что, если захочешь присоединиться – звони.

Распрощавшись с увлеченными предстоящей авантюрой приятелями, я решила прогуляться. Шла неспешно вдоль канала, любясь непривычно летним обликом города, который притворялся то ли Парижем, то ли Римом, будто стесняясь голого безоблачного неба и раздетых горожан.

Необычный тип этот Костя – мажор, влюбленный в археологию. В себе уверен настолько, что это начинает раздражать. Наверняка еще со школы на руководящей должности,

благодаря всемогущему папе, вот и привык всеми командовать. И с детства считает, что ему принадлежит весь мир. А если еще не весь, то папа купит. Зато, когда он говорил на исторические темы, его глаза начинали сиять истинным вдохновением. Надо бы, к слову, вечером в интернете, что ли, почитать «преданья старины глубокой», а то я о Рюрике на самом деле мало что помню.

Преданья старины оказались утомительно-скучными и кровавыми. Запутавшись в бесконечных Изяславах, Ярославках и прочих ...славах, которые упорно истребляли друг друга в борьбе за княжеский престол, я отложила ноутбук и быстро уснула, а во сне увидела... нет, не Рюрика, и даже не Костю. Мне приснилась моя родная деревня, то Заречье, каким оно было во времена моего детства. Бабушкин бревенчатый дом с голубыми наличниками и низкими окошками. Возле будки на цепи толстая дворняга Найда лениво виляет хвостом, растягивая пасть в улыбке вместо того, чтобы свирепо облаивать незваных гостей. И каждый день становится настоящим приключением, когда утром просыпаешься и с предвкушением думаешь, что сегодня вытворит наша озорная детская компания? Наловим лягушат и устроим для них домик в огороде? Будем прыгать в песок с крутых склонов карьера? Пророем стог сена мышинными ходами? Тайком сбежим купаться на реку? Или стащим мамину косметику, разрисуемся как индейцы и с улюлюканьем будем носиться по улице, потрясая камышовыми копьями?

Я проснулась в замечательном настроении. Внезапно идея поехать в Заречье и поиграть в археологов предстала передо мной в совершенно новом, привлекательном свете.

«А почему бы и нет?» подумала я и потянулась к телефону.

3. О ВРЕДЕ ЗАЙЦЕВ ДЛЯ ПУТЕШЕСТВИЙ И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

– Катя, ну ты скоро? – в очередной раз донесся из прихожей голос теряющего надежду и терпение Макса.

– Иду! – в очередной раз крикнула я.

Так, надо проверить, все ли я взяла. Вспомнить, о чем могла забыть (и что мне непременно понадобится, когда мы приедем на место). Еще раз проконтролировать, все ли выключила. Я бы еще долго металась так по квартире, но Макс решительно прошел в комнату, и забрал мою сумку. С сомнением покачал ее в руке, оценивая вес. Потом зашел на кухню, окинул все хозяйским взглядом и скомандовал:

– Бери Шарика и пойдем.

Сам запер дверь на оба замка, вручил мне ключи. Я положила их во внутренний карман сумки и облегченно выдохнула.

– Ненавижу сборы. Никак не могу отделаться от ощущения, будто что-то забыла.

– Не волнуйся, что-нибудь ты обязательно забыла, –

«успокоил» меня Макс. – Но поверь, ты сможешь без этого обойтись.

Костя ждал нас во дворе, небрежно прислонившись спиной к огромному сверкающему черному внедорожнику. Словно позировал для автомобильного журнала. Или для статьи в женском журнале под названием «Где найти мужчину своей мечты». Фирменная футболка-поло, стильно рваные джинсы и темные очки – самый подходящий вид для поездки в захолустье. Макс закинул мою сумку в багажник, где уже лежали палатки, спальные мешки, походный котелок, лопаты и какие-то загадочные приборы. Бабки у подъезда оживленно дискутировали на тему происходящего.

– Вечерние платья выбирала? – снисходительно улыбнулся Костя, увидев нас, и тут же скривился при виде Шарика. – А это что еще за аксессуар?

– Это собака, – коротко ответила я и отпустила чиха прогуляться перед предстоящей поездкой в ближайшие кусты.

– Шарик – воспитанный пёс, никому не мешает, – миролюбиво сказал Макс.

– Смотри, чтобы этот пёс мне салон не испачкал, – проворчал Костя, открывая мне заднюю дверь.

– Если ты так переживаешь за свои кожаные кресла, я могу поехать на своей машине, – не выдержала я. – Или не ехать вообще.

– Ладно, ладно, садись, – раздраженно проговорил он, – Только зверя своего держи на руках.

Я устроилась на необъятных задних сидениях, на которых, при желании, могла бы вытянуться в полный рост. Макс с удовольствием занял место рядом с водителем. Мощный мотор заурчал тихо, но внушительно, как довольный тигр, летний хит-парад хлынул из колонок через открытые окна на улицу, заставив обернуться прохожих. Машина отъехала от дома с плавностью и величием океанского лайнера. Дискуссия на скамейке достигла апогея, бабки проводили нас хищными взглядами, одна угрожающе махала вслед клюкой. Другая, наоборот, сочувственно крестила на прощание.

Мы вырулили из тенистого двора на дорогу, и солнце ослепило водопадом лучей. Я сразу вспомнила, что позабыла. Солнечные очки остались лежать в бардачке моей машины. Я с сожалением оглянулась, подумала, что возвращаться – плохая примета. Да и водителя не хотелось дополнительно раздражать. Ладно, придется обойтись без очков. Я молча перелезла с солнечной стороны на соседнее сидение. Буду держаться в тени.

Дорога до Луги заняла у нас часа два. Костя вел машину быстро, но аккуратно. Водители потрепанных легковушек с областными номерами спешили прижаться к обочине, едва завидев нашу внушительную черную махину.

– Как в президентском кортеже едем, – заметил Макс с довольным видом.

– Или как в машине скорой помощи, ей тоже все дорогу уступают, – съехидничала я.

Костя только усмехнулся, мельком глянув на меня в зеркало заднего вида. Убедившись в том, что Шарик спокойно посапывает у меня на коленях вместо того, чтобы тявкать и пачкать белую кожу сидений, он перестал опасаться за сохранность своего драгоценного автомобиля. Странно, что он так за него переживал, ведь, скорее всего, машину, как и все в жизни, ему подарил всемогущий папа, а люди склонны мало ценить то, что легко достается. Так или иначе, всю дорогу Костя пребывал в беззаботно-позитивном настроении, напевал и сыпал шуточками. Наверняка ему не терпелось приступить к раскопкам и проверить свои сенсационные предположения.

Я односложно поддерживала разговор, рассеянно улыбалась, а сама волновалась, как перед встречей с бывшим возлюбленным. Я боялась увидеть гнетущую картину разрухи в местах, которые память хранила в чудесной неприкосновенности. Последние годы новости из Заречья приходили нерадостные. Дома разрушались, земля зарастала бурьяном: наследники не спешили осваивать столь отдаленные от города уголья. Деревня умирала и скорее всего, скоро ей предстояло исчезнуть совсем.

Мы проезжали через множество деревенок с забавными названиями, которые вызывали у парней массу восторга и предположений об их происхождении. Новое Колено, а ниже указатель, отправляющий в Старое Колено через полтора километра налево. Пехенец, Смерди, Середка Новая и

Старая, совершенно очаровательные Петровские бабы (да-да, это название села), и, наконец, Суюська, на въезде в которую нам пришлось остановиться, потому что Костя уже практически рыдал от смеха и не мог вести машину.

К сожалению, веселыми были только наименования населенных пунктов. Сами же селения являли унылые картины запустения: завалившиеся заборы, покосившиеся дома с провалами крыш и заброшенные фермы с рядами пустых оконниц, сквозь которые просматривались поля, захваченные борщевиком. Вот чем встретит меня и Заречье.

Когда Луга осталась позади, навигатор уверенно пообещал, что через полчаса мы прибудем в место назначения. Дорога стала уже, машин не было ни попутных, ни встречных, а по обеим сторонам шоссе высился густой мрачный лес. Вдруг я заметила на обочине движение. Какой-то зверь приближался к нам странной подпрыгивающей рысцой. Был он коричневого цвета, размером со среднюю собаку и на приближающуюся машину не обращал ни малейшего внимания. Только когда мы поравнялись с животным, я поняла, что это заяц. Выглядел он жутковато: небольшое туловище на высоких мощных ногах, сердито прижатые длинные уши, злобные глаза навывкате. Милый пушистый хвостик на такой зверюге выглядел нелепо.

– Ой, смотрите, зайчик! – по-детски обрадовался Макс.

– Ничего себе зайчик! – присвистнул Костя. – Это не заяц, а зайчище. Такого в лесу встретишь – и неизвестно кто

убегать будет.

Заяц невозмутимо миновал нас и так же размеренно направился дальше по своим заячьим делам.

– Зайца в пути встретить – дороги не будет, – пробормотала я.

– Что? – хором переспросили парни.

– Встретить зайца в пути не очень хорошая примета, – замялась я.

– Мы уже почти приехали, так что на плохие приметы не остается времени, – рассмеялся Костя. – Вот сейчас с шоссе свернем и минут через десять будем на месте.

Мы свернули на грунтовую дорогу, которая проходила через довольно оживленную деревушку: нам несколько раз встретились велосипедисты, а две пожилые кумушки возле забора проводили нас ошеломленными взглядами. А потом вдруг дорога резко закончилась. Навигатор настойчивым и высокомерным тоном рекомендовал продолжить движение прямо, но перед нами был крутой склон, вниз по которому вилась едва различимая в высокой траве тропинка. Пришлось разворачиваться и ехать обратно.

– Катя, ты, случайно, дорогу до деревни не помнишь? – рассеянно обратился ко мне Костя, на ходу сверяясь с развернутой на коленях картой под истеричные требования навигатора вернуться на прежний маршрут.

– Что ты, я там в последний раз лет в девять была, что я могла запомнить, – откликнулась я. – К тому же, я машину

плохо переносила и обычно лежала пластом на заднем сидении до самого прибытия.

– Отец говорит, что в провинции люди добрые и отзывчивые, – с уверенностью заявил Макс. – Сейчас дорогу спросим.

Мы остановились возле облупленного забора со следами былой побелки, из-за которого несмело выглядывал заросший абориген. Явление нашего впечатляющего транспортного средства возле его дома вызвало приблизительно тот же эффект, как приземление космического корабля. Мужичок отчаянно пытался справиться с потрясением, но его нижняя челюсть неуклонно падала вниз, а лохматые сизые брови уползали вверх, прячась под полотняной кепкой.

Тем временем Макс опустил стекло и обратился к поселянину:

– День добрый! Подскажите пожалуйста...

Договорить он не успел. Мужик уставился на Макса так, будто тот был пришельцем с щупальцами и клешнями, коротко и резко то ли выдохнул, то ли ахнул и исчез в зарослях крапивы. Движение кустов выдало его стремительное продвижение в сторону дощатого сарайчика в глубине двора. Хлопнула дверь и все стихло. Макс пожал плечами и закрыл окно.

Мы проехали еще немного вперед и узрели довольно бодрую старушку, которая ковыляла по дороге с палкой и продуктовой авоськой.

– Макс, лучше не высовывайся, – со смехом обронил Костя, выходя из машины, изобразил на лице обаятельную улыбку и отправился на переговоры. Мы с Максом наблюдали, как он описывает бабке бедственность нашего положения, указывая на машину, на телефон и разводит руками. Бабка молчала и неприязненно смотрела на него, как на фашиста.

– По-моему, она его сейчас палкой огреет, – с предвкушением проговорил Макс.

Перспектива была заманчивой, но я решила не позволить Косте довести пожилую женщину до крайних мер, и отправилась на выручку с Шариком в авангарде. Песик неизменно пользовался особой популярностью у детей и пожилых людей, и я не прогадала. Бабка прищурилась, не веря своим глазам, и расплылась в улыбке, демонстрируя редкие зубы.

– Ой, какая собачоночка крохотная! А пушистая-то, и рыжая, ну прямо белочка! – восхищенно запричитала она.

Чих встал на задние лапки, как суслик, оглядывая незнакомые окрестности, чем вызвал еще один приступ умиления. Бабку можно было брать голыми руками, и я приступила к расспросам. Известие о том, что мы едем в Заречье, вызвало у престарелой селянки ностальгические слезы. Оказывается, в дни беззаботной юности она частенько бегала туда в сельский клуб, танцевать с местными горячими парнями. Тут рассказчица попыталась пуститься в воспоминания о своей бурной молодости, но Костя был начеку и направил ее по-

вестование в нужное русло. Ах, дорогу! Конечно, она помнит дорогу. Слушайте и запоминайте: сначала под горку, потом тропкой через лес, потом вокруг кладбища, у реки свернуть налево, аккуратно там за рощей Заречье и стоит. Клуб на площади, желтое здание с колоннами, танцы по пятницам и субботам в семь вечера. Далек ли? Хе-хе, бешеной собаке семь верст не крюк! Это значило: летом по хорошей погоде, когда ноги еще на знали артрита, а спина – ревматизма, за полчаса добегала. Весной и осенью местами становилось топко, а зимой страшно было, в лесу волки лютовали. Изумительно подробное описание, вот только для нас оно оказалось столь же бесполезным, как и информация, касающаяся танцев: для автомобиля этот маршрут был абсолютно непроходим.

Так как на предложение бросить железного коня здесь и отправиться на разведку пешком Костя ответил категорическим отказом, ничего не оставалось, кроме как поблагодарить бабуку за подробный рассказ, дать ей на прощание еще разок погладить Шарика, а затем сесть в машину, развернуться и снова выехать на шоссе.

Некоторое время мы молча ехали в обратном направлении. Навигатор молчал, очевидно признав свое сокрушительное поражение в поединке с дорогами российской глубинки.

– Катя, позвони своим братьям, пусть встречают нас у ближайшего населенного пункта, – обратился ко мне Костя.

– Боюсь тебя расстроить, но у меня нет сигнала мобильной сети, – осторожно призналась я, в очередной раз проверив телефон.

– Звони с моего, – Костя глянул на экран и чертыхнулся. – Черт, у меня тоже не ловит!

– Может, вернемся обратно в ту деревню? Там связь еще была, – предложил Макс.

– Ну вот еще, – фыркнул Костя. – Через пару километров выедем из слепого пятна в зоне покрытия, и все!

Километров через десять он тормознул на обочине, резко развернулся и поехал назад. Но проклятая деревушка как в воду канула. По обеим сторонам от дороги высился густой темный лес, и как мы не вглядывались, так и не заметили ни одного съезда, и в конце концов уперлись в развилку без единого указателя.

– Направо или налево? – задумчиво проговорил Костя, облокотившись на руль.

– Проголосуем? – подал голос Макс.

– Направо, – предложила я.

– Налево, – хором заявили парни. Так как они были в большинстве, а Костя, к тому же, за рулем, то мы повернули налево и покатали по дороге, выложенной разнокалиберными камнями.

– Прямо дорога из желтого кирпича, – пробормотала я, трясаясь на ухабах. – Теперь понимаю, почему Элли в Изумрудный город пешком добиралась.

Костя старательно лавировал, но машина то и дело влетала то одним, то другим колесом в ямы, заставляя автовладельца болезненно морщиться.

Развязка наступила довольно скоро: мы уперлись в тупик, живописно оформленный стихийной свалкой.

– Вот видите, чем заканчиваются походы налево, – назидательно произнесла я, пока Костя пытался развернуться и не задеть кучи мусора.

Парни дружно фыркнули, но спорить не стали.

Мы ехали и ехали, вернее, тряслись и тряслись, и Костино лицо превратилось в гримасу бесконечной досады, и уже потерялся счет времени и километражу. Наконец, дорога вильнула и нашему взору открылось широкое пространство. Широкое и необычное. Необычное, потому что оно было совершенно и угнетающе пустынно. Что это? Необъятная площадка, на которой ровный, как асфальт, грунт был непонятным образом утрамбован до состояния камня. Вдалеке виднелся бесконечный кирпичный забор с широкими воротами защитного цвета.

Костя задавался тем же вопросом:

– Куда это нас занесло? Может это поле для верховой езды?

– Уж точно не для верховой езды, поверь мне, – возразила я. – На манеже грунт мягкий и рыхлый, а здесь кони бы все подковы потеряли.

– Я скажу вам, что это, – сдавленным голосом проговорил

Макс. – И лучше бы нам обратиться отсюда поскорее. Это танковый полигон.

И тут послышались звуки, которые заставили нас радостно переглянуться: это телефоны оповестили нас о подключении к цивилизации.

– Так, я отсюда никуда не уеду без проводника! – решительно заявил Костя. – Будь это хоть танковый полигон, хоть ядерный. Катя, звони побыстрее своим родственникам, пусть едут за нами.

Я пожалала плечами, но спорить не стала и набрала номер Николая.

Коля долго не мог взять в толк, как мы оказались на полигоне, а потом, отсмеявшись, пообещал, что приедет за нами, как только сможет. И мы стали ждать.

По счастью, учений в этот день не проводилось, а военных так и не заинтересовала машина, простоявшая с непонятными целями на полигоне в течение нескольких часов. Я даже осмелилась выйти погулять с Шариком. Остальное время мы сидели в машине, слишком измотанные и разморенные от жары, чтобы даже разговаривать. Макс похрапывал, я валялась на задних сидениях, рассеянно поглаживая Шарика, а Костя откинулся в своем кресле, с наушниками в ушах.

Коля приехал только ближе к вечеру и весьма эффектным образом – на тракторе. Мы услышали грохот еще издалека и приняли его за танк, так что брат имел удовольствие лицезреть наши встревоженные физиономии, когда выруливал на

площадку полигона. Он от души обнял меня, познакомился с парнями, погладил большим пальцем Шарика, и, наконец, снова завел оглушительно взревевший мотор своего железного монстра, велел нам ехать за ним и не отставать.

– А то, кто знает, куда вас еще занесет, – прокричал он из кабины.

Лишь к ночи мы добрались до его дома, где нас накормили и спать уложили. Встречу с Заречьем пришлось отложить до утра, которое, как известно, куда мудренее вечера.

4. ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ, А ГДЕ ЖЕ ДОМ РОДНОЙ?

Коля вставал на работу очень рано. Вернее, не на работу, а на «халтуру». В отличие от основной работы где-то в железнодорожной конторе за чисто символическую плату, подработка на стороне приносила реальный заработок, а наличие собственного трактора давало несомненное преимущество. С начала сезона полевых работ и до поздней осени брат пахал, боронил, корчевал – брался за любое дело, чтобы заработать денег на содержание семьи и еще отложить на долгую зиму. Детей ведь нужно кормить круглый год, а их у Николая было уже трое. Которые, кстати, тоже встали пораньше и теперь тарасились на Макса. Макс вежливо улыбался, натянув простыню до подбородка, и стеснялся вставать с дивана при таком скоплении зрителей.

– А ну не озоруйте! – послышался строгий голос и в ком-

нату заглянул Николай. – Эй, городские, вставайте, я вас до Заречья провожу.

Детишки с сожалением покидали комнату. Ведь не каждый день в твоём доме на диване спит такой необычный гость.

– Спасибо, мы и сами доберемся, не стоит беспокоиться, – вежливо возразил вошедший в комнату Костя.

– Ну да, – коротко, но многозначительно бросил брат и попросил поторопиться.

Хитрый Костя уже успел умыться, пока Колины отпрыски разглядывали Макса. Теперь дети наперегонки кинулись в ванную, а нам с Максом пришлось дожидаться своей очереди.

Наскоро позавтракав, я сердечно распрощалась с женой брата и своими двоюродными племянниками, пообещав передать приветы родителям. На самом-то деле мама была не в курсе этой авантюры – ей я сообщила, что, пользуясь на редкость хорошей погодой, мы (то есть я и мой экс-спутник) решили отдохнуть в загородном пансионате, таким образом отсрочив неприятный разговор о моей (и ее) несчастной судьбе.

Коля сопровождал нас на тракторе до указателя с поблекшей надписью «Заречье» и долго смотрел нам вслед. После нашего вчерашнего блуждания по окрестностям он окончательно разуверился в способности «городских» к ориентированию на местности и ожидал от нас чего угодно: например,

что мы попробуем срезать дорогу через заброшенное поле или ни с того ни с сего решим форсировать реку. Но его беспокойство было напрасным, дальше я помнила путь до последнего камушка! Сначала дорога спустилась полого вниз, затем свернула налево, оставляя в стороне высокие ели и поросшие мхом валуны. Вильнула еще разок, огибая холм, который венчала пирамида из трех телеграфных столбов, и вот уже впереди я различила знакомые очертания домов. Я даже могла назвать, где чей дом: справа дяди Вани, слева тети Жени. Родственники и знакомые моей бабушки. Все давно уже на маленьком деревенском кладбище. А здесь, немного в стороне, стоял большой мрачный двухэтажный дом – сельская гостиница, всегда пустовавшая. Теперь от здания остался лишь обгорелый фундамент.

А вот и крыша бабушкиного дома мелькнула в зарослях сада. От забора уже ничего не осталось, лишь несколько покосившихся кольев еще торчали, отмечая границы участка. У меня перехватило дыхание.

– Останови здесь, – выпалила я, и, едва машина притормозила, выскочила и побежала по заросшей тропинке к такому знакомому дому. Серые бревна стен, низкие окна с голубыми наличниками. На мгновение мне показалось, что сквозь густую зелень я вижу белое платье бабушки, которая все так же стоит на высоком крыльце и улыбается, раскрыв для меня свои объятия.

Конечно, бабушки там не было. Это припозднившийся

куст каринки осыпался белым цветом от внезапного порыва ветра. Не было даже самого крыльца, и входная дверь с ржавым замком неловко и растерянно смотрела на меня со своей высоты, не имея возможности пригласить в дом. Я оглянулась по сторонам: заросший сорняками огород, засохшие яблони в саду, искривленные, словно калеки. Вот здесь, по моему, была беседка – жерди торчат, вот столб, на который вешали гамак, а второй бесследно исчез. Нет и многочисленных хозяйственных построек, которые лепились к дому: хлев, сеновал, курятник. В одну особенно снежную зиму ветхая крыша пристройки не выдержала и провалилась. По весне братья разобрали ее и расчистили место под распашку, но доделать задуманное так руки и не дошли – у каждого в своем собственном хозяйстве дел по горло.

Я стояла среди развалин моего детства и чувствовала, что к горлу подступает ком. Развернулась и побежала, как бегала много лет назад: за околицу, мимо копани, заросшей зеленым ковром ряски, и вверх по зеленому склону горушки. Добежала до песчаного обрыва, который когда-то казался мне высоким, и встала на краю. Закрыла глаза, и мне слышались перекликающиеся голоса, детский смех, лай собак и мычание коров. Открыла глаза и увидела поле, волнующееся морем трав и цветов, колодезный сруб в зарослях кустов, реку вдалеке, сине-зеленую полосу леса на горизонте – все это осталось неизменным. Реальность наложилась на образ из памяти, все линии идеально сошлись, и на душе стало так

тепло и светло, словно я на самом деле вернулась в детство, где дни были долгими, небо – ясным, а любовь близких хранила меня, подобно крепостным стенам, неприступным для бед и невзгод. Нахлынула такая волна ощущений, что я пошатнулась и села на траву.

– Катя, тебе плохо? – послышался сзади встревоженный голос Макса.

– Нет, мне хорошо, – я помотала головой, украдкой стряхивая навернувшиеся слезы. – Просто воспоминания накатили.

Подоспел Шарик, возмущенно гавкнул на меня – зачем бросила? Макс встал рядом со мной и с удовольствием потянулся.

– Красота-то какая!

– Хотелось бы напомнить, что мы сюда приехали не пейзажами любоваться, – Костя был в своем амплуа – ироничен и практичен. – И так целый день потеряли, так что давайте сразу за дело. Катя, показывай, где эти ваши Могилы?

– Собственно, мы на них сидим, – улыбнулась я. – Раскоп должен быть где-то с краю, где бабушкин участок примыкает к горушке. Пойдем, покажу.

Шарик, который нарезал вокруг нас круги в восторге от свободы и широты пространства, рванул галопом по склону, как рыжий вихрь, временами полностью скрываясь в густой траве. Ощущая душевный подъем и легкость в теле, я тоже побежала вприпрыжку вниз и чуть не навернулась в

яму, слегка закиданную подсохшей травой. Хорошо, что Костя оказался рядом и успел подхватить меня под руку.

– Спасибо, – смущенно поблагодарила я.

Костя оставил мою благодарность без внимания и с жадным блеском в глазах осторожно спустился в раскоп.

– И что, теперь будем кости выкапывать? – хмуро поинтересовался Макс.

Костя ничего не ответил, как будто и не слышал вопроса. Он поворошил ногой землю в яме, потом выбрался из нее, внимательно оглядел вершину холма и направился к машине. Вынул из багажника какие-то приборы и принялся устанавливать их на треноги.

Раз уж Костя ушел в работу и перестал реагировать на внешние раздражители, мы с Максом занялись делами насущными: то есть палатками и обедом. Для лагеря выбрали место в стороне от горушки, все-таки перспектива ночевки в непосредственной близости от захоронения как-то не вдохновляла. Оказалось, парни неплохо подготовились: купили несколько больших бутылей воды, кучу съестных припасов, жидкость для розжига и даже дрова. «Никакой романтики», подумала я, с улыбкой вспоминая школьные походы – еловый лапник под палатку, дрова и хворост, собственноручно собранные в лесу, водичка из близлежащего водоема – кого там только не всплывало при кипячении!

Две двухместные палатки Макс поставил в течение десяти минут, а раньше на это ушло бы неизвестно сколько време-

ни, в соответствии со сценарием, описанным Джеромом – с потерей колышков, поисками входа и выхода и выяснением в конце концов, что палатку поставили шиворот навыворот или вверх тормашками. Военные палатки защитного цвета оказались неожиданно уютными. Шарик с любопытством исследовал обе и вольготно растянулся посредине той, что была предназначена для меня – при своих скромных размерах он обладал талантом занимать все имеющееся пространство.

Хозяйственный Макс разжег костер, поставил котелок с водой на огонь и уже собрался готовить классический обед туриста – макароны с тушенкой – когда Костя закончил свои вычисления и измерения и подошел к нам. Окинул небрежным взором лагерь, одобрительно кивнул и предъявил свои выкладки.

– Копать будем вот здесь, – он ткнул пальцем в лист, изрисованный какими-то схемами и исписанный цифрами.

– Что сие значит? – поинтересовалась я.

– Это план кургана, что непонятного? – возмутился Костя и тут же поправился, – То есть если это действительно курган. С одной стороны холм подрит, геометрия немного нарушена.

– Здесь раньше песчаный карьер был, – вставила я.

– Очень плохо, – попенял мне Костя, как будто я лично была в этом виновата. – Это существенно затруднило расчеты. Короче, Макс, бросай заниматься ерундой, бери лопаты и пойдём.

– Обед – это не ерунда, – возразила я.

– Тогда ты его и приготовишь! – заявил Костя и решительно увлек Макса за собой.

Что ж, если Костя привык руководить, то это не значит, что я привыкла подчиняться. Тем более, что мы не договаривались о том, что я буду готовить еду в полевых условиях для всей честной компании. Так что я решила вместо этого отправиться на экскурсию по памятным местам.

Проходя мимо склона, я увидела, как парни вбивают колышки и натягивают на них веревки, вымеряя и очерчивая квадрат для будущего раскопа. Увлеченный замерами Костя и не заметил, что я проигнорировала его указания, а Макс проводил меня взглядом, полным грусти по несостоявшемуся обеду. Ладно уж, приготовлю. После прогулки. Тем более, что сварить макароны с тушенкой можно меньше чем за полчаса, это вам не Рюрика найти.

В Заречье очень сложно заблудиться: посредине деревни проходит единственная дорога, а все дома с прилегающими участками расположены по сторонам от нее. Морально я была готова к картине полного запустения, но на деле все выглядело не так плохо. Да, некоторые дома разваливались, другие – снесены подчистую. Но кое-где шло строительство, отдельные подновленные домики сверкали стеклопакетами, а то и щеголяли новой крышей и свежей обшивкой. Странное было ощущение, словно зашла в свою прежнюю квартиру, в которой теперь живут совсем другие люди. Не знаешь,

что шокирует больше, незнакомая новая обстановка в родных когда-то стенах, или выбранная еще тобой плитка в ванной, и забытая, да так и прижившаяся при новых хозяевах люстра. Вот так и я чувствовала себя чужой, немногочисленные встречные смотрели настороженно, а я мимоходом отмечала, что тополя выросли до небес, что продуктовый магазинчик забит досками, а здание клуба (того самого, с танцами по пятницам и субботам) зияет пустыми оконными проемами и щербится вываливающимися кирпичами. Дошла до самого конца дороги, с грустью поглядела на длинный полуразвалившийся остов фермы, и повернула обратно. Заречье вроде бы и не умерло совсем, но души в нем уже не было.

Из глубокой задумчивости меня вывел женский голос:

– Катька! Неужто и в самом деле ты? Какими судьбами?

Я даже не сразу поняла, к кому обращались, настолько неожиданно было, что меня кто-то узнал и окликнул. Навстречу шла девушка. Высокая, стройная, в красном сарафане, с белокурой косой, теряющейся за спиной.

– Что, не узнала? – насмешливо произнесла она. Эти нотки в голосе показались мне очень знакомыми, и в памяти сразу всплыло имя.

– Варя? – несмело произнесла я.

– Что, сильно изменилась? – в голосе девицы послышалось превосходство, когда она оглядела меня с головы до ног, отметив все детали моего помятого облика, от запыленных кед до растрепанной прически.

– И да, и нет, – призналась я. – Ты прекрасно выглядишь.

– Спасибо, – самодовольно улыбнулась она. – А вот ты совсем не изменилась.

И, не успела я поблагодарить за комплимент, как Варвара его присолила:

– Как была пацанкой, так и осталась.

В этом была вся Варвара. Ничуть не изменилась с детства. Начнет говорить что-то приятное, с милой улыбочкой, и только расслабишься – получи укол. И вот ты уже стоишь, разеваешь рот, как рыба, и ничего не можешь сказать, а Варька наслаждается произведенным эффектом. Так что неудивительно, что в нашей компании ее никто не любил. Она вообще была специалистом по гадостям исподтишка. Умела поссорить самых закадычных друзей, шепнув одному и другому коварное словцо, могла одним своим появлением расстроить самую веселую игру и сделать так, чтобы безобидная забава превратилась в злую проказу. Она же заботилась о том, чтобы обо всем своевременно узнавали родители. Взрослые считали Вареньку настоящим ангелом, да и как иначе, когда белокурое голубоглазое создание чуть ли не со слезами на глазах сообщает, что ваш ребенок без разрешения отправился купаться на реку, или в данный момент жжет шины за околицей, или тырит клубнику с чужого огорода. Исключительно из любви к правде и беспокойства за своих милых друзей.

Моя мама, например, до сих пор считает, что Варя была

моей лучшей подругой детства, и передает о ней все новости, которые удастся узнать. Так что я была более-менее в курсе жизни моей «подруги». После школы она уехала поступать в город в ВУЗ, и даже поступила, но судя по маминым восторженным известиям о том, что Варя встречается то с сыном олигарха, то с каким-то очередным директором, на учебу у нее времени оставалось немного. Неудивительно, что второй курс стал последним. Потом были разные случайные работы, даже пробы в модельном бизнесе и в кино, но как-то не сложилось.

Варька всегда считала себя достойной всего самого лучшего и общалась со сверстниками свысока. Но самое лучшее должно было на нее упасть само собой, как манна небесная, а не достигаться трудами в поте лица. С возрастом манна небесная обрела определенность в виде богатого мужа, даже не просто богатого, а очень богатого. Но конкуренции с городскими светскими львицами сельская красавица не выдержала и в результате осела в райцентре на непыльной канцелярской должности, куда ее устроил давно и безнадежно в нее влюбленный сотрудник местной администрации. Мама сокрушалась: «Такая красавица в девках засиделась, и куда только мужики смотрят». Мужики-то смотрели куда надо, но вот Варька была нацелена исключительно на птиц самого высокого полета и планку снижать не собиралась.

– Так что ты тут делаешь? – нетерпеливо переспросила Варвара.

– Да так, приехала друзьям места показать, – неопределенно объяснила я.

– Значит, это их машина у дороги? – оживилась Варька. – А я-то думаю, кто это на такой крутой тачке в нашу дыру заехал, заблудились, что ли. Познакомишь?

Я не смогла навскидку придумать повод для отказа, а эта «подруга» от меня так просто не отстанет. Пришлось пускаться в более пространные объяснения:

– Они археологи. Приехали на раскопки. Николай со Степаном кое-что любопытное нашли в горушке возле бабушкиного огорода, вот они и заинтересовались.

– Да, слышала я что-то про это, – лениво протянула Варька. – Степка тогда всем растрезвонил, что они клад нашли, а потом примолк.

– Ну, не клад, конечно, – нервно рассмеялась я. – Так, мелочи, возможно интересные с точки зрения археологии.

Мы уже подошли к бабушкиному дому, и Варвара цепким взглядом окинула жарившуюся на солнце «крутую тачку».

– Я гляжу, твои археологи неплохо зарабатывают.

– Костя ухитряется совмещать бизнес и археологию, – брякнула я.

– Твой парень? – быстро уточнила девица.

– Нет, просто друг, – промямлила я.

– Как интересно, – промурлыкала Варвара с хищным огоньком в глазах.

Получив от меня столь многообещающие вводные, Варька

с удвоенным энтузиазмом устремилась знакомиться с моими перспективными друзьями, на ходу расплетая косу и поправляя и без того эффектный бюст.

За время моей прогулки парни вырыли приличную яму, на дне которой увлеченно ковырялся Костя, а Макс стоял на краю и пользовался минутой передышки, позевывая и почесывая свежие комариные укусы. Появление Варвары застигло его врасплох, и он уставился на девушку с разинутым ртом.

– Привет, я Варя, – нараспев произнесла она, разглядывая Макса с неподдельным интересом. И так как Макс оторопело молчал, она с обворожительной улыбкой продолжила. – А вы и есть Константин?

– Я Макс, – наконец смог выговорить парень и робко улыбнулся в ответ. Но Варькин интерес сразу переместился в яму, где Костя как раз выяснил, что обнаруженная им ржавая железка на самом деле и была всего лишь ржавой железкой, а не клинком или частью доспеха, и довольно эмоционально высказался по этому поводу.

– Фи, как грубо, – с нажимом произнесла Варвара и склонилась над ямой. Максу при этом открылся такой роскошный вид на ее декольте, что бедняга не знал, куда глаза девать.

– Здравствуйте, Константин, – пропела Варя, заслоня солнце сетью золотистых волос. – Мне Катя столько про вас рассказывала.

– Интересно, что же она успела про меня рассказать? – скептически осведомился Костя, глядя на нее снизу вверх.

– Только хорошее, – заверила его девушка, и, увидев, что Костя собирается вылезать, протянула руку. – Вам помочь?

Костя усмехнулся, но цепко схватил Варвару за запястье, будто собираясь воспользоваться предложенной помощью, и вместо этого вдруг потянул ее к себе. Варька такого оборота не ожидала, ноги у нее поехали, и она вот-вот свалилась бы в яму, но Макс вовремя пришел на помощь, удержал девушку на краю и перехватил Костину руку, вытянув того на поверхность.

– Мальчики, а вы шутники, – сообщила гостя, поправляя растрепавшиеся волосы. – Надолго к нам?

– Как пойдет, – в тон ей ответил Костя и скомандовал Максусу. – Переходим на другой квадрат, здесь больше делать нечего.

Он шутливо отсалютовал Варваре лопатой, толкнул в бок глупо улыбающегося Макса и направился дальше по склону, там, где колышками и веревочками был отмечен следующий «квадрат». Макс спохватился, неуклюже кивнул и поспешил следом.

А мы остались стоять в неловком молчании. Варька не очень убедительно поинтересовалась как у меня вообще идут дела, я ограничилась неопределенным «нормально». Она и так была не хуже меня осведомлена о делах всех односельчан, а также их близких и дальних родственников по

вездесущему сарафанному радио.

– Замуж, как я слышала, еще не вышла? – приторно сладким голосом спросила «подруга».

– Ты, как я слышала, тоже, – парировала я. – И вообще, что ты здесь делаешь? Ты же вроде как в райцентре теперь живешь?

– Родных приехала проведать, – холодно обронила она. Так холодно, что я сразу заподозрила, что Варька, как и я, проводит в Заречье отпуск за неимением лучших вариантов.

Пока она обдумывала следующий выпад, я как нельзя кстати спохватилась:

– Ой, мне же обед надо готовить!

– Ладно, пока! Еще увидимся, – пообещала мне она, бросила еще один взгляд в сторону копавших новую яму ребят и удалилась с достоинством королевы. Явно обдумывать план наступления.

– Не сомневаюсь, – пробормотала я и принялась за стряпню.

Готовить еду на костре оказалось не так-то просто. Сначала я долгое время возилась, заново разжигая его, потом выяснилось, что вода на открытом огне почему-то никак не хочет закипать. Все равно бросила макароны в котелок и в течение получаса они то ли сварились, то ли просто размокли. Тем не менее, замешанные с тушенкой, разлили вокруг такое интенсивное благоухание, что парни немедленно побросали лопаты и материализовались возле котла с мисками

в руках. Я щедро отвалила каждому по порции варева, не забыв и себя, и мы устроились прямо на траве у палаток. Парни ели и похваливали, я скромно принимала комплименты. Незамысловатость приготовленного кушанья с лихвой окупилась трудностями с его приготовлением, так что я не сочла их незаслуженными. Тут же по соседству Шарик с аппетитом уписывал собачьи консервы – дома он от них презрительно нос воротил, а на свежем воздухе да после интенсивных пробежек лопал за милую душу.

Солнышко светило, жизнь была прекрасна, и казалось, совершенно неоткуда было ждать неприятностей, однако дождались же!

– Приятного аппетита, молодые люди, – послышался скрипучий старческий голос.

– Спасибо, – пробурчала я с набитым ртом и обернулась. Солнце светило прямо в глаза, и сквозь выступившие слезы мне показалось, что я вижу ангела в белых одеждах и с сияющим нимбом над головой. Когда присмотрелась, оказалось, что это всего лишь дедок в линялых штанах и рубашке и с настолько блестящей лысиной, что отражавшиеся от нее лучи создавали вокруг головы ее обладателя золотистое сияние.

– Кто вы такие и что здесь делаете? – строго спросил престарелый «ангел».

– Я Катя, внучка Елизаветы Ивановны, – доброжелательно ответила я. – А это мои друзья, Макс и Костя. Приехали мою родную деревню посмотреть.

– Родную деревню посмотреть, говоришь? А ям зачем накопали? – старик сердито нахмурил лохматые седые брови, которые своей кустистостью стремились компенсировать отсутствие растительности на голове, а потом вдруг как гаркнул во все горло. – Мбгилы приехали раскапывать, вот зачем!

Мы втроем разом перестали жевать и удивленно уставились на деда, а Шарик поперхнулся и принялся шумно кашлять. Взгляды всех присутствующих переместились на песика, а когда он наконец прокашлялся и как ни в чем не бывало завилал хвостом, в разговор вступил Костя.

– Простите, как вас величать? – спросил он с вежливой улыбкой.

– Звать меня дядя Миша Глобус, – представился дедок.

– Разрешите представиться – Константин. Дядя Миша... Михаил... Господин Глобус... – Костя никак не мог определиться, как же поименовать собеседника. – Мы прибыли сюда по поручению института археологии с исследовательской экспедицией с целью выяснения исторического потенциала данного региона.

Но внушительная Костина формулировка не произвела на дядю Мишу ожидаемого впечатления, он только еще больше разозлился.

– Ходят тут, копают, клады ищут, – гаркнул он так громко, что мы невольно отодвинулись назад. – А того, что от этих кладов окромя бед ничего не бывает, знать не хотят!

– Никаких бед ни себе, ни вам мы не желаем, – нахмурился Костя, ему весь этот балаган стал уже надоедать. – Это обычная археологическая экспедиция и мы здесь на законных основаниях.

– На законных, говоришь, – хитро прищурился «господин Глобус». – А разрешение у вас на это имеется? Документик, так сказать?

– А как же, – ответил Костя, честно глядя в глаза дяде Мише. – И мы готовы немедленно предъявить его по первому требованию. Соответствующим органам.

– Вот сообщу куда следует, будут вам соответствующие органы, – пробормотал старик себе под нос. Еще немного потоптался, неодобрительно оглядел нас по очереди, остановил взгляд на Максе, смачно плюнул себе под ноги и ушел в сторону леса.

– Это что еще за леший? – спросил Макс, когда Глобус скрылся за пригорком.

– Это не леший, а местный старожил, – рассмеялась я. – Один из немногих оставшихся, между прочим.

– Странная фамилия – Глобус, – удивился Макс.

– Да это не фамилия, а прозвище, – объяснила я. – Дядя Миша облысел, когда ему еще тридцати не было, так что он и сам себя иначе как Глобусом не называет, а его настоящую фамилию мало кто помнит. А еще бабушка его называла «каждой бочке затычка». Между прочим, ему всегда до всего было дело и с него вполне станется «доложить куда сле-

дует».

– Ерунда, – отмахнулся Костя. – Я же говорил: если надо будет, за разрешением дело не встанет. А пока участок официально не объявлен историческим памятником, ямы копать нам нигде не возбраняется.

Больше этот день ничем не ознаменовался. Ребята раскопали еще несколько квадратов, но безрезультатно. Уставший от непривычной работы Костя объявил конец работе в семь часов.

– Ничего, сегодня мы просто примерялись, – оправдывался он. – Вот увидите, завтра будет день самых невероятных открытий.

Более привычный к физическому труду Макс устал не так сильно, как Костя, однако протестовать против сокращенного рабочего дня не стал и помог мне с ужином.

После ужина мы еще немного посидели у костра, глядя как сражаются языки пламени, заставляя дрова оживать, светиться изнутри и раскаляться добела. Макс заразительно зевнул и заявил, что он отправляется на боковую.

– Правильно, надо пораньше лечь, чтобы завтра встать на рассвете и поработать как следует, – поддержал его Костя, а потом подмигнул мне:

– Катя, если будет страшно, присоединяйся к нам, мы подвинемся! Или можем Макса отдельно положить, он у нас смелый.

– У меня уже есть охранник, – невозмутимо ответила я и

погладила Шарика. – С ним мне никто не страшен, даже сам Рюрик со своей ратью.

– Ну как хочешь, я же о твоей безопасности забочусь, – хитро улыбнулся он.

Я промолчала, но подумала, что чем дальше от меня расположится на ночлег Костя, тем безопаснее я буду себя чувствовать.

Парни залезли в свою палатку, а я все сидела и сидела. Такая благодать вокруг – как вообще здесь можно чего-то бояться? Белые ночи были в самом разгаре, воздух как будто светился сам по себе, сгущаясь по низинам в туман. Небо на западе разливалось сказочным закатом. Запахи стали отчетливей. Я могла различить аромат цветов на лугу, дух сырой земли из раскопов, нотки подсушенной солнцем травы, запах тины из зарослей копани. Шарик сидел рядом и тоже принюхивался. То, что для меня было песенкой из нескольких нот, для его чуткого носа было целой симфонией.

В палатке я завернулась в спальный мешок, немного поворочилась, ощущая все неровности земли под палаткой и какие-то невидимые ветки и камушки, которые так и норовили впиться под ребра. Шарик свернулся рядом маленькой грелкой. Снаружи пели комары, тщетно отыскивая лазейку внутрь. Я закрыла глаза и моментально уснула. С улыбкой на лице.

5. ГОСТЬ НЕ КОСТЬ, НЕ ВЫКИНЕШЬ

Рассвет мы безнадежно проспали. Я проснулась, когда солнце было уже высоко и успело изрядно нагреть палатку, так что в спальном мешке стало жарко как в духовке. Я выползла из мешка, как гусеница, расстегнула молнию входа и с наслаждением вдохнула свежий воздух. Шарик прошмыгнул наружу и уже нацелился задрать ногу на соседнюю палатку, но я шикнула на него. Как раз вовремя, потому что в следующую секунду оттуда высунулся взлохмаченный и заспанный Костя, кивнул мне и полез обратно, будить Макса.

– Вставай, солнце в зените, а у нас еще конь не валялся! – послышалось из палатки, а затем последовало мычание Макса и его недовольное бормотание насчет рабовладельцев.

Позавтракав на скорую руку бутербродами, парни взяли лопаты и отправились на дальнейшее освоение холма, а я осталась загорать и наслаждаться ничегонеделанием.

Долго мне наслаждаться не пришлось – явилась Варвара, как пчела на мед. Вернее, даже как оса, настолько она была целенаправленна. Правда, мне она лишь кивнула издали и сразу направилась к парням. Очередной яркий сарафан был еще соблазнительнее, чем вчерашний, волосы уложены в стиле «продуманная небрежность», а улыбка – все так же ослепительна. Но Костя целеустремленно командовал, Макс пыhtел и копал, и гостье не было уделено должное внимание. Пришлось ей сделать вид, что пришла проведать подругу, то бишь меня.

Она принялась подробно расспрашивать о моем житье-бытье, о работе, о родителях. Я неохотно отвечала, прекрасно понимая, что весь этот разговор ей нужен лишь как предлог находиться на виду у ребят, закидывать голову в звонком смехе и издавать громкие восклицания, то и дело поглядывая в сторону археологов. Археологи не реагировали, и Варвара понемногу начала выходить из себя.

– Везет же тебе, Катька, – неожиданно вырвалось у нее. – Своя квартира в городе, машина и модная собачка в придачу. И друзья такие интересные.

– Как сказать, – хмыкнула я. – Мама считает, что я слишком много работаю и по определению не могу быть счастливой, потому что все еще не замужем.

– Все равно, у тебя все возможности есть, а я в этой проклятой дыре пропадаю, – Варвара досадливо вздохнула. – Ну ничего, вот увидишь, я скоро перееду в город, и буду жить лучше всех!

Я не знала, что ответить. Осуждать за стремление вырваться из глубинки я ее не могла. Каково это, молодой красивой девушке с большими амбициями жить в глубокой провинции, когда деревни вымирают, парни спиваются, а все, кто хотят чего-то в жизни достичь, всеми правдами и неправдами стремятся уехать отсюда.

– Хочешь, я у знакомых поспрашиваю, может, тебя куда-нибудь секретарем возьмут? – неуверенно предложила я.

– Вот еще, кофе подавать и на звонки отвечать. Нет уж,

спасибо! – Варька гордо задрала нос.

– Так все с этого начинают, – растерялась я.

Она лишь презрительно фыркнула в ответ. Построить карьеру упорным трудом и достичь вожеленных материальных благ в виде квартиры и машины своими силами явно не входило в Варькины планы, нечего было и пытаться ее переубеждать. Да и моя однушка в спальном районе и пятилетний хэтчбэк как венец этих трудов у нее вызвали бы лишь скептическую улыбку.

На этом разговор закончился: Варвара заметила, что парни сделали перерыв, и устремилась к ним, даже не попрощавшись со мной.

«Да уж, эта своего не упустит. И чужого тоже», – подумала я.

Момент Варька выбрала подходящий: копатели были так измучены своим нелегким и безрезультатным трудом под палящим солнцем, что вполне благожелательно отнеслись к появлению приятного предложения отвлечься. Макс восхищенно улыбался, но Варька все свое внимание направила на Костю. Они довольно долго о чем-то беседовали, потом девушка направилась в деревню, а ребята ко мне.

– Общительная у тебя подруга, – сказал Костя, с трудом разжимая натертые лопатой ладони. – Мы ее пригласили вечером у костра посидеть.

– Чем больше народу, тем веселее, – пояснил Макс, стягивая с себя мокрую футболку.

Я состроила кислую мину, но промолчала. Вечер в компании с Варварой? По-моему, я сегодня лягу спать пораньше.

– Ну и жарница! Макс, айда искупнемся, – предложил Костя.

– До реки далековато будет, – заметил тот.

– А зачем нам река? Вон прудик под боком!

Парни переглянулись и наперегонки бросились в сторону копани. Я к ним не присоединилась – перспектива купаться в заросшем пруду с затхлой водой меня не прельщала, к тому же, насколько я помнила, в этом водоеме всегда была куча пиявок. Как в подтверждение послышался вопль Макса – кровососы с жадностью набросились на экзотический деликатес. Ребята вскоре вернулись, покрытые ряской и пахнущие тиной. Макс озабоченно рассматривал пострадавшее предплечье.

– Давай посмотрю! – предложила я. Оказалось, пиявка не успела присосаться, лишь попробовала жертву.

– Ну все, больше никаких купаний, – со смехом объявила я. – Ты ей наверняка пришелся по вкусу, и теперь она будет ждать тебя, чтобы доесть.

– Я туда и близко больше не подойду, – с отвращением проворчал Макс.

Он не успокоился, пока не сбегал в машину за аптечкой, и не обработал ранку йодом. Потом парни растянулись на траве, подставив тела солнцу: одно бледное, а другое от природы более чем смуглое. Мы с Шариком расположились чуть

в сторонке, в призрачной тени чахлого кустика. Постепенно всех охватило приятное сонно-ленивое состояние. В траве стрекотали все, кто мог стрекотать, а в воздухе жужжали и зудели все, кто мог жужжать и зудеть. Вдалеке куковала кукушка, остальные птицы самовыражались кто во что горазд. Запах солнца, травы и цветов в сопровождении оркестра птиц и насекомых и в сочетании с теплым летним ветром создавали беззаботное ощущение полного спокойствия.

Вдруг Шарик предупредительно гавкнул, честно исполняя обязанности сторожа. Со стороны дороги к нам шагал какой-то человек. Мне как-то сразу припомнились обещанные Глобусом неприятности. Неужели он и в самом деле не поленился и заявил "куда следует"? Костя с Максом озабоченно переглянулись и поднялись на ноги, а я решила пока остаться в тени, в прямом и переносном смысле и оттуда рассматривала приближающегося потенциального стража достоинства нации.

Честно говоря, страж внушительностью не отличался. Сутулый парень в очках, на голове встопорщенный ежик волос неопределенного цвета. Белая рубашка с коротким рукавом, серые брюки, несуразный дипломат в руках. Не верилось, что сейчас он официально представится, достанет какие-нибудь "корочки" и потребует документы и объяснения. Скорее, вид у незнакомца был как у ребенка, который неуверенно подходит к песочнице с играющей малышкой и не решается спросить: "А можно мне с вами?"

Так как Костя и Макс молча разглядывали пришельца и в песочницу его звать не спешили, я решила, что пора налаживать контакт, а там уж по ситуации, как пойдет.

– Добрый день! – я поднялась навстречу и улыбнулась как можно приветливее.

– Д-д-добрый, – подтвердил парень, смутившись от столь сердечного приема.

Поморгал глазами, осмелел и задал совершенно бестактный вопрос:

– А что это вы здесь делаете?

– Отдыхаем, – честно ответил Костя.

Пришелец вновь поморгал глазами – похоже, это у него было реакцией на любую новую информацию – и уже было открыл рот для очередного бестактного вопроса, но тут Шарик решил, что пришло время и ему поздороваться с гостем, и с восторгом кинулся к нему, пару раз тьякнув на ходу для приличия. Очкарик занервничал, как будто на него бежал боевой слон, а не маленькая моська, отступил на пару шагов и приготовился защищаться дипломатом. Дипломат, изначально не предназначенный для самообороны, раскрылся, и оказался складным мольбертом. На землю посыпались кисти, тюбики с красками, какие-то баночки. Не обращая на это внимания, парень продолжал угрожающе размахивать мольбертом, повторяя:

– Уберите собаку! Пожалуйста, уберите ее от меня!

Опасаясь не за истеричного художника, а за Шарика, я

подхватила песика на руки.

– Не бойтесь, я держу его! – и добавила с легкой обидой за друга. – Вообще-то он не кусается!

Несостоявшийся страж закона принялся неуклюже складывать мольберт.

– П-п-понимаете, я вообще не очень люблю собак. Меня в детстве соседская болонка укусила, – сконфуженно объяснил он.

Костя, Макс и Шарик дружно фыркнули. Я сдержалась.

Сложив художественные принадлежности и отряхнув колени, очкарик выпрямился и сообщил свое имя:

– Даниил.

Мы тоже представились по очереди и пригласили визитера присоединиться к нам, то есть присесть рядом на траву и рассказать, кто он и откуда взялся. Шарика я от греха подальше держала на руках. Оказалось, наш гость был внуком бабки Насти, еще одной здравствующей деревенской старожилки. Про нее еще, помнится, болтали, что она знахарка и ведунья, но я ее совершенно не помнила.

– Так получается, ты тоже Катин деревенский приятель? – уточнил Костя.

Я повнимательнее пригляделась к гостю, пытаюсь понять, был ли в нашей компании подобный экземпляр. Наверняка он и в детстве не отличался силой и ростом, скорее, был мальчиком из тех, кого били даже в художественной школе.

– Я не бывал здесь в детстве, – рассеял Даниил мои сомнения. – Отец с дедом рассорились еще до моего рождения и практически не общались с ним. Бабка пару раз в год к нам в гости приезжала, и все. После смерти деда она совсем одна осталась, а годы уже не те, вот я и стал приезжать сюда, ей помогать. А заодно этюды писать – места здесь красивые.

– Постой, твой дед ведь Яков Андреевич, кузнец? – припомнила я седобородого мрачного старика. – И давно он умер?

– Да, все верно, к-кузнец, – подтвердил пришелец, слегка заикаясь. – Он уже лет пять как умер. Я с ним так и не познакомился.

– Как же твой отец умудрился так с ним поссориться? – с искренним непониманием спросил Макс.

– Долгая история, – передернул тощими плечами художник.

– Нам сейчас не до долгих историй, – вмешался Костя. – Пойдем, Макс, работа ждет!

Макс неохотно поднялся, махнул гостю рукой и поплелся за Костей.

– А чем вы здесь занимаетесь? – снова спросил художник.

– Да так, ищем кое-что, – начала я, и тут мне пришла в голову идея. – Ты лучше приходи к нам на вечерние посиделки у костра, и мы расскажем, что здесь делаем, и ты поведаешь свою долгую историю, – предложила я.

– Хорошо, приду с удовольствием, – неожиданно обрадо-

вался парень.

Я тоже была довольна – разбавлю компанию, глядишь, и Варькино общество окажется не таким тягостным. Да и про «исторический потенциал» пускай Костя вещает, у него это хорошо получается.

Даниил ухватил свой чемоданчик, неловко попрощался, смущенно улыбнулся и потопал в сторону реки. «Отправился писать пейзажи», – весело подумала я, невольно отметив, что улыбка у него вполне симпатичная.

День оказался богат на события.

Когда солнце начало клониться к горизонту, ласточки стали летать ниже, а кузнечики принялись настраиваться к вечернему концерту, стена очередной ямы, которую копали ребята, вдруг поползла вниз. Широкий пласт земли обрушился прямо на копателей, обнажив кусок каменной кладки. Парни завопили так, что я в ужасе примчалась к ним, решив, что произошел несчастный случай. А они стояли в раскопе, по колени засыпанные землей, и руками расчищали открывшиеся камни.

– Гляди, здесь знаки выбиты! – воскликнул Макс, копнув лопатой поглубже, и обнаружив широкую балку, на которой из-под слоя грязи проступали какие-то изображения. Костя бросил лопату и кинулся в лагерь. Тем временем Макс принялся углублять яму вдоль балки.

– Костян, гляди, под ней бревна какие-то.

– Стоп! – скомандовал вернувшийся с телефоном Костя. –

Я должен все сфотографировать.

Он забегал вокруг раскопа, делая бессчетное количество кадров, потом прыгнул в яму и продолжил щелкать там. Особенно тщательно он запечатлел символы, выбитые на каменной балке.

– Костя, объясни, что это? – взмолилась я.

– Вы не поняли? – хрипло отозвался он, глядя в объектив. – Это и есть вход в курган. Мы у цели.

– А что это за символы?

Костя наконец отложил фотоаппарат в сторону и посмотрел на меня безумно горящими глазами. Сделал несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться, присел на корточки и взгляделся повнимательнее.

– Я вижу круг, квадрат, треугольник, и голову птицы, – заявил Макс.

– А я вижу..., – хрипло проговорил Костя, обводя пальцем очертания символов на камне. – Громовое колесо Перуна, квадрат Сварога, триквестр, и – да – голову птицы. Хищной птицы, судя по крючковатому клюву.

– И что же все это значит? – осторожно спросила я.

– Не знаю. – Костя принялся вылезать из ямы. – Но непременно выясню. Сегодня же.

– А вы Варьку на вечер позвали, – напомнила я, и добавила, – И я пригласила того... художника.

– Точно! Надо прикрыть раскоп. И запомните: про находку – никому не слова.

Парни тщательно накрыли яму брезентом и собрали инструменты, чтобы не привлекать внимания. Костя, даже не поужинав, полез в телефон, искать в интернете информацию о найденных изображениях, а мы с Максом принялись готовиться к приходу гостей, которые, хоть и званые, оказались весьма некстати.

Даниил и Варвара явились в сумерках. Варька, как Красная Шапочка, принесла корзинку пирожков, а Даня – какое-то диковинное варенье.

– Надеюсь, не из волчьих ягод? – спросила я, с подозрением принюхиваясь к темной массе в запыленной банке.

– По моему это ежевика, – неуверенно предположил художник.

Мы с Костей так и не решились попробовать, зато Макс умял почти полбанки.

Естественно, дружных посиделок у костра не получилось: Костя сидел в телефоне, параллельно поглощая пирожки, отвечал невпопад и уже через полчаса полез в палатку записывать сегодняшние достижения, к огромному разочарованию Варвары. Она еще немного поскучала в нашем обществе и засобиралась домой. Макс вызвался ее проводить и получил милостивое разрешение. Художник же уходить никуда не собирался, сидел у костра и мечтательно смотрел на закат.

– Как красиво, – сказала я, больше для того, чтобы разбить затянувшееся молчание.

– Да, – мечтательно подтвердил Даня. – Будто на блед-

но-голубой холст нерадивый подмастерье опрокинул банки с розовой, оранжевой и синей краской, попытался стереть, да так и оставил.

– Говоришь, как настоящий художник, – улыбнулась я.

Парень немедленно смутился и принялся усиленно протирать очки. Пришлось снова искать тему для беседы.

– Как тебе Заречье?

– Захолустненько, – пожал плечами он. – Интересно, как здесь было лет этак двадцать назад?

– Совсем по-другому, – оживилась я. – Ферма работала, стада паслись, поля колосились. В каждом дворе свое хозяйство было. Работы для всех хватало, а по выходным в клубе – кино и танцы. Хотя... Это я скорее мамини воспоминания рассказываю. Ее рассказы о деревенской жизни для меня всегда лучше всяких сказок были. О том, как праздники отмечали – на Рождество колядовали, на Пасху игры и гуляния устраивали, яйцами объедались до больных животных. Свадьбу гуляли – так всей деревней, несколько дней. А праздник Ивана Купалы даже я помню – всю ночь костры жгли, парни и девушки через них прыгали, хороводы водили, песни пели.

– П-по твоим рассказам здесь просто райская жизнь была, – недоверчиво пробормотал Даня.

– Нет, конечно, трудностей хватало. В школу за пять километров ходили, а по весеннему полноводью на плотках переправлялись. Зимой волки в окна заглядывали, скотину и

собак резали. И все равно, я заслушивалась и думала – какими они были, те люди? Искренними, наивными, простыми, сильными. Все друг друга знали, и все про всех знали. Зато и радость и горе делили на всех. Любили и ненавидели от души.

– Да уж, – насупился Даня. – Ненавидели, так от души. И проклинали тоже.

– Ты про деда? – осторожно спросила я.

Парень ссутулился, поковырял палкой в кострище, вздохнул, и неохотно принялся рассказывать.

– Мой дед был кузнецом. И не просто кузнецом, а потомственным кузнецом, то есть это ремесло передавалось в нашей семье от отца к сыну испокон веков, как и имена Яков и Андрей.

– Так получается, твой отец эту традицию нарушил?

– Не просто нарушил, а п-прервал, – уточнил художник. – Наотрез отказался перенимать дедовское ремесло – это раз, сына, то есть меня, назвал Даниилом – это два.

– А почему так получилось?

– Да кому были нужны кузнецы в те годы? Лошадей в деревне почти не осталось, полная механизация, за хозяйственной утварью теперь шли не в кузницу, а в магазин. Никаких перспектив. Вот отец и решил уехать в город и выучиться на инженера. Дед в сердцах заявил, что больше его видеть не желает, и ноги его чтобы в Заречье не было. А когда узнал, что внука назвали не родовым именем, так и во-

все с отцом общаться перестал. Отец, честно говоря, и сам не рвался сюда. Рассказывал, что, как колхоз развалился, все разворовали, а мужики спились один за другим. Так что меня деревенская жизнь никогда не прельщала. Я из центра города-то редко выезжал до последнего времени – только на пленэры для курсовых работ, пока в художке учился.

– А где теперь работаешь? – из вежливости поинтересовалась я.

– Да так, разные с-случайные заказы выполняю, – сбивчиво объяснил он, насупился еще больше и принялся ворошить костер палкой.

К счастью, вернулся Макс, как нельзя вовремя. Но мои надежды на то, что он оживит компанию и придаст беседе легкость и непринужденность, не оправдались. Он был очевидно расстроен, с нами сидеть не стал и сразу ушел спать. Наверное, Варвара его, что называется, «отшила». Костер уже полностью прогорел, я уже начала клевать носом и подумывать о том, что надо бы вежливо сообщить гостю о том, что пора бы и честь знать, но тут он предложил такое, от чего всю мою сонливость как рукой сняло.

– Хочешь, я напишу твой портрет?

– Что? – опешила я.

– Ну или хотя бы нарисую. В карандаше. Это недолго, честно, – принялся упрашивать он, даже за руку меня схватил, а потом сразу бросил, как обжегшись.

Предложение застало меня врасплох. До этого момента с

меня портретов никто не писал и даже не предлагал. Я всегда относилась критически к своей внешности, даже слишком критически, по мнению хороших подруг. Мужчины же, как правило, смотрели заинтересованно, но сами собой в штабеля не укладывались.

– Ну, хорошо, – сдалась я.

В конце концов, я ничего не теряю. В худшем случае у меня будет неудачный портрет.

Даня немедленно достал блокнот и карандаш и принялся усердно зарисовывать.

– Что, прямо сейчас? – снова растерялась я. – Не видно же ничего.

– Нет-нет, света вполне достаточно, – возразил Даня, не отрываясь от работы. – Я сейчас только набросок сделаю, а потом его проработаю. Все равно у меня в белые ночи бессонница.

Рисовал он и в самом деле недолго – минут десять. Сделал несколько набросков, но показать результат наотрез отказался, пообещав предоставить законченный рисунок на следующий день.

– Тогда до завтра, – попрощалась я.

– Д-до завтра, – рассеянно кивнул он, собирая карандаши и бумагу. Он уже был не со мной, а со своим рисунком.

6. И КЛАД НЕ ДОБУДЕШЬ, И ДОМОЙ НЕ БУДЕШЬ

Должно быть, Макс с Костей поднялись ни свет, ни заря. К моему приходу они успели углубить и расширить яму настолько, что стало понятно – это действительно вход. Он был оформлен двумя грубо вытесанными каменными столбами, а уже упомянутая балка с загадочными знаками, как оказалось, венчала этот внушительный дверной проем. Мощная каменная кладка лишь обрамляла его, а роль двери выполняли грубо обтесанные толстые деревянные сваи, уложенные так плотно, будто их забивали молотом.

– А ну-ка, посмотрим, так ли крепки эти бревна, как выглядят! – Костя от души размахнулся и ударил лопатой в верхний брус. Гулкий удар отозвался в самом сердце кургана, и дерево осыпалось трухлявыми обломками. Часть провалилась внутрь, часть высыпалась наружу. Из темной дыры отчетливо повеяло сыростью. Я невольно вздрогнула и услышала, как сзади заворчал Шарик. Подходить близко он почему-то не решался.

– Прогнили насквозь, – резюмировал Макс, пальцами кроша обломок дерева.

– Еще бы, за тысячу с лишним лет! – радостно подтвердил Костя. – Давай теперь углублять яму, чтобы можно было полностью расчистить проход.

Стоя на краю раскопа, я чувствовала, как во мне поднимается волна беспокойства. Беспокойство было необъяснимым, и я попыталась найти его причину.

– Костя, так что насчет разрешения на раскопки?

– Какого разрешения? А, там трубку никто не берет, – отмахнулся от меня он. – Потом позвоню.

– Ну-ну, – пробормотала я. Смутная тревога донимала меня, как назойливый комар, хотелось даже отмахнуться. И это не была тревога по поводу нелегальности наших действий, а какое-то подспудное растущее чувство, что мы делаем то, чего делать вообще не следует, а не то...

– А что насчет символов, тебе удалось выяснить, почему они здесь изображены? – попробовала я еще раз отвлечь Костю.

К моему удивлению, это сработало: он воткнул лопату в землю, подтянулся на руках и сел на краю раскопа.

– С символами странная история получается. Я могу рассказать о каждом из них, но почему они выбиты здесь вместе и в таком порядке, я пока не разобрался.

– Ну расскажи хотя бы о каждом в отдельности, – попросил Макс.

Я присела рядом с Костей, Макс сложил ладони на черенке лопаты и оперся на них подбородком. Шарик лег рядом со мной, держа настороженные ушки на макушке и тревожно кося глаза в сторону прохода.

– Символ первый – триквестр. – Костя ткнул подвернувшимся под руку прутиком в орнамент из замыкающихся в треугольник полукружий. – Олицетворяет основные положения солнца: на восходе, в зените и на закате.

Он перевел указующий прутик на следующий знак, похожий на многогранную свастику, чьи изогнутые лучи по часовой стрелке складывались в круг

– Громовик, или громовое колесо Перуна, он же Коловрат. Олицетворение солнечного диска.

Третий знак, самый причудливый, представлял собой восьмиконечную звезду из двух пересекающихся заостренных овалов, вплетенных в квадрат.

– И, наконец, самый сложный по исполнению знак. Квадрат Сварога, известный также как Звезда Руси. Четыре луча звезды означают четыре стороны света. Сварог – один из самых главных богов славянского пантеона. Он олицетворял само небо, весь зримый и незримый космос. Тот, кто выкопал Землю, твердь земную и твердь небесную.

– А почему ты ничего не сказал о птичьей голове? – удивленно переспросил Макс.

– Потому что здесь и так все понятно, – Костя отбросил прутик и улыбнулся самой довольной улыбкой, только что не облизнулся. – Это же сокол. Парог.

– Так ты думаешь... – я не осмелилась договорить.

– Я не думаю. Я уверен. – Костя со всей силы вонзил лопату в дно ямы и прыгнул вниз. – Макс, хватит мечтать, нас ждут великие дела.

Парни заработали лопатами, а я вернулась в лагерь, сопровождаемая Шариком и своими сомнениями. И обнаружила там невесть как материализовавшегося Даню с папкой

в руках.

– А я тут тебя жду, – парень вскочил и неловко сунул мне папку в руки.

– Вот. Готов.

– Кто готов? – мысли не сразу перескочили на события вчерашнего вечера, – Ах, мой портрет?

– Ну, это не совсем портрет, – смущенно пробормотал художник.

Не дожидаясь объяснений, я раскрыла папку. Да, это точно не портрет. Я даже оглянулась по сторонам, чтобы убедиться, что никто, кроме меня, не видит этот шедевр.

Девушка на рисунке лицом действительно напоминала меня, но обладала куда более соблазнительной фигурой, граничащей с неприличием, учитывая мало что прикрывающий наряд. Кроме того, у нее имелась пара полупрозрачных крыльев, а удлиненные ушки заострились на манер эльфийских. Восседала эта фея на белом единороге, который действительно заслуживал восхищения.

Видимо, у меня слишком уж сильно округлились глаза, потому что Даня поспешил объясниться.

– Помнишь, я говорил тебе о случайных заказах? Я рисую иллюстрации для книг в жанре фэнтези.

– Это многое объясняет, – кивнула я, все еще не в силах оторвать взгляд от бесстыжей феи с моим лицом.

– Тебе нравится? – с надеждой спросил автор.

– Красиво, – сдержанно похвалила я. – Единорог класс-

ный. Как живой. То есть как живой конь, я имею в виду. С натуры рисовал?

– Нет, в интернете фотку нашел, – признался польщенный парень.

– А я уж обрадовалась, что здесь где-то конюшня поблизости есть, – вздохнула я.

– Нет, я не видел. А зачем тебе?

– Так, просто, лошадей посмотреть, может покататься, – уклончиво ответила я. Не хотела признаваться в том, что, отправляясь в Заречье, лелеяла давнюю детскую мечту – проскакать галопом по полю.

– Не видел, – повторил Даня. – Да и не обращал внимания, честно говоря. Я в седле один раз в жизни сидел, еще в детстве. Отец хотел меня сфотографировать, а конь встал на дыбы. Я свалился и вывихнул ногу. С тех пор к лошадям и близко не подхожу.

На склоне показался Костя. Он бодрой рысцой подбежал к машине, порылся в багажнике и извлек оттуда каски и фонарики. Потом жестами показал мне, чтобы я гнала художника в шею, и убежал в сторону холма.

Я и сама была уже готова распрощаться с этим рисовальщиком фей в неглиже и с нажимом заявила, что мне срочно надо готовить обед. Ну очень срочно! И помощь не требуется, спасибо.

– Ладно, пойду спать, – разочарованно вздохнул Даня и побрел в деревню, к счастью, в обход горушки.

А я осталась с этим несчастным рисунком в руках. Надо спрятать, пока ребята не увидели, а то потом проходу не дадут, засмеют. Судя по тому, чем запасся Костя, они с Максом сейчас уже лезут в курган. Надо, наверное, пойти посмотреть, но я никак не могла себя заставить. Странно, вроде трусихой никогда не была.

Вдруг послышался топот, а затем показался взволнованный и изрядно запыленный Костя.

– Бежим, с Максом беда! – крикнул он.

– Что случилось? – подскочила я.

– Скорей, – только и ответил Костя и кинулся бежать обратно. Мы с Шариком рванули за ним. На бегу я сложила рисунок и сунула его в задний карман джинсов. Добежав до чернеющего в яме прохода, Костя включил фонарик и проскочил внутрь, а я замешкалась, не решаясь войти.

– Катя! – гулко донесся голос из кургана. Я стояла перед раскопом и говорила себе, что должна войти, что с Максом что-то случилось и, возможно, каждая секунда на счету. Шарик поскуливал в некотором отдалении, в его глазах застыл страх.

– Быстрее! – в голосе Кости зазвучали отчаянные нотки, и я нырнула в курган, как в холодную воду. Шарик, взвизгнув, кинулся за мной. И вот я внутри, моргаю, привыкая к полумраку. В глубине горел фонарик, и я увидела Костю, склонившегося над лежащим Максом.

– Что с ним?

– Не знаю, – подрагивающим голосом ответил Костя. – Мы вошли сюда, он начал задыхаться, что-то прохрипел и упал.

Макс лежал на спине, весь вытянувшись, лицо его было совершенно серым и неживым. Костя закрыл лицо руками и затрясся.

– Возьми себя в руки! – сурово одернула я его. – Действовать надо, а не истерить. У него астмы нет? Или клаустрофобии?

– Я не знаю, – простонал Костя, не отрывая рук от лица. – Может, он вчерашним вареньем отравился?

Я опустилась на корточки рядом с Максом, дотронулась до его лица. Лоб был прохладным, зато щеки – горячими. Не умея найти пульс на запястье, я попыталась нащупать биение артерии на шее, как вдруг Макс распахнул глаза, оскалился и со звериным рыком сгреб меня в охапку. Я заорала, Шарик залаял, а Костя, наконец, отнял руки от лица и залился диким хохотом. Макс отпустил меня и присоединился к нему. Шарик продолжал лаять, бегая вокруг нас.

– Вы... полные... идиоты! – выдавила я и села прямо на песчаный пол.

– Катюха, не сердись, – Костя потрепал меня по плечу. – Мы когда вошли сюда, на Макса какая-то известка с потолка свалилась, он так на зомби стал походить, что этим просто необходимо было воспользоваться!

– Чтобы меня до смерти перепугать, да? – мрачно поин-

тересовалась я, сердясь уже больше для вида, ведь Макса с таким лицом взяли бы в любой ужастик без проб, а сейчас этот несостоявшийся зомби так заразительно хохотал, что и мертвого рассмешил бы. Да, кстати о покойниках.

– А где же ваш Рюрик? Или целью всей нашей экспедиции было эффектно напугать меня, и теперь можно отправляться домой?

– Ты же не думаешь, что основателя княжеской династии скромненько так в прихожей прикопали? – осведомился Костя, поднимая с земли инструменты. – Основное захоронение должно находиться гораздо глубже, а мы находимся в верхнем ярусе.

– Значит, важная персона похоронена где-то в глубине? А это помещение для кого? – поежилась я.

Костя скользнул по стенам лучом фонарика, выхватив неровные песчаные стены.

– Есть несколько вариантов. Первый – это погребальные камеры для так скажем сопроводительных лиц вождя – жен, рабов и прочих верноподданных, а также лошадей – ведь не пешком же они в нижний мир должны добираться.

– И где же они все, погулять пошли? – хохотнул Макс.

Я уже привыкла, что вопросы, на которые у него не было ответа, Костя не удостоивал вниманием, так что он спокойно продолжил:

– Второй – камеры верхнего яруса представляют собой лабиринт, сооруженный, чтобы умершие не смогли найти до-

рогу обратно, в мир людей. Да и чтобы те, кто позарится на княжеский инвентарь, заблудились и сгинули в самом же кургане.

– Очень грамотно, – похвалил Макс. – Проще и дешевле, чем стражу у могилы выставлять.

Я огляделась: пещера была совершенно пустой, но в глубине были еще два прохода, оформленных точно так же, как и вход: столбы по бокам и каменный венец с выбитыми в нем символами. Символы тоже повторялись: триквестр, колесо, квадрат, сокол. Только в другом порядке и выполнены не так искусно, как знаки на входе, лишь намечены. Сами проходы чернели пустотой.

– И куда же вы дальше двинетесь? – спросила я. – Указатель-то не предусмотрен.

– А ты что, с нами не пойдешь? – удивился Костя. – Ты ведь уже внутри кургана. Где твой авантюризм? К тому же, тебе вообще бояться нечего, охранник-то с тобой!

Я взяла дрожащего «охранника» на руки. На «слабо» меня конечно же не взять, но авантюризм кое-какой присутствовал и уже разжег любопытство. Было страшно... интересно, что же мы здесь обнаружим? Я решительно кивнула, и мне вручили оборудование археолога – фонарик и каску. Каску я вернула Макс, который со смехом напялил ее на голову, отчего стал похож на никогда не мывшегося шахтера. Костя прихватил кирку, включил фонарик на своей каске и вошел в правый проход, внимательно глядя под ноги. Макс шел за

ним и освещал стены и потолок. Из потолка местами торчали корни, их тени двигались в лучах фонариков, напоминая то ли змеиные клубки, то ли лапы с длинными когтями. Туннель устремлялся вниз, все время заворачивая вправо.

– Спиральный лабиринт, – приглушенным голосом сказал Костя.

– Так и должно быть? – шепотом спросила я, стараясь на всякий случай не касаться стен: кто знает, какие твари могут по ним ползать.

– В представлениях язычников вселенная состоит из ярусов – нижний мир, срединный и высший, – принялся объяснять специалист по древним захоронениям. – Могильные курганы сооружались в соответствии с этими представлениями. А пронизывает эти миры мировое древо Иггдрасиль, так что в центре кургана мы, скорее всего, найдем каменный столб, являющийся вертикальной осью всего комплекса.

Я шла за ребятами, стараясь отделаться от чувства, что за нами кто-то наблюдает, даже спину покалывало от этого, и уже жалела, что согласилась сюда залезть, но возвращаться одной было еще страшнее. А вдруг, пока мы спускались сюда по правому проходу, там, наверху, из левого прохода как вылезло что-то или кто-то, и поджидает там меня, потирая руки. Или лапы. Или что там у него есть.

Мне уже начало казаться, что спуску нет конца, стало тяжело дышать, а стены будто бы начали сближаться, грозя раздавить нас. «Наверное, это и есть клаустрофобия», – подумала.

мала я, но потом поняла, что проход и в самом деле сужается. Я уже открыла рот, чтобы предложить вернуться, как вдруг мы практически выпали в довольно большую камеру, точно такую же, как та, из которой начали свой спуск. И снова на выбор два варианта направлений дальнейшего продвижения вглубь кургана.

– Какие теперь будут предложения? – вкрадчиво спросила я, и сразу высказала свое. – Вернемся?

– Нет, только не теперь! – взволнованно возразил Костя. – Разве вы не понимаете, что мы в двух шагах от секрета кургана. Помните, что я говорил вам про ярусы? Мы сейчас в среднем мире! Надо сделать еще один переход, и мы в нижнем мире!

– А там Рюрик в золотом гробу! – зловещим голосом провыл Макс.

– И двенадцать верных витязей, – поежилась я. – Кстати, Костя, а эти двенадцать, что с ним остались, зимой от холода и голода умерли?

– Нет, не умерли, – отозвался Костя. – Согласно традиции, которая возникла на родине викингов, двенадцать воинов, давших клятву верности своему вождю, становились побратимами, и обязаны были отдать друг за друга жизнь. А также, в случае смерти своего лидера, сложить головы вместе с ним. Так что верные воины, которые всю зиму охраняли каменную насыпь с телом Рюрика, и перенесли его на место окончательного захоронения, были ритуально убиты и похо-

ронены вместе с ним в том же кургане.

– Жестокая плата за верность, – поразился Макс.

– Клятва двенадцати считалась самой сильной и нерушимой, и они прекрасно знали, на что шли, – хладнокровно сообщил наш эксперт. – Кроме того, они свято верили, что отправятся вслед за своим вождем, напрямиком в сияющие чертоги Вальхаллы.

Они-то знали, на что шли, а знает ли Костя? Он снова выбрал правый ход с той же бесшабашной уверенностью, с которой, верно, воины Рюрика приняли смерть, рассчитывая продолжить свое существование в бесконечных пирах и прочих наслаждениях Вальхаллы.

Мы с Максом двинулись за ним. Ход снова вел вниз, только на этот раз шел против часовой стрелки.

– Сейчас, сейчас, я чувствую, – нетерпеливо бормотал Костя, бодро спускаясь вприпрыжку. Я старалась не отставать. Ощущение холодного взгляда в спину стало невыносимым. Я практически уткнулась Максусу носом в спину, и вновь спуск внезапно закончился. И что же? Перед нами опять была пещера с двумя проходами.

– Все, дальше не пойду, – решительно заявила я. – Так и заблудиться недолго. Кто знает, на какую глубину прорыт этот безумный муравейник.

– Костян, в самом деле, пойдем обратно, что-то и мне не по себе, – поддержал меня Макс. – Бестолковая прогулка получается. Я уже вообще не понимаю, как все эти туннели

располагаются внутри холма. Это противоречит моему пониманию пространства.

– Мы просто выбрали не ту дверь, неужели непонятно, – раздраженно проворчал Костя. – Вернемся и проверим левый проход. Помните, что я говорил про лабиринт?

– Про заблудиться и сгинуть? Помню!

– Эх вы, – разочарованно протянул Костя. – С вами только зарницу в начальной школе проводить! Пойдем назад, попробую составить план кургана.

Поднявшись на уровень вверх, мы обнаружили, что не можем понять, какой ход должен вывести нас в первую камеру. Три прохода выглядели совершенно одинаково, а покружившись на месте в удивлении, мы уже не могли точно сказать, из какого только что пришли. Выбрав наудачу тот, что уходил в круговой подъем, мы вновь друг за дружкой прошли в каменный проем.

– Странно, – заметил Макс. – Мы же спускались по часовой стрелке, значит, подниматься должны против? А тоннель поворачивает направо.

Ответить ему никто не осмелился. Лишь когда вместо того, чтобы выйти к переходу наверх мы снова оказались в камере-распределителе с двумя проходами, которые вели вниз, Костя высказал свое мнение:

– Чертовщина какая-то.

С этого момента начался крошечный ад. Сначала мы еще бодрились, пытались шутить, убеждая себя, что это невоз-

можно – заблудиться внутри небольшого холмика. Как могли, храбрились друг перед другом и скрывали свое беспокойство. Но когда счет переходам, тоннелям и пещерам потерялся, стало глупо не признавать очевидное. Мы заблудились и не можем выбраться. Костя запоздало дал команду погасить все фонари, кроме одного – батарейки уже начали садиться. Телефон был с собой только у меня, но толку от него не было никакого – мобильная сеть внутри холма отсутствовала. Мы пробовали стучать, но от этого начал осыпаться потолок. Лабиринт пещер и ходов оказался словно заколдованным. Макс оставил на одной из развилок каску, чтобы иметь ориентир, от которого можно было бы методично обследовать ходы, но больше мы к ней так ни разу и не вышли. Даже держаться направления вверх оказалось невозможным: ходы ныряли вниз вопреки всем законам логики и пространства. Погас один фонарик, через некоторое время другой. Я выключила телефон – батарейка была почти на нуле, и мы потеряли счет времени. Теперь его отмеряли жажда, голод и усталость.

7. ВЫХОД ЕСТЬ ВСЕГДА (ДАЖЕ КОГДА ЕГО НЕТ)

В конце концов, мы просто свалились с ног в очередной пещере. Снова переход за спиной, и два прохода перед нами. Дразнят призрачной возможностью того, что за одним из

них кроется спасение. Последний фонарик постепенно угасает, скоро мы останемся в полной темноте. А еще страшно хочется пить. Спертый воздух песчаных туннелей оседал в пересохшем горле и делал жажду невыносимой, мы то и дело кашляли.

– Нам конец, – чуть слышно прошептал Макс, не решаясь произнести это в полный голос.

– Тебя когда хватятся? – мрачно поинтересовалась я.

– Не скоро, – вздохнул он. – Я вчера вечером родителям позвонил и сказал, что мы задержимся. А то, что здесь со связью перебои, они в курсе.

– Коля считает, что мы еще вчера в город вернулись, – обреченно призналась я. – А для родителей я в отпуск уехала.

– А я не привык ни перед кем отчитываться, – прозвучал резкий голос Кости.

Мы с Максом осеклись, зато заскулил молчавший до этого Шарик. Тонко, тоскливо и безнадежно. Это звучало жутко, я никогда еще не слышала, чтобы он так скулил.

– Катя, я тебя очень прошу, уйми свою шавку, – медленно проговорил Костя.

– Только не надо на него срываться, – проворчала я. – Шарик, между прочим, вообще не хотел сюда идти.

– Что же ты его не послушалась? Все-таки единственный мужчина в твоём доме, – насмешливо осведомился Костя.

– Знаешь, уж лучше собака, чем какой-нибудь самовлюбленный эгоист вроде тебя, – окончательно разозлилась я. –

Знаю я таких – пользуются людьми, а потом выбрасывают их за ненужностью.

– И на каких же основаниях ты сделала подобные выводы обо мне? – медленно спросил Костя с металлом в голосе.

– Да и так ведь все понятно! – раздраженно выпалила я. – Богатенький папочка обеспечил всем: машиной, квартирой, высокооплачиваемой должностью в своей компании. Ты же имеешь все, что только пожелаешь. И кого пожелаешь, наверное, тоже. Что, скучно стало, и решил для развлечения поиграть в Индиану Джонса?

– А ты, я так понимаю, прекрасно разбираешься в людях? Из-за того, что у тебя не сложилась личная жизнь, сделала вывод, что все мужики козлы и утешаешься в привязанности к собачонке! Да кто ты такая, чтобы судить? – взорвался Костя.

– Хватит! – прикрикнул на нас Макс. – Только ссор и ругани нам сейчас не хватает! Силы поберегите.

– А тебя вообще никто не спрашивает, – огрызнулся Костя. – Помолчал бы лучше, африканец недоделанный. Здесь темно, так что никто не видит, какой ты особенный.

Наступило молчание. Слышно было только, как Макс шумно дышит, стараясь справиться то ли с гневом, то ли со слезами.

– Макс, – осипшим голосом позвал Костя. – Прости меня. Я не хотел, честно. Нервы на пределе, вот и сорвался. Ты же знаешь, мне совершенно все равно, какого ты цвета. Я не

расист. Тыфу, я что-то совсем не то говорю. Но ты же меня понимаешь?

– Понимаю, – со вздохом ответил Макс. – Ты что, думал, я не знал, что ты со мной дружить начал только потому, что это прикольно – друг чернокожий. Это же как обезьянку с собой на поводке водить. Все внимание обращают. С девушками легко знакомиться. Но я уже привык. Давно привык, с самого детства, что все на меня пялятся, а то и пальцами показывают. И вы даже не представляете, как я от этого устал. Как же хочется быть обычным, таким как все. И чтобы со мной общались просто потому, что я это я.

– Макс, ты мой самый лучший друг, именно потому, что ты – это ты, – не выдержала я. – Ты добрый, отзывчивый, веселый, общительный и искренний. С тобой я никогда не жду подвоха, обратного смысла, двойного дна. А цвет кожи, волос или глаз к твоей широкой душе и доброму сердцу никак не относятся.

– Спасибо, Катя, – от души поблагодарил он.

Костя помолчал некоторое время, потом заговорил снова.

– А ведь ты прав – я действительно начал общаться с тобой потому, что это было прикольно. Ты привносил разнообразие в мою компанию богатеньких отпрысков, считающих себя привилегированными. Но узнав тебя поближе, я понял, что ты действительно отличный парень. И раз уж меня угрозило сюда попасть, я могу радоваться только одному – что в этом кургане со мной ты, а не кто-то другой.

– Все любят Макса, – смущенно пробормотал мулат, – а Макс никого не любит.

Мы рассмеялись, а потом темнота и безысходность сделали свое дело, и мы примолкли, словно проявили бестактность, позволив себе веселиться в столь безвыходном положении. Костя еще немного помолчал, и продолжил, словно кто-то подгонял его выговориться:

– Про богатенького папочку, Катя, конечно, права. Знаете, на мое восемнадцатилетие отец подарил мне квартиру и отдал старенький служебный «Опель». А еще он сказал, что это последний раз, когда я что-то получаю просто так, и с этого момента должен содержать себя сам. И я начал работать на его фирме. Но не на «непыльной должности», а простым курьером, и это параллельно с учебой на экономическом факультете. Хотя сам я с детства мечтал поступить на исторический. Но отец всегда говорил мне, что я должен буду продолжить его дело и в свое время сменить его на посту руководителя. И занять его место я смогу не потому, что я его сын, а только если буду по-настоящему достоин этого: то есть получу профильное образование и изучу дело с самых азов, постепенно поднимаясь по карьерной лестнице. К тому моменту, когда я закончил экономический факультет, я уже был руководителем среднего звена, а через пару лет достиг и высшего. Стал хорошо зарабатывать, машину смог себе позволить купить приличную. Но и о мечте не забывал. Поэтому поступил на истфак, заочно, правда. Работа оставляла мало

времени на учебу, но до диплома я кое-как добрался. А тут эта история с находками и курганом. Вы себе не представляете, как я обрадовался этой возможности. А когда обнаружил отсылки к Рюрику – вообще голова кругом пошла. Я с детства грезил Шлиманом, открывшим Трою, и Картером, обнаружившим гробницу Тутанхамона. А теперь у меня появился шанс самому прикоснуться к настоящей легенде.

Костя замолчал. А я не знала, что сказать. Он не оправдывался. Он просто позволил мне заглянуть чуть глубже того суждения, которое, каюсь, было основано на поверхностных умозаключениях, сдобренных моими же предубеждениями. Вот и я оказалась ничем не лучше тех, кто судит людей по одежке, цвету кожи или марке авто. Извинения были бы неуместны, а объяснений и откровений на сегодня и так всем хватило. Фонарик тлел угольком, не давая света, поэтому я нашарила в темноте Костину руку и крепко пожала. Костя немного помедлил и пожал мою в ответ.

Со стороны Макса послышались какие-то всхлипывания. Я даже подумала, что он плачет от избытка чувств, пока не поняла, что это он так смеется, горько и саркастически.

– Макс, ты чего? – спросила я, пытаюсь разглядеть его.

– Прикоснуться к легенде, говоришь? Да мы же пропадем здесь, вы что, не понимаете? – рявкнул он.

Мы с Костей вскочили на ноги, пытаюсь найти Макса и утихомирить его, но он принялся метаться по пещере, подывая и повторяя:

– Так и останемся в этих проклятых Могилах!

– Макс, не надо, успокойся, – просили мы его, а Шарик заливался лаем, поддерживая то ли его, то ли нас.

– Не хочу!

Последние слова прозвучали как рев, а за ними последовал грохот – это Макс в отчаянии боднул головой песчаную стену. Голова в каске выдержала, а вот стена покрылась сияющими трещинами. Лучики света выглядели нереальными, чужими, какими-то инопланетными в крошечной тьме кургана. Мы разом перестали дышать, даже Шарик замолчал.

– Макс, давай еще разок, – прошептал Костя. Макс нашарил на полу кирку, размахнулся, и что было силы врезал ею в стену. Посыпались комья земли, по пещере взметнулись клубы пыли, а в стене засиял пролом. Свет хлынул внутрь, как вода в пробоину тонущего корабля.

– Свобода? – охрипшим от пыли и волнения голосом спросила я, и, не дожидаясь ответа, схватила в охапку Шарика и полезла в дыру. Костя и Макс поспешили за мной со всех ног и рук и, щурясь от яркого дневного света, вылезли наружу.

Мы оказались на песчаном склоне, отфыркиваясь и откашливаясь, с наслаждением вдыхая свежий воздух.

– Как глупо было бы умереть там, в метре от свободы, – Макс опасливо глянул через плечо на чернеющую дыру.

– Где мы оказались? – я оглядывалась вокруг, ослепленная после долгого нахождения в темноте.

– Мы просто прошли гору насквозь, это же очевидно, – устало проговорил Костя, вытряхивая песок из волос. – И вышли со стороны карьера. А вон и колодец!

– Колодец! – мы, не сговариваясь, бросились к срубу.

До этого мы не ходили к колодцу, пользуясь привезенной с собой водой, и теперь я с удивлением отметила, что он очень неплохо сохранился. Наверное, кто-то из местных заботился, чтобы источник не пришел в запустение. Даже ведро на цепочке стояло на камне. Макс сбросил ведро в проем, где оно гулко плюхнуло, разнеся звук эхом по отсыревшим стенкам, неохотно утонуло в черном омуте воды, и было поднято наверх за несколько спешных оборотов ворота, до краев наполненное вождеденной влагой. Мы принялись жадно пить прямо из ведра, сталкивались головами, умывали перепачканные лица. Вода была холодная до того, что зубы сводило, но вкусная до безумия. Сделав несколько глотков, я набрала воды в ладони и дала попить Шарику, который ждал, высунув пересохший язык. Вода всех вернула к жизни, но вместо того, чтобы радоваться спасению и обнимать друг друга, мы чувствовали себя крайне неловко. Все то, что мы раньше держали в себе и высказали в состоянии паники, теперь как будто вытащили на свет во всей своей обнаженной откровенности. Но чего не скажешь на пороге предполагаемой неминуемой гибели! Сейчас надо вернуться в лагерь, поесть, передохнуть, а там, глядишь, можно будет сделать вид, что ничего не было.

Мы не спеша принялись подниматься на холм, увязая в песке. Я включила телефон, он успел поморгать, выдать сообщение об отсутствии зоны покрытия, и выключился насовсем. Надо будет в машине на зарядку поставить. Шарик обогнал нас и в два счета скрылся за краем насыпи. И почти сразу же раздался испуганно-удивленный лай. Кого он мог так испугаться? Кто-то влез в палатки в наше отсутствие? Я бегом кинулась к нему на помощь, парни – за мной. Мы взлетели на вершину и разом остановились, будто в землю вросли. У подножия горюшки паслось стадо коров. На них то и лаял Шарик.

– Откуда здесь коровы? – задумчиво спросила я. На эмоциональные проявления удивления сегодняшней день, богатый событиями, не оставил сил.

– Просто пригнали стадо на выпас, – устало ответил Макс.

– Да здесь километров на пятьдесят вокруг ни одной фермы не осталось, – возразил Костя.

– Значит, одна осталась, – отрезал Макс. Он был сыт по горло неожиданностями, устал и хотел есть. Проблема была в том, что еда осталась в лагере, на месте которого в данный момент десятка два черно-белых буренок энергично объедали траву.

Из оцепенения нас вывел резкий звук, похожий на выстрел. Это так мастерски оглушительно хлопнул кнутом пастух, колоритного вида бородатый мужик в кожаной шляпе и джинсах. За ним молча следовали две здоровенные собако-

образные зверюги, при виде которых Шарик попятился задом и поспешил укрыться за нашими спинами. Несколько коров протестуяще замычали, остальные нехотя покинули облюбованное место и тронулись в путь.

– Эй, друг, ты считаешь, это нормально, чужие вещи ко-
ровами топтать? – окликнул пастуха Макс.

– Какие такие чужие вещи? – мужик встал, подбоченив-
шись, собаки многозначительно уселись рядом.

– Вы здесь палаток разве не видели? – миролюбиво спро-
сила я.

– Нет, милая, я каждый день тут стадо гоняю туда-сюда,
все это знают и на коровьей дороге ничего не оставляют, –
хитро заулыбался бородатый ковбой. – Коровки, они ведь
дороги не разбирают, что не затопчут, то лепешками отме-
тят.

– Каждый день гоняет, а мы с ним только сегодня встре-
тились, – пробормотал Костя.

Тем временем стадо отбивало, и пастух поспешил за ним,
поминутно оглядываясь и чему-то усмехаясь. Собаки хором
зевнули, косо глянули на нас, запоминая, и не спеша потру-
сили следом.

Палаток не было. Не было даже следа того, что на этом
месте стоял лагерь. Ровная травка, местами общипанная ко-
ровами, да несколько лепешек на память.

– Давайте посмотрим на вход в курган, – предложил Макс,
и мы с некоторым содроганием отправились к исходной точ-

ке наших злосудий. К нашему удивлению, склон был точно таким, как до начала раскопок – ровным и нетронутым. Мы ошарашенно озирались по сторонам.

– А машины-то тоже нет, – мрачно заметил Костя.

Мы поднялись на холм, чтобы оглядеться. Стоя на вершине злополучной горушки, я оглядывала знакомую с детства местность с чувством, что вернулась на двадцать лет назад. Передо мной лежало большое и очень даже жилое селение со множеством домов с хозяйственными постройками, огородами и разноцветными заборами. Лаяли собаки, мычали коровы, где-то ревел ребенок, противный женский голос надрывно звал какого-то Митю. На дальнем конце села выделялись большие приземистые постройки.

– Смотрите, ферма! – почему-то обрадовалась я.

– Ферма? – возмутился Костя. – Откуда она там взялась? Откуда вообще все это взялось?

– Мне все понятно, – авторитетно заявил Макс. – Подземные ходы увели нас далеко от того места, где мы вошли в курган. Вы вспомните, сколько мы там блуждали! Километров десять прошли, не меньше.

В его слова вклинился колокольный звон. Поискав глазами, я нашла среди деревьев маковку церквушки. После вступительного перезвона колокол пробил шесть раз.

– Шесть часов, – сообщила я. – Вечерняя служба началась, наверное.

– Шесть часов, – задумчиво повторил Костя. – Значит,

с того момента, как мы углубились в курган, прошло около восьми часов. Действительно могли уйти далеко и выйти в районе какой-то другой деревни.

– Абсолютно идентичной Заречью? – недоверчиво спросила я. – С точно такими же горушками, рекой, лесом и дорогой? Да здесь даже колодец точно на том же месте! И ферма стоит там же, где была раньше!

– А ты на поля посмотри, – предложил Макс.

Я посмотрела. Вместо зарослей бурьяна и пальмовых рощ из борщевика вокруг простирались разработанные уголья, расчерченные линейками зеленых всходов. Вдоль них деловито сновали фигурки людей и двигались аккуратные, как игрушечные, трактора.

– Нет, ну поглядите же, вон горка с тремя столбами! – настаивала я (правда, сама не понимала, на чем), – И наша копань, только расчищенная и с мостками. А вон, кстати, там мальчишки купаются, давайте у них спросим, как деревня называется.

И, не дожидаясь его согласия, я крикнула:

– Эй, ребята! Как эта деревня называется?

Увлеченные купанием, они услышали меня не сразу, пришлось подключиться и Косте с Максом. Поняв, что от них требуется, мальчишки не стали спешить с ответом, предварительно не рассмотрев чужаков, поэтому вылезли из воды, оделись и босиком подбежали к нам. Макс и Шарик вызвали их живейшее любопытство, и они беззастенчиво глазели,

как будто мы были странствующим цирком на гастролях.

– Как ваша деревня называется, пацаны? – отвлек их от развлечения Костя.

– Митька, как наша деревня называется? – толкнул младший старшего.

– Заречье! – важно ответил тот. – Когда уже запомнишь. Мы переглянулись.

– Я же говорила! – с победным видом повернулась я к парням. – Это Заречье! Только...

– Что «только»? – раздраженно спросил меня Костя. – Только оно подобно Фениксу полностью возродилось меньше чем за день?

Я лишь смогла беспомощно пожать плечами. Мальчишки, которые с живым интересом прислушивались к разговору, немедленно засыпали нас вопросами:

– Дядя, а вы негр, или просто грязный? А собачка почему такая маленькая? Она еще щенок, или плохо ела в детстве?

– Так ты Митя? – обратилась я к старшему. Он радостно кивнул.

– А тебя, между прочим, мать искала, – сказала я наугад.

– Мне же купаться нельзя, – спохватился пацан. – Бежим, Федька.

И они кинулись бежать, почему-то в сторону полей.

– Давайте мыслить логически, – Костя сел на траву. Мы с Максом последовали его примеру, сели и стали ждать логических Костиных мыслей. Он, однако, нас радовать сво-

ими умозаключениями не спешил, сидел, вперив взгляд в небо, как будто там бегущей строкой транслировались объяснения.

– Я думаю, мы попали в прошлое, – медленно произнес он, наконец.

– Ну да! – прыснула я.

– Предложи объяснение получше, – рассердился Костя. – Мы же выяснили, что это Заречье, так? И как же еще можно объяснить, что меньше чем за день из загнивающей деревеньки оно превратилось в процветающее село?

– Мы впали в летаргию и проснулись через сто лет, – сказала я. Просто чтобы хоть что-то сказать.

Костя презрительно фыркнул. Макс пока воздерживался от гипотез.

– Ну не могу я вот так просто в перемещения во времени поверить, – помотала я головой. – Уверена, этому есть разумное объяснение. И я намерена его получить.

Мы с Шариком встали и решительно направились в сторону деревни.

– Ты куда? – крикнул мне вслед Макс.

– Пойду, постучусь в ближайший дом и спрошу что и как.

– Постучишься и спросишь, какой сегодня год? – насмешливо спросил Костя.

– А ты предлагаешь посидеть здесь до ночи, а потом ломиться в дома селян в сумерках? – повернулась я к нему.

– Пойдем, Костян! Катя права – надо идти в деревню. Сидя на холме, мы ничего не узнаем, – позвал приятеля Макс. – Да и жрать страшно хочется!

Наверное, последний аргумент оказался для Кости решающим, он немедленно догнал нас и зашагал рядом, сохраняя, тем не менее, на лице выражение крайней степени скептицизма. К чему это выражение относилось – к моему неверию в путешествия во времени, перспективе общения с местным населением или к ситуации в общем – по-моему, не знал и сам Костя.

8. ЗАЧЕМ НАМ КУЗНЕЦ

Ближе всех к нам оказалась небольшая приземистая избушка, крыша которой, украшенная флюгером в виде черной кошки с выгнутой спиной, плотно заросла мхом, а кое-где и кустики пробивались. Неказистый дом и заросший сорняками огород были обнесены неожиданно ладным заборчиком с затейливой кованой калиткой.

– Будто избушка на курьих ножках, – восхитился Макс. – Стойте, а может мы в сказку попали? С волшебниками встречаемся! А может, и сами колдовать научимся?

Костя даже не счел нужным как-то прокомментировать новорожденную версию, и позвонил в обнаружившийся на калитке медный колокольчик. За углом дома кто-то завозился. Мы замерли в ожидании и через несколько мгновений

узрели рогатую голову, уставившуюся на нас с явной неприязнью. Костя невольно отступил на шаг, а Шарик неуверенно зарычал. Коза с любопытством глянула на Шарика, издала бодрое «Мее», и вышла на всеобщее обозрение. Мекнула еще разок, не сочла зрелище более заслуживающим своего интереса, и залезла куда-то в кусты. Костя снова позвонил, в ответ в домике что-то грохнуло так, что стекла в окнах задрезжали. Мы переглянулись. Грохот усилился, к нему добавился звон, как будто хозяин, досадуя на то, что ему помешали, решил перебить всю посуду. Потом все стихло, и послышался скрипящий голос: «Иду, иду!» Дверь распахнулась. На пороге избушки стояла натуральная Баба Яга. Нос крючком, бородавка на щеке, лицо и одежда сажей перемазаны, седые патлы волос выбиваются из-под съехавшей набок косынки. В руках Баба Яга держала метлу. В довершение всего из-под ее ног вывернулся здоровенный черный котяра, сердито сверкнул на нас зелеными глазами и прошмыгнул под калитку.

– Чаво надо? – сердито гаркнула на нас старуха. Полюбовалась нашим ошарашенным видом, хитро усмехнулась и уточнила:

– За зельем приворотным али отворотным пришли?

– Мы вроде как заблудились, – пролепетала я. – Мы студенты.

– Археологи, – уточнил Костя.

– По обмену, – добавил Макс, пряча глаза от острого баб-

киного взгляда.

– Так заходите, ребятки, – засуетилась предполагаемая Баба Яга, распахивая калитку. – Вы не обращайтесь внимания, это все Васька, кот мой, чтоб ему пусто было! Лазают по склянкам с зельями, все мышей сушеных ищет! Опять полку своротил!

И бабка весело засмеялась, обнаружив полный рот зубов. Хороших таких, беленьких и ровненьких, как у молодой. Мы нервно заулыбались в ответ.

– Заходите! Вы же, наверное, проголодались, а у меня как раз щи на печке горяченькие! – приглашающе махнула рукой бабка.

Голодные парни не заставили себя упрашивать. Сейчас они бы приняли предложение поужинать и от людоеда. Я взяла на руки Шарика и с сомнениями последовала за ними.

Внутри дома был полный сказочный кавардак и дым коромыслом. На стенах бесконечные ряды полок с баночками, бутылочками и коробочками. С потолка свисали пучками разнообразными травы, цветы и корешки. На печке что-то булькало. На полу виднелись следы кошачьего беспредела – разбитые склянки и лужицы подозрительного вида, причем в одной из них что-то пенилось, а из другой – расползалось. Посредине комнаты стоял стол с лавками, за который хлебо-сольная хозяйка усадила нас, а сама быстренько стерла с лица сажу, убрала волосы под косынку, надела чистый передник и превратилась в обычную бабушку-старушку, вполне

себе симпатичную. Ну, подумаешь, нос длинноват и родинка на щеке. Она принялась хозяйничать возле печки, громыхая посудой, а мы воспользовались моментом, чтобы наскоро поделиться впечатлениями.

– Я вам говорю, мы точно в сказке! – взволнованно зашептал Макс. – Это самый распространенный сюжет: герои проходят через портал и попадают в волшебный мир.

– Макс, тебе не кажется, что ты уже слишком большой, чтобы в сказки верить? – рассердился на него Костя.

– А твоя версия с прошлым лучше, что ли? – защищался Макс.

– Еще Эйнштейн доказал, что время и пространство относительны, – не слишком уверенно возразил Костя.

Я молчала и прислушивалась к какому-то фоновому звуку. Он был настолько знакомым и естественным, что занятые перепалкой парни не сразу обратили на него внимание. Настойчивая повторяющаяся трель, сопровождаемая мерным жужжанием. Бабка зашарила по полкам, приговаривая: – Сейчас, сейчас, иду уже!

Я широко улыбнулась. Прошрое, говорите? Хозяйка наконец нашла то, что искала, подслеповато щурясь, ткнула кнопку и четко произнесла:

– Слушаю!

Это был самый обычный мобильник. Я уронила голову на руки и зарыдала от смеха, Макс хлопнул себя рукой по лбу, широко улыбаясь, а Костя высоко поднял брови и усмехнулся.

ся.

Тем временем бабка вела переговоры с неким «внучком». Прикрывая телефон ладонью и думая, что так мы не услышим, она возбужденно рассказывала ему о нас. В ее пересказе мы предстали как пижончик (Костя), худая растрепанная девчонка (в зеркало, наверное, и смотреть не стоило, чтобы не расстраиваться) и натуральный негр (это было сказано с максимальным волнением). Шарика описали как «собачонку навроде пушистой крысы, как у Макарихиной дочки, которая в прошлом году приезжала». Потом хозяйка спохватилась, что мы, не таясь, прислушиваемся к разговору, отвернулась и забубнила в трубку нечто нечленораздельное.

– Бу-бу-бу. Ась? Чего говоришь? Я их к тебе пришло! Что? Пришло их к тебе, говорю! Але? Але? Тьфу ты, проклятая техника! – бабка раздраженно бросила телефон на стол. Сейчас же испугалась, заботливо подхватила аппарат, осмотрела его и аккуратненько положила на полочку рядом с вороньим чучелом.

– Внучок мой звонил, кузнец здешний, – рассказывала бабка, разливая щи по тарелкам. – Я потом вас к нему отправлю.

– А зачем нам кузнец? – задал Костя сакраментальный вопрос.

– Он сегодня заказ повезет к вечернему поезду в город передавать, так может и вас подвезти, куда надо.

– Отличная мысль, – охотно согласился Костя. – Вот по-

обедаем и отправимся к вашему кузнецу.

Парни жадно набросились на еду, а мне кусок в горло не лез. Кузнец, говорите? А что он здесь кует? И куда нам надо?

– Скажите, бабушка, – не выдержала я.

– Меня Настасьей Осиповной кличут, а вас как звать? – спохватилась хозяйка, ставя на пол мисочку с мясными обрезками для Шарика.

Мы представились, а потом я решила спросить наудачу:

– Настасья Осиповна, а у вас зарядки для моего телефона случайно не найдется?

Бабка задумалась, а потом деловито полезла куда-то в угол. Пошебуршала там и с торжествующим видом вытащила на свет запыленную коробку с кучей разнообразных проводов, перепутавшихся, как змеиный клубок. Я без особой надежды покопалась в этом стратегическом запасе и, к своему удивлению, обнаружила подходящий для моего аппарата разъем. Хозяйка показала мне единственную розетку в доме, которая стыдливо пряталась в углу за шкафом, не вписываясь в интерьер, и я наконец смогла включить телефон. Он безуспешно искал сигнал и сообщил, что абонент в сети не зарегистрирован.

Я задумчиво уставилась в экран. Все те же проблемы со связью? Но бабка вон только что с внучком болтала. Так, мне срочно нужен кто-то здравомыслящий.

– Настасья Осиповна, а где сейчас ваш внук? – поинтересовалась я. – Может, я добегу до него, пока ребята обедают,

узнаю, что да как?

– В кузнице, а где же ему еще быть, – с гордостью сообщила бабка. – Здесь недалеко – выйдешь из калитки, и беги налево, а там с горки вниз спустишься, и сразу увидишь, не спутаешь.

– Катька, поедим и сходим вместе, – предложил Макс.

– Не могу я здесь сидеть, понимаете? – раздраженно прошипела я. – У меня голова сейчас лопнет. Я скоро!

Я оставила парней и Шарика наслаждаться едой, а сама прихватила со стола ломоть хлеба, выскочила за дверь и пошла по указанной тропинке быстрым шагом, местами переходя на бег.

Надеюсь, кузнец окажется не таким сказочным персонажем, как эта несостоявшаяся Баба-Яга и сможет точно объяснить, где мы находимся. Вдруг за спиной послышался внушительный топот, это точно не Шарик меня догонял. Я повернулась и замерла от неожиданности и восхищения: это был конь. Серый в яблоках красавец с длинной гривой смотрел на меня огромными выразительными глазами. "Видишь, как я прекрасен, дай мне чего-нибудь вкусенького", – выражали эти глаза. И так как я в нерешительности не двигалась с места, конь без ложной скромности подошел сам и обнюхал меня, а карман кофты даже губами обыскал на предмет угощения. Я молча предложила ему хлеб, он недоверчиво его понюхал, потом презрительно фыркнул и обиженно отвернулся, эффектно взмахнув гривой.

– Прости, больше ничего нет! – я растерянно развела руками.

Конь со вздохом взял предложенный кусок, сжевал его с разочарованным видом, бесцеремонно толкнул меня плечом, проходя по тропинке и порысил вниз по пологому склону. Я проследила за ним взглядом и увидела одинокое строение, из окон и трубы которого валил сизый дым. Видимо, это и была кузница. Или баня. Хотя, судя по перезвону железяк, все же кузница, на шлепанье веников не похоже. А вон и дверь нараспашку раскрыта.

Я подошла, осторожно заглянула внутрь и сразу отшатнулась – жар был и впрямь как в парилке. В полумраке, разбавленном лишь светом горнила печи, четким силуэтом выделялась фигура кузнеца, и фигура была знатная. Мускулистые руки, широкие плечи, подтянутый живот. Голый торс блестел в красных отблесках бесовского пламени, отчего мускулы казались еще более рельефными, а ниже пояса одежда была представлена... одним кожаным фартуком? Ах нет, воображение разыгралось, брюки тоже присутствовали. Мужчина достучал молотом по раскаленной железке, определенно напоминающей меч, и опустил ее в воду. Послышалось яростное шипение. Кузнец вытер пот со лба, одновременно убирая выбившуюся на глаза прядь волос, и тут заметил восхищенную публику в моем лице. Улыбнулся, сверкнув зубами, но ничего не сказал. Спокойно убрал инструменты, вынул меч из воды, обтер его, отложил в сторону, снял

передник, подошел к бадейке с водой, ополоснулся. Потом сдернул ремешок, стягивающий волосы в хвост на затылке, встряхнул ими, тот в точь как тот жеребец гривой, и уверенной походкой направился ко мне.

– И что это за явление природы в моей кузнице? – спросил он, щуря на свет такие подозрительно знакомые серо-голубые глаза. Да это же...

– Этого не может быть! – выпалила я.

– Чего не может быть? – заинтересовался парень.

Мысли в моей голове заметались с беспорядочностью броуновского движения. Это был Даня, и в то же время этот кузнец-молодец не мог быть Даней. Бесцветный ежик волос непонятным образом превратился в густую пепельно-русую гриву до плеч, глаза без очков сверкали уверенным задором, а фигура – нет, ну на голову, допустим, можно парик надеть, линзы какие-нибудь с блеском вместо очков нацепить, но, чтобы вырастить такую мускулатуру, субтильному художнику пришлось бы как минимум полгода не вылезать из качалки. А может, стероиды, или что там еще употребляют для быстрого роста мышечной массы? Да что за бред, я ведь только утром его видела: хлюпик – хлюпиком. А может, это не настоящие мышцы, а такой супергеройский резиновый костюм для розыгрыша?

Последнюю мысль мозг вытолкнул, как добровольца на вражеский дот, видимо уже не надеясь ни на какое разумное объяснение. Руки восприняли мысль как команду к дей-

ствию и потянулись к объекту, дабы на ощупь помочь разобраться с тем, с чем не справились глаза и разум. Объект такой оборот событий живо поддержал и придвинулся поближе, конечно же, чтобы мне было удобнее. А еще он приобнял меня одной рукой за талию, а другой – пониже талии, тоже явно с исследовательской целью. Вышеупомянутая мускулатура была теплой, влажной и абсолютно натуральной. Это был не Даня, вернее не тот Даня, которого знала я. Я отскочила от него и пролепетала:

– Извини...те!

– Да ничего, я не обиделся, – усмехнулся кузнец и приклонился спиной к двери, скрестив на груди руки.

– Я от Настасьи Осиповны, мы с друзьями заблудились, а она сказала – вы в город собираетесь, – сбивчиво объяснила я.

– Археологи? – уточнил парень, похожий на Даню.

– Ага, – подтвердила я, прекрасно осознавая, что глазею на собеседника совершенно неприличным образом, но ничего поделать с этим не могу. Пришлось отвернуться, чтобы собрать мечущиеся мысли и включить голову.

– Так вы действительно сможете нас до вокзала добросить? – я решила перейти к насущным вопросам.

– Да, я заказ в Питер вечерним поездом отправляю, могу вас захватить, – подтвердил кузнец.

Даже не глядя на него, я чувствовала на себе его взгляд, и мне было страшно неудобно от того, что я в перепачканной

одежде, с грязными сбившимися волосами. Рядом с таким мужчиной хотелось быть амазонкой со струящимися локонами и в кожаном костюме. Так, не о том я думаю, совершенно не о том.

– Мечи и кольчуги? – неловко пошутила я.

– Именно так, – подтвердил парень, и, видя мою растерянность, объяснил, – Заказ от общества исторической реконструкции.

Я облегченно вздохнула – хоть этому имелось разумное объяснение. С подобными заказами кузнец вполне имеет право на существование в двадцать первом веке. А ведь есть еще ворота, каминные решетки и прочие модные в частных домах кованые предметы обихода, вспомнила я, запоздало сообразив, кто является автором затейливой калитки перед бабкиным домом и флюгера в виде кошки.

– Бабушка сказала, вас вроде трое? А остальные где? – поинтересовался кузнец.

– Она их щами задержала, – фыркнула я. – Мы же весь день... плутали... Проголодались.

– А ты, значит, на диете? – усмехнулся парень, прошел в кузницу и начал там грохотать железом.

Я вспомнила, как охарактеризовала меня «бабушка», промолчала и вошла за ним внутрь, с интересом оглядываясь. Чего там только не было! В отличие от моих представлений, инвентарь кузницы не ограничивался наковальней и молотом. Хотя одних молотов там было несколько десятков – от

маленьких, вроде тех, которыми стучат по коленкам невропатологи, до огромного, на вид абсолютно неподъемного. По стенам в идеальном порядке были развешаны разнообразные клещи, зубила и прочие инструменты, о названии и назначении которых я могла лишь догадываться. А потом мой рассеянный взгляд упал на стопку газет, лежащих возле горнила, видимо для растопки. Упал и не смог оторваться. На первой странице верхней газеты я увидела жирный заголовок: «Свадьба наследника российского престола назначена на осень». Стены кузницы поплыли перед моими глазами. Я судорожно схватила газету, пробежалась глазами по первым строчкам: Свадьба цесаревича Константина Михайловича Романова и австрийской принцессы Марты Луизы Лотарингской состоится в сентябре... Венчание в главном соборе столицы... Исаакиевском?! Я бросила отчаянный взгляд на дату: март этого года. Нашего этого года.

– А какое сегодня число? – спросила я кузнеца, стараясь скрыть дрожь в голосе.

– Пятнадцатое, было с утра, – весело ответил парень, который тем временем деловито паковал мечи, шлемы и прочие предметы рыцарского облачения в диковинного вида чехлы. – Месяц, год и тысячелетие интересуют?

Я рассмеялась, только смех вышел несколько нервным, поэтому сделала вид, что закашлялась.

– Подожди меня снаружи, здесь трудно дышать с непривычки, – посоветовал мне кузнец. – Сейчас, я все соберу, по-

том заедем за твоими друзьями и отправимся в дорогу.

Да уж, свежий воздух мне точно не помешает. Я быстро схватила газету и засунула ее под кофту. Вышла на улицу, щурясь от яркого солнца, и обессиленно прислонилась к бревенчатой стене. В голове одна безумная теория сменяла другую. Ладно, будем действовать исходя из имеющихся фактов и текущей ситуации. А ситуация такова, что ехать в город нам нельзя. Если уж за время нашего блуждания Заречье изменилось до неузнаваемости, то боюсь даже представить, каким предстанет перед нами родной город, который уже успел вновь переqualificироваться в столицу, причем престольную. И факт встречи двойника Дани наводил на мысли о существовании и наших двойников тоже, и о вероятности с ними повстречаться. А это, как известно, чревато нарушением пространственно-временного континуума и разрушением вселенной. Правда, эта истина запомнилась мне из фантастической классики, но рисковать все равно не хотелось. Привычные законы мироздания рушились на глазах, и приходилось на ходу выстраивать новые.

Кузнец тем временем выволок свои баулы и протянул мне руку.

– Мы же не познакомились. Данила.

– Катя, – представилась я обреченным тоном, пожимая широкую ладонь.

9. УТРО ВЕЧЕРА МУДРЕННЕЕ (НО НЕ ВСЕГДА)

Загрузив рыцарское снаряжение в потрепанный джип непонятого происхождения, Данила усадил меня на пассажирское место и вырулил на дорогу. За те три минуты, пока мы ехали до дома Настасьи Осиповны, подпрыгивая на ухабах, я судорожно пыталась сообразить, что же делать дальше. Надо как-то дать понять ребятам, что мы не можем сейчас покинуть Заречье, и пресечь на корню эмоциональные изъятия их вполне логичных возмущений. И еще предупредить, чтобы не удивлялись тому, что бабкин внук-кузнец оказался харизматичным двойником нашего знакомого художника. А уж потом, в более спокойной обстановке, попытаться вместе осмыслить то, что за полдня нашего блуждания в лабиринте в России непонятным образом произошла реставрация династии Романовых. А город, в котором стоит Исаакиевский собор, вновь обрел статус столицы. И все это, вкупе с возродившимся Заречьем, заставляет поверить в то... Нет, тут точно нужен коллективный разум.

Как только мы остановилась возле бабкиного дома, я выскочила из машины и бегом шмыгнула в калитку.

Костя с Максом все еще сидели за столом, сытые и довольные, и уходить не торопились. Бабка громыхала посудой за печкой. Я бросилась к ребятам.

– Нам ни в коем случае нельзя уезжать, – на одном дыхании проговорила я. – Некогда объяснять, так что поверьте мне на слово. И ничему и никому не удивляйтесь. Потом все

объясню.

Парни изумленно уставились сначала на меня, а потом на того, кто вошел вслед за мной.

– Привет, археологи! – поздоровался вошедший.

Шарик бросился к кузнецу, как к старому знакомому, и тот погладил его осторожно и будто бы даже уважительно.

Ребята, надо отдать им должное, быстро справились со своим удивлением и, как ни в чем не бывало, встали и по очереди представились, пожав Даниле руку.

– Данечка, садись обедать, – засуетилась бабка.

– Нет, бабуля, – нежно ответил ей «Данечка». – Я сначала на станцию сгоняю, ребят отвезу, заказ передам, а потом уж и пообедаю, и поужинаю.

– Нельзя же так, без обеда! – запричитала «бабуля». – И так уже исхудал! Как я матери твоей в глаза погляжу – скажет, заморила бабка голодом!

Данила украдкой закатил глаза к потолку, я невольно улыбнулась. При взгляде на него меньше всего могли прийти в голову мысли об истощении. Вот романтические до неприличия мысли могли прийти, но я их мужественно отгоняла.

Надо было срочно придумать важную причину, по которой мы сейчас ну никак не могли уехать. Я повернулась к Косте, шепнула одними губами: «Помогай» и начала импровизировать.

– Данила, вот ребята говорят, что нам лучше бы сейчас не уезжать из Заречья. Мы же по заданию археологического

общества приехали, начали раскопки, а в результате заблудились. Так глупо получилось. У нас все оборудование осталось там, и машина тоже.

– Там, это где? – уточнил кузнец.

Моя фантазия иссякла, и я сделала Косте страшные глаза, чтобы не молчал.

– Дело в том, что наши коллеги обнаружили комплекс курганов на территории Лужского района, и мы выехали с целью определения потенциала их исторической ценности, – бодро, как по писаному, начал рассказывать Костя. – Точного названия этого места у нас нет, только координаты. Ехали мы до Луги, а потом уже строго по навигатору.

– Который остался в машине, – подхватила я.

– А еще мы зайца по дороге встретили, – вставил Макс.

– Зайца по дороге встретить – дурной знак, – со знанием дела пояснила бабка. – Это леший зайцем обернулся, чтобы вас запутать.

– И как же вы планируете теперь найти эти ваши курганы, у лешего дорогу спросите? – усмехнулся Данила.

– Нет... Просто... – замялся Костя.

– Завтра мы позвоним в институт и уточним координаты, – нашлась я и для достоверности помахала телефоном. – Далеко от этого места за день мы уйти не могли.

– Получается, что вас надо на ночлег разместить, – задумчиво проговорил кузнец, глядя на меня.

Зря он так. Я почувствовала, что краснею до ушей. Да что

ж такое!

– Можно их на чердаке устроить, – предложила бабка. Звучало очень романтично, вот только спать там вместе с Костей и Максом мне совсем не улыбалось. Наверное, Данила заметил, что эта перспектива меня не вдохновляет и предложил другой вариант:

– Пусть ребята ночуют на чердаке, а Катю я к кокушке отведу.

– К кому? – переспросила я.

– К коке Зине, – объяснил парень. – Моей крестной. Она одна живет, ты ее не стеснишь.

– Правильно, – согласилась Настасья Осиповна. – Пускай у Зинки заночует. Заодно забери у нее мои склянки, а то она отвары-то берет, а склянки не возвращает! Мне уже некуда новые зелья разливать.

Воспользовавшись моментом, когда бабка вызвала Данилу во двор подставить лестницу к чердаку, мы с парнями перекинулись несколькими словами.

– Катя, что происходит, – набросился на меня Костя. – Зачем нам ночевать в этой деревне? И что это за полуродственник?

– Наверное, он Катьке понравился, вот она и не хочет уезжать, – подмигнул мне Макс.

Я быстро сунула им в руки газету.

– Вот, почитайте, а потом я с удовольствием выслушаю ваши умозаключения.

Костя спрятал газету в карман, и я почувствовала несказанное облегчение. Как будто передала ему эстафету с бомбой замедленного действия. Посмотрим, вызовет ли сие печатное издание у ребят такой же взрыв мозга, который испытала я. Пускай почитают и подумают, как это можно объяснить. Или посмеются, и докажут мне, что это всего лишь неудачная шутка желтой прессы или очень большая опечатка.

Мы вышли во двор. К чердачному окну была приставлена лестница, и бабка лихо карабкалась по ней вверх, держа в одной руке ворох одеял. Данила стоял внизу и с беспокойством наблюдал за ее действиями.

Заметив нас, кузнец препоручил заботу о бабке ребятам, наказав им следить, чтобы престарелая родственница не свалилась во время спуска, и повел меня к таинственной «кокушке». Макс, нахал, еще разок хитро подмигнул мне на прощание. По дороге кузнец поведал, что его крестная женщина добрая, но своеобразная, поэтому просил меня ничему не удивляться (можно подумать, я еще была на это способна) и подождать возле дома, пока он ей все объяснит.

Дом «кокушки» был небольшой, но очень аккуратный. Рука родственника-кузнеца была видна и здесь по еще одной кованой калитке и витым решеткам на окнах, которые также свидетельствовали о том, что хозяйка весьма озабочена сохранностью своего имущества. Это подтверждала и здоровенная собачина на цепи, размещенная так, чтобы гости не

смогли войти в дом, минуя встречу с ней. Данилу пес приветствовал радостными прыжками, такими, что земля сотрясалась, а радостное виляние его пышного хвоста образовало во дворе небольшую пыльную бурю.

Мимоходом погладив собаку по широкому лбу, Данила вбежал в дом по высокому крылечку. Мы с Шариком остались ждать снаружи, под пристальным взглядом мохнатого сторожа. Украдкой, чтобы не возбуждать у него подозрений, я разглядывала хозяйственный двор. К дому примыкал небольшой хлев, из которого доносилось приглушенное похрюкивание, деловитое квохтанье и переступание чьих-то тяжелых копыт. Рядом с домом раскинулся сад, чуть подальше тянулись идеальными рядами бесконечные грядки.

Тут на крыльцо в сопровождении Данилы вышла женщина лет пятидесяти приятной внешности и весьма оригинальных вкусов в одежде. Зеленая юбка, желтая блузка и красный платок на голове вызывали стойкую ассоциацию со светофором, а манера стоять, оперев руки в бока – с разбойничьей атаманшей.

– Значит, ты и есть Катерина, – сказала она, внимательно оглядывая меня с ног до головы.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровалась я. – Извините за беспокойство!

– Что уж теперь извиняться, – строго ответила хозяйка, заставив почувствовать себя виноватой. – Заходи, располагайся.

– Спасибо! – осторожно поблагодарила я, не решаясь пройти мимо собаки.

– Сейчас, я его придержу, – пришел мне на выручку кузнец. – Узнай, сидеть!

Узнай, значит? Прямо особенности национальной охоты – Хватай, Догоняй... Данила подошел к послушно севшему псу, посмотрел ему в глаза и сказал:

– Узнай, это свои.

Собака просканировала меня и Шарика суровым взглядом и принюхалась, когда я бочком прошла мимо.

– До завтра, Катя, отдыхай! – попрощался Данила и подхватил авоську с многочисленными склянками для бабки. – Как дозвонитесь завтра в свой институт и определитесь с координатами, обращайтесь ко мне, я вас отвезу.

Кузнец бодро зашагал прочь, а я смотрела ему вслед. Почему-то мне очень хотелось, чтобы он оглянулся, но хозяйка ждала меня в дверях, не оставляя времени на сантименты, и я поднялась за ней в дом.

– Ну, проходи в хоромы, – пригласила кока Зина и прошла вперед в темноту прихожей, в которой пахло сыростью и кислятиной. Источник сырого и кислого немедленно обнаружился – я треснулась об него ногой.

– Осторожно, там в сенях кадушка с капустой, не опрокинь! – заботливо предупредила хозяйка. За сенями следовала кухня с большой беленой печкой. По случаю летнего сезона печка не топилась, а вот на маленькой газовой плитке

что-то активно кипело и булькало.

– Как вкусно пахнет! – не удержалась я.

– Поросенку кашу варю, он у меня привередливый, – с материнской гордостью в голосе пояснила Зинаида.

Я улыбнулась, все равно сил на еду не было. Хотелось поскорее упасть на какую-нибудь кровать и отключиться, а там, глядишь, утром все это окажется безумным сном.

– А здесь комната, – экскурсия по дому быстро подошла к концу. Комната была небольшая, но очень уютная. Занавески в цветочек, кружевная скатерть на столе, сервант со стеклянными дверцами, набитый посудно-хрустальным разнообразием, и высокая кровать с металлическими спинками, украшенными шарами, при виде которой я чуть не проследзила. Кровать была одна.

– А вы где спать будете? – брякнула я.

– Как где, здесь и буду, – удивилась хозяйка.

– А я где? – растерялась я.

– А ты в кладовке!

Воображение нарисовало большой шкаф с полками, уставленными банками с вареньем, огурцами и прочими припасами и меня, довольно уютно устроившуюся в обнимку со жбаном с солеными грибочками.

– Сюда иди! – позвала из кухни Зинаида. Я с сожалением кинула прощальный взгляд на кровать и пошла на зов.

– Куда идти? – я уже была готова ко всему – хоть в подвал, хоть в хлев, но хозяйка вышла обратно в сени, где-то в углу

нашарила ручку и открыла узкую дверцу.

Судя по сумеречному свету, сочившемуся из кладовки, как минимум это был шкафчик с окошком. Я протиснулась в дверцу и оказалась в крохотной комнатухе с маленьким оконцем-форточкой, почти все пространство которой занимала – ура! – точно такая же кровать, как и в хозяйской комнате, только металлические шары на спинках отсутствовали и матрас продавлен. В ногах кровати размещался платяной шкаф, и на этом пространство заканчивалось – передвигаться вдоль стенки можно было только боком. Я отпустила Шарика на кровать, чем сразу же вызвала недовольство хозяйки:

– А псину что, в кровать с собой возьмешь? Блох нанесет!

– На нем блохи не помещаются, – устало возразила я.

Зинаида неодобрительно посмотрела на довольно растянувшегося по стеганому покрывалу Шарика, и вылезла из кладовки, притворив за собой дверь. Я немедленно скинула джинсы, оставшись в футболке, и растянулась на кровати, которая отчаянно скрипела и визжала при каждом моем движении, но деться никуда не могла. Шарик нашел свое любимое место в сгибе моей коленки и через мгновение кладовка спала.

Утром меня разбудил солнечный луч, светивший через окошко точнехонько в глаза. Я повернулась, стараясь укрыться от него, и услышала залиvistый петушиный крик. Петух кукарекал, объявляя начало нового дня, куры восхи-

ценно кудахтали. Прямо за стеной похрюкивал поросенок.

Пришлось признать, что это безумие мне не приснилось. Судя по ощущениям, было еще очень рано. А еще очень хотелось пить, и, пардон, в туалет. И надо было как-то определиться, где и когда мы оказались, и решить, что делать дальше. Обдумывая все эти навалившиеся вопросы и проблемы, я снова провалилась в сон.

Во второй раз я проснулась от поскуливания Шарика. Видимо, его терпение было на пределе, в смысле насущных потребностей. Солнце в окно уже не светило, значительно продвинувшись по небосклону.

Я натянула одежду, балансируя на качающейся кровати, и толкнула дверь в сени. Там было все так же темно и кисло. Вместе с Шариком вышла на крыльцо, отметила, какой чудный нынче день, и выпустила нетерпеливо вырывавшегося песика с крыльца. Он немедленно закинул ногу на угол, и я откровенно позавидовала – как все просто. А где же здесь человеческие «удобства»? Где-нибудь в глубине двора? Оглянулась и увидела в сенях не охваченную во время вчерашней экскурсии дверь. За ней – о, чудо! – оказался вполне приличный санузел со всем необходимым.

И тут я вспомнила, что во дворе есть Узнай, и Шарик сейчас окажется в его полном распоряжении. Я опрометью выбежала из дома и застыла на крыльце. Бесстрашный Шарик уже был рядом с цепным псом. К моему удивлению, тот стоял, приветливо помахивая хвостом, который, кстати, был

больше всего Шарика раза в три, и позволял себя обнюхивать. Для этой цели Шарикун пришлось встать на задние лапки, опираясь на Узная. То ли пес оказался добродушным здоровяком, то ли мы действительно со вчерашнего вечера стали для него «своими», но и к Шарикун, и ко мне он выказывал совершенное расположение. Тем не менее, я опасливо подхватила чиха и вернулась в дом.

Хозяйки нигде не было видно, наверное, ее рабочий день начинался с тем самым первым криком петуха, который спозаранку разбудил меня. Интересно, а завтрак здесь включен? Я нерешительно заглянула на кухню. Там на столе стояла крынка с молоком, тарелочка с яйцами и аппетитнейшие булочки. Я решила как можно скорее позавтракать и бежать к ребятам, не дожидаясь хозяйку. Надо было срочно понять, на каком свете мы очутились.

К своему удивлению, я с легкостью нашла бабкину избушку. Несмотря на метаморфозы, которые произошли с Заречьем, ориентировалась я в нем все так же хорошо. Во дворе никого не было видно, и я влезла на чердак по приставленной лестнице. Шарик остался внизу, бдительно следя за мной взглядом. Я осторожно заглянула в чердачный лаз и улыбнулась: ребята безмятежно спали, завернувшись в одеяла и утонув в сене.

– Пожар, горим! – Я кувырком ввалилась прямо на них. Парни вскочили, вернее, попытались вскочить, столкнулись и повалились обратно.

– Нельзя же так спящих людей пугать, – недовольно проворчал Костя. – Этак с нами что-нибудь плохое могло приключиться.

– Ты имеешь в виду хуже, чем сейчас? – фыркнула я. – Вы газету прочитали?

– Прочитали, прочитали, – проворчал он, потягиваясь и встряхиваясь.

Он был спокоен так, что мне захотелось его чем-нибудь стукнуть. Решил испытать мое терпение?

– Знаешь, у меня есть привычка – я читаю все газеты и журналы, начиная с последней страницы, – бесстрастно и даже скучающе произнес Костя, глядя куда-то мимо меня. – Так что поначалу я вообще не понял, с чего ты мне ее всучила и как она могла объяснить причину нашей вынужденной ночевки в этом уютном, но не слишком комфортном пространстве.

– Мы даже решили, что ты и в самом деле из-за кузнеца решила задержаться, – откликнулся Макс, зевая и вытаскивая соломинки из одежды.

Я уже открыла рот, чтобы высказать свое справедливое возмущение, но Костя продолжал, как ни в чем ни бывало:

– И вот я листаю газету, и начинаю понимать: что-то не так. Вроде бы и действующие лица те же, но расклад совсем другой. Курсы валют вообще за опечатку принял. Ну а когда наткнулся на статью о предстоящей церемонии венчания наследника престола... Из династии Романовых... В Санкт-

Петербурге, столице нашей родины.

Я поняла, что за преувеличенным спокойствием на самом деле Костя тщательно скрывал свои эмоции. Как бы взволнован он ни был, он полностью себя контролировал. Интересно, это врожденная черта его характера, или для этого потребовались годы тренировок?

– Насколько я разобрался, монархия здесь все же конституционная, – бодро продолжал он. – То есть власть монарха сугубо номинальна. Так, красивая традиция и лишней повод для пышных торжеств. По факту же политическая власть осуществляется парламентом и премьер-министром, как в Великобритании. Кстати, угадай, кто у нас премьер-министр? – Костя сунул мне под нос газетный разворот.

– Да ну! – изумилась я, заметив знакомое лицо над статьей об очередных успехах России на международной арене. – Просто ум за разум заходит!

– Да нет, как раз все встало на свои места. – Костя устало потер сонные глаза. – Ведь это все объясняет. Правда, объяснение может тебе не понравиться – мне и самому оно, честно говоря, не нравится.

– Больше всего мне не нравится неопределенность, – вздохнула я. – Так что не тяни, и скажи наконец, где мы оказались.

Пока Костя хитро усмехался и тянул эффектную паузу (а может, просто собирался с духом и мыслями), Макс выпалил, сняв сенсацию у Кости с языка:

– В параллельной реальности, вот где! Понимаешь, в этом кургане действуют какие-то особые силы, которые отвечают за энергетическое равновесие. Мы туда влезли, и это равновесие нарушили, и заблудились... на перекрестке реальностей.

Заканчивал фразу он уже неуверенно. Очевидно, что теоретические выводы принадлежали Косте.

– Понятно, – сказала я, ничегошеньки не понимая. – Костя, может, ты все же объяснишь?

– Попробую. Пройдя через лабиринт, заключенный в кургане, мы очутились в варианте реальности, в котором на каком-то историческом отрезке произошло событие, направившее Россию по альтернативному пути развития.

– Так, а можно услышать всю цепочку умозаключений, которая привела вас к данному выводу? – осторожно поинтересовалась я.

Костя взгромоздился на низкую поперечную балку, почти касаясь головой ската крыши, и начал, устремив вдохновенный взгляд куда-то за пределы миров.

– Каждое мгновение мы делаем выбор. Чаще всего на самом примитивном уровне: чем позавтракать, что посмотреть, что надеть на работу, чай выпить или кофе. Или на уровне повыше – по какой дороге поехать, на машине или на общественном транспорте, куда отправиться отдохнуть. И в зависимости от этих решений строится кривая линия нашей жизни.

– Например, упадет на нас кирпич, или не упадет, – встал Макс с умным видом.

– Каждое наше решение рождает текущий вариант реальности, и не только для нас, – продолжал Костя. – Ведь все люди взаимодействуют, линии постоянно пересекаются и переплетаются в настоящую паутину. И дрожание паутины с одного края или ее разрыв где-то в середине неизменно приводят к перестроению всей системы, иногда незначительному, а иногда грандиозному.

– Это из серии, к каким последствиям может привести одна раздавленная несколько тысяч лет назад бабочка? – вспомнила я.

– Именно, – подтвердил Костя. – Допустим, что каждый ключевой момент, то есть такой момент, в который принимается значимое решение, не просто меняет линию истории, а создает развилку, рождая сразу несколько реальностей, развивающихся параллельно в своем времени и пространстве по отдельному сценарию. Между прочим, под эту теорию можно подвести и научную базу – начиная с Эйнштейна и заканчивая Эвереттом с его теорией многомировой интерпретации. Но, к сожалению, с их исследованиями я знаком лишь поверхностно, – закончил он с искренним сожалением.

– Зато теперь у тебя будет бесценный практический опыт – хоть диссертацию пиши, – заметила я.

Костя серьезно задумался:

– Для этого мне пришлось бы досконально изучить трак-

товку согласованных хронологий, и...

– Костя, прошу тебя, отвлекись от своих грандиозных планов и вернись... в реальность, какой бы она ни была, – взмолилась я. – Какой же ключевой момент мог так повлиять на события? Что, Ленин не родился?

– Понятия не имею! – воскликнул Костя. – Я бы сейчас душу продал за местный учебник истории. Где была та самая стрелка, которая переключает рельсы и направляет целую страну по другому пути? Ленин не родился? К власти не пришел Николай Второй? Распутин не добрался до Петербурга? В эрцгерцога Фердинанда стреляли, но промахнулись? Россия победила в русско-японской войне? Столыпина не убили?

Костя замолчал, но глаза его горели. Он вспоминал исторические факты, сопоставлял, делал выводы и... воображал.

– Революцию нельзя было отменить, – решительно заявил он, верно, отвергая одну из только что построенных собственных теорий. – Монархия находилась в глубоком кризисе. Но если бы временное правительство решительно взяло власть в свои руки и пошло навстречу требованиям народа, то, вполне возможно, что февральской революцией все бы и закончилось. Россия путем реформ «сверху» превращается в конституционную буржуазную монархию. Из Первой мировой войны мы вышли бы не через позорный Брестский мир, а в числе стран-победительниц. Россия не потеряла бы территории, а, наоборот, приобрела их. И стала бы самой большой

по территории и самой мощной по экономике страной мира!

Сказать, что мы с Максом были под впечатлением, значит, не сказать ничего. Подумать только, Россия, которую не разрушали до основания, чтобы затем построить новый мир из осколков прошлого, скрепив их цементом из ложных убеждений и страха. Страна, которая не знала красного террора, гражданской войны, насильственных переселений и репрессий. И последующего развала всего, что было создано такой непомерной ценой.

– Вы это всю ночь обсуждали? – тихо спросила я Макса, боясь потревожить Костю в его историческом экстазе.

– Нет, мы остановились на теории относительности и возможности существования параллельных реальностей, – так же шепотом ответил он. – Потом просто вырубилась.

– Я тоже уснула сразу, как голову на подушку опустила, – призналась я.

– А как же кузнец? – невинно спросил Макс.

– Да, кстати, кузнец! – я сделала вид, что не поняла намек. – Как он вписывается в теорию?

– Идеально! – откликнулся Костя. – В нашем мире Заречье – умирающая деревня с несколькими доживающими свой век старушками. В параллельной реальности Заречье, не знавшее потрясений коллективизации – оживленный населенный пункт с развитым сельским хозяйством. А кто же здесь живет? Все те же твои знакомые и родственники, только они не уезжали из деревни в город, а живут здесь – рабо-

тают, женятся, размножаются. Ведь даже на беглый взгляд работы здесь всем хватает. Так что я думаю, Данила – далеко не единственный двойник, которого мы здесь можем встретить.

– Логично, – согласилась я. – Но моих родственников, скорее всего, мы здесь не встретим. Мама как-то обмолвилась, что ее бабушка и дедушка были высланы в Заречье, как это называлось, «на поселение». Неизвестно откуда, неизвестно за что. Они сами об этом никогда не рассказывали, да никто и не спрашивал: слишком сильна была память о временах, когда за любопытство очень дорого можно было заплатить... А папа городской, они с мамой познакомились, когда она в город учиться приехала. Так что, возможно, в этом мире меня вообще нет!

– Интересно, а я есть? – встрепнулся Макс.

– Действительно, интересно, – поддержала его я. – Ведь если история целой страны пошла по другому пути, то и судьбы людей складывались совершенно по-другому. Другие союзы заключались, другие люди рождались.

– А я думаю, что в любом мире каждому суждено встретить того, кто ему предназначен, – с горящими глазами заявил Макс. – И мы все равно должны были появиться на свет.

– Я и не знал, что ты такой романтик, – поддразнил его Костя. – Но давайте все же вернемся к главному вопросу.

– И какой же вопрос главный? – полюбопытствовала я, оторвавшись от занятнейших размышлений на тему, как

должны были сложиться обстоятельства в этой параллельной вселенной, чтобы я все-таки появилась на свет.

– Как вернуться в наш мир, в нашу родимую реальность, или вы уже решили здесь насовсем остаться? – язвительно поинтересовался Костя.

– Нет-нет, что ты, – помотал головой Макс, – Надо домой как-то возвращаться, да поскорее.

– И что же вы надумали насчет способа возвращения? – спросила я, окончательно придя в себя.

– Как правило, в лабиринте выход там, где вход, – пожал плечами Костя. – Так что надо вернуться в курган и постараться найти дорогу назад.

Особого энтузиазма эта идея ни у меня, ни у Макса не вызвала. В голове снова пронеслись ужасы вчерашнего дня – бесконечные блуждания в путанице подземных переходов и пережитое отчаяние. Костя постарался нас приободрить.

– Ну чего вы скисли? Мы же не полезем просто так, очертя голову. Вспомните историю про Минотавра.

– Предлагаешь воспользоваться путеводной нитью Ариадны? – криво усмехнулся Макс.

– Бабули Насти, – попытался пошутить Костя и многозначительно показал указательным пальцем вниз. – Веревка поможет нам методично исследовать проход за проходом. А если ничего не получится, мы всегда сможем вернуться. Но сначала позавтракаем!

Нелегко поверить, что проблемы с вдруг соприкоснувши-

мися параллельными реальностями решаются вот так просто, с помощью путеводного клубочка. Но Костиному напору противопоставить было совершенно нечего, а у него, как я уже убедилась, решения начинали реализовываться непосредственно в момент принятия. Так что мы спустились вниз и разыскали Настасью Андреевну, которая как раз разливала очередную партию любовных зелий по отмытым склянкам. Судя по их количеству, очень скоро Заречье ждала волна свадеб и последующий демографический бум. Мы рассказали ей, что якобы дозвонились до своих коллег и теперь знаем, куда нам надо держать путь. Да-да, непременно обратимся к Данечке, чтобы он нас отвез. Сразу после завтрака! А можно у вас моток веревки попросить, да подлиннее и покрепче?

После того, как парни (включая Шарика) основательно позавтракали, мы попрощались с хлебосольной хозяйкой и выступили в поход, вооружившись бабкиной керосиновой лампой и клубком крепкой бечевки.

Я витала мыслями непонятно где. Если у нас действительно получится по ниточке выйти из кургана в свой мир, то, значит, и обратно можно будет вернуться? Передо мной смутно забрезжила фантастическая перспектива сбегать в параллельный мир на выходные, чтобы познакомиться поближе с... местным населением.

За этими приятными мыслями я не сразу обратила внимание на шум, раздававшийся со стороны карьера. Опреде-

ленно шумела какая-то тяжелая техника. Мы нервно переглянулись и ускорили шаг. Через минуту мы потрясенно глядели на то место, где еще вчера был курган. Сразу несколько экскаваторов хищно вгрызались зубастыми ковшами в склон и деловито наполняли подъезжавшие один за другим самосвалы. Ход, через который мы выбрались из лабиринта, уже срыли, изрядно углубившись в холм. И никаких проходов, камер и древних захоронений не было и в помине, только свежие пласты песка. Курган перестал существовать, а вместе с ним исчезла и наша надежда на возвращение.

10. ХОРОШО ТОМУ, КТО В СВОЕМ ДОМУ

Несколько минут мы потрясенно стояли, молча наблюдая за происходящим. Потом развернулись и пошли к тому месту, где когда-то был наш лагерь. Вернее, где был лагерь в нашем мире, а в параллели оказалась коровья тропа. Пришли и сели в стороне, вернее, упали на заросший склон.

– Какие же мы идиоты! – глухо сказал, наконец, Костя куда-то в траву. – Надо было еще вчера попытаться вернуться обратно.

– Ты же сам понимаешь, что мы бы этого не сделали, – запротестовала я. – Во-первых, мы еще не знали, где очутились, а во-вторых, ни за что не полезли бы в курган на ночь глядя после того, как только что чудом выбрались оттуда.

– Я бы полез, – хмуро проворчал Костя. – Если бы знал,

что это единственная возможность вернуться домой.

– А я бы нет, – поддержал меня Макс. – Мне эти Могилы теперь в кошмарах будут сниться. Слишком хорошо помню то чувство, когда поверил, что они станут нам могилой.

– Сейчас все равно нет смысла это обсуждать, – примиряюще сказала я. – Надо подумать, как еще можно вернуться. Постараться получше изучить это Заречье. Возможно, есть какие-то слухи, поверья, предания. Какие-нибудь аномальные зоны или черные дыры.

– Правильно! – поддержал меня Макс и решительно хлопнул рукой по колену. – Если уж такая штука с нами произошла, значит, могла случиться и с кем-то еще. Так что наша задача – найти что-то необычное. Или кого-то. Будем следовать за знаками. Я не верю, что мы получили билет в один конец!

– Мне бы ваш оптимизм, – усмехнулся Костя. – Ладно, принимается. Ищем, наблюдаем, расспрашиваем. Кстати, наша легенда про археологические исследования позволит вести поиски, не вызывая особых подозрений.

Мы немного взбодрились. Сейчас главное было не терять головы и держаться вместе. Каким бы безумным вымыслом не казалась нынешняя ситуация, придется принять ее и постараться разобраться, какие законы мироздания мы задействовали и как заставить их заработать в обратном направлении. Вот только где нам жить, пока будем обыскивать Заречье и его окрестности в поисках паранормальных зон и яв-

лений? И как объяснить местным жителям, кто мы такие и откуда свалились без денег, без документов и даже без сменной одежды.

– Нам бы сейчас очень пригодился какой-нибудь родственник или знакомый, – задумчиво проговорила я. – Такой, чтобы с жильем помог, перед деревенскими жителями замолвил словечко, а заодно бы и про необычные места и явления рассказал.

И как в ответ на мое пожелание, послышался конский топот, а вскоре показался и сам всадник. Знакомый такой всадник на знакомом сером в яблоках коне.

– Ну что, снова будем импровизировать? – хмуро спросила я, наблюдая, как кузнец спешивается и идет к нам, ведя серого в поводу.

– Давай! У тебя это хорошо получается, – откликнулся Костя. – А я поддержу, по возможности.

– Ты главное ресницами побольше хлопай, – успел подколоть Макс.

– Привет, археологи! – Данила вместе с конем посмотрели на нас строго, как на допросе. – Вы куда пропали?

– Мы не пропали, а просто решили окрестности осмотреть, – сказала я и кокетливо похлопала ресницами, хотя совершенно не собиралась этого делать.

А затем принялась не слишком внятно объяснять кузнецу, придумывая на ходу, что мы должны остаться здесь на неопределенное время, что наши руководители очень заин-

тересованы в археологическом потенциале этой местности (Костя одобрительно хмыкнул), и что наша основная группа, от которой мы в результате совсем уже отбились, должна закончить работы на прежнем месте, и лишь потом приедет за нами. Глупая ситуация, не правда ли?

– Абсолютно глупая, – бесстрастно подтвердил кузнец.

– Поверь, я бы рада предложить тебе другое объяснение, но у меня его нет, – честно сказала я.

Костя с Максом хранили молчание, предоставив мне выпутываться самой.

– Просто поверь, что нам крайне необходимо здесь задержаться.

Я умоляюще смотрела на него, потом перевела взгляд на коня, как будто тот тоже имел право голоса.

– Все это очень непонятно и крайне подозрительно, – вынес свой вердикт кузнец. Конь фыркнул и закивал головой. – Но я постараюсь вам помочь.

– Спасибо! – обрадовалась я.

Вот что предложил Данила: оказывается, у него в деревне был собственный дом, но в заброшенном состоянии. По летнему времени парень жил в пристройке к кузнице, а к зиме жилище требовалось привести в надлежащий вид. Самому хозяину заниматься этим некогда, летом работы особенно много. Так что он готов был предоставить жилплощадь, только нам самим и предстояло сделать ее жилой: разобрать и выбросить старый хлам, кое-что подлатать. Короче, пред-

лагалось побыть гастарбайтерами в обмен за еду и проживание. Не самая радужная перспектива, но выбирать не приходилось, и мы согласились.

Кузнец повел нас к новообретенному месту жилья и работы, и я пристроилась идти рядом с ним, вернее, рядом с конем. Ребята следовали чуть поодаль, оживленно переругиваясь шепотом.

– Хочешь в седло? – спросил кузнец, заметив, какие восторженно-умильные взгляды я бросаю на лошадь.

Прокатиться верхом я бы не отказалась, даже если бы предложение исходило от одного из всадников Апокалипсиса. Я передала Шарика Максу и в одну секунду запрыгнула в седло.

– О, да ты профессионал, – уважительно заметил приготовившийся подсаживать меня Данила. Однако править не доверил, пошел рядом, держа коня под уздцы.

– Скорее, продвинутый чайник, – рассмеялась я, и, осмелев, добавила. – А я его вчера по пути в кузницу встретила. Он что, по деревне свободно бегает?

– Вообще то у него есть своя прекрасная левада. Но эта наглая морда имеет редкостный талант отвязываться и открывать задвижки. Регулярно сбегает из конюшни и шляется, где вздумает, – в шутку пожаловался кузнец, и легонько хлопнул жеребца по упомянутой морде. Серый обиженно прижал уши и горестно потряс головой, отрицая все обвинения.

– Это твой собственный конь? – я провела пальцами по бархатной шее скакуна.

– Да, мой собственный, – с явной гордостью подтвердил парень. – Орловец, сам ездил на конный завод выбирать. Звездопад от Забияки и Душечки.

– Он просто фантастический!

– Я смотрю, ты к лошадям равнодушна, – с одобрением заметил кузнец.

– Это еще мягко сказано, – смущенно улыбнулась я. – С детства по ним с ума сходила. На всех рисунках кони скакали. Во снах видела, как лечу галопом по полю. Но в реальности заняться верховой ездой удалось лишь год назад.

– Значит, сон сбылся?

– Частично, тренировки проходят на манеже, так что левой галоп пока только в мечтах.

Кузнец замолчал, а я подумала, что, наверное, выгляжу смешно со своей детской восторженностью, и тоже притихла. Ну что поделаешь, если для меня любой конь – это одновременно и сказочный единорог, и крылатый пегас. Я млею от одного вида лошади, а в седле забываю обо всех проблемах и неприятностях. Да и какие вообще могут быть проблемы, когда ты сидишь высоко над всеми, всем телом ощущаешь движения мощного прекрасного животного и смотришь на мир между острыми ушками коня. А уж если его ведет под уздцы соответствующий моменту персонаж...

Легкий ветерок взметнул гриву Звездопада и волосы Да-

нили, и я с удивлением отметила, до чего конь и хозяин похожи мастью. «Лошадь любит домовый дедушка, когда она под цвет волос на голове хозяина», – вспомнилась где-то читанная примета. Какие бонусы при этом полагались лошади или ее владельцу, впрочем, не уточнялось.

Яркая фигура Зинаиды была заметна издалека. Она тоже нас заметила и ждала нас с крайне недовольным видом.

– Значит, так вот! Сбежала и спасибо не сказала, – сердито глянула на меня атаманша.

– Простите, вас нигде не было, а меня друзья ждали, – объяснила я.

– Посмотрим, что за друзья, – «кокушка» перевела суровый взгляд на ребят. Они потупились, как будто тоже успели в чем-то провиниться.

– Ишь ты, какой черненький, – умилилась Максу Зинаида. Термин «политкорректность» был ей точно не знаком.

– Здравствуйте, я Макс, – заискивающе улыбнулся ей мулат.

– Ой, он еще и по-русски говорит! – восхитилась женщина.

– Константин, – коротко и сухо представился Костя. По нему Зинаида лишь скользнула взглядом, полностью увлеченная Максом. Налюбовавшись, она снова принялась за меня.

– Так что, Катерина, найдется у тебя для меня на прощание доброе слово? – строго спросила она.

– Прощаться не обязательно, – неожиданно вмешался Данила. – Если ты не против, то Катя еще у тебя поживет. Ребятам придется здесь задержаться... на неопределенное время.

Зинаида несколько мгновений постояла, переводя взгляд с меня на Макса и что-то соображая, а потом заявила:

– А что, пускай живет, мне не жалко! А ребята где устроятся?

– Не волнуйся, кокушка, они у меня останутся, – успокоил ее крестник. – Заодно дом в порядок приведут.

– Это правильно! – поддержала его родственница. – А то за тебя ни одна девка не пойдет, покамест в доме такая разруха.

Данила лишь усмехнулся, видно, привык уже. Потом повернулся ко мне, чтобы помочь спешиться. Наши глаза встретились, и я скользнула с конского бока прямо в его руки.

– Спасибо, но я и сама могла слезть, – пробормотала я.

Он улыбнулся, на мгновение задержал меня в воздухе, и я почувствовала себя невесомой, а мир вокруг словно поставили на паузу, пока ноги не коснулись земли.

– Пойдем, Катерина, будешь устраиваться на проживание, – позвала меня Зинаида. Я рассеянно кивнула ребятам и послушно пошла за ней. Потом спохватилась, вернулась за Шариком и спросила, забирая его у Макса:

– Я же не знаю, где этот дом? Как мне вас найти?

– Я тебя потом провожу, – пообещал Данила.

Костя скривился, Макс ухмыльнулся, а я подумала, что это значит, я скоро увижу его снова.

Досадуя на себя за эти мысли, я попрощалась с ребятами и побежала за удалявшейся Зинаидой. Она шагала быстро, и чтобы не отставать, мне пришлось бежать за ней вприпрыжку, как Пятачку за Винни-Пухом.

– Спасибо, что разрешили пожить у вас, – поблагодарила я свою хозяйку.

– Не годится девице с парнями под одной крышей жить, – строго заметила она. – Или у тебя там жених?

– Нет-нет, это мои друзья. Коллеги, – поправилась я.

– Коллеги, понятно, – протянула Зинаида с видом «знаем мы таких коллег». – Ты в кладовке удобно устроилась?

Я неопределенно хмыкнула.

– Вот и хорошо. А вещи твои где?

Я смущенно объяснила, что из вещей у меня есть только то, что надето на мне, плюс Шарик. Зинаида удивилась, но расспрашивать не стала. Мы подошли к дому. Залаявший было Узнай завилял хвостом, признав нас.

– Вот что, у меня сегодня выходной, так что я хозяйством займусь, а ты уж сама себя развлекай, – сказала хозяйка, энергично вбегая на крыльцо.

– Может, и я чем помогу? – неуверенно предложила я.

– Да чем ты сможешь? – фыркнула кока Зина. – Хотя постой. Готовить умеешь?

– Кое-что умею.

– Так приготовь обед, там курица потрошенная в холодильнике, а я скотиной займусь, – женщина повязала поверх платья передник и решительно направилась в хлев, а я – на кухню.

Ну что же, начнем изучать этот мир с исполнения традиционных женских обязанностей. Курица из холодильника неприятно поразила меня наличием головы. Пришлось ее отрезать, почувствовав себя палачом. Какой же смертью погибла несчастная птица? И что бы из нее приготовить, чтобы ее гибель была не напрасной? Порыскав по кухне, я нашла картошку, морковку и лук и решила потушить это все вместе с курицей. Скоро кастрюля булькала на плите, разливая аппетитный аромат.

– Ишь ты, пахнет вкусно! – Зинаида вошла, снимая передник и вытирая вымытые руки. – Неужто и вправду готовить умеешь? А я так это дело не люблю!

– Не скажу, что люблю, – честно призналась я. – Но простые блюда приготовить сумею.

– Это хорошо. Мужа, значит, накормить сможешь, – похвалила «кокушка».

– Ну да, зачем еще надо уметь готовить, – пробормотала я. Мы вместе накрыли на стол и с удовольствием принялись за еду. Шарик под столом грыз хрящики. За обедом Зинаида разговорилась и принялась рассказывать, что происходит в деревне. А рассказать было о чем: оказалось, в Заречье разгоралась нешуточная борьба за место сельского ста-

росты. Уже много лет на эту должность переизбирался некий Григорий Федотов. На деревне он пользовался большим уважением и, до недавнего времени, непререкаемым авторитетом. Но с некоторых пор у него появился серьезный конкурент, как выразилась моя хозяйка «змея, пригретая на груди». Дело в том, что ферма, которую мы разглядели на дальнем краю Заречья, принадлежала энергичному предпринимателю Морозову. Несколько лет назад он выкупил участок земли в конце деревни с полуразрушенными коровниками и занялся реорганизацией молочного производства.

Почему же змея? А потому что, по словам Зинаиды, без Федотова ничего бы у Морозова не вышло. Желая помочь начинающему фермеру, староста немало способствовал покупке земли, да и с работниками помог: чуть ли не по домам лично ходил, агитируя женщин идти в доярки. Предприниматель же за дело принялся активно и не жалел денег ни на коров, ни на рабочих – очень скоро работать на ферме стало считаться большой удачей. Предприятие расширялось, стадо росло, и у Морозова появился дерзкий план перепрофилировать производство с молока на мясо, что сулило совсем другой уровень прибыли, но требовало значительных новых площадей. А все земли вокруг деревни находятся в долгосрочной аренде у семейного земледельческого кооператива Федотовых – его самого и четверых сыновей.

Тогда Морозов начал наступление на своего недавнего благодетеля, выбрав очень удачный момент: мало того, что

этот год выборный, так еще и срок аренды земель истекает. И в департамент сельского хозяйства в этом году полетели два запроса: один от Федотова, на продление аренды, а второй от Морозова, с подробным бизнес-планом по строительству мясопромышленного комплекса. Деревенское общество разделилось: старожилы выступали за старосту, а вот молодежь, хотя и не открыто, поддерживала предпринимателя, ведь новое производство обещало множество рабочих мест у хорошо зарекомендовавшего себя работодателя.

Если жители Заречья поддержат в выборах Морозова, то они автоматически выкажут поддержку и его наполеоновским планам по дальнейшему развитию местности, и это, несомненно, учтется властями при принятии решения. Получалось, что с местом старосты Федотов мог потерять и свои сельхозугодья, что ставило под удар все семейное предприятие.

– Зинаида Алексеевна, а вы за кого, за Морозова, или за Федотова? – осторожно спросила я. Помнится, Данила обмолвился, что кокушка на ферме работает.

– За Федотова, конечно, – фыркнула женщина. – В Заречье издавна землю пахали и пшеницу сеяли. А тут приехал городской умник и решил, что может поменять все, как ему захочется. Мы сами знаем, как нам жить, нам указчики не нужны!

И стукнула ладонью по столу, демонстрируя свою неподкупность и приверженность установленным порядкам, а за-

одно прибив зазевавшуюся муху.

– А почему у Данилы дом необжитый? – я решила сменить тему, чтобы успокоить хозяйку.

– Так он ведь тоже городской, – все еще ворчливо ответила «кокушка». – Второй год всего пошел, как он к нам на постоянное жительство переехал. Отец его еще по молодости из Заречья уехал. Только свадьбу сыграли, а он и заявил отцу своему, что уезжает. Ух, как тот бушевал! Он ведь надеялся, что сын кузнецом станет, как он, сам-то он кузнец потомственный. Сына ждал долго, до него трех дочек жена родила, Яков уже отчаялся наследника заиметь. И вот, дождался. Растил, ремеслу учил. К свадьбе дом ему выстроил. А тот сказал, что кузнецы нынче никому не нужны, сейчас, мол, время новых технологий, а молотом в жаркой кузне махать – прошлый век. Дед Яков тогда заявил, что, если сын в город переедет, пусть в родном доме больше не показывается. Даже когда внук родился, видеть не захотел. Настасья к ним в город тайком ездила. А Яков с тех пор словно потух, даже согнулся весь. Кузницу забросил, все дома сидел, или в лесу по несколько дней пропадал. Уж как бабка его травками своими не отпаивала – все без толку.

Много лет прошло, и вдруг в один прекрасный день ожила кузница, задымила. Деревенские, конечно же, побежали смотреть, кто там работает. Глядят, стучит молотом Яков, глаза горят, спина прямая. А рядом парнишка хлипкий суетится, помогает. Оказалось, внук из города приехал, и сразу

к деду – хочу, мол, стать кузнецом. С тех пор так и повелось – на каждые каникулы Данила стал приезжать, перенимать кузнечное дело. А в городе-то он на художника учился, представляешь себе? Наш Данила – художник, курам на смех!

– Это точно, – пробормотала я, вполне живо представляя себе художника Данилу, а вернее, вспоминая недотепу Данила из нашей реальности. Поразительно, насколько причудливо переплетаются нити судьбы в этой реальности, и при этом неизменно повторяют узор. – А где же сейчас дед Яков?

– Помер Яков, – с грустью сказала Зинаида. – Года три уже как помер. Вроде и здоров был, как бык. А однажды просто не проснулся. Настасья с тех пор совсем в свои зелья-снадобья ушла, и Данила больше не приезжал. И вдруг как с неба свалился в прошлом году, уже насовсем. Привез с собой кучу всяких станков да паяльников – целый прицеп. Кузницу оборудовал по-новому. Оказывается, он в городе продолжил ремеслу обучаться, денег подзаработал – сейчас на художественную ковку большой спрос – всякие там решетки, ворота, каминь, я тебе и не расскажу всего. Да еще он с этими, как их, конструкторами связался, ну это когда взрослые мужики в рыцарей играют, на конях скачут, да мечами машут.

– Реконструкторы, – поправила я. – Общество исторической реконструкции.

– Вот-вот. Так он для них мечи да доспехи делает. Ох и дорогие эти мечи у него, ты себе не представляешь. Да этим конструкторам все нипочем, заказывают, покупают. Так что

без работы не сидит, и денег немало зарабатывает. Да и парень он видный, девки местные за него друг дружке косы по-выдергать готовы, так что ты с ним поаккуратнее, – дала мне совет Зинаида, с явной гордостью за крестника.

– Мне бояться нечего, у меня кос нет, – усмехнулась я. Значит, он здесь первый парень на деревне. Кто бы сомневался?

– А к чему я все это тебе рассказываю? – опомнилась женщина, – Ах да, дом. Дом все это время стоял нежилой. Хоть и строил его Яков на славу, а подделать много чего надо. Да и забит всякой рухлядью ненужной. Прошлую зиму Данила у Настасьи перекантовался, а в этом году твердо решил свое жилье в порядок привести. Только работа в кузнице мало времени на ремонт оставляет, так что твоим друзьям-коллегам придется изрядно попотеть.

– Ничего, справятся, – улыбнулась я. – Макс никакой работы не боится.

– Макс, это который африканец? – живо заинтересовалась хозяйка.

– Вообще-то он русский, – растерялась я.

– Да неважно, – отмахнулась Зинаида. – У нас таких вижу и не видали. Ох, бабы в восторге будут! А второй-то заносчивый какой, свысока поглядывает. Сразу видно – пижон городской.

– Нет, Костя хороший парень, просто не привык еще, – вступилась я.

После обеда хозяйка критически взглянула на меня и ушла в комнату. Я убрала со стола и начала мыть посуду, когда она вновь появилась с ворохом одежды в руках.

– Я тут кое-что выбрала из моих старых нарядов, посмотри, может какой сарафан или платье приглядишь. А то худая, в майке да в штанах, и не поймешь – парень или девка.

– Спасибо! – растерянно поблагодарила я.

А я-то считала себя стройной и женственной...

Я отнесла предложенный мне гардероб в свою кладовку и свалила на кровать. Значит, ищем, наблюдаем, расспрашиваем? Задача для шпиона. Быть может, в рамках нашей миссии стоит попробовать замаскироваться под селянку?

Я с сомнением поворошила груды одежды: ситцевое платье в мелкий цветочек с рукавами-фонариками и широкой юбкой, сарафан с пышными рюшами по лифу, а это что?

Я потянула что-то розово-кружевное, оно вытягивалось и не кончалось, как бесконечные ленты в шляпе фокусника, и наконец оказалось долгополой ночной рубашкой с длинными рукавами, бантом на шее и кружевами по подолу. Я с любопытством оглядела этот апофеоз целомудрия, и вдруг опомнилась.

– А что это я здесь сижу? – спросила я Шарика. – Там вокруг целый параллельный мир, совершенно неизвестное Заречье, а я тут решаю, что надеть! Мне же надо успеть все посмотреть! Вот что, ты жди меня здесь, а я побегу, заодно разведу, как нынешний мир настроен по отношению к ма-

леньким собачкам.

Данила, правда, обещал меня проводить, но он же наверняка работать весь день будет. А я не могу себе позволить так бездарно тратить время.

Я спешно засунула всю кучу тряпья в шкаф и выскочила из дома в чем была. Все равно сойти за свою в деревне, где все друг друга знают, самое безнадежное дело, что бы я ни надела, от сарафана с кокошником до спецодежды доярки с фермы этого Морозова.

11. ВЕСЕЛО КОНЯМ, КОГДА СКАЧУТ ПО ПОЛЯМ

На дорогу я вышла с замиранием сердца. Жизнь в параллельном Заречье кипела ключом – мужчины и женщины шли по своим делам, здоровались, останавливались поговорить. Весело перекрикиваясь, летела стайка чумазых мальчишек и девчонок. За заборами надрывались от лая цепные псы, а вдоль дороги гордо вышагивала полосатая кошка с крупной мышью в зубах.

Я шла как зачарованная, стараясь не слишком откровенно глазеть и держать рот закрытым. Я будто вернулась во времена своего детства, в мою любимую деревню. Вот только дома побогаче, заборы поровнее, дорога без ям. Магазин и клуб на том же месте – и выглядят, как новые. Люди веселые и довольные жизнью, прямо как в советских фильмах

про колхозы, только что хором не поют. Я поймала себя на том, что высматриваю знакомые лица – и ведь высмотрела! Навстречу мне шла Варвара.

В отличие от Дани, Варвара ничуть не отличалась от своего двойника из нашего мира, даже коса той же длины. Красивая, уверенная в себе. Не в силах сдержаться, я так и устоялась на нее, а она неспешно подошла, снисходительно оглядела меня с головы до ног, и уточнила:

– Катерина?

– Но как? – только и смогла пролепетать я.

– Это ведь ты с археологами приехала? – уже откровенно посмеиваясь, переспросила моя «параллельная подруга».

И тут до меня стало доходить, что в деревне, подобной Запечью, слухи расходятся быстрее, чем вай-фай, и несомненно, все жители были уже в курсе того, что у них остановились на время городские «археологи». Так что я была безошибочно вычислена, а вовсе не узнана, как мне с перепугу померещилось в первый момент.

– У Зинаиды будешь жить? – продолжила выведывать Варвара. – Не завидую я тебе, она сплетница, каких поискать. А друзья твои, значит, у Данилы в старом доме останутся? Ты к ним идешь? Хочешь, провожу?

– Давай! – выпалила я, воспользовавшись возможностью перестать просто кивать в ответ и вставить слово, перервав поток Варькиной болтовни.

По дороге Варвара успела подробно расспросить меня о

Косте и Максе – возраст, семейное и финансовое положение. А я все никак не могла отделаться от сильнейшего, до головокругления, ощущения дежавю. Ведь все это я уже рассказывала, причем именно Варваре. И, похоже, что и в этом мире ее точно также интересовала любая особь мужского пола, которая могла бы способствовать основной цели: повыгоднее выйти замуж и переехать в город, подальше от деревни.

Искомый дом стоял мало того, что на другом конце деревни, так еще и в некотором отдалении от остальных. Окруженный садом с цветущими деревьями, с белыми ставнями и голубой крышей, издавдала он показался очень нарядным и вполне пригодным для жилья. Но вблизи стало видно, что двери разошлись, ставни покосились, часть стекол отсутствует, а фруктовый сад зарос и одичал.

Мы тут же наткнулись на Костю, который блаженно растянулся на старом продавленном полосатом диване прямо перед домом. Изнутри слышался грохот передвигаемой мебели, потом на порог вышел Макс и возмущенно обратился к отдыхающему:

– Костян, хватит уже загорать, я что, остальную мебель сам должен таскать?

– А что, у тебя очень даже неплохо получается, – ответил тот, не открывая глаз.

– Мужчины, вам помочь? – ехидно осведомилась я.

– От помощи не откажемся – там все разной рухлядью забито. Такое чувство, что на протяжении всех лет, что дом

пустовал, он использовался как склад для ненужных вещей, которые жалко выбросить. И воняет ужасно, – брезгливо поморщился Костя.

– Это мышами пахнет, – уверенно заявил Макс. – Кошку бы сюда.

– Ни одна уважающая себя кошка в таком бардаке жить не будет, – лениво отозвался Костя, сквозь прищуренные веки изучая Варвару с ног до головы, отчего и сам весьма походил на довольного кота.

– Верно, – подтвердила та. – Кошкам, как и женщинам, нужен уют. И ласка.

С этими словами она присела на диван рядом с Костей, закинув ногу на ногу и обнажив загорелые колени. Макс смутился и вернулся в дом, где загрохотал с удвоенной силой.

– Так какого рода ласка требуется и женщинам, и кошкам? – Костя повернулся к Варьке. Его-то не так легко было смутить.

– У женщин и у кошек много общего, вы никогда не замечали? Красота, грациозность, изящество, – мурлыкающим тоном сказала девушка, элегантно меняя положение ног в подтверждение своих слов.

– И так же гуляют сами по себе? – многозначительно поднял бровь Костя.

– Возможно, – ответила Варька, строя ему глазки по всем правилам: голова чуть повернута вбок, взгляд из-под трепещущих ресниц. – А вы любите кошек?

– Люблю, если они не царапаются и по углам не гадят, – усмехнулся непробиваемый Костя.

– Константин, вы такой остроумный, – с придыханием проворковала девица и легонько коснулась рукой Костиного плеча. – Ладно, пойду, не буду вам мешать. Еще увидимся.

Варвара небрежно махнула рукой и удалилась, усиленно покачивая бедрами. Костя и высунувшийся в окно Макс с явным удовольствием проводили ее глазами.

– А твоя подруга ничуть не изменилась, хоть какая-то стабильность в мирах, – Костя со вкусом потянулся. – Ну а ты что подельвала, пока нас тут в гастарбайтеры записали?

– Обед готовила, – пожала я плечами. – Заодно узнала кучу информации про Заречье.

Я рассказала ребятам все, о чем поведала мне словоохотливая Зинаида.

– Очень познавательно, – вздохнул Макс. – Мне только одно непонятно.

– Что? – с готовностью переспросил Костя.

– Как нам домой вернуться! – и Макс плюхнулся на диван рядом с Костей. Ветхая мебель не выдержала и разложилась с громким скрипом. Парни резко откинулись назад вместе с отлетевшей спинкой и потонули в тучах пыли.

– Нам надо быть очень осторожными, – проговорила я сквозь пыль и смех.

– Чтобы еще чего-нибудь не сломать? – спросил Костя, пытаясь встать.

– Чтобы не попасть впросак и не выдать, откуда мы сюда заявились.

– Мне почему-то кажется, что если мы кому-то выдадим эту страшную тайну, то попадем не впросак, а в сумасшедший дом, – проворчал Макс.

– Согласись, это будет как минимум неприятно. Так что давайте постараемся поменьше болтать и разузнать побольше фактов.

– Договорились! Вот, например, Максу нравится Варвара, это факт! – снова развеселился Костя.

– С чего ты взял? – занервничал Макс. – С ее внешностью она нравится всем, и тебе в том числе, это тоже факт. Я видел, как ты тут на диванчике с ней флиртовал.

– Кто с кем флиртовал, это вопрос, – парировал Костя. – А Катьке, например, она не нравится, и это еще один факт! Признайся, тебе неприятно было, что она со мной заигрывала?

– Не льсти себе, – охладила я его. – Слушайте, любители фактов, а вы-то хоть что-нибудь разузнали?

– Да что же мы могли разузнать, нас кузнец сюда привел, работать приказал и ушел, – жалобным тоном проныл Костя. – Паспорта забрал, так что никуда мы от него теперь не денемся!

– Костян, чего ты придуливаешься, ничего он не приказывал, – перебил его Макс. – Он сказал «посмотрите, что можно сделать». И вообще, если тебя условия не устраивают,

можешь их обсудить с работодателем – вон он едет.

– И снова на коне. Видно, в детстве в индейцев не наигрался. Или переигрался, – недовольно пробормотал Костя.

Когда Данила появился из-за буйно разросшейся живой изгороди, стало видно, что он ведет в поводу упитанную рыжую лошадку.

– Привет! Я тебя у Зинаиды искал, а она говорит, ты ушла, не сказав куда, – весело обратился он ко мне. – Хорошо, люди подсказали, что девушка, которая приехала с археологами, вместе с Варькой к старому дому отправилась.

Он спрыгнул на землю и принялся подтягивать подпругу у рыжика. Конек замер, затаив дыхание. Совсем как ушлые учебные лошадки на нашей конюшне: надуют брюхо так, что ремни едва на последние дырочки удастся застегнуть. А стоит вставить ногу в стремя, чтобы запрыгнуть в седло, конь выдыхает, и ты плавно съезжаешь вниз вместе со всей амуницией. Но кузнец на эти хитрости не поддался, приналег шутя, и упрямец сдулся, как шарик, шумно выдохнув с возмущенным фырканьем. Звездопад ревниво наблюдал за манипуляциями хозяина, посверкивал белками глаз, но с места не двигался.

– Слушай, Данила, я посмотрел, в доме перегородки совсем хлипкие, – завел производственную тему Макс. – Можно их снести и планировку более удачную сделать.

– Отличная идея! Потом обсудим, – кивнул кузнец и обратился ко мне. – Ну что, готова?

– К чему? – опешила я.

– К исполнению мечты, конечно. Поедем в поля.

– Катя, ты уверена, что это безопасно? – хмуро спросил Костя. Правда, не уточнил, что «это» – скачки на вольном воздухе, или совместная прогулка с малознакомым привлекательным мужчиной.

– Орлик спокойный, к тому же он мерин, – заверил Даня, выдав интимную тайну конька.

Судя по лицу Кости, его это не успокоило. Похоже, что скорее он предпочел бы услышать то же о самом кузнеце.

Орлик был пониже Звездопада и ростом, и происхождением – простая крестьянская лошадка. Плотный и круглый до того, что, если бы Данила не уточнил, что это мерин, я бы решила, что это кобыла, к тому же жеребая. Но все это не имело значения, ведь я сейчас поеду "в поля"!

Я молча приняла повод из рук кузнеца, погладила рыжика по белой проточине на морде и влезла в седло. Седло было старое и потертое, стремена ржавые, а повод представлял собой длинную веревку. Я поерзала, пытаясь устроиться поудобнее. Хорошо еще, что не решилась Зинин сарафанчик надеть, вот была бы картина!

– Катюха, удачи! – крикнул мне вслед Макс. Костя промолчал, провожая нас хмурым взглядом.

Данила направил своего жеребца вдоль огородов к деревенской окраине. Орлик послушно тронулся следом, практически уткнувшись в круп Звездопаду. Тот сердито отма-

хивался хвостом, а мерин лишь довольно жмурился, используя дополнительную возможность отгонять мух от морды.

Я тем временем пыталась справиться с веревочным поводом – его никак не удавалось разобрать по правилам, и длинный конец свисал почти до земли – и с волнением. Одно дело в течение полугода усердно овладевать основными аллюрами в ограниченном пространстве манежа, или любоваться на экране всякими там гардемаринами и мушкетерами, мчущими по весь опор по полям и лесам и абсолютно другое – самостоятельно выехать на открытое пространство, где лошади может взбрести в голову все, что угодно. Страх и восторг смешивались во мне и разливались по венам убойным коктейлем из разнообразных гормонов. Волнения добавлял и кузнец, который на коне смотрелся просто потрясающе. Хотя надо признать, он везде смотрелся потрясающе.

Тем временем мы миновали последние деревенские постройки и спустились к заросшему пустырю. Орлик спускался медленно, с опаской, так что кузнецу пришлось придерживать рвавшегося вперед жеребца.

– Сейчас вон те кусты проедем и можно рвануть галопом к реке! – не оборачиваясь, бросил Данила.

Лошади пробрались через кустарник: Звездапад целеустремленно, Орлик – стараясь по дороге ухватить как можно больше листьев. В результате на поле он выбрался с полным ртом веток, торчащих в разные стороны.

– Ну что, наперегонки? – весело предложил кузнец.

– Ага! – в шутку согласилась я, и в шутку же предложила: – Только лошадыми давай поменяемся!

– Легко! – парень неожиданно спрыгнул со своего коня, который явно не ожидал подобного поворота событий, и подвел его ко мне. – Садись!

– А он разрешит? – с сомнением поинтересовалась я, совсем не радуясь своему необдуманному предложению.

– Достаточно того, что я разрешаю.

Пришлось и мне сползть с такого уютного и спокойного Орлика, все еще пережевывавшего свою добычу.

– Давай подсажу! – кузнец профессионально подставил мне руки и подкинул в седло. Звездопад стоял как вкопанный, стоически глядя вперед.

– Все нормально? – уточнил Данила.

– Абсолютно! – храбро подтвердила я, судорожно подтягивая стремяна, хотя поджилки у меня тряслись, а в голове вертелась паническая мысль: "И зачем я сюда полезла, вот сверну себе шею где-нибудь под кустом, и прощайте! Из параллельной реальности прямиком на тот свет отправлюсь!"

Данила запрыгнул на Орлика, сжал его бока ногами, отчего мерин выплюнул недожеванные листья, поставил уши торчком и изобразил из себя лихого скакуна. Пробежал несколько темпов тяжелой рысью, а потом, повинуясь команде всадника, перешел в галоп, неожиданно резвый для лошади его комплекции.

Я нерешительно тронула жеребца ногой. Он неспеш-

но тронулся шагом, изгибая шею и поглядывая искоса на нежданно свалившуюся на него всадницу. Данила и Орлик стремительно удалялись, я запаниковала и стала поднимать коня в галоп по всем правилам: повод, правое постановление, шенкель. Звездопад задумчиво пошел по кругу направо. Так, еще раз, постановление в другую сторону, шенкель. Орловец сменил направление и двинулся влево. Тем временем Данила заметил, что у меня со Звездопадом отношения не складываются, и вернулся на исходную позицию. Подъехав на взмыленном Орлике, ошарашенном собственной прытью, кузнец принялся командовать:

– Возьми повод в левую руку, а правой держись за переднюю луку.

Я послушалась и ухватилась за седло покрепче, переложив повод в левую руку.

– А теперь что?

– А теперь тресни его пятками по бокам!

Я что было сил дрыгнула ногами, и жеребец огромным скачком с места рванул в галоп. Чудом удержавшись, я поняла, что повод в одной руке не дает возможности привычного управления лошадю, но отступать было некуда. Намотала болтающийся конец на руку и постаралась враси в седло. Жеребец несся широкими плавными темпами, ветер свистел в ушах. Никогда еще я не ездил на лошади так быстро. И пусть по сравнению с машиной скорость была небольшая, но это была живая скорость, то самое потрясающее чувство, что

мы с конем составляем единое целое существо, для которого движение и жизнь неразделимы. Страх и неуверенность исчезли как по волшебству, на смену им пришло ощущение счастья, захотелось кричать от радости.

Все мои мечты о лошадях летели рядом со мной. Ночные бдения над Фенимором Купером и Майн Ридом – индейцы, скачущие по прерии на полудиких мустангах. Мушкетеры – о, как я им завидовала, от Парижа до Ла-Манша, верхом! Зачем вам подвески, вы и так счастливее всех на свете. Первая лошадь – где я ее увидела? – не помню, ведь любовь к ним жила во мне с рождения. В первый раз села на лошадь – в семь лет, у зоопарка, для фото – какое у меня лицо, словно мне подарили весь мир и пару лошадей в придачу! И бесконечные сны о том, что я скачу по бескрайнему полю, на коне, быстром, как сам ветер.

– Эге-гей! Нас не догонят! – чтобы не взорваться от избытка чувств, я заорала первое, что пришло в голову. От этих воплей у Звездопада включилась передача, и он перешел на следующую скорость. Мир вокруг слился в размазанную зеленую полосу, счастье стало абсолютным, а впереди уже блестела река. Тревожила только одна мысль: "А как тормозить будем?"

Решение пришло само, и очень быстро. Подлетев во весь карьер к воде, жеребец замедлил ход, а потом резко кинулся в сторону, при этом наши траектории разошлись, и я кувыркнулась в воду, все еще держась за намотанный на руку

повод. Это спасло меня от полного купания, но наполовину я все же вымокла. На нижнюю половину. А тут и Данила подскакал, спешился и вытянул меня из воды.

– Разве тебя не учили ни в коем случае не крепить повод на руке? – строго выговорил он мне. – А если бы свалилась на полном ходу, и конь протащил бы тебя по полю?

– Ну не свалилась же! – легкомысленно отмахнулась я. Потом, посерьезнев, добавила. – Учили, конечно. Только все из головы вылетело, как только вскачь понеслась. Впредь буду осмотрительнее, обещаю.

– Ну ладно, – смилостивился кузнец и поинтересовался. – Штаны здесь сушить будем или в мокрых домой поедешь?

– Как это – здесь сушить? – растерялась я.

– Очень просто, на кустиках, – объяснил Данила, жмурясь от солнца и улыбаясь от перспективы.

– Да-да, уже бегу снимать, – съехидничала я. – А тебе тоже сразу что-нибудь посушить понадобится?

– Возле реки всегда есть большая вероятность намочнуть, – хитро улыбнулся он.

– Тогда ты иди, намокни и охладись, а я и так доеду, по дороге высохну, – храбро заявила я. Потом взглянула на Звездопада и поспешно добавила. – Только давай обратно я все-таки на Орлике поеду.

– Испугалась? – спросил он. Не насмешливо, а с искренним беспокойством в голосе.

– Нет, что ты, это было просто потрясающе! – заверила

его я. – Но на сегодня мне хватило сильных впечатлений!

– Ты уверена? – уточнил Данила, с улыбкой глядя мне прямо в глаза, отчего какой-то части моей личности захотелось закричать "Спасите, пропадаю!" и убежать как можно дальше и быстрее, а другая часть была готова немедленно кинуться кузнецу на шею и заняться... совместной сушкой штанов. Какая часть была сильнее – решать в данный момент я не осмелилась, и поэтому отвела глаза. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как Орлик короткими перебежками продвигается в сторону деревни, попутно обрывая сочные кустики осоки.

– Орлик, Орлик! – кинулась я за меринком, и, ничего лучше не придумав, протянула ему пустую ладонь. – На-на-на!

Конь красноречиво посмотрел на густую траву под копытами, потом с сочувствием взглянул на меня, и по доброте душевной все же решил позволить глупой девушке поймать себя и влезть в седло.

– Обрато поедем другой дорогой, – кузнец лихо запрыгнул на Звездопада. Я же с трудом оторвала рыжего обжору от самовыпаса и направила его за серо-звездным крупом жеребца.

Вокруг лошадей вились целые тучи разнообразных кровососущих тварей. В восторге от такого количества потенциальной пищи в виде лошадей, они почти не обращали внимания на всадников. Бедный Орлик совершенно извелся, хлестая себя хвостом, встряхивая гривой и поминутно поворачи-

чивая морду, чтобы зубами достать насекомых мучителей. Так как он при этом дожевывал траву, то скоро умудрился измазать зелеными слюнями и себя и меня.

Мы проехали вдоль реки, и вступили в лес, где тропинка выросла в довольно широкую дорожку. Кузнец придержал коня, и мы поехали рядом. Птицы соревновались в конкурсе на лучший голос, мы молчали, заслушавшись, а лошади пофыркивали, с мягким стуком ступая по утоптанной земле. Лучи солнца пробивались сквозь листья и золотили все, что в них попадало: комаров, гривы коней, волосы Данилы.

"Просто сказка, – подумала я, – а за поворотом ждет нас чудище лесное. Будет нам загадки загадывать, кто не отгадает – того съест!"

Но за поворотом лес неожиданно закончился, а песчаная дорожка пошла под уклон. Она была покрыта чем-то странным, и это что-то пестрело и шевелилось. Присмотревшись, я поняла, что на теплом золотом песке грелось множество оранжевых бабочек, которые лениво шевелили крылышками под ласковыми солнечными лучами. Орлик без колебаний двинулся прома на них, и испугнутые бабочки начали вспархивать в воздух – сначала по нескольку штук, потом стайками, и, в конце концов, мы оказались в порхающем облаке. Бабочки садились на уши и морду коня, на мои волосы и руки. Садились на миг и снова взвивались вверх, зависая на лету, словно рассматривали, кто нарушил их полуденный покой? Покружились еще немного, взмыли в небо и ис-

чезли, как по волшебству. Реальным осталось наполняющее весь мир солнце, теплая большая лошадь подо мной и Данила, наблюдающий с пригорка. Он тронул Звездопада ногой и, подъехав ко мне, спросил с улыбкой:

– Так что же я получу за исполнение твоей мечты?

– А что ты хочешь за это получить? – увернулась я.

– Скажи мне правду, – просто сказал он.

Не в бровь, а в глаз, как говорится.

– Какую правду? – пробормотала я, потупив взор.

– Не думаешь же ты, что я поверил в эту чушь про археологов, – укоризненно сказал Данила. – Будто ваши коллеги бросили вас, и пока вы тут что-то не раскопаете, вам нельзя возвращаться.

– Не такая уж это и чушь, – слегка обиделась я за нашу легенду. – По крайней мере, не все из этого.

– Так что с вами произошло на самом деле? Кто вы и откуда? Кто ты? – Данила взял меня за руку и привлек к себе. Орлик и Звездопад встали бок о бок, а мы оказались так близко друг к другу, что наши колени соприкасались. Он смотрел на меня, и под этим взглядом я готова была все ему рассказать и разделить с ним неподъемное бремя пространственно-временных сложностей.

– Ты прав, кое-что мы выдумали. Нам пришлось так поступить, потому что мы попали в очень трудную ситуацию. Вернее сказать, в невероятную ситуацию. Невероятную в полном смысле этого слова, поскольку в нее невозможно по-

верить. Я бы точно не поверила, – я нервно рассмеялась, обдумывая, с чего же начать рассказ. – Видишь ли, мы приехали в Заречье искать могилу Рюрика...

Наверное, я слишком долго собиралась с мыслями. Звездопад решил, что он уже достаточно терпит соседство Орлика и куснул его за шею. Для Орлика это оказалось настолько неприятной неожиданностью, что он взвизгнул и отскочил в сторону. Я сидела расслабленно, не ожидая такого оборота, и поэтому не успела сгруппироваться, вылетела из седла и шлепнулась на землю самым неэлегантным образом. Второй раз за день свалиться с коня – это уже слишком!

– Ты цела? Ничего не сломала? Катя, что ты молчишь? – Данила в мгновение ока спрыгнул со Звездопада и встревоженно тряс меня за плечо, а я не могла вымолвить ни звука. Не потому что ударилась, а потому что Орлик уронил меня рядом с тем, что приковало мой взгляд и временно лишило дара речи. Это был камень. Довольно большой валун, я бы не смогла его даже приподнять. Но заинтересовал он меня не тем, что при более неудачном варианте падения я бы смогла остаться без коленки или проломить себе голову, а тем, что на его плоской, слегка скошенной вершине было выбито четкое изображение сокола. Точно такого же сокола, который украшал каменный венец прохода в лабиринт, через который мы попали в параллель.

Я молча сняла с плеча руку Данилы и без слов потянулась к камню, смахнула с него сухие листочки и веточки, расчи-

щая рисунок. Потом полезла в карман за телефоном и сделала несколько снимков.

– Что это? – хриплым от волнения голосом спросила я.

– По-моему, какая-то птица, – пригляделся кузнец.

– Я вижу, что птица, – нетерпеливо проговорила я. – Я спрашиваю, что это за камень? Откуда он здесь?

– Понятия не имею, – Данила пожал плечами. – До тебя сюда никто не падал. А почему он тебя так заинтересовал? Это как-то связано с вашими поисками?

– Да, – оживленно закивала я. – А еще такие камни здесь есть?

– Я не видел, – кузнец поднялся сам и помог подняться мне.

Я разочарованно вздохнула, хотя находка одного этого камня была настоящим событием. Тот самый символ из лабиринта! Надо срочно показать его Косте и Максу.

– Тебе нужен этот камень? – парень подошел к валуну, примериваясь. – Его можно в деревню доставить, невелика тяжесть.

– Нет! – резко крикнула я, Данила даже отпрыгнул. – Не трогай его ни в коем случае, пусть лежит там, где мы его нашли, это очень важно.

Обратно мы возвращались порознь. Завидев знакомые места, я сказала кузнецу, что дальше дойду сама, а он пускай отведет лошадей на конюшню. Спрыгнула с Орлика, невнятно бросила что-то благодарственно-прощальное, вроде "спа-

сибо-пока" и бегом кинулась к ребятам.

Костю и Макса я нашла уже в доме. Макс возился с печкой, Костя возлежал на большой старинной кровати. По размерам она тянула даже не на двухспальную, а на трехспальную.

– О, Констанция наша вернулась, – объявил Костя. – Что-то ты запыхалась. Бегала за своим Д'Артаньяном? Или он за тобой?

– Костя, я восхищаюсь твоим остроумием, на оттачивание которого ты несомненно тратишь бесконечные часы, но позволь тебе сообщить, что я использую время с гораздо большей пользой! – заявила я, с трудом переводя дыхание.

– Кто бы сомневался!

Я плюхнулась на другой край кровати. Странное супружеское ложе. Оно, по-моему, не сближению способствует, а удалению. Здесь и не заметишь, что по соседству супруг почивает.

– Так вот, пока вы тут бездельничаете...

– Это кто бездельничает? – обиделся Макс.

– Ну хорошо, – согласилась я. – Пока один из вас бездельничает, я кое-что обнаружила.

– А ты уверена, что мы захотим об этом узнать? – не унимался Костя.

– Вот что я нашла в лесу! – победно объявила я и подсунула телефон ему под нос, – Ничего не напоминает?

Костя отпрянул от экрана, притворяясь, что увидел там

невесть что неприличное, а потом присмотрелся и выхватил мобильник у меня из рук.

– Вот это да! Макс, смотри!

– Где ты его нашла? Там еще такие есть? – забросали меня вопросами ребята.

– В лесу, здесь недалеко.

До места моего падения (к счастью, только буквально-го) мы добрались лихим галопом и без коней. Костя жадно осмотрел камень со всех сторон, ободрал мох, чтобы убедиться, что больше на нем нет никаких знаков. Потом огляделся вокруг.

– Других камней поблизости нет, и Данила про них тоже ничего не знает, – поспешила сообщить я.

– Мало ли чего твой Данила не знает, – отмахнулся Костя. – Он и сам здесь неместный. Зато теперь мы знаем, что делать!

– Копать? – обреченно осведомился Макс.

– Какое копать! Надо искать остальные символы! – Костя забегал вокруг камня, подцепляя ногами каждый мало-мальски крупный булыжник. – В лабиринте над каждым проходом были выбиты четыре знака, значит, надо искать еще три.

– И как ты предлагаешь их искать? – поинтересовалась я у Кости. – Хаотично перекопать всю округу?

– Если надо, то и перекопаем, – заявил он. – Но не хаотично, а систематично.

– Для начала неплохо бы расспросить старожилов, знают

ли они про такие камни с символами, – предложил Макс. – Катя пусть поговорит с Зинаидой, а мы с бабушкой Настей.

– Точно, идем! – подхватил Костя. Глаза его блестели, он просто рвался с места. Ни дать ни взять скаковой конь на старте.

– Еще посмотрим, кто кого! – не очень понятно заявил он и погрозил кому-то или чему-то кулаком.

Полчаса спустя мы с Шариком бежали наперегонки к колодцу. Еще издали увидела две знакомые фигуры и рассмеялась на бегу. Бабушка Настя, как и Зинаида, знала о деревне все.

– Ну что? – спросила я, пытаюсь отдышаться.

– Есть! – торжественно показал большой палец Макс, а Костя широко улыбнулся и с видом фокусника продемонстрировал камень.

Тот самый камень, на котором обычно стояло ведро. Мы даже не обратили на него внимания, когда выбрались из кургана и утоляли жажду у колодца. Еще бы: в тот момент нам было не до таких мелочей.

На камне красовалось громовое колесо, выбитое четко и тщательно, даже закорючками украшено по ободу.

– Что вам бабушка Настя про него рассказала?

– Да отмахнулась от нас, говорит, не знаю ни про какие камни с символами, а вот у колодца Перуново колесо выбито незнамо когда. Мы с Максом чуть не упали, – со смехом поведал Костя. – А у Зинаиды какая версия?

– Это просто колесо. От телеги. Проезжие издавна останавливались у колодца – напиться и лошадей напоить, вот и сделали указатель.

– Теперь нам надо достать карту местности, – оживленно продолжил Костя, – На ней мы отметим точки, где были найдены первые два камня и разработаем систему для дальнейших поисков.

– Хорошая идея, – поддержала я. – Вот только где эту карту взять? Если бы мой телефон был подключен к сети, скачать ее не составило бы труда...

– Поэтому я предлагаю обратиться к руководителю деревни, или председателю, ну как он здесь называется, – перебил меня Костя.

– Староста, – подсказал Макс.

– Григорий Федотов, – припомнила я.

– Значит, к нему и наведемся, – скомандовал Костя, глянул на клонящееся к земле солнце и уточнил. – Завтра прямо с утра. Встречаемся у бабки Насти, выясним как старосту найти.

– А заодно и позавтракаем, – одобрил Макс.

– Всем как следует выспаться – силы нам понадобятся! – строго добавил Костя.

– Так точно, капитан! – весело отсалютовала я.

Парни проводили меня до дома. Инициатором был Костя: «нам же все равно по пути». Можно подумать, он хотел удостовериться, что я не отправлюсь на поиски дополнительных

приключений.

Можно подумать, он мог мне помешать о них помечтать...

12. УМЕНИЕ ВЕЗДЕ НАЙДЕТ ПРИМЕНЕНИЕ

«Домой» я поспела как раз к вечерней дойке.

В детстве я очень любила смотреть, как бабушка доит корову и старалась никогда это мероприятие не пропускать. Первым делом бабушка приносила особое ведро для молока, чистое и блестящее. Потом брала свежее полотенце, выдавала мне кусок хлеба – угощение для буренки, повязывала себе платок на голову, и мы вместе шли в хлев. Там было тепло, пахло сеном, коровой – запахами, которые я обожала, несмотря на некоторую их, так скажем, специфичность. Я угощала Пеструшку хлебом, это был обязательный ритуал. Она брала кусок у меня из рук, загребая его в рот своим шершавым, как у огромной кошки, языком. Со вкусом жевала, шумно вздыхая. Бабушка тем временем обмывала корове вымя и вытирала его полотенцем. Присаживалась на специальную табуреточку и, прислонившись лбом к коровьему боку, начинала доить. Руки ее двигались в неспешном ритме, посылая с каждым движением в ведро белоснежную струйку, которая ударялась о стенку с нежным звоном, и весь процесс дойки превращался в серебристую мелодию, льющуюся молоком.

– Сама-то небось никогда не доила?

Я очнулась от воспоминаний, стоя опершись на косяк двери коровника. Зинаида сидела на табуретке возле коровы, точно так же, как и бабушка, и струи молока лились в ведро с тем самым ритмичным позвякиванием.

– Нет, – я отрицательно помотала головой, возвращаясь в нынешнюю реальность.

– Да чего тут уметь – тяни да дави. Вот я тебя завтра на ферму отведу, полюбиешься, как по новым технологиям коров доят.

Закончив дойку, Зинаида вышла на двор и ее сразу окружили животные – Узнай, две кошки, взявшиеся непонятно откуда, и Шарик, который проявлял неподдельный интерес к тому, что плескалось в ведре.

Хозяйка ловко плеснула молока в плошку Узнаю, затем в миски поменьше – для кошек, и одну миску предложила Шарику.

– Ой, не надо, ему молока нельзя, да и не будет он, – запротестовала я.

– Не будет? – усмехнулась Зинаида. – Глянь-ка!

Шарик, не отставая от других, энергично лакал молоко. Я сдалась – если всем можно, значит, и ему вреда не будет.

На кухне хозяйка налила уже процеженного молока в самую большую кружку и придвинула ее ко мне.

– Хлеб бери – еще теплый. Ломай рукой, так вкуснее.

Я пила это теплое, звонкое, восхитительное молоко, откусывала хлеб и думала, что никакое блюдо на свете, даже

самое что ни на есть деликатесное, никогда не сравнится с этим парным молоком и свежеиспеченным хлебом с хрустящей корочкой.

Перед сном Зинаида выдала мне большое банное полотенце вместе с разрешением пользоваться всем, что найду в ванной комнате, и я с огромным удовольствием приняла душ и вымыла голову. Немного поразмыслив, облачилась в ту самую длинную розовую ночную рубашку, и стала похожей на героиню романов Джейн Остин, только папилюток в волосах не хватало. Впрочем, мокрые пряди и так завивались в кудряшки, вода здесь особенная, что ли, так что вид у меня был вполне романтичный. Налюбовавшись на себя в потемневшем зеркале на дверце шкафа, я растянулась на своей поющей кровати рядом с вытянувшим лапки Шариком. И как же столь громоздкий предмет интерьера оказался в этой крошечной комнатенке? Протащить его внутрь, учитывая размеры окна, двери и самого помещения казалось просто невозможным. Может, кладовку просто соорудили вокруг кровати? Как феи построили домик вокруг девочки в Кенсингтонском саду? С этой мыслью я и заснула.

Мне приснились феи и прочая сказочная живность, и, конечно, рыцарь. Он обнимал меня руками в железных перчатках и глядел серыми глазами сквозь забрало, так что я не знала, был ли то кузнец Данила из параллели или художник Даниил из моей родной реальности. Старая кровать скрипела, как сносившиеся тормозные колодки, а мне казалось, что

это грохочут доспехи моего рыцаря.

Проснулась я с таким ощущением, как будто и вправду меня всю ночь сжимали чьи-то железные руки, а возможно даже делали массаж. В предыдущую ночь я была настолько уставшей, что сладко спала бы и на камнях, и только сегодня прочувствовала, насколько отчетливо железная сетка в днище кровати ощущалась через тонкий слежавшийся матрас. Надо с этим что-то делать. Причем и с железным матрасом, и с заполонившими мои сновидения рыцарями.

Я с сомнением взглянула на свои джинсы и футболку, вспомнила, что им пришлось пережить – долгие часы метаний по песчаным коридорам, безумный галоп на взмыленном коне, купание в реке – поморщилась и снова полезла в шкаф. Еще раз проинспектировала предложенную Зинаидой одежду, немного поколебавшись, оторвала пышные рюши с желтого сарафана и облачилась в него. Немного просторно, но, в общем-то неплохо. В ванной глянула на себя в небольшое зеркало над раковинкой, стянула волосы в хвостик. Ни дать, ни взять, колхозница, спешащая на сельские работы.

Вдруг с улицы послышались звуки собачьей драки, и я с ужасом поняла, что Шарик незаметно выскользнул на улицу. Живо представляя себе, чем грозит крошечному чиху стычка с громадным цепным псом (неизбежный летальный исход, включая полное уничтожение), я молнией выскочила из дома на крыльцо. Даже не разобравшись, что происходит, сразу

истошно закричала: «Узнай, фу! Нельзя!», и лишь потом поняла, что «Фу» надо было кричать скорее Шарик. Мой рыжик отчаянно нападал на лохматого волкодава, а тот заваливался на бок, поддаваясь. Чих с грозным рычанием вцеплялся в шею поверженного пса и трепал его за густую шерсть. Узнай перекатывался на спину, болтая в воздухе лапами, и, похоже, хохотал во всю зубастую пасть. Выдохшись, Шарик встряхнулся и улегся рядом с приятелем, который явно жалел, что веселье так быстро закончилось. Я воспользовалась брейком и подозвала Шарика к себе, и надо было видеть его гордую походку после столь блистательной победы. Узнай поднялся, встряхнулся и подошел ко мне, напрашиваясь на ласку. Я осторожно погладила его по широкому лбу и почесала за ухом. Похоже, в этом великане неопределенных кровей сочетались самые ценные качества собачьей природы: настороженность и злость к чужим, бесконечная преданность и доброта к своим. Как хорошо, что мы с Шариком для него «свои».

На место встречи я заявила раньше всех: ни около, ни внутри бабкиной избушки не было никого, кроме черного кота, выскочившего в приоткрытую мной дверь. Я встала посреди двора, соображая, куда могла подеваться хозяйка и мои друзья.

– Доброе утро! – слышалось сверху. Я задрала голову: из чердачного окна торчала всклокоченная голова Данилы.

– Привет! Мы с ребятами здесь встретиться договори-

лись! – торопливо объяснила я. – Пришла – и никого, даже хозяйки дома нет.

Кузнец спустился по приставной лестнице, со вкусом потянулся и принялся вытряхивать из одежды сухие травинки.

– Она, наверное, к соседке пошла, за молоком. Свою корову не держит, тяжело уже одной справляться, так они договорились меняться: молоко в обмен на бабушкины снадобья, – объяснил Данила, вытаскивая запутавшиеся в волосах соломинки.

– Любопытный бартер, – рассмеялась я. – А у тебя василек сушенный на макушке.

– Да? Вытащи его, пожалуйста, – попросил Данила, наклоня ко мне голову. – А то так и буду с ним весь день ходить.

– А почему ты там ночевал? – спросила я, с замиранием сердца собирая целый букетик засушенных полевых цветов с его затылка. И сразу прикусила язык – а вдруг он там не один был?

– Да работал вчера допоздна. Потом вспомнил, что не ужинал. Пока пришел, пока поел – обратно тащиться было лень, вот и решил у бабули заночевать, – охотно объяснил парень.

Я невольно усмехнулась.

– Что смешного? – полюбопытствовал кузнец.

– Так забавно слышать от тебя эти слова – «бабуля», «кокушка», – призналась я.

– А что такого? Я люблю своих родных, и стесняться этого

не собираюсь, – слегка насупился Данила.

– А твои родители в городе живут? – осторожно спросила я.

– Да, – неохотно ответил парень. – Видишь ли, мы с отцом разошлись во мнениях относительно моего будущего. Они с мамой считали, что у меня талант художника, а я решил стать кузнецом, как дед. Так что они, мягко говоря, были против моего переезда сюда, особенно отец.

– Извини.

Я уже начинала запутываться, что я уже должна была знать, а о чем будто бы слышала в первый раз. Надо бы поменьше болтать и побольше кивать.

– Да ладно, ничего страшного! – Данила махнул рукой. – Вот приведу в порядок дом, а там и родителей в гости приглашу. Мама у меня отходчивая, она и отца уговорит. А вот и твои друзья-коллеги.

Я обернулась и увидела две фигуры, направляющиеся в нашу сторону. Если бы не Макс, которого было невозможно с кем-то спутать, я бы ребят не узнала. Они тоже переоделись и выглядели как образцовые трактористы: клетчатые рубашки с коротким рукавом и мешковатые брюки с непривычно высокой талией. Только картузов не хватало.

– Это кто же их так одел? – хихикнула я.

– Боюсь, что я, – сознался кузнец. – Вернее, предложил им воспользоваться старым отцовским гардеробом.

– А твой отец немалого роста был в молодости, – уважи-

тельно заметила я, глядя на завернутые Максом брючины.

– Да он и сейчас меньше не стал. Он вообще очень похож на деда. А я в мамину родню уродился, и внешностью, и ростом.

– Тебя тоже низкорослым не назовешь. – Данила был выше меня как минимум на голову.

– Привет, селяне, – поздоровался Костя и внимательно скользнул взглядом по нам с Данилой. – Вы уже здесь! Или еще здесь?

– Что за чушь! – вспыхнула я.

У калитки очень вовремя появилась бабка Настя с бидончиком в руках.

– Ребятки, – обрадовалась она. – В гости ко мне пришли!

– Честно говоря, мы хотели на завтрак напроситься, – скромно сообщил Макс.

– А я хотела порасспросить вас кое о чем, – спохватилась я.

– А я просто твой любимый внук, – не остался в стороне Данила.

– Заходите, я всех накормлю, – гостеприимно пригласила нас хозяйка. – Даже вашу крыску, которая собачкой притворяется. Для нее у меня есть кусочек тушеного мяска.

– Шарик, пойдем завтракать, – позвала я песика, который шнырял по кустам, изучая окрестности.

– А для остальных будет замечательная каша, – закончила баба Настя, проходя к печке.

Я резко затормозила, и шедший за мной Макс врезался в меня.

– Что с тобой?

– Ничего, – пробормотала я. – Просто я... не очень люблю кашу.

Уже сидя за столом, я с ужасом наблюдала, как Настасья Осиповна ставит перед нами тарелки с кашей. Ребята с аппетитом принялись за еду, а я с сомнением ковырялась ложкой в своей тарелке, не решаясь даже попробовать.

– Катя, ты не голодна? – поинтересовался Данила.

– А она кашу не любит, – выдал меня Макс, облизывая ложку.

– Да, не люблю! – обиделась я. – Ну и что, многие кашу не любят.

– Действительно, многие дети кашу не любят, – подколот меня Костя.

– Смейтесь, сколько хотите, – я решительно отодвинула тарелку. – Я действительно не люблю кашу. Даже совсем маленькая ее не ела, а когда мама пыталась меня накормить, плевалась на два метра.

Костя и Макс рассмеялись, а Данила спокойно посоветовал:

– Попробуй, я уверен, что тебе понравится. Бабушка готовит по старинке, в печке, такой каши ты точно никогда не ела.

Я решилась и осторожно отправила ложку каши в рот. Бо-

же мой, меня всю жизнь обманывали! Та клейкая, застревающая в горле, тягучая масса, которой меня пичкали раньше, не имела ничего общего с этой пышной, нежной, ароматной, сладкой кашей из печи. Теперь знаю, что буду представлять, услышав выражение «манна небесная»!

После завтрака мы сердечно поблагодарили хозяйку и отправились по своим делам: Данила в кузницу, мы к старосте, предварительно разузнав у Настасьи Осиповны, как найти его дом. Мы как раз прощались возле калитки, когда послышался топот копыт. Я решила, что это Звездопад снова сбежал из конюшни, и обернулась, обрадованная возможностью пообщаться с красавцем жеребцом. Но это был не он, а грациозная гнедая кобыла, на которой восседала не менее грациозная всадница – юная красотка с длинными черными волосами, убранными в гладкий хвост, в светлых обтягивающих бриджах для верховой езды и короткой черной маечке. Мы засмотрелись: я на лошадь, парни на всадницу, которая, в свою очередь, оглядывала всех свысока – то есть с высоты конской спины.

– Динка, привет! – весело поздоровался Данила. – Кальдеруку ковать привела?

– Да, как договаривались, – девушка легко спрыгнула с лошади и подошла чмокнуть Данилу в щеку. Она была невысокого роста, а рядом с ним выглядела совсем миниатюрной.

– Знакомься, это те самые археологи, которые у нас могилу Рюрика ищут.

– А я уж думала, это клиенты твоей бабушки, – приснула она.

Данила познакомил нас с амазонкой:

– Диана Морозова.

Морозова, вот значит как? Уж не дочка ли того самого предпринимателя?

– На каникулах? – поинтересовался Костя, безошибочно угадав в Диане человека своего круга.

– Ага, – кивнула она.

– А где учишься?

– В универе, на экономическом, – состроила гримаску девушка, демонстрируя свое отношение к учебе.

– Значит, коллеги, – улыбнулся Костя.

– Ты тоже там учишься? – заинтересовалась Диана. – А на каком курсе?

– Я уже закончил. Пару лет назад, – поспешно уточнил Костя.

– Понятно, – обронила девушка, – Ну что, Данька, пойдем?

Данила подхватил лошадь под уздцы, кивнул нам на прощание и, оживленно болтая, они с Дианой направились к кузнице. Мы пошли в противоположном направлении. Сзади раздался громкий смех, я не удержалась и оглянулась. Кобыла баловалась и толкала кузнеца мордой в плечо, он уворачивался, а Диана со смехом пряталась от лошадиных «нежностей» у него за спиной. Я отвернулась, скрывая досадли-

вый вздох. Как там Зинаида сказала? «Местные девки за него косы повыдергать готовы»? А при таком-то папе одними ко-сами дело может не ограничиться.

Стоило подумать о Зинаиде, как она тут же материализо-валась на нашем пути.

– Катерина, что же ты опять с утра исчезла, – напустилась на меня она вместо приветствия. – Ты что, забыла, что я тебя на ферму обещалась отвести?

– Забыла, – призналась я. Ферма была не самым нужным в данный момент местом, и я уже искала предлог, чтобы от-казаться, но тут вмешался Костя.

– На ферму? Как интересно! А можно я с вами пойду?

Зинаида посмотрела на него с сомнением, а я с непони-манием. Он лучезарно улыбнулся нам обеим. Ну что же, раз так надо, будем слушаться главного археолога – может, это часть его хитроумного плана?

– Ну пойдем. А Максимка тоже пойдет? – уточнила кока Зина, почему-то не решаясь обратиться к «Максимке» на-прямую.

– Идите, а у меня работа есть, – помотал головой Макс.

Костя недовольно пихнул его в бок, но тот был непрекло-нен:

– Мы с Данилой договорились по-честному, а я свои обе-щания держу. Вы мне потом все расскажете.

Костя досадливо поморщился, но настаивать не стал. В конце концов, поговорить со старостой мы и без Макса впол-

не можем. А если у нас есть время на то, чтобы посетить ферму – я не против. Помнится, я там могла хоть все лето провести. Коровы, телята, и прочая живность притягивали меня, как магнит. Домой я возвращалась, насквозь пропахшая коровами, сеном, молоком, а также менее приятными запахами, от которых мама безуспешно пыталась меня отмыть. В памяти сохранилось довольно темное длинное помещение с рядами коров, грязные полы, по которым иначе как в резиновых сапогах пройти было невозможно и целые ванны молока в молочной, в которых бабушка предлагала мне искупаться, то ли в шутку, то ли всерьез.

Как же все изменилось! Первым делом обращали на себя внимание сами постройки – аккуратные, сверкающие, со стеклопакетами и автоматическими воротами. Внутри коровника было очень светло, чисто и просторно, хотя и не без ароматов коровьей жизни. Коровы не были привязаны в стойлах, а свободно гуляли в разделенных перегородками зонах, активно общаясь друг с другом и проявляя интерес к нам. Все они выглядели довольными, жизнерадостными и симпатичными – черно-белые буренки с цветными чипами-сережками в ушах. Мы как раз любовались ими, когда за нашими спинами загремел сердитый голос:

– Зинаида Алексеевна, объясните, пожалуйста, что в коровнике делают посторонние люди, да еще с посторонними животными?

Мы повернулись и увидели немолодого мужчину в белом

халате, который гневно смотрел на нас. Очень интеллигентного вида, в очках – вылитый профессор, если бы не цепкий взгляд и волевой подбородок. «Постороннее животное» у меня на руках приветственно завиляло хвостом и твякнуло.

– Игорь Павлович, здравствуйте, – натянуто улыбаясь, поздоровалась Зинаида. – Вот, племянники из города приехали, попросили показать им нашу ферму. То есть вашу ферму.

– Мало мне того, что сегодня транспортники недостаточно машин пригнали – треть надоя в холодильнике осталась, так еще вы чужих на ферму таскаете! – досадливо выговорил провинившейся работнице предприниматель. Та продемонстрировала глубокое раскаяние, понутив голову и печально вздохнув.

– А какие штрафы предусмотрены в договоре с транспортной компанией в случае, если по их вине срывается отправка продукции? – буднично-деловым тоном поинтересовался Костя, рассеянно разглядывая коров, которые уже начали собираться у перегородки, с любопытством следя за развитием ситуации.

– Какие-какие – обычные. Перерасчет сделают по итогам месяца, и все, – буркнул Морозов.

– А как же санкции за упущенную прибыль? И ваши расходы на утилизацию продукции, которая по их вине стала некондиционной? – возмутился Костя. – Неплохо бы пере-

смотреть договор, а заодно и логистику. Какие у вас горизонты оперативного планирования?

– Три дня, как в любом молочном производстве, – ошеломленно ответил Морозов. – Вы же понимаете, продукт скоропортящийся.

– Еще как понимаю. Запасы создавать невозможно. Нужна оптимизация графика вывоза молочной продукции, а он напрямую зависит от статистики продаж, сезона, кормов, – покивал Костя, со скучающим видом вороша носком ботинка кучку силоса.

Морозов подобрался к нему, как волк к добыче и спросил:

– Простите, а вы кто?

– Константин, – кратко представился «археолог-экономист».

– Константин, а что конкретно вы можете предложить по поводу оптимизации графика? – спросил Морозов, сверля Костю изучающим взглядом.

– Для этого надо знать ваши показатели, – глубокомысленно изрек тот.

– А пойдемте-ка вместе посмотрим, – предложил предприниматель, и, не дожидаясь ответа, взял Костю под локоток и увлек его в сторону служебных помещений.

Мы с Зинаидой удивленно переглянулись. Ну Костя дает!

– Можно я тогда Катерине еще доильный зал покажу и телятники? – крикнула вслед Морозову повеселевшая женщина.

– Да показывайте, что хотите, – отмахнулся от нее предприниматель.

Мы вдоволь нагулялись по комплексу, где я подивилась автоматизации и даже компьютеризации процесса дойки, умилилась разновозрастным телятам и полюбовалась на огромных племенных быков.

– А Диана Морозова – это дочь владельца? – между делом поинтересовалась я. – Мы ее сегодня встретили.

– Динка-то? Дочка, единственная. – подтвердила Зина.

– Она к Даниле свою лошадь ковать привела, – обронила я, ожидая продолжения.

– Лошадка у нее славная. Я все говорю Даниле – твоему Звездопаду невеста, – рассмеялась женщина. – Славная парочка.

– Да уж, славная, – признала я, не в силах отделаться от чувства, что говорим мы вовсе не о лошадях.

Зинаида оглянулась по сторонам, убедилась, что вокруг никого нет, и вполголоса поведала мне, что Диана у отца единственная наследница, жена у него умерла, когда девочке было три года, и Морозов так и не женился, один дочь воспитывал.

– Она девица своенравная, к городской жизни привыкла, а отец ее здесь жить на каникулах заставляет, чтобы постигала, что и как в этом его «бизнесе» управляется. Ох и буянила она поначалу! – Зинаида прыснула в кулак. – По ночам на мотоцикле гоняла, а уж одевалась как – приличные дев-

ки, спать ложаешься, больше на себя надевают. А потом вроде присмирела.

Тут моя собеседница вспомнила, что она работает на этой ферме отнюдь не экскурсоводом и поспешила попрощаться со мной, прервав рассказ, к которому я, признаться, испытывала неосознанный болезненный интерес, и предоставив мне самой найти выход с фермы. Я немного поблуждала, заходя в разные помещения, а потом какой-то милосердный работник, который вел куда-то задумчивую корову, указал мне на зеленую табличку со стрелочкой, и я вышла на свободу.

Удобно устроившись на одном из рулонов сена, в большом количестве сваленных возле фермы, мы с Шариком довольно долго прождали Костю. Я все не могла решить, пойти поискать его на ферме, или вернуться в деревню. Но нарываться снова на Морозова не хотелось, равно как и бросать здесь Костю, так и не добравшись до старосты. Наконец он вышел откуда-то со стороны служебных помещений. Вид у него был чрезвычайно довольный.

– Ну что, покорила Морозова своими управленческими талантами?

– Хорошему руководителю не нужно много времени, чтобы разглядеть ценного работника, – назидательно сказал Костя. – Игорь Павлович предложил поработать у него внештатным консультантом по логистике.

– А откуда, позволь спросить, у тебя столь обширные знания в сфере молочного производства? Ты что, и это сов-

мещаешь с отцовским бизнесом и историческим факультетом? – поразила я.

– На третьем курсе писал работу по теме «Экономическая эффективность логистической деятельности в молочной промышленности», – немного сконфуженно признался он. – Заработался, как обычно, вот мне и досталась тема, которую больше никто брать не хотел. Не думал, что когда-нибудь появится возможность применить теорию на практике.

– Так ты что, согласился у него работать? – удивилась я.

– Конечно! Надо же нам на что-то здесь жить. Постоянно столоваться у бабки или просить денег на продукты у Данилы мне одинаково претит. Не люблю быть кому-то обязанным. А у Морозова я выговорил понедельную оплату.

– И когда приступаешь? – уже с уважением спросила я.

– Он уже сегодня не хотел меня отпускать, а потом вдруг вспомнил, что сегодня в деревне какое-то праздничное мероприятие, и сказал приходить после выходных.

После своего столь удачного и своевременного трудоустройства Костя был в приподнятом настроении и ему не терпелось рассказать об этом Максусу.

– А заодно проверим закон распространения информации в сельской местности, – добавил он. – Макс должен быть уже в курсе предполагаемой вечеринки в стиле кантри.

13. ДЕЛУ ВРЕМЯ, А ПОТЕХЕ ЧАС

Макс не разочаровал.

– У старосты сын женится, Иван. Свадьбу будут гулять всей деревней, на площади. Невеста – дочка соседки, Оксана, – охотно поделился он.

– Ничего себе! – присвистнул Костя, – Катюха, смотри-ка, Макс уже здесь совсем освоился, будто всю жизнь в деревне прожил. Мне уже начинает казаться, что мы к нему в гости на каникулы приехали.

Макс насупился и принялся вставлять стекло в раму. Я примиряюще спросила:

– А откуда ты все это знаешь?

– Соседи рассказали, – пробурчал он.

– Значит, старосте сегодня будет не до нас, – подытожил Костя.

– А интересно, можно ли нам в празднике поучаствовать? – подумала я вслух. – Так хочется повеселиться и слегка забыться.

– Напиться, что ли? – хитро поднял бровь Костя.

– Напиться – это громко сказано, я пить не умею совершенно, – со смехом призналась я. – Но хотя бы со стороны посмотреть на веселье, и не думать постоянно о том, как мы могли здесь оказаться, как вернуться обратно и как такое вообще возможно.

Мы решили сходить посмотреть на свадьбу – авось не прогонят – и я вернулась домой, чтобы оставить Шарика. Из комнаты хозяйки доносились какой-то шум и восклицания.

Я постучала, не дождавшись ответа вошла внутрь, и застала Зинаиду в полном ажиотаже – она бегала по комнате, примеряя разные платья и бросая забракованные прямо на пол.

Увидев меня, она издала радостное восклицание и немедленно потребовала помочь ей выбрать наряд «по самой последней городской моде». Не имея понятия, как выглядела последняя городская мода в этом мире, да еще и в представлении деревенской жительницы, я решила руководствоваться собственным вкусом и здравым смыслом, и уверенно порекомендовала ей лаконичное голубое платье, распущенные волосы (без платка) и белые босоножки (без носков). Поддавшись моим заверениям, что именно так и одеваются столичные дамы среднего возраста нынче летом, и исполнив в точности мои рекомендации, Зинаида стала выглядеть весьма эффектно.

Налюбовавшись на себя в зеркало, она глянула на меня и спохватилась:

– А ты что, переодеваться не будешь?

– Так меня же не приглашали, – растерялась я.

– Так и меня не приглашали, – рассмеялась она. – Отдельно приглашают только родственников да близких друзей, которые на официальной регистрации быть должны. А в деревне – все гуляют, и чем веселее, тем лучше.

– Мне надеть нечего, – в свою очередь пискнула я.

– Как нечего? – изумилась она. – Я же тебе платье дала.

Такое беленькое, в цветочек.

Это такое с рукавами-фонариками и круглым воротничком? Я в последний раз похожее носила в детском саду, причем в ясельной группе.

– Зинаида Алексеева, а может, я в этом сарафане останусь? – взмолилась я. – Боюсь, опоздаем, пока я переодеваться да прихорашиваться буду.

– И правда, тебе он очень идет, – смилостивилась она и добавила со вздохом. – Вылитая я в молодости.

Из дома мы выскочили почти бегом и бодро зашагали в сторону площади. Туда же стекался и весь народ, от мала до велика: от разновозрастных детишек, включая младенцев на руках у родителей, до дряхлых старушек в нарядных платочках, с белобородыми старичками под ручку.

На площади всех ждало сказочное угощение. Сказочное потому, что я воочию увидела, как выглядит настоящий «пир на весь мир». Везде, куда ни кинь взгляд, были расставлены накрытые столы, прямо-таки ломившиеся от угощений. А когда мимо нас проехал белый лимузин, который в деревне выглядел столь же уместно, как единорог в коровнике, стало очевидно, что староста не поскупился на свадьбу сына.

Молодые выглядели очень радостными, оставив позади официальную часть свадебного дня и предвкушая самую приятную – получение подарков и развеселое гуляние в компании односельчан. Жених уже скинул пиджак и галстук и закатал повыше рукава рубашки, невеста отколола длинную-

щую фату. Платье невесты было очень красивым: никаких кринолинов и пышных юбок, длинное, по фигуре, с восхитительной кружевной отделкой и открытой спиной.

– Букет готова ловить? – прошептал мне кто-то в ухо. Я обернулась и увидела ухмыляющегося Костю. Рядом стоял Макс, тоже с улыбкой до ушей. На этот раз она натянули старомодные цветастые рубашки с удлинненными уголками воротников и брюки клеш.

– Смотрите, чтобы вас за аниматоров не приняли, – рассмеялась я.

– Макса уже приняли, – давась смехом, сообщил Костя.

– А где же староста? – спросила я, вглядываясь в веселую компанию вокруг поднесенного молодым хлеба с солью.

– Да вон же он, – подсказала мне Зинаида. – Рядом с женой, помогает ему большой кусок каравая оторвать.

– С одной рукой? – запнулась я.

– Так вторую молотилкой оторвало, ему еще и двадцати лет не было, – приглушенной скороговоркой принялась рассказывать женщина. – Ой, что было! Он волком выл, когда понял, что останется без руки, да еще и без правой. Пока в больнице лежал, видеть никого не хотел – даже родным запретил приходить. А как вышел, начал привыкать с одной рукой жить, и больше никто от него не услышал ни одной жалобы, ни просьбы о помощи. Научился все сам делать, от домашних дел до полевых работ. Все, что у него есть, сам достиг. Женился, четырех сыновей нажил. У них в семье во-

обще одни мальчишки. У старшего, Семена, уже двое сынишек, у Петьки пока один. Вот сейчас Ванька женится – тоже внуков прибавится. Один Никитка, младший, холостой пока гуляет.

Три брата стояли возле жениха, исполняли роли дружек. Семейное сходство сразу бросалось в глаза, особенно у старших – крепкие, коренастые, белобрысые и голубоглазые. Младший же, с тонкими чертами лица, слегка вьющимися каштановыми кудрями и зелеными пронзительными глазами, был вылитый царевич.

– Не того брата Иваном назвали, – пробормотала я себе под нос.

– А он в мать пошел, – поняла меня Зина. – Она в молодости до чего хороша была.

– Да она и сейчас очень красивая, – признала я, глядя на статную женщину рядом со старостой. Настоящая русская красавица, статная, с косой до пояса. – Должно быть, очень мужественная женщина.

– Можно и так сказать. Она за него подралась даже один раз, – прыснула кокушка.

– Защищала, что ли?

– Да нет, же, натурально, с соперницей подралась, – рассказчица перешла на шепот, наклоняясь к моему уху. – Так ей врезала, что та неделю с фингалом под глазом ходила.

– А что, были и соперницы?

– И не одна. Григория девки ох как любили, и до несчаст-

ного случая и после.

– Интересно, за что, – пробормотала я, думая о четверых сыновьях.

– Добрый он, Гришка, сердечный очень. Таких поискать. – улыбнулась Зинаида. – И справедливый. Если уж он что решил, значит так и надо.

«А теперь из-за своей доброты и сердечности может потерять многое из того, чего нелегким трудом достиг в своей жизни, которая оказалась в молодости к нему столь немилосердна», – грустно подумала я, – «Все-таки нет в жизни справедливости».

Тем временем веселье шло по традиционному сценарию: после каравая молодые разбили бокалы из-под шампанского. К моему удивлению, гости кинулись подбирать осколки.

– Зачем они это делают, на память, что ли? – удивилась я.

– По осколкам смотрят, кто первым появится у молодых: мальчик или девочка. Большие осколки – к мальчику, мелкие – к девочке, – просветили меня.

Вслед за тем пришло время подарков. Все, кто хотел чем-то одарить новобрачных, выстроились в очередь. Судя по тому, что большинство гостей в очереди стояло с пустыми руками, я сделала вывод, что подарки у них самые что ни на есть практичные, то есть деньги. Но многие собирались порадовать молодоженов разнообразными нужными в хозяйстве вещами: подушками, кухонной утварью, а также самоварами – да-да, самоваров я в очереди насчитала три штуки!

Каждый дарящий произносил молодым краткую речь и выпивал «за здоровье молодых».

Остальные постепенно рассаживались за столы, сведя свое участие в поздравлении новобрачных к громогласным крикам «Горько!» после каждого поздравления. Вначале молодые целовались увлеченно, но после этак двадцатого пожелания стали ограничиваться легким чмоком.

Я села за стол между Костей и Максом, с другого боку которого пристроилась Зинаида. Автоматически смеялась над Костиными замечаниями по поводу вручения очередного самовара и даже присоединялась к нестройному хору, снова и снова требующему подсластить содержимое стаканов, а сама не переставала искать глазами кузнеца и задаваться про себя вопросом: «Неужели он не придет?»

Он пришел, когда я как раз была на мысли: «Можно подумать, на нем свет клином сошелся». До этого были сообщения, что очень глупо с моей стороны его ждать, что еще глупее в глубине души надеяться, что он может испытывать ко мне хоть какой-то интерес, тем более, когда есть Диана – вся такая расчудесная наследница местного предпринимателя, да еще с такой замечательной кобылой. А когда увидела его в черной рубашке с расстегнутым воротником, с мокрыми еще волосами, небрежно стянутыми в хвост, сердце подпрыгнуло так радостно, что стало совершенно ясно: вслед за коготком увязла вся птичка.

– Ну что, дождалась? – мрачно поинтересовался Костя.

– О ком это ты? – фальшиво воскликнула я, потом поняла, что мой же вопрос меня выдает, и поправилась. – То есть о чем?

– Ну конечно же, о самоваре, – фыркнул он, допивая стакан.

Я тоже схватила свой и судорожно глотнула, чуть не закашлявшись. Вкусно, кстати, и вовсе не горько! Какой-то неизвестный мне напиток: пенящийся, душистый, освежающий.

– Катерина, поострожнее с домашним пивом, его пить легко, а хмель тяжелый, – посоветовала Зинаида, которая видела и примечала все, несмотря на оживленный разговор с Максом, который, как я заметила, тоже кого-то выглядывал, и я даже догадывалась, кого.

Так вот что это – домашнее пиво. Я смутно помнила рассказы мамы об этом напитке, приводящем не ведающую о его коварстве молодежь в канавы под забором. Но увидев, что Данила идет напрямиком к нашему столу, почувствовала, что краснею и горю, как школьница, которую пригласил на танец самый красивый мальчик из класса, и попыталась затушить это пламя основательным глотком. Эффект был мгновенный, и к тому моменту, как кузнец оказался рядом, я почувствовала себя гораздо увереннее и привлекательнее. Щеки все еще горели, но меня это уже не волновало.

– Привет! Где ты пропадал? – смело поздоровалась я первой.

– Срочный заказ пришлось доделывать! – объяснил он, усаживаясь напротив.

– Что, князю на войну пойти не в чем было? – осведомился Костя.

Данила криво усмехнулся, взял стакан и выпил его до дна. За компанию и я снова взялась за свой. Это пиво нравилось мне все больше и больше. И что там Зинаида говорила про тяжелый хмель? Да это ведь просто лимонад какой-то, только гораздо вкуснее.

Данила отставил стакан, перевел взгляд на Костю и ответил на его вопрос.

– Крест ковал.

– А кто умер? – испугалась Зинаида.

– Да это из соседнего села заказ, – неохотно ответил кузнец, наполняя свой стакан из кувшина, которые в изобилии были расставлены по столам. И мой тоже наполнил, кстати.

– Кто-то знакомый? – сочувственно спросила я.

– Нет, – ответил он и после паузы добавил: – Одна женщина заказала для своего мужа.

– Прости, я не расслышал, кого заказала? – продолжал ехидничать Костя.

– Она ждала, пока я закончу, и каждый раз в перерывах в работе я слышал, как она плачет, – продолжил Данила, не обращая внимания на Костю.

– Совсем ты не бережешь себя, милый, – авторитетно заявила Зинаида. – Мало того, что работаешь сверх меры, так

еще и переживаешь за каждого заказчика.

– Простите меня, – грустно улыбнулся Данила, точь-в-точь как Атос, но про парк с лилиями петь не стал. – Мало того, что опоздал, так еще и тоску нагоняю.

– Но ведь это так трагично, – всхлипнула я. – Отдать последнюю дань любимому человеку, зная, что больше ничего уже для него сделать не сможешь!

Все на меня как-то странно посмотрели, а Данила улыбнулся. От его улыбки мне сразу стало веселее, и я кокетливо улыбнулась ему в ответ.

– Катя, можешь мне кое-что пообещать? – ласково спросил он.

– Все, что угодно, – щедро пообещала я.

– Не пей сегодня больше!

– Почему? – искренне удивилась я. – Это домашнее пиво просто чудесное. И разнообразное. Вишневое такое вкусное! А малиновое еще лучше!

– Пиво у нас отменное варят, что и говорить, – подтвердила Зинаида. – А есть еще смородиновое, можжевеловое, красное, белое, боярское – все и не перечислишь.

– Вот видишь, – назидательно сказала я Даниле. – Я еще и половины сортов не попробовала, а ты меня просишь больше не пить.

– Понимаешь... – начал он, и тут грянула песня. Именно грянула, я даже на месте подскочила. Оказывается, подношение подарков закончилось, и засидевшиеся гости жаждали

песен и плясок. Откуда ни возьмись, составилась целый народный ансамбль из баяниста, балалаечника и какого-то дудочника, которые завели оглушительную и бодрую мелодию. После проигрыша вперед выскочила женщина в красном сарафане и кокошнике и пронзительным голосом взвизгнула:

– Иииииих!

Весь народ разом стих, только где-то громко заревел младенец. У меня зазвенело в ближайшем к певице ухе, и я едва удержалась от того, чтобы его не почесать. А солистка принялась вопрошать:

– *А кто у нас умен, кто у нас разумен?*

Ответ на сей вопрос был прост – это была величальная песнь жениху, так что он-то и оказался и умен, и разумен, и хорош уродился, и пригож нарядился. Похвалив жениха, певица принялась за невесту и затянула:

*Как в доли-то березонька белехонька стоит,
А наша невеста белее ее,
Белее ее – снегу белого – лицо.*

На этом, собственно, похвалы невесте закончились, потому что далее по сюжету песни девица «несла чару золота вина», которую успешно расколотила от восторга при виде жениха, такого из себя хорошего и пригожего. Мне стало обидно за невесту, которая, во-первых, была вовсе и не белая, а загорелая и румяная, а во-вторых, гораздо красивее жениха. Правда, глядели молодые друг на друга с нескрываемой нежностью, так что мои феминистские порывы уступили место

умилению.

Песни постепенно превращались в пляски. Незатейливый, но бодрый ритм народных мелодий поднимал людей из-за столов и вот уже несколько десятков мужчин и женщин бодро притоптывали под:

Во ку-, во кузнице! Во ку-, во кузнице!

Во кузнице молодые кузнецы!

На этих словах я поняла, что усидеть на месте больше не могу и вскочила. Данила с интересом воззрился на меня снизу вверх.

– Ты куда? – осведомился Костя.

– Танцевать, конечно! Не понимаю, как вы можете сидеть!

И меня никто не приглашает, – возмутилась я, торопливо стягивая резинку с волос и на ощупь пытаюсь их уложить в подобие прически.

– Вообще-то это энергичный танец, его парами не танцуют, – заметил Костя.

– Я в танцах не силен, – пожал плечами кузнец.

– Неужели в этом мире есть хоть что-то, в чем ты не силен? – искренне удивилась я. – Вы как хотите, а я пошла!

И я присоединилась к танцующим, которые радостно приветствовали меня. Они вообще всех радостно приветствовали. До этого я ни разу в жизни не танцевала народные танцы, но не испытала ни малейшей сложности. Оказалось, главное – топать посильнее, чувствовать ритм и в нужных местах громко взвизгивать. Потом начались частушки, и вот это был

полный отрыв. Частушки сыпались одна за другой. Сначала перемыли косточки «Семеновне», потом пошли подробности жизни «милого». Я задыхалась от смеха и бешеного ритма пляски, и неожиданно для себя после окончания очередной частушки топнула ногой и проорала:

*Не ходите девки замуж,
Замужем невесело -
То трусы не постирала,
То не так повесила.*

Я сорвала аплодисменты, мне пожимали руки, похлопывали по спине, кто-то крепко обнял. После частушек пришло время печальных песен, о том, как грустно девушке покидать родимый дом и уходить жить к мужу, как невеста плачет, прощаясь с родными и как тяжело жить на чужой стороне. Я даже слегка всплакнула. А еще я перепробовала все виды пива, упомянутые Зинаидой. Когда я садилась передохнуть и разные добрые люди, в основном мужчины, наперебой предлагали мне утолить жажду, я обязательно предварительно интересовалась, каким сортом меня угощают, и старалась не пить одни и те же. Неудивительно, что через некоторое время я поняла, что с каждой минутой чувствую себя все более и более усталой.

Я вернулась за наш стол и объявила, что ухожу.

– Тебя проводить? – спросил Данила, внимательно глядя на меня.

– А что, кроме меня проводить некого? – я оглянулась

по сторонам в поисках Дианы, но ее, похоже, на празднике вообще не было. Данила непонимающе глядел на меня.

– Не волнуйся, я ее провожу, – подал голос Костя.

– Ладно, можете вдвоем меня проводить, – милостиво разрешила я. – Или давайте так: сначала Костя проводит меня до дома, потом Данила проводит меня обратно...

– И что потом? – усмехнулся кузнец.

– Действительно, что потом? – задумалась я, а затем просяла, – А потом Макс меня окончательно проводит! Макс, ты где?

Я заозиралась в поисках последнего потенциального проводителя, но его нигде не было.

– Макс Варвару пригласил танцевать, так что, боюсь, проводить тебя окончательно он не сможет, – сообщил Костя.

– Ну вот, – огорчилась я. – Тогда ничего не получится.

– Катя, не глупи! – Костя поднялся из-за стола и подал мне руку. – Пойдем, я отведу тебя домой.

– Я и сама прекрасно могу дойти! – рассердилась я, но поняла, что не знаю, в какую сторону мне идти и расстроилась: – Нет, не могу.

– Костя, позаботься, чтобы она дошла до дома без происшествий, – Данила тоже поднялся.

– Не беспокойся, позабочусь, – Костя взял меня под руку и вывел из-за стола.

Уходя, я обернулась на кузнеца. Он смотрел нам вслед и хмурился. И это у него выходило тоже весьма эффектно.

По дороге домой мы с Костей свалились в канаву. На самом деле, я была не настолько пьяна, чтобы падать, но мамины истории почему-то отложились в моей памяти таким образом, будто бы падение в канаву должно быть обязательным завершением деревенского праздника. Поэтому наметила себе подходящую с точки зрения упадаемости канаву – сухую, неглубокую и относительно чистую – и ловко подставила Косте подножку. Мы свалились шумно и весело, и долго не могли подняться, обессилевшие от смеха (или все-таки от пива?)

Мне понравилось падать в канаву, моему кавалеру, кажется, тоже, потому что, когда мы наконец-то смогли подняться (поочередно пытаюсь помочь друг другу и в результате снова валяясь вниз в разном порядке) и стояли, схватившись за руки для устойчивости, он неожиданно поцеловал меня (а может, мне это все-таки показалось?) Ну не то, чтобы страстно поцеловал, скорее дружески чмокнул, как в благодарность за то, что я придумала такое чудесное веселье с канавой (это я так сразу же для себя решила). Поэтому не стала заострять внимание на этом событии, и мы, покачиваясь в ногу, отправились к моему временному дому. Там нас обляял Узнай, выступив с резкой критикой пьянства, мы попросили у него прощения и пообещали, что больше не будем.

Только теперь я оценила несомненные преимущества моей кладовки: из двери я упала прямо на кровать. Уже засыпая, я услышала, что Костя укрыл меня покрывалом и позвал

Шарика гулять. «Спас», – прошипела я и провалилась в сон.

14. ЕСЛИ ДОЛГО МУЧИТЬСЯ, ЧТО-НИБУДЬ ПОЛУЧИТСЯ

На удивление, утром я чувствовала себя вполне сносно, учитывая, сколько сортов пива и в каких количествах вчера перепробовала. Вот что значит натуральный продукт. Только голос был охрипший – то ли от частушек, то ли с похмелья. И пить очень хотелось. Я решила пробежаться с Шариком до колодца, чтобы взбодриться и напиться ключевой воды. Быстро оделась, выскочила на крыльцо и столкнулась лицом к лицу с кузнецом, чуть со ступенек его не столкнула.

– Привет! – бодро поздоровалась я. – Ты к кокушке?

– Да нет, к тебе, – загадочным тоном ответил он. – Хотел узнать, благополучно ли ты до дома вчера добралась.

– Нормально, только мы в канаву упали, – рассмеялась я, потом вспомнила, что было дальше, и покраснела.

– Знал бы, что у вас такие грандиозные планы, не уступил бы так легко честь провожать тебя, – сказал Данила, то ли упражняясь в остроумии, то ли сожалея об упущенной возможности.

Я смущенно улыбнулась, не зная, что ответить.

– Ну, если с тобой все в порядке, то я пошел, – как-то неуверенно произнес Данила. – На работу.

– А я собиралась до колодца пробежаться, – вспомнила я.

Мы неуклюже попрощались и разошлись у калитки. Я не решилась обернуться посмотреть, не обернулся ли он, но казалось, что так и чувствую его взгляд лопатками.

«И зачем приходил?» – думала я, неспешным шагом направляясь по тропинке. Бежать уже расхотелось, и только Шарик в восторге носился по траве, как бешеная белка. День снова обещал быть солнечным и жарким, в голове и на сердце царила полная неразбериха и нам предстояло дальше пытаться распутать паутину, в которую в каком-то из миров угодила гипотетическая несчастная бабочка.

Ледяная колодезная вода и голову прояснила и тело освежила, особенно когда я, не управившись с тяжелым ведром, опрокинула его себе на ноги. Надо было наконец-то добратсья до старосты и получить вождеденную карту, так что я решила сразу пойти за ребятами. По дороге выяснилось, что моя популярность в деревне значительно выросла после вчерашнего активного участия в гулянии. Люди весело здоровались со мной и сообщали, какая я заводная девчонка и вообще молодец. Поначалу я смущалась, а потом мне это надоело, и я решила: молодец так молодец.

Костя с Максом еще спали. Закрывать дверь они и не думали, так что я беспрепятственно проникла внутрь и была вознаграждена созерцанием чрезвычайно милой сцены: парни спали на огромной кровати, причем Костя уткнулся в плечо блаженно похрапывающего Макса. Я некоторое время полюбовалась на эту идиллию, а потом крикнула "Подъем"

и напустила на них Шарика. Чих быстро сориентировался и успел лизнуть Макса в щеку, а Костю в губы, прежде чем парни сообразили, что происходит. Макс улыбнулся и потянулся, Костя вскочил и начал отплевываться.

– Вы только подумайте, насколько сильно ваше взаимное притяжение, если вы нашли друг друга на этой гигантской кровати, – задумчиво сказала я.

Ребята сердито посмотрели друг на друга, потом на меня и во имя мира я решила поскорее сменить тему:

– Макс, как твои дела?

– А почему ты не спрашиваешь, как мои дела? – полюбопытствовал Костя.

– Вряд ли с тобой произошло что-либо интересное по пути сюда, если конечно ты не свалился еще в одну канаву, – улыбнулась я.

– Ночь чревата неожиданностями, – обронил Костя.

– А что значит "еще в одну"? – заинтересовался Макс.

– Макс, не пытайся перевести разговор, – урезонила я его. – Давай рассказывай, что там у тебя с Варькой.

– Да что там рассказывать, – пожал плечами Макс. – Потанцевали, поговорили.

– Проводил? – деловито осведомился Костя.

– Можно и так сказать. Она домой пошла в большой компании, так что я просто к ним присоединился. А потом оказалось, что все девушки хотят, чтобы я их проводил, так и пришлось полночи их туда-сюда водить. Устал, как лошадь, –

пожаловался изможденный женским вниманием герой.

Так как Макс больше рассказывать нам ничего не пожелал, мы наскоро позавтракали чаем с хлебом (больше ничего не было) и отправились к Федотову.

– А староста сегодня злой, наверное, с похмелья, – задумчиво проговорил Костя, наблюдая, как расторопные парни на площади бодро грузят столы в грузовичок с рекламой кейтеринговой компании. Все остальное было уже убрано, нигде ничего не валялось: ни мусора, ни утомленных селян.

– Или, наоборот, уже выпил в предвкушении второго свадебного дня, и теперь очень-очень добрый, – отозвался Макс.

Они оба ошиблись: староста был трезвый и добрый. Он лично приветствовал нас на пороге своего большого, похожего на терем бревенчатого дома и гостеприимно пригласил пройти внутрь. Дом был добротный, но не вычурный: никаких мраморных полов, арок или колонн, все из дерева, просто, надежно и очень уютно.

Мы прошли за Федотовым в его рабочий кабинет, заставленный шкафами с папками и книгами, и сразу увидели на стене вожделенную карту Заречья с прилегающими окрестностями. Костя завел свой увлекательный рассказ о нашей миссии по исследованию пресловутого «археологического потенциала местности», а я украдкой рассматривала Федотова. Если бы не отсутствие руки, его можно было бы назвать настоящим богатырем: его широкоплечая, жилистая фигу-

ра так и дышала силой. Он серьезно и внимательно слушал рассказ про Рюрика и курганы, и на просьбу о карте ответил немедленным согласием.

– Ребятки, это же так интересно! Давно мне хотелось, чтобы люди узнали прошлое нашего Заречья. А если оно еще и славным окажется, так будет вам весь наш почет и уважение. Может, тогда и музей краеведческий устроим!

Староста так искренне обрадовался, что мне стало стыдно, что нам приходится его обманывать. А он снял карту со стены и вручил ее Косте со словами:

– Обращайтесь ко мне по любым вопросам, окажу посильную помощь.

Он еще и за стол пытался нас усадить, но мы и без этого чувствовали себя неудобно, поэтому сослались на необходимость навёрстывать упущенное время и, прихватив трофей, вернулись в дом кузнеца.

Изучив карту, Костя немедленно заявил, что ему все понятно. На нас с Максом созерцание топографического изображения поселения с окрестными лесами и полями не произвело подобного озарения, и Косте, как обычно, пришлось нам все объяснить. Как обычно – это значит, с выражением крайней досады на то, какие тугодумы достались ему в спутники.

По мнению Кости, очевидным было следующее:

Всего символов четыре, и, согласно законам логики и гео-

метрии, они должны располагаться на равном расстоянии друг от друга и образовывать на местности квадрат, внутри которого и должен находиться портал. Поставив в соответствующих местах на карте точки, он отметил их схематичными изображениями громовика и сокола. Затем соединил их прямой линией, и с мастерством кадастрового инженера принялся чертить фигуры, попутно разясняя свои действия.

– Прямая линия между найденными камнями, может быть либо стороной, либо диагональю искомого квадрата. Если это сторона, то квадрат можно развернуть либо на запад, либо на восток, и это дает нам четыре точки, в которых могут находиться остальные символы. Если диагональ, вариант только один, и он даст нам еще две точки.

– Значит, всего шесть точек, – посчитала я. – Так может, сразу поищем портал?

На это Костя веско посоветовал мне не бежать впереди паровоза, когда еще и рельсы не проложены. Когда найдем все камни, тогда и будет понятно, что делать дальше. Ближайшие же два выходных дня нам рекомендуется использовать по максимуму, и постараться исследовать все точки, расставленные Костей на карте, а не задавать глупые вопросы.

Макс немного помялся, но все-таки задал:

– А что, если в расположении этих знаков нет никакой логики? Или есть, но не геометрическая. Вы помните, в лабиринте порядок символов над проходами постоянно менялся,

и мы так и не поняли, почему.

– Тогда моя теория окажется ложной. И я с удовольствием рассмотрю те, что предложите вы. Я даже готов отдать им приоритет, – холодно ответил Костя.

Как и следовало ожидать, никаких теорий больше никто не предложил, и поэтому, не теряя больше времени даром, мы направились к ближайшей точке, которая, судя по карте, располагалась всего в нескольких дворах от нашей дислокации. Впереди шел Костя с картой, за ним Макс с лопатами, а за ними я – с улыбкой – дабы ни у кого не возникло сомнений в наших наилучших намерениях, а то, кто знает, что могут подумать местные жители.

– Здесь! – Костя остановился возле хлипкого забора из кривых жердей.

Макс с облегчением прислонил к нему лопаты, но ненадежная ограда угрожающе накренилась, и он поспешил подхватить их.

Я заглянула через Костино плечо в карту.

– Здесь – это конкретно где?

– Здесь – это где-то здесь, – раздраженно ответил Костя. – Масштаб карты 1 к 50, так что моя точка охватывает около ста квадратных метров, с учетом возможных погрешностей.

– То есть весь вот этот огород? – Макс обвел широким жестом непаханую целину за забором.

Огородом ее можно было назвать с большой натяжкой, скорее – заросшей бурьяном лужайкой. Тем не менее, на противоположном от нас конце ковырялась с лопатой согнутая в три погибели старушка в белом платочке. Не удостоив Макса ответом, Костя обратился к ней.

– Уважаемая, скажите, пожалуйста!

Видимо, пожилая дама была глуховата, так как потребовались все наши совместные усилия, чтобы привлечь ее внимание. Когда она, наконец, доковыляла до нас, то оказалась совсем древней старушонкой, с лицом, состоящим из одних морщин, и совершенно бесцветными глазами. Я даже подумала, что она слепая, но, как оказалось впоследствии, видела она не хуже нас. Престарелая огородница долго не могла понять, что от нее требуется, но в конце концов нам удалось ей втолковать, что мы археологи и нам до зарезу надо порыться на ее участке, потому что там может быть зарыто нечто очень ценное.

– Клад? – живо спросила бабулька с жадным блеском в глазах.

– Нет, что вы, – поспешил разубедить ее главный "археолог". – Ценное лишь с точки зрения археологии. Черепки какие-нибудь. Или камни, например.

– Ну, ройтесь, если надо, – разрешила, наконец, землевладелица. – Все равно с тех пор, как мой дед помер, огород вскопать некому.

Ее подбородок жалобно затрясся, она несколько раз сморгнула и прикрыла глаза сухонькой рукой.

– Так значит, и вам заодно поможем! – подбодрил бедняжку Костя. – Макс, хватай лопату!

Макс взял лопату и тоскливо оглядел фронт предстоящих работ.

– А вы никогда ничего особенного на огороде не находили? – с надеждой спросил он. – Какие-нибудь камни с выбитыми на них символами?

– Камней здесь хоть отбавляй, вот увидишь, – "обнадежила" его повеселевшая бабка. – Вы, главное, копайте поглубже, и рыхлите получше.

Вскапывать основательно заросшее поле в полдень, под палящим солнцем и с роящимися вокруг слепнями – то еще удовольствие. Львиную долю работы делал двужильный Макс, но и мы с Костей трудились изо всех сил.

Чтобы быть уверенной в том, что мы не выкопаем без ее ведома клад, старуха внимательно следила за ходом работ, сидя в теньке на табуретке, и каждый раз, когда лопата за что-нибудь цеплялась, она подрывалась с места и бежала инспектировать находку, а заодно давала указания.

– Ты, милоч, корни-то вытаскивай. И лопату поглубже засаживай.

Мы молча пыхтели – отступить было некуда. Наконец, поле было перекопано. Наградой нам были мозоли на руках, обгоревшие плечи, куча корней и травы и целая горка разнокалиберных камней. Увы, ни на одном из них не обнаружилось вожделенного символа. Да и по размеру они были не сопоставимы с теми, на которых были выбиты сокол и колесо.

– Ох, спасибо вам, ребятки! – благодарила довольная старушка. – Уж я теперь тут морковочку посажу, картошечку, капустку, кабачки...

Героически выдавив: «не за что» и «вам спасибо», мы выползли на дорогу, и с трудом опустились на скамейку у забора напротив. Я разглядывала новообретенные мозоли на ладонях.

– Ни-че-го, – устало резюмировала я.

– Зато доброе дело сделали, помогли одинокой старушке вскопать огород, – неуверенно сказал Макс.

Костя молча развернул карту и поставил на первой точке жирный крест.

Послышался гул мотора, и к бабкиному забору подъехал микроавтобус, из которого выгрузились несколько семейств, нагруженных пакетами с продуктами и рассадой в ящиках. Разновозрастные дети с криками «бабушка» и «прабабушка!» устремились к нашей «одинокой старушке», а взрослые встали возле машины, недоуменно разглядывая территорию за забором.

– Бабуля, а кто вам огород вскопал? – полюбопытствовал наконец дюжий "внучок».

– Тимуровцы, – буркнул Костя, складывая карту и с трудом поднимаясь на ноги.

– Вот вам и одинокая старушка, – разочарованно протянул Макс.

– До их приезда она была страшно одинока, – заметила я. Подростеряв боевой настрой, мы двинулись дальше, к ближайшей неисследованной точке. Согласно Костиному раскладу, она расположилась за пределами деревенских дворов, где-то за фермой.

– А нам необходимо перекапывать все участки? – уныло спросила я Костю, морщась от саднящих мозолей на руках. Никогда не считала себя белоручкой, но первая же проверка продемонстрировала мою полную неподготовленность к сельскому труду. – Может, достаточно просто тщательного осмотра?

– Согласен! – поддержал меня Макс. – Первые два камня выкапывать-то не пришлось. С чего бы остальным быть глубоко в земле?

Костя задумался. Старушкин огород поумерил и его пыл к раскопкам.

– Ну ладно, – сдался он. – Но осмотр должен быть самым тщательным.

– А как же, – повеселел Макс. – Это я тебе лично гаран-

тирую.

За фермой обнаружилось пастбище, на карте не обозначенное, но зато огороженное электрической изгородью. Кучка камней, сваленных непонятно с какой целью у противоположного от нас края, выглядела как приманка для археологов. Стоя у проволочного ограждения, мы с волнением вглядывались в них, но, понятное дело, ничего разглядеть не могли. Изгородь ровно гудела.

– И как же мы туда попадем? – спросила я и отступила на всякий случай на шагок.

Макс с Костей переглянулись, притащили откуда-то пару досок и подсунули их под нижнюю проволоку.

– Поднимай, а я поднырну, – распорядился Костя.

– Нет уж, давай ты поддержишь, а я пролезу, – запротестовал Макс. – Я же тебе гарантировал тщательный осмотр.

Костя пожал плечами и уступил Максиму честь первопроходца. Секунда – и он уже по ту сторону изгороди, спешит к валунам. А мы с Костей с ужасом понимаем, что вместо того, чтобы тарачиться на камни, надо было внимательно изучить само поле на наличие обитателей. Потому что из-за угла неприметной сараюшки величественно, как ледакол на военном параде, выдвинулся огромный черный бык, и целенаправленно двинулся в сторону Макса, отрезая путь к отступлению. Мы с Костей разом потеряли дар речи, и лишь открывали рты, но Макс услышал тяжелую поступь и обер-

нулся сам.

– Беги! Нет, стой! – закричали мы хором разные команды.

На лице Макса разом отразились смятение, ужас и отчаяние. Он попятился от рогатого монстра и, споткнувшись, растянулся прямо на тех самых камнях. Секунда – и бык навис над ним.

Я зажмурилась, чтобы не видеть, что произойдет дальше. Раздался громкий... смех? Макс истерически хохотал:

– Уберите его от меня! Он меня лижет! У него язык шершавый!

Я осмелилась открыть глаза, и увидела Макса, который пытался подняться на ноги, но не мог устоять перед изъяснениями бычьей дружбы. Наконец, он встал, придерживаясь за один рог.

– Заканчивайте свои телячьи нежности, – недовольно крикнул Костя. Он досадливо хмурился, скрывая эмоции за раздражением, но я видела, что он здорово испугался за друга.

Бык повернул голову на голос, заметил еще гостей, в последний раз пролизнул Макса во весь рост и направился в нашу сторону. Его неторопливому, но целеустремленному продвижению не хватало только фоновой музыки из фильма "Челюсти", и, хотя он уже продемонстрировал свой дружелюбный настрой, я невольно отшатнулась от изгороди. Бык замер, шумно дыша и наклоняя рогатую голову, что выглядело крайне угрожающе.

– Он хочет, чтобы ты ему лоб почесала, – донесся до меня голос Макса.

Я опасливо протянула руку и погладила широченный кудрявый лоб. Бык умиротворенно фыркнул, придвинулся поближе, насколько позволяла изгородь и прикрыл глаза от удовольствия.

Макс тем временем ворочал валуны, осматривая их со всех сторон.

– Есть что-нибудь? – нетерпеливо крикнул Костя.

– Можно и так сказать, – отозвался Макс.

Он оставил камни и неторопливо вернулся к нам. Бык радостно ткнулся в него носом и попытался снова облизать.

– Э нет, – отодвинулся парень. – Ты меня и так уже всего обслюнявил.

Костя помог Максy выбратьcя.

– Ну что?

– На всех этих камнях выбиты артикул и номер партии, – объявил Макс. – Они вообще не настоящие. Декоративные, пруд оформить там, или альпийскую горку.

– Для быка? – удивилась я.

– А что? У него тонкая душевная организация, это сразу видно.

Мы распрощались с душевным быком и отправились во свояси. Возле фермы к нам присоединился ранее дезертировавший Шарик. Рабочий, который ворошил сено, понимающе спросил:

– На Буяна ходили полюбоваться?

– Да, красивый бык, – вежливо ответила я.

– Бык призовой, – важно заявил рабочий прямо-таки с отцовской гордостью. – Ласковый, как котенок. А коров кроет на раз-два.

– Об этом я как-то не подумал, – передернулся Макс.

Мы единогласно решили, что на сегодня задачу выполнили.

– Отрицательный результат – тоже результат, – сказал Костя, ставя крест на второй точке на карте. – Успех приходит вследствие планомерных последовательных усилий.

– Твой девиз по жизни? – поддразнила я.

– Можно и так сказать, – невозмутимо ответил он, пряча карту в карман и привычно скомандовал. – На сегодня все, айда отдыхать.

На этот раз мы подчинились с удовольствием.

15. ПАРУ БОЯТЬСЯ, В БАНИЮ НЕ ХОДИТЬ

Но день еще не закончился. По дороге домой мы встретили Варвару, и на это раз это была по-настоящему случайная встреча. Она возвращалась из бани, шла в линялом ситцевом халатике, с полотенцем на голове, распаренная и размоленная, с красными щеками и блестящим носом. В первый раз мне довелось наблюдать ее искреннее смущение. Костя приветствовал девушку ироничным возгласом:

– С легким паром? Никак нынче банный день!

– Так суббота же, – пробормотала она, готовая провалиться сквозь землю от того, что предстала перед нами в таком виде, и совсем растерявшись, добавила:

– Я к подружке в баню ходила.

– Это к какой подружке? – неожиданно заинтересовался Макс. – Не к Таньке ли рыженькой?

– Нет, – опешила девушка. – Хотя она тоже с нами была.

– Какой у нее дом? А то я пока вас всех вчера провожал, не запомнил, – настойчиво выпрашивал Макс.

– Восемнадцатый, – проворчала Варька.

– Это по правой стороне? Вот спасибо! – поблагодарил парень, будто и не заметив ее недовольства.

– А я бы тоже не отказался в баньке попариться, – вмешался Костя.

– И я! – поддержал его Макс, словно забыв про вконец расстроенную девушку. – После сегодняшних приключений баня была бы как нельзя кстати. К кому бы попроситься?

– Давайте к бабке Насте сходим, – предложил Костя. – Она нас кормила, поила, а в баньке еще не парила. Надо соблюдать каноны.

Парни расхохотались, вспоминая наш первый день в параллели, и то, как мы готовы были поверить в то, что Настасья Осиповна – настоящая Баба Яга.

Варька с досадой, сохраняя остатки достоинства, пожелала нам легкого пара.

***

– А как же в субботу-то без баньки!– одобрила бабка Настя, услышав, что городские гости хотят попариться. – В бане мыться – заново родиться.

– Мы сегодня весь день в земле копались по самой жаре, – пожаловался Макс. – Потом меня еще бык облизал. А в доме нашем воды нет.

– Когда в деревне общий водопровод делали, дом стоял пустой, вот его и обошли, – объяснила знахарка, вглядываясь в свой мобильник и тыкая в него пальцем. – Але, Данечка?

Я вздрогнула. При чем здесь Данечка?

– Тут ребята приезжие в баньку хотят. Да, здесь уже сидят. Ага-ага. Вот и славно.

Моим первым желанием было вскочить с места и смыться, сославшись на срочные дела. Почему-то мне страшно неудобно было видеть кузнеца, как будто между нами осталась какая-то недоговоренность после сегодняшней утренней сцены. Но, призвав разум, я сообразила, что неудобно должно быть ему – это же не я непонятно зачем заявила к нему поутру на порог. Да и все знают, что дел у меня здесь нет, а срочных, тем более. Так что я постаралась принять безразличный вид и осталась сидеть на месте.

– Данечка с утра еще баньку истопил, да пойти все некогда ему, – продолжала тем временем Настасья Осиповна. – Зато уж жар настоялся – любо дорого! Он под вечер еще дровец подкинул, вот вместе и попаритесь.

– Как это вместе? – опешила я.

– А ты имеешь что-то против? – деланно удивился Костя. – В бане, как известно, все равны.

– У Зинаиды прекрасная ванная, – я понимала, что он специально надо мной подтрунивает, но все равно покраснела.

– Тебе-то хорошо, – с завистью протянул Макс. – А мы из бочки обливаемся. И во двор ходим.

– Зачем? – не поняла я.

– Затем! Знаешь, кстати, что в деревенском сортире действуют те же правила, что и на высоте?

– Как это?

– Главное, не смотреть вниз! – хором выпалили парни и загоготали, глядя на мою вытянувшуюся физиономию.

– Кто про баню спрашивал? – Данила вошел, весело усмехаясь.

Он так и заявился прямо из кузницы, в одних рабочих штанах, с голым торсом в пятнах сажи и с черными руками. Я не знала, куда глаза девать, а неукротимое воображение уже любезно предлагало внутреннему взору кузнеца в бане, с одним веником в качестве прикрытия. Что называется, и смех, и грех.

– Хватит девку смущать, – вступилась за меня бабушка Настя. – Ступайте, а мы с Катюшей пока чайку попьем. Я такой чаек на травах заварила – просто сказка.

– С удовольствием, – откликнулась я с благодарностью.

– Тогда я пошел за вениками, – заявил Данила, и, обер-

нувшись на пороге, уточнил, – Надеюсь, сердечко ни у кого не пошаливает, плохо в парилке не делается?

– Еще посмотрим, кого выносить придется, – немедленно отозвался Костя.

Данила многозначительно усмехнулся и вышел, а я накинулась на Костю:

– Я вас прошу, только не надо устраивать соревнований на выносливость. Так и тепловой удар получить недолго.

Костя молчал и нехорошо так улыбался. Мои слова ему были, как об стенку горох.

– Костя! Ты меня слышишь? Данила привык к высоким температурам, он же каждый день у раскаленного горнила работает! – повысила я голос.

– Эй, археологи! Идете? Баня стынет! – донесся со двора голос кузнеца.

– У раскаленного горнила, говоришь? – обронил Костя, проходя мимо меня. – А я, между прочим, чемпион фирмы по сауне.

– Катюха, да все нормально будет, – попытался успокоить меня Макс.

Я беспомощно стояла и смотрела в окно, как они уходят втроем, решительные, как дуэлянты, только вместо шпаг в руках веники.

– Вы бы еще померялись... сами знаете чем, – в отчаянии пробормотала я.

– И померяются, не сомневайся, – хихикнула позади меня

бабка Настя. – Мальчишки, что с них взять.

Я пила бессчетную чашку чаю, поглядывая на ходики на стене избушки. Шел уже второй час как парни ушли в баню.

– Да не переживай! – поймала мой взгляд Настасья Осиповна. – Мужики иной раз часа по три парятся. Они же по нескольку заходов, да с обливаниями, да с кваском.

– Идут! – перебила я ее, глянув в окно, и, присмотревшись, вскочила. – Макс плохо!

Я выбежала во двор, и замерла на месте, не понимая, что происходит. Парни шагали шатающейся троицей: Макс посредине, Костя и Данила по бокам. Но не они вели Макса под руки, как показалось мне из окна, это он поддерживал обоих. Они хотя и шли сами, имели не самый лучший вид: Костя был красный, как вареный рак, Данила, напротив, непривычно бледен.

– Что случилось? – бросилась я к ним.

– Теперь уже все нормально, – ответил изрядно запыхавшийся Макс.

На этих словах Данила опасно покачнулся, и Макс сгрузил его на меня. Он судорожно вцепился в мою руку, а затем с удобством оперся, приобняв за плечи. Я охнула – весил кузнец немало, и, шатаясь под его тяжестью, стала продвигаться к крыльцу. По мере продвижения Данилины шаги становились все более и более уверенными, и я начала подозревать, что необходимости в крепких объятиях вовсе и не

было. Тем не менее, в дом мы так и вошли, бок о бок, а его рука каким-то образом перекочевала на мою талию. Костя уже сидел на скамейке за столом, я подвела Данилу к противоположной и помогла ему сесть. Вернее, он уселся сам, и потянул меня рядом с собою. Я присела, потихоньку освободилась от его руки и отодвинулась, а потом перевела дыхание, о котором и думать забыла, пока кузнец был так близко.

Бабка Настя уже хлопотала, смешивая какие-то снадобья, как заправский бармен, ей только шейкера не хватало для окончательного сходства.

– Как же так можно? Взрослые люди, называется, – укоризненно покачала я головой.

– Признаю, сгупил, – беззаботно отозвался Данила, принимая из рук Настасьи Андреевны стакан с приготовленным напитком. – Я сегодня весь день в кузнице проработал без продыху, изжарился, как в пекле, а в бане добавил. Вот и закипел, как чайник.

Он отпил и скривился.

– Пей, пей, – ворчливо проговорила «бабуля», заботливо погладив его по голове, и отвесив вдогонку шутливый подзатыльник. – Горькое, но в чувство быстро приведет.

– Сколько продержался-то, чемпион? – спросила она, вручая стакан Косте.

– До ста десяти градусов дотянули, – подал он голос, глотнул отвар и закашлялся. – В сауне я и при ста двадцати высиживал, но сауна – не баня, там воздух сухой. Глупо полу-

чилось.

– Глупее некуда, – согласилась я. – Макс, а ты как себя чувствуешь?

– Ну а ты как думаешь? – хохотнул он. – У меня жаропрочность на генетическом уровне.

– Да, Макс сегодня однозначно победил, – подтвердил Костя.

– По всем пунктам, – невозмутимо согласился Данила.

Они переглянулись и дружно расхохотались. Я же сделала вид, что ничего не слышала и попросила Макса рассказать о том, как эти крутые парни превратились в ошпаренных цыплят.

– Когда в парилку вошли – было за восемьдесят. Поддали до девяноста – все нормально. На втором заходе стрелка термометра за сотню заехала. И вдруг Костян стал с полка съезжать. Я его из парной выволок, и слышу – за спиной грохот.

– Это я понял, что не выдерживаю, надо выходить. За косяк хотел ухватиться, но, видимо, промахнулся, – объяснил Данила, допивая отвар. Он уже не был таким бледным и откровенно посмеивался над происшедшим.

– Вы хоть помыться-то успели? – поинтересовалась я.

– А как же! – ответил за них Макс. – Я на каждого по два ведра холодной воды вылил, чтобы очухались, смогли на ноги встать да хоть штаны натянуть самостоятельно.

– Герои, – бабка Настя снова наполнила их стаканы.

Данила торжественно поднял тост:

– С легким паром!

– Скорее, с нелегким, – поправила я.

Костя немного помедлил, и тоже поднял свой стакан. Они с Данилой чокнулись и залпом допили горький настой.

Отодвинувшись на дальний край скамьи, я пользовалась возможностью незаметно сравнить Костю и Данилу. Возраста они были примерно одного, оба по-своему привлекательные, но при этом абсолютно разные. Сторонний наблюдатель (а наблюдательница, тем более) однозначно назвал бы Костю красивым мужчиной: правильные черты лица, прямой аристократический нос, волевой подбородок. У Данилы же нос был вполне себе простонародный, глаза слегка раскосые, скулы широкие, рот красиво очерчен, но тонковат, подбородок острый. Но обаяние и мощная харизма затмевали непримечательность внешности и делали его просто неотразимым. Достаточно было улыбки, хитрого прищура глаз, нескольких слов, произнесенных вкрадчиво-бархатным голосом, и держитесь, бедные «девки». А вот Костина холодно-повелительная манера общения могла и оттолкнуть, в такие моменты он казался очень неприятным.

Что касается фигуры – я вновь перевела взгляд с одного на другого – Костя явно посещал спортзал и занимался «грамотной прокачкой». Его мускулатура была полностью сбалансированной, без излишеств, тогда как у Данилы были больше развиты плечевые мышцы и верхняя часть спины – издержки профессии.

Увлечшись столь занятным сопоставлением, я вдруг обнаружила, что Данила наблюдает за мной. Я замерла, словно застигнутая на месте преступления – мои сравнительные исследования явно не остались для него незамеченными. Поймав мой взгляд, кузнец спрятал улыбку и с самым серьезным видом вопросительно поднял бровь: мол, ну как?

Я вскочила, как ошпаренная, чуть стол не свернула.

– Катюша, а ты-то когда в баньку пойдешь? – вовремя осведомилась бабка Настя.

Данила не отрывал от меня смеющегося взгляда. Какая мне банька, щеки и так пылали.

– Мне домой пора, – выпалила я. – У нас завтра еще куча дел, правда, Костя?

– Совершенно верно, – подтвердил тот.

– Тогда всем спокойной ночи!

Из дома я выскочила, будто из пекла раскаленной парной.

Ну почему, почему я так на него реагирую. Я и так себя чувствую, как... как человек в чужом мире, без денег, без документов, без понятия, сколько здесь пробуду и смогу ли когда-нибудь вернуться домой. Волнуюсь, как там родители. Переживаю, что потеряю работу. Основы моих представлений об устройстве мира рухнули: мне, как Алисе, пришлось поверить в страну чудес. И только-только я начинаю чувствовать себя чуть более уверенно, как Данила одним щелчком расшатывает неустоявшийся мир и выбивает почву у меня из-под ног. Я привыкла держать под контролем и свою

жизнь, и свои чувства, и потеря этого контроля ввергала меня в состояние полной беспомощности, к которой необъяснимым образом примешивался поистине щенячий восторг и предвкушение чего-то еще более невероятного.

Ступив на следующее утро на порог временного пристанища ребят, я была приятно удивлена щедрым блинным духом и неприятно – присутствием Варвары. Точнее, она не присутствовала, она царила. На столе красовалось блюдо размером с приличный тазик, наполненное не блинами, как я поначалу решила по запаху, а пышными и румяными оладьями. Вокруг выстроились банки с разнообразными вареньями. Парни уплетали за обе щеки и похваливали, а Варька порхала вокруг них, играя роль гостеприимной хозяйки.

– Катюха, привет! Подсаживайся к нам! – радостно замаяхал Макс огрызком оладушки в черничном варенье.

Забота обо мне в Варькины планы не входила, но, не желая разрушать образ радушной хозяйки, она и меня за стол пригласила и даже соизволила улыбнуться. Хотя самые лучезарные улыбки и вся забота сегодня были направлены на Макса. Ему подкладывались самые большие оладьи, а к ним то очередное варенье, то сметанка. А уж когда девушка соблаговолила собственной ручкой утереть салфеткой его испачканную щеку, парень просто растаял.

Оладьи были выше всяких похвал. Меня так и подмывало уточнить, кто их автор, но, обнаружив среди банок с ва-

реньем морошковое, нежно любимое с детства, я с удовольствием промолчала и навернула с ним столько оладушек, что в конце концов серьезно усомнилась, смогу ли встать из-за стола.

Сочтя свою миссию (восстановить восхищение Макса, а заодно вызвать Костину ревность) выполненной, Варвара удалилась, сопровождаемая самыми искренними благодарностями (общими) и приглашениями заходить почаще (от парней).

Мы не спешили вставать из-за стола. Костя изучал вновь разложенную на столе карту, которая уже обзавелась новыми деталями рельефа в виде черничных озер и малиновой горки, и задумчиво чертил по ней пальцем.

– А стоит ли теперь искать во всех точках? – подал идею Макс. – Ведь если один "угол" пуст, то и весь "квадрат" разваливается.

– Пустым он может оказаться лишь потому, что мы плохо искали, – не поддался на провокацию Костя. – Или потому, что по каким-то причинам камень не дождался нас. Так что не пытайся увильнуть. Если тебе, конечно, все еще хочется домой.

– Конечно, хочется, – рассеянно отозвался Макс, прикидывая, поместится ли в него еще одна оладья. И добавил себе под нос, так, чтобы Костя не слышал:

– Но не сразу.

Как ни хотелось после столь сытного завтрака прилечь ку-

да-нибудь в тени и сладко подремать до самого обеда, надо было поднимать себя из-за стола. Пройтись пришлось довольно далеко – от края деревни по главной дороге мы протопали около километра, пока Костя не скомандовал «Стоп-раз-два!»

– Здесь уж точно ничего непредвиденного не должно быть, – заявил он, еще раз сверившись с картой.

Действительно, раскинувшийся перед нами простор радовал глаз. Везде, куда ни глянь, ровные поля с рядами зеленых всходов.

Я сунула нос в карту и недоуменно огляделась.

– Поле огромное, как определить, где точно искать? Здесь же ни одного ориентира, кроме дороги.

– Значит, надо осмотреть как можно большую площадь, – бесстрастно резюмировал Костя и смело ступил на возделанную землю.

– Надо стараться идти друг за другом, а то нас вряд ли по головке поглядят за вытоптанную картошку, – предостерег Макс.

– Шарику это скажи! – бросил Костя, но стал идти осторожней. Шарик тем временем скакал, как миниатюрный кенгуру, аккуратно перепрыгивая невысокие еще кустики.

– А разве это картошка? – пригляделась я. – По-моему, это помидоры. Костя, а ты как думаешь?

– Я об этом не думаю, – отрезал он. – Я продукты покупаю

в магазине, а думать предпочитаю о более важных вещах.

– Можно подумать! – пробормотала я себе под нос.

Мы уже отошли на приличное расстояние от дороги, когда нас кто-то окликнул. У края поля стоял человек с примечательно блестящей лысиной. Он энергично размахивал руками и, если опустить некоторые нецензурные выражения, призывал нас немедленно покинуть поле, угрожая в противном случае разнообразными незамедлительными неприятностями.

– О, Глобус! – я обрадовалась ему, как родному. – Удивительно, как он нас раньше не нашел! Я уж решила, что в этой реальности ему нет места.

– Да ну его, – бросил Костя и ускорил шаг.

Глобус перестал махать руками, традиционно сплюнул в нашу сторону и поспешил в сторону деревни.

– Насколько мне известен характер данного персонажа, он пошел "заявлять куда следует", так что нам стоит поторопиться, – озабоченно заметила я.

– Пусть сначала найдет куда, а главное, кому заявить в воскресенье, – смело заявил Костя, и распорядился начинать осмотр, предварительно разделив поле на сектора (руками показал кому и куда идти).

Но не прошло и десяти минут, как спокойствие воскресного дня было окончательно нарушено. На дороге появились четверо дюжих парней, за которыми едва поспевал Глобус.

Они все начали кричать на нас, требуя убираться с поля по-добру-поздорову.

– Это же сыновья старосты, – узнала я. – Вон, глядите, Иван, давешний жених. А трое остальных дружками были на свадьбе, такие веселые ребята.

– Вряд ли сейчас они такие же веселые, – засомневался Макс. – Давайте лучше вернемся, не надо их злить... еще сильнее.

Костя с сожалением окинул взглядом неохваченные участки, но спорить не стал. Уж очень убедительны были Федотовы-младшие, даже на расстоянии.

– Вы какого ... всходы топчете? – без предисловий задал вопрос старший (судя по размеру бороды) брат, когда мы оказались на дороге.

– Мы не топчем, мы ищем, – ответил за всех Макс.

– И какого ... вы на поле ищете?

– Нам староста разрешил, – пискнула я.

– Вот прямо так и разрешил топтать поле? – удивился младший. (Никита, вспомнила я).

– Он разрешил нам вести археологические изыскания на территории Заречья и его окрестностей, – с достоинством пояснил Костя. – И обещал нам всяческую поддержку в случае необходимости.

– Спросите его, если не верите, – добавил Макс.

– Не верим. Спросим, – мрачно подтвердил один из средних. – Пошли.

– Вообще-то у нас дела, – запротестовал Костя.

– Пошли, хренолог, – проворчал кто-то неопределенный из Федотовых и смерил Костю презрительным взглядом.

– Вы, главное, документики у них спросите, – встрял Глобус.

Мы невольно переглянулись и хмуро последовали под конвоем к старосте.

До чего же была забавная картина, когда староста вразумлял своих великовозрастных сынков – я даже сцену из "Тараса Бульбы" вспомнила.

Примерное содержание этой потрясающей по выразительности и содержательности речи было следующее:

Вот эти славные ребята (археологи) радеют о сохранении истории России в общем и славного прошлого Заречья в частности, не жалеют ни здоровья, ни времени, чтобы определить наш археологический потенциал (по-моему, ставший уже слоганом нашей команды). Самого Рюрика могилу ищут! А вы (отпрыски) – балбесы, неучи, и прочее, вместо того, чтобы помочь этим замечательным молодым ученым, или хотя бы проявить элементарное гостеприимство, выказываете себя неотесанными деревенщинами.

"Балбесы" стояли, понутив головы, даже не пытаясь перечить: дисциплина в семействе была железная. Лишь когда отец закончил свою отповедь, старший осмелился вставить слово:

– Батя, да они поле топтали.

– Мы не топтали, – возразил Макс.

– Какое поле? – уточнил Федотов изменившимся тоном.

– С сортовыми помидорами.

Все-таки помидоры! Я показала Максу язык за Костиной спиной, но Федотов повернулся к нам с таким суровым лицом, что я сразу осеклась.

– А что вы на поле-то делали?

– Данная точка для исследований была определена в результате системного подхода, – с пуленепробиваемым спокойствием ответил Костя.

– Ну да, ну да, – серьезно покивал Федотов, и вдруг повеселел. – И вы на нашем поле хотели что-то найти? Да вы там самого маленького камушка не найдете, не то что вашего Рюрика. Все площади под посевы у нас такую подготовку проходят – пашем, бороним, чуть ли не ситом землю просеиваем. Потом удобряем навозом. А местами вообще слой почвы снимаем, и завозим машинами чернозем. Зато теперь у нас земля – хоть на хлеб намазывай. Так что никаких "точек" на наших полях быть не может. А вот в любом другом месте – это пожалуйста. Что там дальше ваша система подсказывает?

Костя развернул уже изрядно потрепанную карту:

– Следующая точка располагается где-то во дворах, похоже, неподалеку.

Староста взгляделся, а потом хлопнул себя по колену:

– Да ведь это наш двор! Ребята, глядите! – закричал он с довольным видом.

"Ребята" скосились на карту.

– Задний двор, – уныло добавил кто-то.

– Представляете, прямо у нашего дома могут историческое открытие сделать! – продолжал ликовать староста. – Ну-ка, Константин, давай, руководи! А ребята тебе помогут. Слышали меня? Во всем слушаться археологов!

Костя мстительно улыбнулся.

Оторвался он вовсю. Он не только приказал перекопать весь задний двор садовыми лопатками (дабы обеспечить сохранность вероятных находок, хрупких от древности), но и заставил снести дровяник, а перед этим перетаскать все дрова на другое место. Он уже собирался дать указание срыть уличный туалет, но вовремя сообразил, что в этом случае месть окажется палкой о двух концах.

Кстати, Глобус, который поначалу вертелся поблизости, разобравшись, как оборачивается дело, почел за лучшее потихоньку смыться, хотя его неловкий вопрос о "документиках" мог бы изрядно подпортить нам картину. Костя, конечно, был мастер блефовать, но неприятный и совсем ненужный осадок бы остался, вместе с мыслью "а кто они на самом

деле, эти археологи"?

Излишне будет говорить, что "историческая находка" так и не состоялась. К глубочайшему сожалению старосты, который, впрочем, не преминул усадить нас за стол, не слушающая возражений. Обед уже грозил перетечь в ужин, когда мы наконец упросили хлебосольного Федотова отпустить нас «проверить еще пару мест».

– Какие же вы молодцы – работа превыше всего, – чуть не прослезился хозяин.

Перед уходом Костя уточнил у братьев, где нам искать следующую точку.

– Это вроде где-то в лесу?

Парень бросил взгляд на карту и окликнул одного из братьев:

– Петька, гляди!

Петькина радость мне совсем не понравилась.

– В лесу, в лесу, – с нескрываемым злорадством кивнул он, пихая брата в бок.

Чтобы попасть в лес, надо было пересечь всю деревню. На пути ждало еще одно препятствие – по главной дороге двигалось коровье стадо, которое возвращалось с дневного выпаса.

– И здесь пробки, – с досадой проговорил Костя.

Коровы шли неспешно, чтобы не расплескаться, с сознанием важности своего долга: они несли молоко. Даже лепеш-

ки на дорогу шлепали, не теряя чувства собственного достоинства. Хозяйки выходили встречать буренок на дорогу, хотя многие коровы вполне самостоятельно сворачивали в сторону своих дворов. Пастух в неизменной шляпе, сопровождаемый все той же парой зубастых телохранителей, весело кивнул нам и важно прищелкнул кнутом на корову, задержавшуюся возле придорожной канавы общипать приглянувшийся кустик. Она оскорбленно брыкнула задними ногами и неожиданно лихим галопом догнала стадо. Затесалась в гущу товарок и пошла дальше в одном темпе со всеми, мирно прикрыв глаза и двигая жующими челюстями в такт шагам.

Шарик на этот раз осмелился обляять стадо, прямо как настоящая собака, правда, старался все-таки держаться поближе к моим ногам. А потом, к моему удивлению, не пошел за нами, а деловито свернул на тропинку, ведущую к дому Зинаиды, не реагируя на мой зов.

– Не волнуйся, он прекрасно ориентируется, – Макс потянул меня за руку. – До дома точно доберется.

– Да знаю я. Просто с его размерами так легко попасть в беду.

– Не волнуйся. В деревне все уже прекрасно знают, что это твой пес, и никто его не обидит.

– Ну да, наверное, – пробормотала я, и, уступив, пошла вместе с Максом догонять изрядно удалившегося Костю, поминутно при этом оглядываясь.

Едва заметная тропинка довела до леса и потерялась где-то в кустах. И если бы не диковинный GPS навигатор, между прочим, отечественного производства, непонятно с какой стати любезно предоставленный нам одним из братьев, у нас не было бы никаких шансов отыскать нужное место. Костя сверился с прибором и картой и решительно указал дальнейшее направление. Прямо в дремучую чащу. Мы с Максом с опасением переглянулись, но Костина спина уже мелькала среди стволов, и пришлось поспешить за ним.

В лесу царили сумерки и комары. Я никогда не слышала столь мощного комариного гула, исполненного истинного ликования, когда эти твари обнаружили таких аппетитных людей, которые сами, по своей воле, заявили к ним в логово и подали себя на ужин. Я сорвала ветку и принялась яростно ею отмахиваться, время от времени ухитряясь стегнуть себя больно, как хлыстом. Макс остервенело хлопал себя по кусаемым местам и тихо ругался на комаров с использованием образной лексики разной степени нормативности. Костя же непреклонно продвигался вперед, сверяясь с картой, навигатором, небом, и, кажется, время от времени проверяя, с какой стороны растет мох на деревьях. На комаров он то ли не обращал внимания, то ли они кусать его не осмеливались.

– Мы на месте, – внезапно заявил он и резко остановился.

Мы оказались в глубине самого настоящего бора. Со всех сторон нас окружали стволы деревьев, их кроны смыкались

в вышине сплошным зеленым шатром. Под ногами был мягкий ковер из мха и прелых листьев. Лес тихо шумел, словно накрывал нас куполом, надежно отгораживая от внешнего мира. Даже пение птиц было приглушенным. И ни намека на близость человеческого жилья, хотя мы ушли не так далеко от деревни.

– Расходиться здесь опасно – можем заблудиться, – заявил Костя. – Давайте прочешем местность, двигаясь отсюда и забираясь по возможности в стороны. Друг друга из виду не теряем.

Макс обреченно кивнул и пошел вправо, его непрерывающееся ворчание служило прекрасным ориентиром. Я про себя решила от него не отходить, и пошла практически по его следу. Костя продирался через поросль молодых деревьев где-то поблизости, ломая сучья, как бегущий через чащу лось.

Я шла, уперев взгляд в землю, без особой надежды на находку, витая мыслями где-то далеко, как вдруг послышался вопль Кости, а за ним – громкий продолжительный треск. «Наверное, он и в самом деле на лося набрел. Или даже на медведя», – испугалась я. С ревом «Костян, держись!» Макс бросился на выручку. Я кинулась за ним. Не успела пробежать и сотни метров, как он затормозил, и я врезалась в его спину. К счастью, парень успел ухватиться за крепкий куст, иначе мы оба покатались бы вниз. Мы стояли на краю крутого оврага, раскинувшегося поперек леса. В него, очевидно,

и скатился Костя.

– Костя, ты цел? – крикнула я.

Снизу послышался голос, крайне раздраженный, но вполне бодрый. Голос нехорошими словами помянул всех Федотовых, их навигатор, Заречье, и вроде как Рюрика. Мы с Максом облегченно рассмеялись.

Когда Макс помог, наконец, Косте выбраться из оврага, что было непросто – его края постоянно обрушивались, увлекая за собой и спасителя и спасенного, оба были в земле, мху и ветках, как лешие. Костя, вдобавок, ободрал щеку и руку, но, к счастью, дело обошлось без серьезных повреждений.

– Чертовы Федотовы, ведь они знали, что здесь непроходимый овраг, – продолжал возмущаться Костя.

– То-то они так ухмылялись, – дошло до меня.

– Я им еще поухмыляюсь! И навигатор их дурацкий треснул.

– А как же мы теперь из лесу выйдем? – тревожно спросил Макс.

– Спокойно, без паники. Уж из леса-то я вас выведу, – успокоил его Костя.

Он и в самом деле не зря сверялся с небом и мхом на стволах – очень скоро деревья стали редеть, а впереди появились отчетливые просветы. Мы приободрились и прибавили шагу, я уже предвкушала, как растянусь под одеялом в своей кладовке, с Шариком под боком, как вдруг моя правая нога

провалилась сквозь землю. Лодыжку пронзила острая боль, которую сразу же сменил ледяной холод. Я даже пискнуть не успела. Хорошо еще, что от удивления я просто села на землю, а не стала выдергивать ногу, рискуя сделать еще хуже. Смекнув, что я не просто так отдохнуть присела, ребята подбежали ко мне и помогли осторожно вытащить сбежавшую конечность. Оказалось, я угодила в лесной родник.

– Теперь я точно знаю, что такое «ключевая вода», – попыталась пошутить я. Нога совершенно занемела от холода, и я с удивлением обнаружила, что в ней засел обломок кола, который вошел глубоко в мышцу икры. Мы не осмелились его вытаскивать, тем более что по мере согревания из раны стала сочиться темная кровь, а вместе с чувствительностью накатила боль.

– Тебе срочно нужен врач, – испуганно пролепетал Макс.

– Где мы врача найдем в этой глуши, да еще на ночь глядя, – нахмурился Костя.

– Тогда в больницу надо отвезти!

– Никуда не надо меня отвозить, – запротестовала я. – Помогите до бабки Насти добраться, уж она должна знать, что делать.

– Я бы не стал доверять деревенской знахарке, – поджал губы Костя.

– А я бы стала, – отрезала я.

Костя подхватил меня под руку, Макс подставил плечо с другого бока, и мы похромали в сторону деревни.

16. У КАЖДОЙ ЗНАХАРКИ СВОИ ПРИПАРКИ

Глядя, как Настасья деловито снует по избушке, греет воду, достает с полок и из ящичков какие-то травки и настойки, отрывает длинные полосы ткани от куска полотна, я удивлялась своему спокойствию. Почему-то я была абсолютно уверена, что с ногой все будет хорошо, несмотря на очевидную серьезность травмы. В голове всплывали смутные воспоминания, очень далекие, давно забытые. Такой же пахнущий травами полумрак, приглушенные причитания мамы за дверью, заботливая рука, втирающая мазь в мою ногу и спокойный и уверенный голос, размеренно заговаривающий жаркую боль, поднимающуюся от ступни и грозящую захватить все тело.

– На-ка выпей, – бабка сунула мне под нос плошку с дымящимся отваром. Я выпила, даже не спросив, что это. По вкусу и запаху – зеленый чай. Вьетнамский, по-моему.

Я улыбнулась и уже хотела поделиться этим открытием с Настасьей Осиповной, которая зачем-то окунула мою несчастную конечность в горячую воду, такую, что едва терпеть можно было, но обнаружила, что не могу и не хочу ничего говорить, а хочу откинуться в кресле и смотреть в закопченный потолок, слушая мерное бормотание знахарки:

– *Конь карь, кровь, не кань! Ржа – на железо, камень – на воду. Конь, остудись, остановись, о камень запись, стой,*

как вкопанный, больше не беги!

«Что за странная присказка? Верно, заговор, чтобы кровь остановить», – лениво проплыла мысль, махнула хвостом и исчезла в темной глубине, которая качала меня на волнах, вниз-вверх, вниз-вверх, интригуя отсутствием дна. Интересно, а что там? Сейчас нырну поглубже и все узнаю. Вообще все узнаю!

– Ну все. Сейчас подорожник привяжу, а завтра утром повязку снимешь, – голос бабки Насти вернул меня, не дал утонуть в непознанном.

Подорожник?! Мне стало смешно. И стоило из-за подобной ерунды беспокоить пожилую женщину в столь поздний час? Подорожник я и сама могла бы приложить. Стоп, а куда палка из ноги делась? Когда бабка успела ее вытащить, причем так, что я и почувствовать ничего не успела?

Я непонимающе уставилась на лодыжку, на которой осталась лишь небольшая круглая ранка, на ведро с водой, красной от крови, и, наконец, на хитро усмехающуюся бабку.

– А как? – я не смогла полностью сформулировать вопрос, но выразила его лицом.

– После моего настоя дурман-травы я не то, что занозу вытащить, ногу бы тебе отрезать могла – ты бы ничего не почувствовала, – похвасталась она.

– Спасибо, что не стали отрезать мне ногу, – слабо улыбнулась я.

Настасья тем временем закончила возиться с повязкой и

с облегчением выпрямилась.

– Не за что!

– Но как мне вас отблагодарить?

– Каждый благодарит по мере сил и возможностей, – многозначительно подмигнула Настасья.

– Денег у меня нет, – растерялась я. – А может, вам помощница нужна? Снадобья готовить, или травы сушить-разбирать. Костя завтра на работу выходит, Макс будет ремонтом занят, а мне все равно делать нечего.

– Что ж, помоги, чем сможешь, – согласилась бабка. – Может, и выйдет толк. А теперь ступай спать.

– А где ребята? – спохватилась я.

– Да здесь твои ребята, – проворчала знахарка, распахивая дверь. – Заходите уж, проводите вашу даму до дому. Хотя она и сама может дойти.

Парни робко вошли внутрь. Я бодро помахала им рукой. Макс радостно улыбнулся, а Костя продолжал хмуриться. Верно, злится, что я вечно во что-нибудь вляпываюсь.

Я встала и попыталась пройтись. Нога отзывалась не болью, а скорее напоминанием о ней. А вот дурман-трава сразу дала себя знать: я покачнулась и была вынуждена хвататься за ближайшую опору в лице Макса. Вернее, в его крепком плече. Макс заботливо поддержал меня, а Костя недоверчиво уточнил:

– С тобой точно все в порядке? Может, все-таки стоит показаться настоящему врачу?

– Настасья Осиповна сделала все, как надо, и поверь мне, получше любого врача, – поспешила я загладить Костину бестактность, но знахарка, казалось, и не слышала его слов, убирая снадобья на место.

– Раз все в порядке, пойдемте наконец по домам, спать охота – сил нет, – зевнул Макс, как обычно, разряжая обстановку.

– Спасибо! – еще раз поблагодарила я. – Завтра непременно приду.

К моей радости, Шарик был дома. Вместе с Узнаем они приветствовали нас дружным перелаем. Выглядело и звучало это крайне комично: словно чих был уменьшенной моделью цепного пса. Он точно также делал пробежки туда-сюда вдоль забора, и вторил раскатистому гавканью. Признав нас, оба подошли, виляя хвостами. Пришлось обоим и хвалить, как знатных сторожей.

Костя помог мне взойти на крыльцо.

– Ты уверена, что с тобой все будет в порядке?

Я задумалась.

– На всю оставшуюся жизнь, конечно, прогноза не дам, но в данный момент я себя чувствую прекрасно. Только очень хочу спать.

Шарик, кстати, так со мной и не пошел – похоже, настоящая собачья жизнь пришлась ему весьма по вкусу.

На следующий день на ноге осталась чуть заметная цара-

пина. Может, и в самом деле мне все привиделось? Но бабка осталась вполне довольной своей работой.

– Тебя легко лечить, ты слова слушаешься, – обронила она. – Зато и сглазить просто.

Я промолчала, разглядывая многочисленные склянки и бутылочки, которыми был уставлен рабочий стол знахарки: когда я пришла, она как раз разбирала старые запасы. Я изрядно нервничала по дороге в избушку – боялась встретить Данилу. Или, наоборот, не встретить. Не встретила, и теперь пыталась понять, что по этому поводу чувствую, разочарование или облегчение?

– Летом у меня самая пора – травы собирать, снадобья заготавливать, – рассказывала тем временем Настасья Осиповна. – Я уж думала кого-то из наших местных девчонок просить помочь, да у них по летнему времени одна любовь в голове. А ты, я вижу, девка серьезная.

– Ага, – кивнула я, невольно прислушиваясь к звукам с улицы – не стукнет ли калитка. Еще какая серьезная!

– Раньше, бывало, Данечка мне помогал, – продолжила знахарка, разбирая запыленные склянки. – А теперь у него работы много, не до меня. Намедни важный мужик из города приезжал, с охраной. Сам в годах, толстый, лысый, а жена молодая. Красивая, как кукла. Все у Данечки про работу его выспрашивала, даже в кузницу попросила ее сводить.

– Сводил? – я перестаралась с деланным равнодушием, и голос предательски ушел в писк на последнем слог.

– Сводил, отчего же нет. Данечка у меня такой добрый! – знахарка с сомнением разглядывала на свет содержимое особенно подозрительного пузырька. – Дамочка эта потом мужа упросила заказать не только ворота, но и весь забор, и решетки на окна, и для камина какие-то причиндалы. Даня, чтобы управиться, даже помощника вызвал себе из города. Теперь днюют и ночуют в кузнице, я и еду им туда ношу. Коняка скучает без него – хорошо хоть Динка его выгуливает. Раньше-то они частенько вместе выезжали по полям поскакать.

– Кто? Диана и Данила? – уточнила я, хотя и так было все ясно.

– Ну да, – рассеянно кивнула бабка. Не удовлетворившись внешним досмотром склянки, она зубами вытащила пробку и попробовала содержимое на вкус. Задумчиво скривилась:

– Ума не приложу, что здесь такое? То ли от бессонницы настойка, то ли от запора.

А я тем временем мысленно ругалась на себя. Ну почему мне не все равно, что за «куклу» Данила водил к себе в кузницу и что ей там показывал? И чего удивительного, что он регулярно выезжает на совместные верховые прогулки с симпатичной дочкой Морозова? Я поймала себя на том, что нервно обрываю головки ромашек, сваленных охапкой на столе.

– Вот-вот, правильно, ромашки обрывай, я потом на них настойку сделаю, – одобрила Настасья.

В дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, вошли. Долго-

взяая девчонка лет семнадцати, теребя кончик косы и вспыхивая всеми прыщами, помялась и что-то пробормотала себе под нос.

– Ась? Чего говоришь? – громко переспросила бабка. – Приворотного зелья?

Девушка покраснела окончательно, и кивнула, спрятав глаза в густой челке. Бабка неспешно проковыляла к столу, выбрала наудачу один пузырек – по-моему тот самый, с неопознанным содержимым – и протянула соискательнице вечной любви.

– Пять капель на стакан. Перед сном. Неделю, – строго и ворчливо наказала знахарка, грозно хмурясь, но в хитро прищуренных глазах так и прыгали чертенята, а прорывающийся смех она замаскировала хриплым хмыканьем.

– Спасибо, – пискнула окончательно запуганная девчонка, озираясь по сторонам в поисках места, куда бы определить зажатую в кулаке материальную составляющую благодарности. Бабка без лишнего стеснения подставила карман передника.

Когда дверь закрылась, Настасья усмехнулась и вполне бодро засновала по комнате, мимоходом бросив заработок в ящик стола.

– Настасья Осиповна, а что входит в состав приворотного зелья? – осторожно спросила я.

– Это как повезет, – рассмеялась бабка. – Вреда от моих травок не будет, это я точно знаю. А у девки теперь задача

– предмету любви по пять капель в питье добавлять каждый вечер в течение недели. Такое упорство точно к чему-нибудь да приведет. Дело-то молодое, или он влюбится, или она разочаруется.

«Действительно, просто. Может, Максу предложить?» – подумала я, и, не удержавшись, фыркнула от смеха. Бабка Настя приняла мое фыркание за скептицизм в отношении ее методов.

– Ты, прежде чем смеяться, пойми, что в этом деле главное – вера. Будет вера, тебе одолень-трава что угодно одолеть поможет, а девясил придаст силы недюжинной. А нет веры – тогда и самое верное лекарство не вылечит!

Я уже собиралась возразить, но вовремя вспомнила про давно известный «эффект плацебо», и согласилась. Да и опыт знахарки, несомненно, позволял с уверенностью судить о подобных вещах.

Кроме оборванных ромашек, делать мне в первый день оказалось особо и нечего.

– А может вам по хозяйству помочь надо? Огород, например, прополоть, а то он уже весь сорняками зарос, – предложила я, глядя в окно на безнадежные заросли, в которых с трудом различались очертания грядок.

– Да какие же это сорняки? – всполошилась бабка. – Это же мои травки целебные – сажаю рядом с домом, чтобы всегда под рукой были свежие.

– Травки, говорите, целебные? – опешила я. – А под ок-

нами вон все лопухами поросло.

– Так лопух первый мой помощник: отвар от живота, листва – от лишая, бальзам – от нарывов, да от ломоты в суставах!

Я поспешно отошла от окна. Теперь я не то, что сорняки полоть – по траве ходить буду бояться!

Вернувшись вечером с работы, неугомонный Костя погнал нас осматривать последнюю отмеченную на карте точку. Находилась она на излучине реки, где вода разливалась широко, как озеро. Я от всей души надеялась, что на этот раз Костина теория выведет нас на тихий и спокойный лужок, но последние события убедительно напоминали, что закон подлости никто не отменял. Пресловутая точка потерялась на идиллически зеленой и подозрительно ровной поверхности, покрытой нежно-зеленой осокой, среди которой тут и там проглядывали низкие желтые цветы.

– Между прочим, это кувшинки, – пригляделась я. – Болотные.

Костя спустился, нерешительно поставил ногу на зеленый ковер, сделал несколько шагов вперед, и сразу увяз.

– Нет уж, с меня хватит, – мрачно заявил он и вернулся обратно.

Перед нами расстилалась болотная топь, искусно маскирующаяся под симпатичный лужок с редкими низкорослыми деревцами. Искомая точка располагалась где-то на ее про-

сторях. Очевидно, по весне река выходила из берегов и полностью заливала прибрежные низины. Впоследствии вода отступала, оставляя за собой болото. Лезть туда в надежде что-то найти решился бы лишь полный дурак. Костина теория канула в трясины, а других у нас так и не появилось.

Теперь Костя исправно ходил каждый день на ферму, а Макс с головой ушел в ремонт дома. Пару раз они с Данилой доехали до райцентра, закупились стройматериалами. После этой поездки Макс долго ходил с круглыми глазами под впечатлением от цен и качества продукции отечественных производителей.

– Я, конечно, не жил при коммунизме, но, по-моему, это он и есть, – коротко и емко выразился он.

Я же каждый день навевалась к бабке Насте приобщаться к знахарскому ремеслу. Постепенно навела в ее травяной аптеке медицинский порядок, расставив все по отдельным полочкам и ящичкам, в зависимости от показаний к применению. Надеюсь на действенность правила «с глаз долой из сердца вон», старательно избегала встреч с Данилой. Впрочем, это было несложно, учитывая его нынешнюю занятость.

Тем временем жителям Заречья весьма понравилась идея о том, что их родная деревня может оказаться местом захоронения известной исторической личности, и мы стали весьма популярными персонажами. Макса теперь все называли Максик, меня – Катюша. Про Костю ходили слухи, что у Мо-

розова он теперь «большой начальник» и к нему обращались не иначе, как Константин. Несомненно, староста тоже был в курсе его работы у конкурента, но его отношение к нам в общем и к Косте в отдельности осталось неизменно доброжелательным.

Шарик уже полностью освоился в Заречье, будто здесь всю жизнь и прожил. Он все чаще ночевал в будке Узная, а днем не спешил присоединяться ко мне, убегая куда-то по своим собственным делам.

Постепенно и я знакомилась с деревенскими жителями. Причем, не по именам, а по прозвищам. Самым обычным делом здесь было звать человека не по фамилии, а по отцу, матери или деду. Все Мирошины, Панины или Тимошины, которых мне представляли, как правило, не носили эти фамилии, а оказывались детьми или внуками каких-то Миронов, Пань или Тимофеев. Некоторые прозвища заставляли повнимательнее приглядеться к их обладателю в поисках внешнего сходства или приметной манеры, и, действительно, у Федьки Гуся шея была длинновата, Серега Кудряш отличался буйной шевелюрой, Ленка Фора был всегда готов в чем угодно соревноваться, при этом страшно ерепенился и кричал "даю фору", а Бубушень вечно бубнил себе под нос, да так, что ни слова было не разобрать. Чего уж говорить об известном уже Глобусе с его приметной лысиной. Но иные прозвища были такие, что приходилось переспрашивать, думая, что ослышалась, а потом визнавать понемногу у Зина-

иды.

– А почему Валера – Мухомор?

– Да он как-то на своей пасеке умудрился всех пчел уморить – технологию новую внедрял, называется, – рассказы-вала, похохатывая, Зинаида.

– А Ванька Федотов почему Руль?

– Он, когда мальчонкой был, страшно любил в машины играть. Куда бы не шел – непременно изображал, что едет, гудит и рулит.

Или, например, Яша Пиджак. Достаточно было человеку много лет назад на танцах похвалиться новым пиджаком, как к нему навеки пристало прозвище, и даже сынишка его именовался Пиджачонком. Но совершенно убило меня прозвище Надька Шклевала. Оказывается, эта ныне приятная женщина, мать двоих детей, в детстве пришла как-то к своей бабушке на покос и пожаловалась, что оставленное ей на завтрак яйцо "курочка склевала". Будучи беззубой семилеткой, она произнесла это как "шклевала", вызвала всеобщее веселье и получила прозвание на всю жизнь.

– Зинаида Алексеевна, но ведь не у всех же есть прозвища? Вас, например, только по имени-фамилии зовут.

– И какая же у меня фамилия? – хитро прищурилась Зинаида.

– Бутина, – брякнула я, припоминая, как определяли поначалу в деревне меня: "Городская, что у Зинки Бутиной живет.

– Иванова я! – погрозила мне пальцем хозяйка. – А Бутей моего деда еще звали, любил он повторять: "Ну бутя, бутя".

– И нас тоже как-нибудь прозвали? – с некоторым волнением поинтересовалась я.

Зинаида сделала загадочное лицо, но в конце концов сда-лась:

– Костя – Шеф, Максимка – Африканец. А тебя пока ни-как не прозвали.

Отсутствие прозвища, меня скорее, обрадовало, чем огор-чило. Вот, Варьку, например, в деревне звали Звездой. Вро-де красиво, но в выражениях вроде: "И куда это наша Звезда снова намылилась" прозвище приобретало негативный отте-нок.

А Дианку вообще за глаза Козой звали.

В пятницу вечером мы собрались на холме с тремя стол-бами, чтобы отметить первую Костину зарплату и обсудить, что же делать дальше. Вечер был чудный – тихий и теплый, и завтрашний день тоже обещал быть погожим. С погодой в параллели нам повезло: с тех пор, как мы сюда попали, не было ни одного ненастного дня.

Отмечали пирожками (купленными в местной пекарне) и Зининым домашним квасом, таким ядреным, что я себя чув-ствовала уже слегка навеселе. Зарплата, кстати была знат-ная – сто рублей. Мне сложно было перевести эту сумму в реалии нашего мира, но Зинаида походя обмолвилась, что

на эти деньги можно не то что неделю, а целый месяц жить вполне безбедно. Костя, кстати, предложил ей оплатить мое проживание, но она категорически отказалась, даже обиделась. Данила тоже от денег отказался. Удалось всучить лишь некоторую сумму бабке Насте, все-таки мы регулярно у нее столовались. Хотя я подозревала, что закупку продуктов ей обеспечивал Данила. Но, по крайней мере, мы перестали себя чувствовать на птичьих правах.

– Ну и как тебе работа? – обратился Макс к Косте, жуя пирожок.

– Пришлось заново выстраивать всю логистическую схему, – охотно поделился Костя. – В производство-то Морозов вложил по полной, а доставка продукции была организована как в прошлом веке.

– Значит, ты смог приложить свои глубокие теоретические познания?

– Где там! – вздохнул Костя. – Морозову по большому счету молочное производство неинтересно, он собирается перейти на мясо, это гораздо прибыльнее. А сейчас объемы едва окупают текущие затраты.

– То есть бедные коровки пойдут под нож? – ужаснулась я.

– Конкретно эти – вряд ли, все-таки дело уже налажено. Но в планах расширения производства скотобойня уже предусмотрена. А также новые коровники, пастбища для элитных мясных пород, холодильники...

– И для всего этого нужны новые площади, которые Мо-

розов рассчитывает получить, разорив Федотова.

– О разорении речи нет – у Федотова и его семьи останутся их собственные наделы. Но семейное предприятие перестанет существовать, – признал Костя. – Зато для Заречья расширение предприятия Морозова станет настоящим толчком для развития.

– Костян, а ты за Морозова или за Федотова? – поинтересовался Макс.

– Я за то, чтобы поскорей убраться отсюда! – проворчал он. Немного помялся и неохотно добавил: – Я ведь едва не открыл счет несчастным случаям на ферме.

– В молоке чуть не утонул? – ехидно поинтересовался Макс.

– Дверь холодильника захлопнулась, – неохотно признался Костя. – Если бы меня не услышал ветеринар, который приехал делать прививки молодняку и заблудился, то я бы имел шансы быть замороженным до лучших времен. Ерунда, конечно, но как говорится, неприятный осадочек остался.

Одни неприятные рассуждения потянули за собой и другие.

– Мы здесь уже больше недели, родители, наверное, с ног сбились в поисках, – вздохнул Макс.

– Да, моя мама точно МЧС к поискам привлекла, – грустно кивнула я. – Получается, я уехала в отпуск и там пропала.

– А меня сначала на работе хватятся, – невесело усмехнулся Костя, – а потом уже отец позвонит, разъяренный, что

я пренебрегаю должностными обязанностями.

– Так сложно представить, что каким-то образом в нашем мире жизнь продолжается без нас, – задумчиво проговорила я.

– Мне тоже, – понимающе кивнул Макс. – Ты знаешь, в детстве я был серьезно озабочен вопросом: если я выхожу из комнаты, остается ли в ней все без изменений, и остается ли вообще? Ведь меня там нет, я этого не вижу, а для меня мир существует лишь в моих глазах.

– Поверь, мир не перестает существовать от того, что ты заходишь за угол, или закрываешь глаза, – фыркнул Костя. – Скажу больше, мир не перестанет существовать, даже когда мы уйдем из него навсегда.

– Да это я прекрасно понимаю. Просто в голове не укладывается, каким образом время может идти параллельно и здесь, и там, и совершенно не пересекаться.

– А я вот представляю, – принялся вдохновенно объяснять Костя. – Я вижу всю эту систему в виде дерева. Есть ствол – некая отправная точка существования нашей вселенной. В момент, который условно можно назвать ключевым, ствол разветвляется, образуя несколько миров, события в каждом из которых идут по своему пути, в зависимости от решения, принятого в ключевой момент. От каждого разветвления идут свои побеги, которые в свою очередь тоже расходятся на развилках. И это дерево растет и ветвится в четырех измерениях до бесконечности.

– У тебя прекрасное пространственное воображение, – восхитилась я. – Тогда получается, что даже одна моя жизнь дала столько побегов, что похожа на веник. А что тогда говорить обо всем человечестве. Не могу поверить, что на все эти переплетения и разветвления хватит пространства даже в бесконечной вселенной.

Макс очень глубоко задумался. Судя по выражению лица, он пытался охватить своим воображением всю вселенную.

– Возможно, Творцу нравится играть некий вселенский квест с разными временами и странами, или с конкретными людьми, – наконец произнес он. – А нам удалось перекинуть мост между мирами и перебраться по нему в другой вариант реальности. Если бы мы могли точно понять механизм нашего перемещения, то, возможно, смогли бы побывать и в прочих мирах.

– Ну уж нет! – проворчала я. – Мне и этой альтернативной реальности более чем достаточно. Вот только безрезультатность наших поисков значительно повышает шансы на то, что мы застрянем в параллели навсегда.

– Отрицательный результат – тоже результат, – не согласился со мной Костя. – Теперь мы знаем, что первая теория оказалась неверной, но никто не мешает нам строить новые. Вы только подумайте, много ли у нас было шансов, что ты в первый же день нашего пребывания здесь свалишься с коня прямо на камень с соколом? И камень с Громовиком ждал нас возле колодца неизвестно сколько столетий. Параллель

словно сама направляет нас на верную дорогу. Мы нашли прямые указания на то, что сопровождало наше перемещение сюда, значит, сможем продвинуться дальше. Надо лишь быть внимательными и готовыми видеть и слышать.

Нам с Максом добавить было нечего, и мы дружно чокнулись кружками с квасом. Глядя поверх своей кружки, я заметила далеко в поле двух всадников на гнедой и серой лошадях. Они неслись во весь опор к реке наперегонки, с развевающимися волосами и гривами, не желая уступать друг другу. Услужливый порыв ветра донес до меня залиvistый смех Дианы. Значит, все-таки нашел время... коня выгулять.

Костя проследил за направлением моего взгляда и одобрительно поцокал языком:

– А кузнец-молодец везде поспекает.

Я сердито глотнула чуть ли не полную кружку разом, поперхнулась и закашлялась. Макс заботливо похлопал меня по спине, а потом, ободряюще, по плечу.

После убедительных и оптимистичных Костиных речей (а особенно после лицезрения чудной верховой парочки) я была готова все выходные провести в поисках новых артефактов или даже готовых порталов, но, оказалось, запал нашего идейного лидера исчерпался вчерашней речью. Он заявил, что страшно устал за неделю и намерен посвятить выходные усиленному отдыху. Так как Костя был единственный из нас, кто в этом мире зарабатывал деньги, пришлось отнестись к

его решению уважительно. Макс поддержал друга и тоже решил ничего не делать.

Я же не чувствовала себя достаточно уставшей и отдых казался мне незаслуженным. Моя неутомимая личность требовала направить энергию в нужное русло, дабы не возникало поползновений поискать приключений на ее заднюю часть. Поэтому я снова отправилась к бабке Насте.

По случаю выходного дня возле избушки скопилась целая очередь жаждущих исцеления от душевных и физических страданий. Я с трудом пробилась, объясняя возмущенным людям, что я не клиентка, а помощница.

Бабка суетилась возле печки. Как оказалось, суетилась она не по поводу наплыва клиентов, а из-за того, что Данечка сегодня позавтракать не успел и она спешно собирала еду, чтобы отнести ему в кузницу. В большую плетеную корзину летели пирожки, яйца, бутыль с квасом, жареная курица и прочая снедь, которая позволит ослабевшему внучку продержаться до обеда. Корзина уже начала предупреждающе трещать, когда Настасья остановилась и не стала дополнять продуктовый набор картошкой в мундире. Задумчиво взялась за ручку и только сейчас обратила внимание на ажиотаж во дворе.

– Ох ты, набежали, отбою нет, – проворчала она. – Катерина, может ты к Данечке сбегашь, завтрак ему отнесешь?

В голове как будто зазвучал сигнал воздушной тревоги. Только не это! Ведь он сразу решит, что я ему навязываюсь.

Немедленно припомнилась сцена из «Девчат»: Тося тащит на делянку комплексный обед из трех блюд.

– Боишься, что корзина развалится? – неверно растолковала Настасья мои колебания. – Да не волнуйся, я и не такое в ней таскала. Ну да ладно, сама снесу.

Бабка без видимых усилий подхватила корзину и направилась с ней к двери.

– Тогда ты народом займись, выдай там кому чего надо, – небрежно бросила она через плечо.

– Как это «займись и выдай»? – растерялась я.

– Ты же помогать пришла? Вот и помогай. Что где лежит, сама знаешь!

Я кинулась за ней. Да не готова я к исполнению обязанностей знахарки. Еще отравлю кого, вот будет история. А Настасья тем временем успокаивала заждавшихся клиентов.

– Катерина сейчас вас обслужит. Да-да, помощница моя. Все знает, все расскажет.

Я уже пожалела, что обставила свой приход с такой самоуверенностью. Получив от бабки подтверждение моей компетентности, селяне успокоились и переключили внимание на мою ошарашенную персону, застывшую в дверях. Разочаровывать столь страждущую аудиторию я не рискнула, и слова «не знаю», «не могу» и «боюсь» пришлось проглотить.

Я мило улыбнулась и тоном девушки с ресепшен объявила:

– Кто первый? Проходите на прием!

Все оказалось не так страшно. Почти все клиенты были

постоянными, и сами прекрасно знали, что им нужно. К тому же, теперь каждая коробочка и скляночка были подписаны и мною же расставлены по разделам: от боли в суставах и позвоночнике, успокоительное и снотворное, желудочное, сердечное и так далее. А когда очередная клиентка, довольно молодая женщина, смущенно попросила «средство, чтобы муж крепче любил», я ничтоже сумняшеся оборвала ярлык, на котором было выведено «для бодрости» и вручила его просительнице с известным предписанием: «по пять капель в питье перед сном, в течение недели». Надеюсь, дополнительная бодрость к ночи у охладевшего супруга поспособствует налаживанию семейных отношений.

Единственное, с чем я не смогла разобраться – это система оплаты. Все клиенты платили совершенно по-разному: кто полтинник, кто рубль, кто три. Было ли это установленной ценой, или все просто давали, кто сколько может и хочет, я не поняла. Во всяком случае, когда наконец вернулась бабка Настя, она осталась вполне довольна.

– Ай да Катерина, ай да молодец! Очередь уже вполовину уменьшилась, – похвалила она, мимоходом бросив взгляд в ящик стола на выручку. – А вдвоем мы с тобой и вовсе в два счета управимся.

Дальше и впрямь дело пошло быстро. Настасья успевала все – поздороваться, обсудить последние деревенские сплетни, поставить диагноз и выписать лекарство. На все про все – минут пять, не больше.

– Здравствуй, Семеновна!

– Здравствуй, Осиповна, – пожилая женщина с одышкой ищет, куда бы присесть и устраивается прямо на сундуке у входа. – Снова у меня давление скачет, сил нет. Да и сердце шалит: то стучит, заходится, то как будто вовсе останавливается.

– Вот тебе чай травяной, заваривай, да пей три раза в день, – говорила Настасья, не забывая просвещать меня, – Катерина, гляди: здесь боярышник – он полезен при высоком давлении и сердечной слабости. И календула в этом поможет, да и сон улучшит. Семеновна, поймали разбойника, который кур твоих извел?

– Где там! Сашка Кот приходил, сказал, что это хорек али куница, поставил капкан хитрющий, да без толку. Возвращаться-то теперь зверю незачем – пустой курятник.

– Неужто всех извел? – удивлялась бабка.

– Всех до единой, – горестно вздыхала Семеновна. – И ведь гад какой, не съел ни одной, а просто передушил, ради забавы.

– Настасья Осиповна, Митька мой заболел, – жаловалась усталая мать. – Горло болит, хрипит, сопли ручьем текут. Перекупался, паршивец этакий. Выздоровеет – такого ремня у меня получит.

Я невольно улыбнулась. Не этого ли Митьку мы встретили в наш первый день в параллели?

– Вот тебе бузина – пусть горло полощет. А потом завари

малиновых листьев, да горячий отвар дай выпить, и пусть пропотеет как следует.

– Спасибо! Про Верку Панину слышали?

– Чего? Она вроде замуж собиралась.

– Собиралась, да не собралась. Лидка, сестрица ее младшая, из-под носа парня увела. Родной сестры не пожалела. Верка, понятно, ее теперь ни видеть, ни слышать не хочет. Тетя Паня плачет – и Верку жалко, и Лидку из дома не выгонишь: непутевая, а все же дочь.

– Здорово, Серега! Верно говорят, что брат-то твой давеча в колодец свалился?

– Мишка-то, верно, свалился, – ухмылялся Серега Кудряш, у которого кудрявой была не только голова, но и борода.

– И чего, сильно расшибся?

– Да что ему делается, пьяному-то! – веселился Кудряш, хлопая себя по колену. – Протрезвел в холодной воде и стал на помощь звать. Бабы перепугались – решили, в колодце водяной завелся.

– Вот ведь чертяка, – смеялась бабка. – А ты-то зачем пожаловал?

– Да помнишь, ты мне в прошлый раз настоечку одну давала, очень она мне на пользу пошла, – проямлил бородач, смущенно почесывая шею и косясь на меня. Получив желаемое, просиял и протянул заготовленную в кулаке купюру.

– Многовато будет, – усмехнулась Настасья.

– В самый раз, – замахал руками Кудряш, и уже в дверях

признался: – Это от супружницы моей.

Мы уже собирались пить чай, когда появился последний запоздавший клиент. Это был тот самый печально известный Валерка Мухомор. Был он мужик высокий, нескладный, с добродушным лицом, и с извечным видом «хотел как лучше, а получилось...» Прямо от дверей он принялся делиться своими горестями:

– Совсем я животом измаялся, Настасья Андревна. Как в поговорке: то понос, то золотуха. И крутит, и крутит, будто кишка кишке бьет по башке. А жрать при этом хочется постоянно. Ем, ем, а толку никакого, не в коня корм, только тощаю. А то запоры мучают. Сижу, сижу, и ничего!

Он сокрушенно помотал головой, и только тогда заметил, что знахарка была не одна. Как он сконфузился – это надо было видеть. Покраснел так, что чуть дым из ушей не пошел. Уставился в пол и явно был бы рад провалиться сквозь землю.

– Ну, Катерина, какой диагноз поставишь? – профессионально поинтересовалась бабка Настя. – Валер, это моя помощница, знаком с нею?

Мухомор часто закивал, все еще не решаясь поднять глаза.

Я судорожно соображала, какой тут может быть диагноз. Все-таки опыта у меня было кот наплакал. Кот? Я вдруг припомнила рассказ подруги. Котик ее, домашний баловень, вдруг начал болеть и худеть. При этом разнообразные симп-

томы расстройства пищеварения сопровождалась прекрасным аппетитом. В конце концов она схватила котейку в охапку и отвезла к ветеринару. Диагноз был неприятным, зато лечение – простым и действенным. Как говорится, «элементарно, Ватсон!»

– Я думаю, вам поможет настойка горькой полыни, – заявила я, и по одобрителному кивку Настасьи поняла, что не ошиблась и, глянув на надпись на обороте, уверенно пояснила, – Принимайте три раза в день по две столовые ложки.

– Дней десять попьешь, и твоих глистов и след простынет! – со смехом пообещала бабка.

Мухомор, который собирался что-то еще сказать, так и остался с открытым ртом. Потом все-таки закрыл его, еще разок кивнул, протянул руку за склянкой с лекарством и испарился от смущения, как Чеширский Кот, оставив вместо улыбки смятую купюру на сундуке.

– Ну, Катерина, чую – выйдет из тебя толк! – еще раз похвалила меня Настасья. – А теперь давай-ка чайку попьем.

От бабки я уходила вполне довольная собой. Мне понравилось быть знахаркой! И кое-что я уже успела запомнить. Глядишь, выучусь и сменю Настасью на ее посту, если нам так и не удастся вернуться в свой мир. Буду этакой молодой травницей из сказочного леса. В памяти тут же всплыл мой образ в роли сексуальной феи с Даниного рисунка, но я тряхнула головой, прогоняя шаловливое видение. Нет-нет, сво-

бодная длинная юбка, блузка с широкими рукавами и, ладно уж, корсет с соблазнительным декольте. А вечерами из кузницы будет приходить... И тут возле калитки я нос к носу столкнулась с Данилой, и жутко смутилась, будто он мог прочесть мои мысли. Кузнец, наоборот, выглядел обрадованным.

– Как успехи в травоведении? – весело поинтересовался он.

– Любовное зелье изготовить не рискну, – улыбнулась я. – Но в микстурах от кашля уже разбираюсь.

– Собираешься со временем сменить бабулю на ее посту? Это подкол, или выражение надежды?

– Если только в другой жизни, – вздохнула я, но, боюсь, кузнец меня не понял.

– А как продвигаются поиски древних захоронений?

– Нормально. То есть никак, – поправилась я.

– Значит, вы пока остаетесь в Заречье?

– Остаемся, – обреченно подтвердила я.

– Тогда проведешь со мной завтрашнюю ночь? – предложил он.

– Как это? – опешила я.

– Ты что, не знаешь, какая завтра ночь? – удивился, в свою очередь, парень.

Ну откуда мне знать, какая завтра ночь? Белая? Ночь полной луны? Ритуального жертвоприношения?

– Послезавтра Иванов день, а завтра, соответственно, Ку-

пальская ночь, и я приглашаю тебя на праздник.

– Стоп, ведь Иван Купала седьмого июля празднуется, а еще июнь не кончился!

– Катя, я понимаю, что ты городская жительница и с деревенскими праздниками можешь быть незнакома, но поверь мне, Иванов день испокон веков отмечается двадцать четвертого июня, – с улыбкой пояснил Данила.

Все правильно, испокон веков. А когда после революции Советская Россия перешла на Григорианский календарь, Православная церковь отказалась принять этот переход, и с тех пор все церковные праздники отмечались на тринадцать дней позже. А здесь, значит, государство и церковь сумели договориться, и все на своих местах. Я так отвлеклась на вопросы летоисчисления, что Даниле пришлось повторить свой вопрос.

– Ну так что, пойдешь со мной праздновать Купалу?

– А что в программе праздника? Поиски цветущего папоротника?

– Увидишь, – с загадочным видом пообещал он. – Я зайду за тобой часов в десять, хорошо?

– Хорошо! – послушно согласилась я.

– Тогда до завтра, – улыбнулся он.

Домой я шла бездумно-счастливая, с глупой улыбкой на лице и сияющими глазами, всем своим видом демонстрируя, что «свет горит, а дома никого нет».

Но в любой бочке меда есть ложка дегтя, и моя материа-

лизовалась в виде Варвары.

– Привет, – поздоровалась она с видом снисходительного превосходства. – Как там ваши раскопки?

– Пока безрезультатно, – ответила я на ходу, делая вид, что очень спешу.

– Значит, вы еще здесь задержитесь? – сделала тот же вывод Варвара.

– Получается, задержимся, – подтвердила я.

– А завтра на праздник пойдете? – Варвара пошла рядом со мной, и даже взяла меня под руку – ни дать, ни взять, милая подружка. Вот только я чувствовала себя, будто оса кружила рядом: если не будешь начеку – получишь чувствительный укус.

Я неопределенно кивнула.

– Отлично! – просияла Варька. – Давай я за тобой зайду – вместе пойдем!

– Да меня вроде как уже пригласили, – смутилась я.

– Кто? Костя? – живо заинтересовалась моя «подруга».

– Нет, – мне совершенно не хотелось с ней это обсуждать, но сбежать я не могла, она вцепилась в мой локоть, как терьер в лисий хвост.

– Дай угадаю, Данила? Как раз в его репертуаре, – снисходительно улыбнулась Варька.

– Что ты имеешь в виду? – не удержалась я.

– Ну как бы тебе получше объяснить, – Варвара отстранилась, безошибочно чуя, что теперь я от нее никуда не де-

нужь, – Наш Данила избалован женским вниманием. Сама понимаешь, с его внешностью и профессией у него отбоя от девиц нет – стоит пальцем поманить, любая прибежит. Ему это изрядно наскучило, вот и ищет всякие «диковинки». В прошлом году к нам студенты приезжали иностранные на сельхозработы, типа опыт перенимать, там одна была – то ли японка, то ли китайка. Так он с ней сразу закрутил. Как она потом рыдала, когда уезжала, бедняжка, – Варька сочувственно вздохнула.

– Я же не китайка, и даже вообще не иностранка, – нервно усмехнулась я.

– Ты со своими друзьями свалилась, как снег на голову. Кто и откуда – неизвестно. Бегаете по округе, ищете не пойми что. Не бог весть какое, но все же разнообразие на нашем привычном сельском фоне, понимаешь? – Варвара заглянула мне в лицо, чтобы удостовериться, что я действительно понимаю. – Так что не надейся, что у вас может быть все серьезно и надолго.

«Это я и без тебя знаю», – недовольно подумала я. Как она это делает? Я вообще разговаривать с ней не хотела, а она в две секунды залезла ко мне в душу и умудрилась туда плюнуть.

Варвара осталась довольна эффектом, произведенным ее словами, и переменяла тему.

– А это правда, что Костя теперь у Морозова большой начальник?

– Нет, врут, – мстительно заявила я. – Так, помогает кое в чем. И денег заодно решил немного подзаработать.

– Деловой парень, – сделала вывод Варька. – Ну ладно, пока!

Она удалилась, не скрывая торжества. А я поплелась домой в совершенно подавленном настроении. И ведь прекрасно знаю ее способность показать кого угодно в невыгодном свете, слегка исказив факты или изменив контекст, но осадок остался, и еще какой. А еще ведь есть Диана. Какие отношения связывают ее и Данилу? И что это за отношения, если он приглашает на праздник меня, а не ее? Может, они поссорились? Или договорились прощать друг другу временные увлечения на стороне? Ох, у меня голова треснет от этих вопросов.

Зато впервые с тех пор, как мы здесь очутились, меня абсолютно перестали волновать вопросы, связанные с возвращением в наш мир. Что как нельзя лучше доказывает, что любые проблемы, даже самого что ни на есть вселенского масштаба, ничто в сравнении с тем, что происходит в пределах лишь одного сердца.

17. НЕ ШУТИ С ОГНЕМ – ОБОЖЖЕШЬСЯ

Говорят, что ночь на Ивана Купалу полна чудес: деревья переходят с места на место и разговаривают между собой, шелестя листьями; беседуют друг с другом животные и даже

травы. В самой чаще леса непременно расцветает волшебный цветок папоротника, который, по одной версии, откроет нашедшему счастливчику клад, а по другой – выведет на неведомую поляну, на которой растут все волшебные травы, какие только есть на свете. Еще считается, что в купальскую ночь разгуливается вся нечисть, и можно запросто наткнуться на ведьму, оборотня или русалку.

Все это ни капли меня не заботило. Я ждала и боялась этой ночи, но мое волнение не имело ничего общего с купальскими чудесами. Его источником был всего лишь один человек.

Время не просто тянулось – оно плелось и спотыкалось, а некоторые минуты, похоже, обманывали часы и ухитрялись проползать по циферблату по нескольку раз. Чтобы отвлечься от дурацких мыслей, которые так и водили купальские хороводы в моей голове, я постаралась занять себя делами с самого утра. Сначала помогла Зинаиде – кормила кур и поросенка (кстати, поросенком в деревне зовется свинья независимо от веса и возраста; Зинин, например, был размером с лошадь на коротких ножках), потом приготовила обед. После обеда прогулялась до ребят и застала их во дворе. Они безмятежно загорали на диване, который так и не подумали втащить в дом.

– Если его еще раз передвинуть, он окончательно развалится, – объяснил Костя.

– Идем вечером смотреть, как празднуют Купалу? – спросил меня Макс.

– Да, меня Данила пригласил, – я постаралась придать голосу как можно больше небрежности.

– Любопытно, – протянул Костя. – А ты вообще знаешь, что это за праздник?

– Рождество Иоанна Крестителя, насколько я помню, – неуверенно ответила я, ожидая подвоха. – Еще в этот день принято купаться и обливать друг друга водой, отсюда и название.

– Правильно, но очень поверхностно, – снисходительно усмехнулся Костя. – Купала – один из главных праздников древних язычников-славян. То, что у нас с этой путаницей в календарях он оказался в июле, в корне неправильно, потому что испокон веков Купала отмечался в день летнего солнцестояния. Такое явление, как самый длинный день в году, празднуется многими народами, и после крещения Руси, чтобы не отменять столь привычное и любимое летнее гуляние, его приурочили к рождеству Иоанна Предтечи. Но по сути своей он так и остался праздником Ярилы, языческого божества солнца. И Купалой его называют, потому что считается, будто солнце купается в этот день на закате в земных водах – то нырнет, то вынырнет. А солнце, как известно – источник жизни и плодородия. После солнцеворота день идет на убыль, светило как бы «умирает». И чтобы дать ему силы, нужны жертвы. Как вы думаете, какая жертва угоднее всего в эту ночь? Во имя жизни и плодородия?

– Э-э юная девушка? – рискнул предположить Макс.

– Угадал! – кровожадно подтвердил Костя. – Но человеческие жертвы давно не в моде, их заменили прыжками через костер. А вот совокупление со случайным так называемым «суженым» – это то, что надо. Во имя общего плодородия, так сказать. Так что, Катя, поздравляю с приглашением на оргию!

– Большое спасибо за интереснейший экскурс в историю языческих праздников, – вежливо поблагодарила я. – Но, сдается мне, твой рассказ несколько однобок. Мама рассказывала, что Купала – веселый деревенский праздник. Пели песни, через костры прыгали, водили хороводы. И никаких оргий.

Костя лишь сочувственно хмыкнул в ответ: мол, мое дело предупредить, твое – сделать выводы.

Домой я вернулась, терзаемая еще большими сомнениями. Непонятные отношения Данилы с Дианой, Варькины сплетни, и Костины рассказы о пикантной стороне Купальской ночи начали побеждать желание вообще куда-либо идти. Может, сказаться больной и спокойно проспать всю эту грешную ночь в своей уютной кладовочке?

И есть еще один наиважнейший вопрос. ЧТО МНЕ НАДЕТЬ?

Покопавшись в недрах шкафа, хранящего предоставленный Зинаидой секонд-хенд, я вытащила синюю юбку-клеш и белую блузку с синими же оборочками. Думаю, вместе они должны выглядеть довольно неплохо. Надо только по-

гладить.

К моему удивлению, Зинаида вовсе не занималась тем же чем и я – то есть выбором наряда для праздника, а сидела и смотрела телевизор. Насколько я успела заметить, телевидение и интернет в деревне особым спросом не пользовались. Наверное, потому что ежедневные сплетни в режиме он-лайн были куда интереснее любого постановочного ток-шоу, да и заботы по хозяйству летом скучать не давали. Старенький Зинин телек, заботливо накрытый кружевной салфеточкой, давно уже облюбовала кошка. А тут глядите-ка – салфетка откинута, сердитая кошка сидит на столе, демонстративно развернувшись спиной, а хозяйка озабоченно смотрит какой-то детективный сериал.

– Зинаида Алексеевна, можно у вас утюг попросить? – нерешительно окликнула я ее, сжимая в руках одежды.

– Зачем это? – резко обернулась она.

– Юбку погладить, чтобы на праздник идти, – робко объяснила я. – А вы разве не пойдете на купальскую ночь?

– Ну вот еще! – Зинаида вновь сердито уставилась на экран. – Я на эти бесовские празднования никогда не хожу. И тебе не советую.

– Меня Данила пригласил, – совершенно растерялась я. Постояла, развернулась и пошла, а что еще оставалось делать. Может, у бабки Насти утюг найдется?

– Утюг на кухне под столом. Гладильная доска за буфетом, – донеслось из комнаты. – И можешь надеть мои белые

босоножки.

Несмотря на все ухищрения времени, вечер все-таки наступил. Взволнованная, с колотящимся сердцем, я бросила на себя последний взгляд в зеркало. М-да. Глаза блестят, щеки горят, волосы растрепанные. Вылитая ведьма, собравшаяся на шабаш на Лысой горе. Довольно симпатичная, надо признать – эта бесовщинка в облике на удивление мне шла. Блузка с оборками и пышная юбка удачно дополняли облик – не хватало лишь чулок в полоску и метлы. И тут, как по сценарию классического ужастика, раздался тихий стук в окно. «А вот и искуситель явился», – подумала я. Прижала ледяные ладони к горячим щекам, схватила Шарика и обняла его, чтобы успокоиться. Шарик ободряюще лизнул меня в щеку.

– Спи, не жди меня, – шепнула я ему. – И пожелай мне удачи... Не знаю, правда, в чем...

Шарик послушно лег на кровать и свернулся калачиком, посмотрев на меня серьезно и спокойно. Что бы ни случилось, он будет меня ждать, создавая в этом крохотном пространстве мой личный уголок домашнего уюта и безопасности. «Мой дом – это место, где меня ждет моя собака», – подумала я, и эта мысль, как ни странно, придала мне спокойствия. Я ведь всегда могу вернуться домой, если что-то пойдет не так. Ну и пусть Данила не для меня – весь этот мир не для меня. Тем не менее, я здесь, и пойду на праздник –

хотя бы из любопытства, потому что крайне сомневаюсь, что мне когда-нибудь еще представится возможность провести подобную ночь с подобным мужчиной.

Он ждал меня у крыльца, почти неразличимый в сумерках.

– Ты потрясающе выглядишь, – произнес он.

– Разве ты что-то здесь видишь? – улыбнулась я.

– Да, я в темноте вижу, как кошка, – то ли в шутку, то ли всерьез ответил Данила. – Но здесь не так уж и темно, просто у тебя глаза еще не привыкли.

Действительно, ночь была светлая. Не такая белая, как в Питере, а скорее, голубая. В этом призрачном свете весь окружающий мир выглядел совершенно по-другому. Очертания предметов размывались, терялись, и можно было за просто принять придорожный камень за притаившегося зверя, а висящее на веревке белье – за привидение.

На самом высоком холме у реки уже горел большой купальский костер, он был виден издалека. Когда подошли поближе, я разглядела рядом с ним и другие, поменьше.

По дороге мы повстречали бабушку Настю, которая бодро семенила с корзинкой в руке и огромным рюкзаком за спиной.

– Настасья Осиповна, куда это вы на ночь глядя? – удивилась я.

– Так нынче же самая пора травы целебные собирать! Они на Купалу в самую силу входят. Одни надо ночью успеть со-

братъ, другие – по утренней росе.

– А как же вы одна все донесете? Давайте, мы с Данилой вам поможем! – неуверенно предложила я.

– Как донесу? Да как всегда! – пробурчала она, хитро взглянула на нас из-под бровей и с улыбкой добавила. – Вам, молодым, сегодня положено на венках гадать да через костры прыгать, чтобы урожай богатым был, а не со мной, старухой, в земле копаться. Идите, да на славу повеселитесь. И не забудьте поутру росой умыться – купальская роса целебная, здоровья и красоты придает.

Молодежи возле костров как раз и не обнаружилось – незамужние девушки уже ушли на реку, гадать на венках, парни – с шутками и прибаутками ждать их неподалеку. Хотя, наверняка, сердца екали и у тех, и у других.

– А как гадают на венках? – полюбопытствовала я.

– Точно не знаю, – пожал плечами кузнец. – Венок со свечой ставят на воду, и вроде бы если он поплывет, то быть девице скоро замужем, а потонет – значит, в этом году свадьбы не будет.

– А по манере плавания венка характер будущего мужа определяют? – рассмеялась я.

– Может быть и так, – улыбнулся Данила. – А где твой венок?

– А я не умею венки плести. И в гадания не верю.

Возле костров на бревнах сидели замужние женщины и отцы семейств. Мужчины пили пиво, вели неспешные раз-

говоры, хохотали. Их жены встретили нас с жадным любопытством.

– Данила, Катерина, идите к нам! – принялись они наперебой зазывать нас. – Сюда, сюда садитесь.

Мы устроились в одном кругу с братьями Федотовыми. Иван Федотов, как новоиспеченный семьянин, гордо сидел рядом со старшими братьями, неспешно попивая из кружки и солидно кивая. Он явно был доволен своему переходу в ранг «старших», тогда как его молодая жена так и крутила головой, прислушивалась к доносящимся от реки взрывам смеха и чуть не подпрыгивала на месте от любопытства.

Мне вручили стакан с уже знакомым домашним пивом, но, наученная горьким опытом, я едва пригубила его. Сидела рядом с Данилой и смотрела на темную ленту реки, утекавшую в сторону заката. Вот на воде зажглась звездочка. Я перевела взгляд на небо, но там звезд не было. Это отправился в путешествие по течению первый венок с горящей свечой. За ним последовал еще один и еще, и постепенно река наполнилась огнями. Не иначе как потенциальные невесты знали секрет, как сделать свои венки непотопляемыми. Но картина была завораживающей.

Женщины у соседнего костра затянули песню, красивую, но печальную – про девушку, которой ее возлюбленный поклялся в вечной любви, а потом бросил. С горя она утопилась, а на купальскую ночь явилась неверному в образе русалки и завлекла его за собой в реку. Ждало ли утопленни-

ков на дне совместное счастье, осталось неизвестным, так как вернулись настоящие девушки, веселые и шумные, сопровождаемые компанией еще более шумных парней. Среди них я заметила Макса с Костей и помахала им рукой. Макс ответил, а Костя сделал вид, что смотрит в другую сторону. Ему, наверное, эти народные традиции казались смешными и примитивными. Зачем же тогда он вообще пришел?

Я крутила головой, высматривая знакомых. Варвара, в длинном белом платье, с венком в распущенных волосах – вылитая русалка. А вот и Диана, тоже с распущенными волосами, в шелковом сарафане с потрясающей вышивкой, но хмурая. На Данилу она едва взглянула, он же как будто вообще ее не заметил. Или сделал вид, что не заметил.

Семен Федотов увидел в компании молодежи Никиту и нахмурился. Указал на него Петру, тот поднялся, подошел к младшему брату и что-то сказал ему коротко и сердито. Парень принялся было возражать, но, как я уже успела убедиться, в этой семье старший был всегда прав. Петр повысил голос, показал рукой в сторону деревни и Никита, понурившись, побрел в указанном направлении. Странно. Молод еще в подобных праздниках участвовать? Или наказан?

– Я отойду на минутку, – шепнул мне на ухо Данила и вскочил с места. Догнал Никиту, перебросился с ним парой слов, ободряюще хлопнул парня по плечу и вернулся ко мне.

– Пойдем, – он протянул мне руку и помог встать. – Сейчас все начнется.

– Что начнется? – с подозрением осведомилась я.

– А ну, ребята, становись в круг! – зычно крикнул Серега Кудряш, и Данила не успел мне ответить.

Началась веселая суматоха. Кудряш собирал парней в круг у главного купальского костра, а девушки оттеснялись подальше. Я занервничала – терпеть не могу всяческие праздничные конкурсы, хороводы и прочую чушь. Я пыталась объяснить, что предпочитаю быть зрительницей, а не участницей сего развлечения, но меня и слушать не стали. Данила оказался возле костра, а я в толпе девушек, которые шутили и хихикали.

– Что происходит? – спросила я у своей соседки, полненькой хохотушки-блондинки.

– Суженых выбирать будем, – взволнованно объяснила она.

– Кого-кого? – переспросила я.

– Ну, выбираешь себе парня, хлопаешь его по плечу, и убегаешь, – захлеб принялась она меня просвещать. – Парень догоняет. Если догонит, то идете вместе прыгать через костер. Прыгать надо, держась за руки, и не расцепляться. Если расцепитесь – дурной знак. А если нет – суждено быть вместе.

– Что, все так серьезно? – недоверчиво спросила я.

– А как же! Но не каждую догоняют, – вздохнула она. – Вернее – кого-то и не стараются.

Я почувствовала себя неловко. Может, как раз меня и не

постараются догнать? Вот попала так попала! Спорю на что угодно, что на Данилу не одна девица уже глаз положила и пока до меня очередь дойдет, его несколько раз «угонят». Я снова искала его глазами, и была неприятно удивлена, увидев его чуть поодаль, рядом с Дианой. Девушка стояла мрачнее тучи и нервно кусала губы, а Данила что-то быстро ей говорил. Вот он ласково взял ее за руку, она попыталась улыбнуться, кивнула, и отошла в сторонку. А Данила как ни в чем ни бывало вернулся к костру. Может, они были в ссоре, и он пригласил меня на праздник ей назло, а теперь объясняется?

Ленька Фора уже хорохорился, и кричал, что любую догонит в два счета.

– Спорим? Фору даю, – предлагал он каждому наперебой, хотя непонятно было, кому эта самая «фора» предоставлялась.

Игра началась. Девушки резво подбегали к парням, дотрагивались до плеча избранника и бросались наутек. У каких-то пар погоня оканчивалась поимкой беглянки, едва начавшись, к очевидному взаимному удовольствию, другие резво устремлялись в лес и подозрительно долго задерживались там. Я заметила и «непойманных» девушек, возвращавшихся к костру. Они отнюдь не выглядели довольными своей быстротой. Некоторые снова вставали в очередь.

Кумушки у костров глядели во все глаза, и после каждого забега их головы склонялись друг к другу в оживленном об-

суждении. У кого-то интерес был чисто праздный, но у многих в игре участвовали сыновья или дочери.

Вот рыжеволосая девушка, волосы которой были украшены лентами, как лошадиная грива, бойко подскочила к Даниле, хлопнула его по плечу и бросилась бежать. Данила устремился следом. Никогда бы не подумала, что он так медленно бегаёт! Пыхтит на ходу, еле перебирая ногами, да еще и за бок держится. В зрительской толпе послышались смешки. В конце концов, он остановился, делая вид, что не может отдышаться, и, изобразив всем видом сожаление, вернулся в круг. Вернулась и рыжая, и, не скрывая досады, снова встала в очередь.

Следующая была Варвара. Она вышла, задорно встряхнула волосами и глянула вокруг, проверяя, все ли ею восхищаются. С улыбкой превосходства подбежала к Косте, прижала ладонь к его груди и кинулась прочь, грациозная, как лань. Я успела увидеть разочарование на лице Макса и то, каким взглядом он проводил бросившегося в погоню приятеля. Но тут произошло неожиданное – Костя вот-вот уже должен был схватить беглянку и даже протянул руку, как вдруг споткнулся и растянулся на земле под общий хохот вперемешку с сочувственными восклицаниями. Поднялся, развел руками, шутливо поклонился Варваре и в круг уже не вернулся. Я прониклась к нему уважением. Как здорово выпутался – и с другом не рассорился, и девушку не обидел. Хотя я успела заметить, какой злостью сверкнули красивые Варь-

кины глаза, когда она поняла, что Костя не собирается ее догонять.

Тем временем выбор снова пал на кузнеца, на этот раз это была моя соседка блондинка. Она даже не старалась бежать – это был галоп на месте под оглушительный смех. Данила сделал к ней несколько шагов, изображая сильнейшую хромоту, потом упал на колени, прося пощады. По зрителям пошли шутки на тему, что у нынешних ребят ноги не из того места растут.

Тут и моя очередь бежать за «суженым» подошла. Разбежавшись, я приняла решение выбрать Макса и уже направилась в его сторону, но успела поймать взгляд Данилы и неожиданно для себя самой резко изменила направление, буквально налетела на кузнеца и уперлась обеими ладонями в его грудь. Потом спохватилась, хлопнула для верности его по плечу и с чувством, что совершила нечто непоправимое, со всех ног рванулась бежать.

Данилина хромота прошла как по волшебству, и он кинулся за мной. Шансов против него у меня не было, но я летела во весь опор, направляясь к лесу, по-настоящему стараясь убежать. Я пробежала поле, продралась сквозь кусты, царапая руки. Выскочила на опушку, и, узнав дорожку, по которой мы ехали верхом, понеслась по ней.

– Катя, стой! – окликнул меня Данила. – Куда ты?

Выяснить, кто победит в этом безумном забеге, нам не удалось, потому что я зацепилась ногой за какой-то корень и

растянулась во весь рост, обдирая колени и локти. Кузнец сразу оказался рядом со мной.

– Катя, ты как? – спрашивал он меня, переводя дыхание, а я ничего не могла ответить, словно оглушенная падением.

Данила помог мне подняться, а я подумала, что суженая из меня никудышная. Больная на всю голову суженая. Я расстроено посмотрела на кузнеца, и поняла, что он едва удерживается от смеха. Оглядела себя: руки исцарапаны, колени разодраны, юбка задралась, блузка сбилась. Просто жертва сексуального маньяка, хоть фото для криминальной хроники снимай. Я прыснула, он рассмеялся, а потом мы захохотали хором, никак не в силах остановиться, сгибаясь от смеха и держась друг за друга, чтобы не упасть. А отсмеявшись, замерли, оказавшись друг у друга в объятьях.

– Если бы я знал, что ты так быстро бегаешь, потренировался бы заранее, – тихо сказал он, нежно глядя меня по спине.

– А я-то решила, ты притворяешься, что не можешь догнать тех девушек, а из тебя и в самом деле плохой бегун, – ответила я, делая то, что мне хотелось сделать с нашей первой встречи – убирала с его лба непослушную падающую прядь и гладила его по волосам.

– Неужели ты не поняла, что я хотел догнать только тебя?

– Если бы я не упала, ни за что бы ты меня не догнал, – я проводила пальцами по его шее, щекам, подбородку, в очередной раз убеждаясь, что он настоящий и реальный, этот

потрясающий мужчина из нереального мира, в котором я оказалась.

– Я просто хотел увести тебя подальше от людей, а ты мне в этом так прекрасно помогла, – хитро улыбнулся он, и поцеловал меня.

Я почувствовала, что у меня подкашиваются ноги, и увидела купальские огни в его глазах. А еще я поняла, что сейчас все случится, прямо здесь, в лесу, в эту купальскую ночь, как и сотни лет назад, когда наши предки-язычники приносили жертву солнцу любовью. Вот только у древних славян это было естественной частью чудесной и таинственной ночи Купалы, данью солнцу, поворачивающему на убыль, и поутру им не приходилось мучиться раскаяниями и мыслями «что же мы натворили». А что я творю? Отвечаю на поцелуи и живо поддерживаю свое соблазнение. Настолько живо, что уже непонятно кто кого соблазняет. А почему? Просто потому, что этот кузнец-молодец абсолютно уверен, что он настолько хорош, что никто ему не откажет? Значит, ему все можно? Крутить по несколько романов разом и выбирать себе очередную «диковинку»? А потом выбрасывать за ненадобностью? Ну уж нет!

Я решительно отстранилась, попутно одергивая и застегивая предметы своего туалета. Данила непонимающе смотрел на меня, тяжело дыша.

– Я не хочу, – заявила я.

– Ты уверена? – недоверчиво спросил он.

– Абсолютно, – мрачно подтвердила я и, развернувшись, направилась назад, к костру.

Представляю, сколько сейчас будет насмешек насчет наших догонялок и последующего отсутствия. Но если мы не вернемся, насмешки перерастут в грязные сплетни. Данила догнал меня.

– Катя, что случилось?

Я молчала, неровно шагая по извилистой тропинке, то и дело спотыкаясь о корни. Бедные Зинины босоножки!

– Прости, если я не так тебя понял, но мне показалось, что ты очень даже хотела, – он слегка замялся, – того же, что и я.

– Просто ты создал такую ситуацию, когда все вышло из-под контроля, – резко ответила я.

– Какую ситуацию?

– Эта пресловутая ночь, и выборы суженого, и... – я замолчала.

– И что?

А то, что не могла я ему сказать, что сам факт его существования выводит мои чувства из-под контроля разума. И что я давно не верю в мужскую верность. Что зареклась влюбляться, ибо знаю, что ничто не сравнится с болью разбитого сердца. И потому что не хочу быть его очередной диковинкой. И если ему было мало этих всех доводов, я припасла последнее, так сказать, козырное потому что. Потому что мы из разных миров, и это не аллегория, и даже если бы случилась у нас самая что ни на есть настоящая любовь, мы

должны будем навсегда расстаться.

– И ничего! – отрезала я, проглотив все невысказанное, и прибавила шаг.

Наше возвращение прошло на «ура», все так и сыпали шуточками, хоть и не злыми, все-таки ночь была непростая. Ко мне подошел Костя, глаза у него были колючими.

– Можно поинтересоваться причиной вашего столь длительного отсутствия, или это бестактный вопрос, судя по твоему виду? – поинтересовался он.

– Я упала, – коротко объяснила я.

– Упала и никак не могла подняться? – язвительно спросил Костя, и, не дождавшись ответа, ушел в сторону пивных бочек.

Я хотела попросить Макса проводить меня домой, но его нигде не было видно. Зато столкнулась с Варварой, которая насмешливо улыбнулась, оглядев нас с Данилой, и что-то прошептала на ухо одной девице. Сплетня была запущена. Ну и наплевать!

Вопреки нашей воле нас потащили прыгать через костер. Смеющиеся парочки перелетали пламя, крепко держась за руки, чтобы не расцепиться, под дружное скандирование:

Гори, гори ясно,

Чтобы не погасло!

Я почувствовала, как кузнец крепко, до боли сжал мою ладонь, а потом практически потащил меня за собой, разбегаясь для прыжка. Я зажмурилась и прыгнула, и моя рука

сама собой выскользнула из стального захвата, так что приземлились мы порознь. Данила снова было взял меня за руку, но я сказала: «отпусти», – таким тоном, что он сразу послушался. Я едва стояла на ногах, казалось, что все несется вокруг меня в бешеном хороводе – люди, костры – и отступающий в толпу Данила.

Я даже не помнила, как вернулась домой. Последнее, что увидела, оглянувшись на холм, было горящее колесо, пущенное по склону в реку. Подскакивая на кочках и рассыпая искры, оно катилось, будто оторвавшись от адской колесницы. Оставив за собой огненный росчерк, подпрыгнуло в последний раз и кануло в темных водах.

Шарик лизал мои руки и щеки, а я сидела, совершенно безучастная к струящимся из глаз потокам слез, словно эта буря эмоций не имела ко мне никакого отношения. Лишь было чувство, что сегодня я упустила что-то очень важное. Возможность провести ночь с Данилой? Или последнюю надежду на поманившее миражом несбыточное счастье?

Я так и не смогла заснуть, лежала и смотрела в стену, пока первые лучи солнца не позолотили небо. «Все равно уснуть не получится, пойду хотя бы рассветом полюбуюсь», – решила я, и тихо выскользнула из дома.

С холма у трех столбов вид был завораживающим. В низинах туман еще нежно прижимался к сонной земле, а сияющий небосвод уже приветствовал рождающееся купальское солнце.

Утренняя роса вымочила мне ноги, и я вспомнила о наказе бабки Насти. Умылась – и не знаю, как насчет обещанных красоты и здоровья, а вот в голове прояснилось. Верно говорят, что утро вечера мудренее. Меня охватили сомнения. Ведь я сочла Данилу виновным, основываясь лишь на Варькиных наветах и собственных домыслах, и не дала ему возможности оправдаться. Бросила его на празднике, ничего не объяснив. Надо бы пойти к нему, поговорить по душам. Признаться в том, о чем не смогла рассказать ночью. Кроме, пожалуй, путешествий по параллельным мирам.

Я еще не успела принять решение, а ноги уже сами несли меня в кузницу.

«Может, и он не спит, думая обо мне?» Эта робкая надежда согревала мне душу, пока я спускалась по тропинке. Сердце радостно подпрыгнуло, когда я увидела, что дверь открывается. И ухнуло в бездну, когда поняла, что из кузницы выходит Диана.

18. СЕРДЦЕ НЕ ЛУКОШКО, НЕ ВЫБРОСИШЬ В ОКОШКО

Я шарахнулась, как конь от проезжающего грузовика, в два счета взлетела вверх по тропинке и, запаниковав, проскользнула в калитку. Пробежала через лопуховый огород и кинулась в дом к бабке Насте. Там прижалась спиной к двери и начала тихо сползать на пол. Все материализовавшиеся

сомнения обрушились на меня ледяными осколками.

Вот все и выяснила – даже говорить ни о чем не пришлось. Господи, ну как можно быть такой дурой! Поверить, что в нереальном мире может быть реальным замечательный парень Данила, именно такой, о каком мечтает каждая девочка с самого детства. Добрый, честный, верный, безумно привлекательный, и кроме того, мастер самой brutальной профессии. Да, и еще собак любит, и лошадей, ну прямо как я. Вместо ожидаемого хэппи-энда параллель иронично подсунула мне неприглядную реальность. Ни в одной сказке ведь не говорится, что после того, как принц нашел Золушку, он так и продолжил примерять туфельки (и прочие предметы гардероба) другим девушкам, а Спящую Красавицу вообще пробудил от вечного сна лишь мимоходом, так сказать, потренировался на ней по дороге к Белоснежке.

Диана, должно быть, давно прошла мимо, а я все так и сидела. Потом вдруг сообразила, что вслед за Дианой может и проголодавшийся за бурную ночь герой не моего романа пожаловать к бабуле на завтрак. Тотчас, словно в подтверждение моих мыслей, хлопнула калитка и во дворе послышались тяжелые шаги. Только не это! Голову готова дать на отсечение, только бы не встречаться сейчас с ним. Я вскочила на ноги и принялась судорожно озираться в поисках места, куда бы спрятаться, лучше всего – портала еще в какой-нибудь мир, как можно дальше отсюда. Дверь неумолимо начала открываться. Проклиная все на свете, я шмыгнула за печку, и

с невыразимым облегчением услышала бабкино кряхтение.

– Ох-ти, еле дошла!

Сдерживая рвущийся наружу вздох облегчения, я выско-чила из своего укрытия.

– Настасья Осиповна, давайте я помогу! – я сняла со знахарки бесчисленные связки разнообразных трав, цветов и корешков, забрала из рук переполненные корзины.

– Стара я уже стала, этикие тяжести таскать, да по ночам по полям ползать, – пожаловалась бабка, с довольным видом глядя на свой «урожай». – А ты молодец, что пришла пораньше! Поможешь травки разобрать. Росой-то купальской не забыла умыться?

– Не забыла, – нахмурилась я, не желая вспоминать ни купальскую ночь, ни, тем более, утро.

– Молодец, – одобрительно покивала бабка, затапливая печь. – А я Данилушку встретила – поехал на реку, коня выкупать, да и самому в купальские воды окунуться. Здоровье всем нужно, и людям, и скотине.

«Снова везде поспел», – раздраженно подумала я.

– Он сказал, что после сразу в город уедет на несколько дней, отвезти готовый заказ и помочь с установкой. Без него там никак не управятся, видишь ли. С вечера еще машина загружена. Так что и не знаю, когда вернется.

Мне значительно полегчало. Если не придется в ближай-шие дни видаться с кузнецом, я гораздо быстрее оправлюсь от своих глупых переживаний. Главное, для начала убедить

себя, что они действительно глупые.

Спасибо бабке Насте – времени на страдания она мне не оставила. Целый день мы разбирали травы: сортировали, нарезали, отжимали, связывали в пучки и развешивали для сушки. У одних в ход шли листья, у других – цветы, у третьих – стебли. Знахарка не забывала и про теорию, сопровождая каждое растение подробным рассказом про его полезные свойства и способы применения.

– У тысячелистника бери и цветы, и стебли, будем сок выжимать – эта трава любые раны лечит, кровь останавливает. Пучки зверобоя оставь – их высушу. Потом кипятком залить, будет отвар от больного живота. Иван-чай можно прямо сейчас заваривать, да под гнет ставить. Через три дня чудный настой получится. Всем жизненной силы прибавляет, болезни многие лечит. Особо у мужчин ценится, – на этой фразе бабка многозначительно подмигнула мне. – Лабазник режь помельче, будем его растирать, мазь от ревматизма делать. У чистотела сок видишь какой оранжевый? Им бородавки да чесотку лечить будем. А если с медом смешать – и от глазных болезней поможет.

Не забыла травница и про лопухи – выдала мне самый настоящий серп и велела начисто скосить драгоценные посадки под окном, те самые, что я некогда приняла за заросли сорняков.

– Корни не трогай – их раньше сентября собирать толку нет, – наказала мне она. – А листья на желудочную настойку

пойдут да на мазь для волос: бабам для красоты, мужикам – от облысения.

Я вышла за дверь, вооруженная острым, как скальпель, серпом. И как им вообще косят? Вернее, жнут – кажется, это так называется. С непривычки поначалу было неловко, к тому же я до смерти боялась, как бы пару собственных пальцев заодно с лопухами не сжать. Но потом наловчилась и дело пошло на лад. В самый разгар работы заявилились Костя и Макс.

– О, Катюха, так вот ты где! А мы тебя уже обыскались! – Макса так и распирало от любопытства – в последний раз мы виделись в кутерьме купальских игрищ, и он не знал, чем закончилась для меня ночь. Костя, напротив, был какой-то отстраненный и равнодушный, даже чересчур.

Я сердито взглянула на них из-под падающей на лоб челки и продолжила жатву.

– А мы к бабке Насте решили заглянуть, может она нас обедом угостит? – прозрачно намекнул Макс.

– Мы заняты. Сегодня обед не будет, – буркнула я. – Сами себе обед приготовьте, не маленькие.

Макс недоумевающе взглянул на меня, но не решился переспрашивать – наверное, мой мрачный вид и серп в руках начисто отбивали подобное желание – пихнул Костю локтем, скривил огорченную физиономию и потопал восвояси. Костя постоял еще несколько мгновений, прожигая меня взглядом, и последовал за Максом.

– По-моему, Катюха слишком уж увлеклась бабкиным ремеслом, – донесся до меня голос Макса.

Ответа Кости я уже не расслышала. Ушли – и слава Богу. Никого не хочу видеть.

Уже смеркалось, когда Настасья спохватилась, что мы весь день проработали без передышки и ничего не ели.

– Катерина, ты же голодная, – спохватилась она и принялась громыхать кастрюлями, пытаясь найти что-нибудь съедобное среди булькающих заваренных трав. – Мало того, что весь день работать тебя заставила, так еще и голодом заморила. Сейчас накормлю, у меня где-то каша гречневая с маслом томленая была.

– Нет-нет, спасибо, – поспешно отказалась я. Несмотря на то, что я ничего не ела уже второй день, даже мысль о еде внушала отвращение. – Я домой побегу, к Зинаиде, а то она и не знает, куда я пропала.

Света в окнах Зининого дома не было, видно хозяйка уже легла. А я боялась идти в кровать. Лягу, и проклятые мысли так и завертятся в голове изматывающим безвыходным кругом. Шарик, который весь день проскучал под столом у бабки Насти, совершенно не одобряя моего увлечения травоведением, отправился спать в будку к Узнау. А я села на верхнюю ступеньку крыльца, вдыхая прохладный ночной воздух. Запахов я не ощущала – за день так надышалась травами, настойками и вытяжками, что пропахла ими с головы до пят и, по-моему, потеряла обоняние.

Комары страшно обрадовались позднему ужину в моем лице и прочих частях тела, но я не обращала на укусы ни малейшего внимания, постепенно погружаясь в сонное забытие, приправленное чувством безысходности, но зато не нарушаемое никакими конкретными мыслями. Внезапно голос Зинаиды вернул меня к реальности.

– Катерина, ты никак на крыльце спать решила?

– Захотелось свежим воздухом перед сном подышать, – откликнулась я и встряхнулась, прогоняя дремотное оцепенение.

Я поднялась на ноги и оказалась лицом к лицу с Зинаидой, которая стояла в дверях в одной ночной рубашке. Мое лицо почему-то вызвало у нее сосредоточенный интерес. Внимательно его изучив и заодно оглядев меня полностью она строго спросила:

– Ты когда в последний раз ела?

– Кажется, позавчера, – задумчиво ответила я.

– А ну-ка, шагом марш за мной!

Я безропотно последовала за ней на кухню. Там хозяйка принялась суетиться и выставлять на стол все, что нашла в холодильнике, не забывая при этом ворчать:

– И так худеющая, непонятно в чем душа держится, а теперь вообще решила себя голодом заморить?

И чего все ко мне с этой едой привязались? Мельком глянув в зеркало, висящее в углу, я поняла, почему мой вид вызывал мысли о недоедании: цвет лица сероватый, под гла-

зами синяки, губы нежно-фиолетового оттенка. Волнения, бессонная ночь и отсутствие питания подействовали на меня как вегетарианская диета на вампира.

Накрыв на стол, Зинаида села напротив меня и так же строго приказала:

– Ешь.

Я отрицательно помотала головой. Хотя бедный желудок взывал о еде, я не смогла бы проглотить ни кусочка.

Как ни странно, ни уговаривать, ни принуждать к еде эта мудрая женщина меня не стала. Вместо этого она достала из буфета бутылку без этикетки и налила из нее в тонконогую рюмку густую темно-красную жидкость. Понюхала, и, немного подумав, наполнила и вторую. Одну поставила передо мной, другую осушила залпом, одобрительно крякнула и многозначительно посмотрела на меня. Я пожалала плечами и последовала ее примеру.

Вишневая наливка (а это была именно она) оказалась ароматной, сладкой и терпкой одновременно. И весьма крепкой – у меня даже слезы выступили. Зато я сразу ощутила и запахи, и вкусы. И то, что ноги в кровь искусаны комарами. И то, что у меня разбито сердце. Опять...

Зина вновь наполнила рюмки, поставила их перед нами и скомандовала:

– Рассказывай.

И я рассказала. Но не про Данилу.

Его звали Антон. Он был у меня первый. Вообще первый

парень, я имею в виду. В школе я больше читала книжки, чем смотрела на одноклассников. Влюбилась только на втором курсе университета. Он был старше меня на год. Серьезный, целеустремленный. Я не то, что влюбилась, я утонула в нем. Жила им, дышала им. Мое настроение полностью зависело от того, позвонил он или нет, что он сказал, и как сказал. Естественно, тогда мне казалось, что это не то, что на всю жизнь, а вообще навечно. Что нам небесами суждено было встретиться, что мы две половинки одной души, которые искали друг друга в потоке времени. Или что мы проживаем жизнь за жизнью, снова и снова встречаясь в своих новых воплощениях. Даже смешно вспомнить теперь. У него всегда было много дел, и виделись мы не так часто, как хотелось мне. Зато регулярно – этого у него было не отнять. Я была абсолютно уверена в нем. Никаких проверок телефона, инспекций личных страниц в соцсетях или расспросов общих знакомых. С жаром защищала наши отношения от осторожных намеков подруг про популярность Антона у однокурсниц. Ведь я его знаю, а они лишь завидуют и повторяют чужие сплетни. Так что когда я случайно бросила взгляд на его забытый на столе телефон, тренькнувший смской и увидела сообщение: «я люблю тебя», то не смогла поверить глазам. Все еще надеясь, что это какая-то ошибка, решила и тронула экран. Сообщение было от какой-то Снежаны. Еще одно движение пальцем явило на свет нежнейшую и страстную переписку с подробным обсуждением последней встречи и

выражением надежды на последующие. Мне показалось, что вокруг меня стены рушатся. Жизнь разделилась на «до» и «после». Хорошо еще, что были «институт, экзамены, сессия». Вытаскивала себя из болота страданий, как Мюнхгаузен за косичку. Временами косичка ощутимо побаливала. Подруги утешали – с кем не бывает, найдешь себе другого, да получше. А я точно знала, что больше никогда не влюблюсь, просто из чувства самосохранения, потому что второй раз подобной боли не вынесу. Первый неудачный роман стал надежной прививкой от любви.

Я ощутила во рту горечь, и грудь словно обручем сдавило. Еще одна рюмка наливки под рукой оказалась как нельзя кстати. Глоток согрел горло, и даже на душе как будто стало теплее. Я глубоко вздохнула и продолжила уже спокойнее.

– Вот так и получилось, что у меня, мягко говоря, не самое высокое мнение о мужчинах. Мама все твердит, что замуж пора, а я думаю: а зачем? Чтобы постоянно думать, с кем мне изменяет мой муж? Куда на самом деле идет, отправляясь «на деловую встречу»? И чем занимается, когда в очередной раз не берет трубку? Конечно, было у меня с тех пор несколько «романов», но я словно подсознательно выбирала тех, с кем отношения бесперспективны, и сама же искала повод, чтобы закончить отношения.

– Уж лишком лихо ты составила мнение обо всех мужчинах лишь по своему первому опыту, – спокойно возразила Зинаида, прихлебывая из своей рюмки.

– Отчего же, – горько усмехнулась я. – Чужой опыт лишь подтверждал мой собственный. Я насмотрелась на мужчин, которые мило целуют в щечку жену, провожая ее до двери, и принимаются ухлестывать за другой, даже не дожидаясь, пока дверь захлопнется. Не раз натыкалась на мужей подруг, прогуливающих по магазинам незнакомых девушек. Знаете, как это ужасно, когда оказываешься невольно втянутой в подобную историю, и мучаешься вопросом, что лучше, рассказать, или утаить. И так или иначе все кончается тем, что приходится утешать подругу, тихо плачущую на кухне после очередной измены супруга. Я узнала, что стоит копнуть, в каждой на вид счастливой семье найдутся свои мерзкие скелеты в шкафу. Наверное, стоило бы давно избавиться от иллюзий, и принять тот факт, что супружеская верность столь же редка, как и истинная любовь, но вот в чем проблема – я не терплю вранья. Вот вложили в меня в детстве истину, что врать нехорошо. И с тех самых пор любая ложь мне противна. А измена – это самое отвратительное ее проявление.

Моя рюмка опустела, и сама я чувствовала себя опустошенной. Тяжело ворошить прошлое. Зинаида сидела молча, задумчиво водила пальцем по столу.

– Что ж, давай и я расскажу тебе мою историю, – проговорила она наконец. – Я тоже по молодости была влюблена. Был у нас в Заречье такой Матвей Егоров. Любили мы друг друга крепко, надыхаться друг на друга не могли. Вот его в армию забрали, а я ждала. Собирались свадьбу сыг-

рать, как вернется. И была у меня подруга-завистница. Сама в Матвея была влюблена, ревновала по-черному. Стала ему письма писать, клеветать про меня, что я с другими парнями встречаюсь, что пьяную меня видят в дурных компаниях. Пришел мой любимый на побывку, я к нему бегом прибежала, а он на меня не смотрит, не разговаривает. А тут, как на грех, купальская ночь. Принялись, как обычно, парни и девки играть, суженых выбирать. Выбрала его та завистница. Убежал он за ней в лес, а вернулись они лишь поутру.

Зинаида судорожно вздохнула, украдкой вытирая набежавшую слезинку. Эге, время-то лечит, да осадок остается.

– Это уж после соседи и родные за меня горой встали, оправдали. Он каялся, плакал, в ногах у меня валялся – просил прощения за все. Простила я его. Да только та разлучница беременной оказалась, а Матвей никогда бы ребенка своего не бросил. Женился на ней. Сын у него родился. Он потом в другую деревню уехал жить с семьей, подальше отсюда. Говорят, всегда мужем верным и заботливым был, жену свою ни разу ни в чем не упрекнул, потому что лишь свою вину признавал. Только любить ведь не заставишь. До сих пор, если встречаемся, такая у него тоска в глазах, такая мука. А я с тех пор купальскую ночь никогда не праздную.

Зинаида вздохнула, потянулась за бутылкой и горько усмехнулась:

– Так что, Катерина, не надо всех мужиков одной гребенкой чесать. Молода ты еще, и все у тебя будет, уж поверь.

Разошлись по кроватям мы далеко за полночь, прикончив бутылку, а вместе с нею и изрядную часть припасов из холодильника – откровенные разговоры и вишневая наливка поспособствовали аппетиту у нас обеих. На полный желудок и с затуманенной головой я уснула, как убитая.

Утром вступить в новый день показалось непосильной задачей. Но и возвращаться в сон тоже не хотелось. Мне приснилась свадьба Данилы и Дианы, на которой я исполняла роль подружки невесты. Что характерно, об этом одолжении меня попросил жених, и моей дополнительной обязанностью было следить, чтобы невеста не заметила, как он флиртует с симпатичными гостями. Так что проснулась я совершенно измотанной душевно и не отдохнувшей физически.

Дома, какие бы перипетии не творились в моей жизни, всегда была работа, в которую можно было уйти с головой. Были родители, к которым можно было приехать за моральной поддержкой. А я умудрилась застрять в каком-то невообразимом параллельном мире, не имею ни малейшего понятия, как из него выбраться, и уже успела влюбиться, как никогда, и разочароваться, как всегда. И самое ужасное было в том, что несмотря на то, что больше я не питала ни малейших иллюзий относительно Данилы, я не могла выбросить его ни из головы, ни из сердца.

Лежать в кровати весь день мне не дадут, придется вставать. Я надела, что первым подвернулось под руку – какой-то очередной цветастый сарафан. Не глядя в зеркало, стянула

волосы в хвост, и вдруг услышала тихий стук в дверь.

«Пришел!» – мелькнула шальная мысль. Сердце подпрыгнуло в груди, стукнулось о ребра и замерло. Ушиблось, наверное.

– Катя, ты уже встала? – послышался из-за двери Костин голос.

– Нет, – сердито ответила я, злясь на себя за то, что надеялась, что каким-то чудом это пришел Данила.

– Прости, но я все-таки войду, – произнес Костя, протискиваясь в дверь. – Мне очень нужно кое-что тебе сказать.

– Раз нужно, то говори, – я села на кровать. – Что-то случилось?

– Можно и так сказать, – парень с недоумением оглядывал мою недокомнату. – Слушай, а как ты здесь живешь? Купе в спальном вагоне и то больше.

– Нормально, мне нравится. Я довольно компактная, Шарик тоже не ирландский волкодав. – равнодушно хмыкнула я. – Но ты не ответил на мой вопрос. Есть важные новости, или ты вторгся ко мне только чтобы посмотреть, как я живу?

– В Заречье приехали цыгане, если говорить о новостях, – замылся Костя. Потом помолчал, и непривычно смущаясь, добавил, – Но, честно говоря, я пришел поговорить с тобой не об этом.

– О чем же? – с опаской поинтересовалась я. Костина загадочность начинала меня пугать.

– Я...я хочу, чтобы ты кое-что знала, – он сел рядом со

мной, помолчал, а потом неожиданно взял меня за руки. – Знай, что я никому не позволю тебя обидеть.

Я непонимающе уставилась на него и на всякий случай попыталась отодвинуться на другой край кровати, но держал он крепко.

– Я бы ничего не стал тебе говорить, если бы не вся эта история с кузнецом. Не могу видеть, как он играет тобой. Даже собирался с ним лично пообщаться: то ли поговорить по душам, то ли морду набить. Только бабка Настя сказала, что он уехал в город на несколько дней, так что разборки откладываются.

– Костя, спасибо тебе большое, но я и сама могу разобраться, – наконец смогла выговорить и высвободиться я. – К тому же, тебе не кажется, что это касается только меня, и твое вмешательство несколько, как бы это сказать, бесцеремонно?

– Иными словами, я сую нос не в свое дело, – уточнил парень. – Еще как кажется, но я ничего не могу с собой поделать. Дело в том, что не знаю с какого момента и почему, но ты сама и все, что с тобой происходит, стало касаться меня лично, причем очень сильно. В этом нет никакой логики, это сбивает с толку, но каждый новый день для меня начинается с радостной мысли о том, что в мире есть ты.

Он остановился. Притормозил, слишком разогнавшись, чтобы не пересечь невидимую черту и не ступить на зыбкую почву непривычных для него чувств. Я потрясенно молчала,

не решаясь даже поднять глаза. Он искоса взглянул на меня – верно, вид у меня был весьма ошарашенный – и рассмеялся, хотя смех вышел нервным.

– Катя, я не буду тебя грузить признаниями и тем более требовать от тебя чего-либо. Просто знай, что на меня ты можешь рассчитывать всегда и во всем.

– Костя, спасибо, – я безуспешно старалась подыскать слова и сдалась: – Я не знаю, что сказать.

– Да не надо ничего говорить, – Костя встал и попытался пройтись по комнате, сразу застрял и был вынужден снова присесть. – Если тебе что-нибудь будет нужно, я всегда буду рядом.

– Костя, только давай договоримся, что если мне что-нибудь будет нужно, я сама тебе об этом скажу, хорошо? И, пожалуйста, не надо устраивать разборки с Данилой, ведь ты не знаешь, как все было на самом деле, – я смущенно потерла нос.

– Будет довольно сложно сдержаться, – проворчал он.

Возникла еще одна неловкая пауза. Надо что-то сказать. Срочно, и что угодно. Я уже собиралась разразиться тривиальными замечаниями о чудных погодах, стоящих в параллели нынешним летом, но вспомнила тему поинтереснее.

– Так что ты там говорил о цыганах?

19. СПРЯЧЬ ЗА ВЫСОКИМ ЗАБОРОМ ДЕВЧОНКУ

Цыгане! Вечные странники, похитители лошадей и женских сердец. Мужчины в красных рубашках, с буйными темными кудрями. Длинноволосые женщины в цветастых нарядах, с черными жгучими глазами и столь же жгучими страстями. Или неряшливые попрошайки с неизменной кучей чумазных детей?

На площади было шумно и многолюдно. К моему разочарованию, лошадей с живописными кибитками у цыганского племени давно сменили разномастные "железные кони", в основном весьма потрепанные. Сейчас они беспорядочно заполняли главную улицу – не пройти, не проехать. Зато сами цыгане мне показались неожиданно привлекательными, их будто подбирали для съемок фильма. Кудрявые широкоскулые мужчины с сумрачными глазами. Одеты прилично, даже с некоторым шиком: кожаные жилетки, расстегнутые на груди темные рубашки, высокие сапоги. Женщины в ярких юбках, развевающихся на ходу. И сами яркие, смуглые, со множеством звенящих украшений. А кучерявые черноглазые цыганята и вовсе милы, как маленькие хоббиты. Зато глаза хитрющие, так и хочется кошелек подальше спрятать.

Высокий седоволосый мужчина беседовал с Федотовым. Суровые брови, крючковатый нос и гордая осанка делали его похожим на белоголового орла.

– Смотри, кто это со старостой разговаривает? Наверное, цыганский барон? – зашептала я Косте на ухо, позабыв обо

всех сложностях.

– Наверное, – кивнул Костя. – Полагаю, прежде чем остановиться в Заречье, табор должен получить разрешение старосты.

– А ты думаешь, разрешит? – усомнилась я. – Местное население вроде не в восторге.

Романтически-дурная репутация цыган во все времена была общей для всех миров, и зареченцы хмуро смотрели на все происходящее, хотя вели себя пришельцы вполне пристойно. Исключение составляли местные девушки, которые всюду стреляли глазками в сторону симпатичных цыганских парней, отвечавших им не менее интенсивным обстрелом взглядов и улыбок. Деревенским парням этот перекрестный огонь дружелюбия отнюдь не добавлял.

Несколько немолодых цыганок прохаживались среди зареченских женщин, предлагая погадать. Я невольно поежилась и придвинулась поближе к Косте. Однако это меня не спасло: одна из гадалок, невысокая седоволосая женщина в красном платке, внимательно посмотрела на меня и приблизилась.

– Я вижу, ты заблудилась, – обратилась она ко мне. – Дай руку, я найду твой путь.

Я покраснела и упрямо замотала головой. Не верю в гадания и не хочу, чтобы мне что-то выдумывали про мое будущее.

– Как хочешь, – цыганка безразлично пожала плечами. –

Вижу, что ты идешь не по своей дороге, смотри, не споткнись.

Я почувствовала, как кровь отлила у меня от щек, даже голова закружилась. Костя подхватил меня под руку и вывел из толпы.

– Катя, нельзя быть такой впечатлительной.

– Ты что, не слышал, что она сказала? – я оглянулась, высматривая красный платок.

– Ничего, кроме общих фраз, способных сбить с толку любого. Ты что, не знаешь, как гадалки работают?

– А ты знаешь?

– Такие женщины очень наблюдательны. Они умеют считывать эмоциональное состояние человека по любым внешним признакам: мимике, жестам, даже по одежде. Она сказала, что ты заблудилась? То же самое можно сказать о ком угодно – в своих мыслях мы постоянно блуждаем и заблуждаемся. Ты отреагировала, и она развила эту тему дальше.

– Ты прав, – согласилась я. – Сама ведь прекрасно знаю, что с цыганками даже и разговаривать нельзя. Просто в последнее время столько всего произошло.

– А гадалки как раз очень хорошо умеют вычислять нестабильное состояние людей, так что она к тебе неслучайно подошла.

– Вот только в одном она ошиблась – позолотить ей ручку мне совершенно нечем, – улыбнулась я.

– Оно и к лучшему, – отозвался Костя. – Ладно, Катя, я

пойду. Мне, вообще-то, на работу давно пора. А ты не переживай больше, хорошо?

– Со мной все нормально, – успокоила я его. – Вечером увидимся, надо же думать, как отсюда выбираться.

К сожалению, неподтвержденная практикой Костина теория так и осталась единственной. Параллель не спешила давать дальнейшие подсказки, предоставив нам самим искать выход. А стоило ли говорить, что после истории с Данилой больше всего на свете мне хотелось вернуться домой, в привычный реальный мир с его будничными проблемами, закрутиться в рутине ежедневных дел и вспоминать приключения и разочарования воскресшего Заречья лишь как безумный сон.

Вот только Костя принадлежит моему миру, и при желательном ходе событий мы останемся вместе. В одной реальности, я имею в виду. Теперь-то я понимаю, почему он так не жаловал кузнеца. Сама я к Косте поначалу относилась как к приятелю, причем не самому близкому. Даже не уверена была, захочу ли с ним еще раз встретиться после возвращения домой. Но постепенно я стала испытывать к нему симпатию. Нет, он не был избалованным мажором, он привык добиваться всего сам, упорным трудом. С таким точно нигде не пропадешь. Жесткий и циничный снаружи, глубоко внутри он был добр и отзывчив. Я бы хотела, чтобы мы стали настоящими друзьями. Но я не настолько наивна, чтобы верить в дружбу между мужчиной и женщиной, тем более после того,

как Костя признался... А в чем, собственно, он признался? В том, что ему небезразлично, что со мной происходит, в том, что я ему дорога, и он ни к кому еще так не относился. Но то же самое можно сказать и о друге, ведь он же не сказал, что любит меня. Так может, я зря беспокоюсь по этому поводу? Буду вести себя с ним как раньше, с поправкой на то, что теперь, по его словам, я во всем могу на него рассчитывать.

Я повеселела и взбодрилась, мысленно поздравив себя с удачным разбором чувств, и решила отправиться к Максy – посмотреть, как продвигается разрушение вверенного ему недвижимого имущества. На сегодня у него было запланировано осуществление грандиозного плана по перепланировке дома. Хозяин дома предоставил ему в этом полный карт-бланш. То ли доверял вкусу новоявленного дизайнера, то ли ему было просто все равно. Ломать, как известно, не строить, и к моему приходу стена кухни уже перестала существовать, значительно расширив пространство.

– Интересное решение для деревенского дома, – заявила я, созерцая результаты труда. – А возле печки планируется барная стойка, я так понимаю?

– Хорошая идея! – оживился Макс. – Данила сможет ее украсить какими-нибудь коваными элементами, будет очень эффектно!

«Еще эффектнее, если он украсит ее звездочками по счету разбитых сердец», – сердито подумала я. – «Или женскими фигурками, так еще нагляднее. Будет о чем вспомнить в

старости за бокалом коньяка».

– А как у тебя дела? – невинно поинтересовался Макс.

– Нормально, – пожала я плечами.

– А как там Данила?

– Причем здесь Данила? – мгновенно разозлилась я.

– В деревне говорят...

– Макс, колись уже!

– Говорят, что вы с Данилой в купальскую ночь... были вместе, – нашел приемлемую трактовку дипломатичный мулат.

Я грустно усмехнулась:

– Если бы сплетницы досмотрели шоу до конца, они бы увидели, как мы расстались. Купальский костер разлучил нас самым что ни на есть символичным образом. Так что слухи Заречья тебя подвели. Кстати, тебе какая птичка принесла эту сплетню на хвосте?

Макс не ожидал наступления с моей стороны и принялся юлить, отступить и сослаться на необходимость срочно сломать что-нибудь еще, но в конце концов признался, что про нас с Данилой им с Костей наплела вчера Варвара «по строжайшему секрету».

Потому-то Костя с утра и подорвался разбираться с Данилой и объясняться со мной. А Данила оказался просто красавчик – мало того, что с Дианой ночь провел, так еще и алиби в моем лице заимел перед всей деревней. А я, как обычно, в самом дурацком положении. Все это настолько в моем

репертуаре, хоть плачь.

– А я Варю на свидание пригласил, – сообщил Макс, отвлекая меня от мыслей, что счастье мне не светит ни в одном мире, ни в параллельном, ни в перпендикулярном.

– И что? – любопытствовала я из вежливости.

– Сегодня вечером пойдем гулять, – небрежно обронил парень, стараясь скрыть торжествующую улыбку. – Только Косте пока не говори.

– Поздравляю, – протянула я. – Или сочувствую.

– Да брось, она вовсе не такая, какой кажется, пойми. Когда человек обладает такой неординарной внешностью, он невольно начинает выделять себя среди других. Внешность ведь нам дается от природы, ни за что. Вот и кажется, что все остальное тоже должно получиться само собой, без особых усилий, просто придут и дадут. И с возрастом планка задирается все выше и выше, и, если вовремя не остановиться, уже и не будешь знать, чего хочешь от жизни. А я все время вел себя очень глупо: просто ждал, пока она обратит на меня внимание, – горячился Макс. – Это потому, что я привык, что на меня девчонки и так внимание обращают, потому что я... ну, выделяюсь.

– Просто Варвара на другое обращает внимание, – не удержалась я.

– Ты о том, что она хочет найти состоятельного городского жениха, чтобы уехать из деревни? – уточнил Макс. – А почему вы все ее за это осуждаете? По-моему, это нормаль-

ное желание для такой девушки, как она, стремиться к лучшей жизни.

Я не стала больше спорить с Максом. В конце концов, на свидание с Варькой ему идти, а не мне. К тому же вполне допускаю, что для мужчин достоинства ее внешности гарантированно извиняют любые недостатки характера.

К тому же вернулся Костя, оценил масштаб разрушений, и, как истинный руководитель, принялся критиковать и вносить встречные предложения. А мне тем временем вспомнилась цыганка, которая смутила меня словами про чужую дорогу. Костя посчитал это обычным приемом шарлатанов подобного рода, но она будто бы точно знала, о чем говорит. Надо бы узнать про эту гадалку побольше. Пойду-ка я, все равно парни увлеклись спором, сносить ли остальные перегородки, или все же что-то оставить. По мне – пускай сносятся все, включая стены уборной, так смешнее. А я собираюсь обратиться к самому надежному источнику информации.

Зинаида снова варила еду своему обожаемому поросенку, и естественно, была в курсе всех новостей.

– Через неделю цыгане должны уехать, так договорились Федотов и Рустам, – объявила она, помешивая густое варево, пахнущее одновременно первым, вторым и компотом.

– Рустам, это их барон? – уточнила я.

– Баро, – поправила меня женщина. – Ром Баро, важный человек. Нет у цыган никаких баронов, просто слова похо-

жие, вот мы и привыкли так главного в общине звать.

– А они часто в Заречье приезжают?

– Последний раз, верно, года три назад были. А до этого чуть ли не каждый год приезжали.

– Значит, в последний раз что-то случилось? – догадалась я.

– В их приезды постоянно что-то случается, – проворчала Зинаида. – То курицу сбежавшую присвоят, то цыганята в чей-нибудь огород залезут, а то и до драки дело дойдет. Федотову все это не по нраву, понятное дело, но и отказать прямо не может, понимает, как трудно им найти пристанище.

– А где они будут жить? – не без умысла поинтересовалась я.

– Да есть у нас здесь дом заброшенный, когда-то гостиницу построили, да она всегда пустует за ненадобностью.

– Подождите, это такой двухэтажный дом на краю деревни, немного в стороне стоит?

– Во-во. И строго-настрого им наказано по деревне вечерами не шастать, с местным населением никаких дел не заводить. Да вот только нашим-то не запретишь.

– А зачем нашим, то есть вашим, общаться с цыганами? – изумилась я. – Мне показалось, они гостям не рады.

– Как же, не рады! – фыркнула моя собеседница. – Бабы сегодня же гадать побегут! А девки – с их парнями шашни крутить. За ними и наши ребята подтянутся – смотреть, как бы и в самом деле чего не закрутилось, а мужики – просто

за компанию.

Я подошла к окну и стала с деланным интересом рассматривать грядки с огурцами.

– А что, цыганки и в самом деле хорошо гадают? – спросила, будто невзначай.

– Да в основном врут только складно, – отмахнулась Зинаида. – Хотя бывают и настоящие предсказательницы. В прошлый раз старая Зара приезжала, хорошо гадала.

– Хорошо, в смысле только хорошее предсказывала? – скептически уточнила я.

– Да в том то и дело, что не только хорошее, – вздохнула женщина, – Вон у Маньки Саниной муж помер, она только потом призналась, что Зара ее о том предупредила. Она перед тем, как гадать, каждого спрашивает, все рассказывать, или только хорошее. Мало кто хочет плохое слышать, сама понимаешь.

– А сегодня эта Зара тоже приехала? – спросила я, стараясь, чтобы мой вопрос прозвучал как можно равнодушнее, но Зину было не провести.

– Что, тоже погадать хочешь? – она, как ищейка, почуяла мой интерес. – Сходи, сходи, я бы тоже на твоём месте не удержалась. В твоём возрасте только и гадать, и непременно на будущего мужа!

Я начала отнекиваться, что, мол, не верю в гадания, и вообще замуж не собираюсь, но Зинаида лишь хитро усмехалась в ответ.

– Честно говоря, любопытно было бы попробовать, – сда-
лась я. – Правда, страшновато одной идти.

– Так давай я с тобой схожу, – с радостью предложила «ко-
кушка». – Поросенку задам, и пойдем.

Она загромыхала кастрюлями, что-то добавляя и смеши-
вая, видимо для получения полноценного рациона для Борь-
ки. Странно, что она так нежно относится к своему питомцу,
вроде бы свинью обычно откармливают в прямом смысле на
убой. Меня так и подмывало спросить, когда планировалось
это событие, но язык не поворачивался – вдруг это будет вос-
принято как смертельное оскорбление. Я бы точно не смогла
отправить под нож существо, выращенное с малюсенького
возраста, которое доверяет тебе и ждет только хорошего, а
ты его бац – и на колбасу. Еще и есть его потом, брр!

По детской привычке я пошла за хозяйкой в хлев. Внутри
царил полумрак, свет проникал через единственное низкое
незастекленное оконце, которое заодно выполняло и роль
вентиляции. Свин встретил нас энергичным похрюкивани-
ем. «Борь-Борь-Борь», нежно заворковала Зинаида. Боровок
подошел к ней и подставил щетинистый загривок. Хозяйка
принялась энергично его чесать, а Борька задирает доволь-
ную морду и покачивался от удовольствия. Потом она выли-
ла ему в корытце варево, поросенок принялся шумно чав-
кать, издавая одобрительные звуки. Хозяйка глядела на него
прямо-таки с материнской гордостью. А может, она держит
его просто так, в качестве домашнего любимца? Вопрос о

Борькином предназначении так и остался незадачным.

Покончив с делами, Зинаида сняла передник, окинула себя довольным взглядом в зеркале, и мы пошли. На встречу с судьбой, так сказать.

– А вы тоже хотите погадать? – спросила я ее по дороге, пытаюсь унять внутреннюю дрожь.

– Я? Нет! – помотала головой женщина. – Мне уже погадали один раз, в молодости.

Я не решилась спросить, что же ей нагадали, но, судя по ее истории, что-то не очень утешительное.

В нашей реальности от здания старой гостиницы остались лишь развалины каменного фундамента: деревянные стены и крыша выгорели несколько лет назад. Болтали, что этот самый фундамент принадлежал древней постройке, а новый дом построили прямо на старых камнях – чего добру зря пропадать. В моем зареченском детстве он прозывался «дурной дом». То ли там кого-то когда-то убили, то ли кто-то сам повесился. Так или иначе, среди детей, да и среди взрослых тоже, ходили слухи, что в доме живет привидение и его можно увидеть в тот момент, когда закатное солнце исчезает за горизонтом. Дескать, привидение тоскует по солнечному свету, и может видеть лишь последний луч заходящего светила. Соблазненные страшными байками, мы не раз бегали смотреть на дом по вечерам, никогда не решаясь подойти близко, а уж тем более войти внутрь. Мрачная слава и живое детское воображение делали свое дело: кто-нибудь из нашей

компании непременно «видел» призрачную фигуру в одном из окон, и все с воплями бросались наутек. А потом ночами не спали, боясь, что привидение, рассерженное нашей назойливостью, заявится под окно и будет выть унылым голосом и скрежетать когтями по стеклу.

В этом мире «дурной дом» стоял целехонек, хотя и выглядел довольно обветшалю: посеревшая от времени обшивка, разбитые кое-где окна. Но зато какое перед ним царило оживление! Цыгане устраивались на постой: вносили в дом нехитрый скарб, одновременно что-то выносили, развешивали на просушку. Наиболее предприимчивые женщины из местных уже вовсю предлагали гостям продукты на продажу: молоко, творог, яйца. Цыганки шумно торговались. Под ногами с криками шныряли перемешавшиеся дети. Шум стоял, как на базаре.

Я невольно обратила внимание на компанию цыганских парней. Он стояли в стороне, свысока взирая на суету. Один из них поймал мой взгляд и улыбнулся. Вот это глаза: черные, бездонные, а в глубине будто огонек горит.

Завороженная, я улыбнулась в ответ.

– Катерина, – одернула меня Зинаида. – Нечего цыганам глазки строить. Ихние девушки-то в строгости себя держат, они к ним с уважением относятся, а если не цыганка, значит все можно. Глянешь просто, а он посчитает, что ты с ним заигрываешь. Так что лучше и вовсе не смотри.

Я смущенно потупила взор. К счастью, моя строгая мат-

рона заметила кое-что поважнее.

– Гляди-ка, к Заре уже очередь!

Я проследила за ее взглядом и увидела ту самую цыганку в красном платке. Она сидела за столом, на котором был выставлен хрустальный шар, череп, свечи и прочий псевдо-магический реквизит. К ней стояла целая очередь, в подавляющем большинстве женщины. Несколько мужчин, которых цепко держали за руку их половины, явно чувствовали себя не в своей тарелке.

Наличие очереди окончательно смутило меня, и я остановилась, придумывая повод, чтобы уйти, но почувствовала на себе взгляд. Острый, будто игла в висок кольнула. Зара смотрела прямо на меня. Она сказала несколько слов девушке, сидящей перед ней с протянутой для гадания рукой, и та послушно встала, а старая цыганка поманила меня к себе пальцем и указала на освободившийся стул. Я послушно пошла, как под гипнозом, села перед нею и протянула руку.

– Тебе ведь нужно от меня нечто большее, чем чтение линий на руке, – сказала гадалка, глядя мне в глаза.

– Там, на площади, вы сказали, что я иду по чужой дороге, – тихо сказала я. – Что вы имели в виду?

Она кивнула и закрыла глаза. Я снова почувствовала укол, на этот раз в затылок, как будто ее взгляд сквозь закрытые веки проникал в самые глубины моего разума.

– Ты пришла издалека, – проговорила она медленно и негромко. – Ты и твои друзья... вы заблудились... не знаете,

как вернуться домой... потому что туда нет дороги...

– Вы знаете, как нам вернуться? – нетерпеливо перебила я гадалку.

– На этот вопрос не так просто ответить, девочка, ты не до ближайшего магазина дорогу спрашиваешь, – Зара открыла глаза и рассмеялась скрипучим смехом. – Приходи завтра, с утра, когда здесь никого не будет, а не то все эти люди, жаждущие услышать про свое будущее, испепелят тебя взглядами.

Я оглянулась и обнаружила, что народ позади меня отнюдь не в восторге от моего внеочередного сеанса и вот-вот начнутся выступления типа «вообще-то здесь очередь» и «вас здесь не стояло».

– Зара, только один вопрос! – невольно вырвалось у меня. – Есть один человек...

Цыганка закатила глаза, но взяла мою руку.

– Тут и говорить нечего, – обронила она, мельком взглянув на ладонь. – У вас с ним разные дороги, они не должны были пересечься. Запомни, ты не на своей дороге, а они не любят чужаков.

– Кто это «они»? Что значит «не любят»? – взмолилась я.

– Приходи завтра, – строго сказала Зара и жестом указала мне очистить стул, одновременно кивая недовольной девушке, чье гадание было прервано моим приходом.

Я встала, улыбнулась очереди, но ответных улыбок не получила. Заметив, что я освободилась, Зинаида метнулась ко

мне.

– Ну что она тебе нагадала? – настойчиво осведомилась она.

– Да так... Ничего особенного, – попыталась отмахнуться я от назойливой собеседницы, но не тут-то было – женщина крепко держала меня под руку и не собиралась меня выпускать, пока не визнает, что напророчила мне гадалка.

– Я спросила ее про одного человека, – уклончиво сообщила я.

– Про Данилу? – спросила «кокушка» с хитрым выражением лица.

– Да, – нехотя призналась я. – И она ответила, что у нас с ним разные дороги.

Эта информация вполне удовлетворила мою любопытную собеседницу и, сочувственно похмыкав с видом «а я так и знала», она прекратила свои расспросы.

Остаток дня и добрые полночи я мучилась сомнениями – идти к цыганке или не идти? Я и в самом деле не верила в гадания и прочую хиромантию, но, если разобраться, я раньше и в путешествия между мирами не верила. А в нашем нынешнем положении выбирать не приходится, и если есть хоть какой-то шанс получить информацию о том, как можно вернуться домой, то надо им воспользоваться.

Заснуть мне удалось лишь под утро, в результате проснулась я лишь в двенадцатом часу. Еще немного полежала, му-

чаясь все теми же сомнениями, а потом решительно вскочила, оделась и, даже не умывшись, побежала к временному пристанищу табора. Только бы никого не встретить.

Возле старого дома было тихо и пусто. Ни цыганских колымаг, ни самих цыган, ни местных. Да и сам дом выглядел необитаемым. Неужели уехали? Ведь они должны были оставаться всю неделю. Уже ни на что особенно не надеясь, я толкнула входную дверь. В нос ударил запах застарелых тряпок и плесени. Я прошла вперед по пустому коридору с оборванными обоями и дырами в полу. Никого, только валяются какие-то брошенные вещи, видно, совсем негодные. Вдруг где-то сзади что-то стукнуло. Я вздрогнула, обернулась: никого.

– Кто здесь? – негромко спросила я дрожащим голосом. Громко спрашивать было страшно – а вдруг ответят.

Стук послышался снова. Затаив дыхание, я развернулась и тут заметила приоткрытую дверь. За ней обнаружилась комната на полуподвальном этаже. Окон в ней не было и внутри царила крошечная темнота. Я без особой надежды пошарила рукой по стене и неожиданно наткнулась на выключатель. Щелк – и единственная лампочка, свисающая на проводе с потолка, осветила неприглядное помещение с облупившимися стенами, бетонным полом и черным от плесени потолком. В углу стояла железная кровать с ржавой сеткой, возле стены – небольшой стол и трехногая табуретка со следами краски. Я опасливо спустилась по шатким ступень-

кам, обитая железом дверь сопровождала меня жутким скрежетом, закрывшись за спиной.

– Табор ушел в небо, – пробормотала я, поежилась от гулкости своего голоса и пошла на выход. Здесь меня ждала неприятная неожиданность: дверь не хотела открываться. Ее как будто заклинило с той стороны. Я стала дергать ручку, несколько раз приложила плечом, пнула дверь ногой, но та не поддавалась, стояла, как влитая, как будто, пока я была внутри, проход кто-то наглухо замуровал. Я кричала, стучала, дергала – но все было абсолютно безрезультатно. Я устала и запыхалась – воздух в подвале был спертый, и к тому же откуда-то явственно тянуло гарью. И тут, к своему ужасу, я заметила, что через кошачий лаз в углу просачиваются струйки серого дыма. А через несколько секунд отчетливо послышалось потрескивание и гул. В доме был пожар.

Я с удвоенной силой принялась биться в проклятую дверь. Что же делать? Передо мной отчетливо предстал весь ужас моего положения: я одна в горящем заброшенном доме, и никто даже не знает, что я сюда пошла! Я испустила полный отчаяния вопль, и вдруг услышала в ответ знакомый лай, а через несколько секунд в лаз проскочил чихающий от дыма Шарик. В первый момент я обрадовалась ему, но потом до меня дошло, что на роль спасителя он не годится. А счастливый Шарик прыгал вокруг и звал как можно скорее убраться из этого места, которое с каждой секундой все больше и больше наполнялось дымом. Он предлагал воспользоваться

тем же ходом, через который он проник сюда, и для наглядности несколько раз пролез туда и обратно, а потом выжидательно гавкнул.

– Прости, милый, – сказала я дрожащим от слез голосом. – Мне никак не пробраться за тобой. Уходи, спасайся сам.

Шарик непонимающе смотрел на меня, потом подбежал и сел рядом. Он никуда не собирался уходить. И я вспомнила, как в его первое лето мы отправились вместе на озеро. Чиху было тогда где-то полгода, он выглядел как совершенный крысенок: тощий, с редкой шерсткой и тоненьким веревочным хвостиком. Я оставила его ждать на полотенце, сама прыгнула в воду и поплыла к другому берегу. Вдруг с пирса послышались крики. Я обернулась и увидела, что мой крошечный пес с выпученными от ужаса глазами, полный решимости, плывет за мной. Я как можно быстрее поплыла к нему и вместе мы вернулись на берег. Еще несколько раз я пыталась войти в воду, но результат был один: щенок бесстрашно прыгал за мной. Для него это озеро было огромным океаном, плавал он в первый раз в жизни, и высота пирса была для него велика, но он прыгал за мной, не раздумывая, без истерик, с какой-то отчаянной уверенностью. И тогда я подумала, что и в огонь он кинулся бы за мной, не раздумывая. Никогда не предполагала, что мне придется в этом убедиться.

– Ну уж нет! – я вскочила на ноги и закричала на Шарика, – Уходи! Пошел вон!

Я топнула ногой. Песик испуганно отбежал на пару шагов. Я топнула еще раз, потом схватила табуретку, и грохнула ее что было силы об пол. Шарик отскочил, с ужасом и недоверием глядя на меня. Потом все же сделал несколько шагов ко мне, и тогда я пнула его. Пнула так, что он отлетел, и взвизгнул от боли и обиды. Потом бросил на меня тоскливый взгляд и шмыгнул в лаз. Я для надежности закрыла его табуреткой. Надеюсь, он сможет выбраться из дома.

А потом я упала на пол и зарыдала. Глупо, но плакала я не о том, что вот-вот погибну, а о том, что последнее, что запомнит обо мне мой пес, это как я его ударила.

Дыма становилось все больше, я начала кашлять. Нашла какую-то мокрую тряпку и прижала к лицу, пытаюсь дышать сквозь нее. Минуты проходили мучительно. Лампочка моргнула и погасла. Становилось жарко. Обливаясь потом, я стучала ногой по двери что было сил, а потом свалилась на пол. Перед глазами все поплыло, и меня проглотила темнота.

20. КУЗНЕЦОМ НИКТО НЕ РОЖДАЕТСЯ

Темнота была полная и абсолютная, в ней не было ни звуков, ни запахов, ни ощущений, ни времени. Только стремительной спиралью уходило куда-то сознание, растворяя остатки моего существования. Скоро от сознания осталась одна искорка, готовая погаснуть в любой момент. И вдруг мое «я» обрушилось на меня вместе с потоком холодной во-

ды. Мгновенно вернулись все чувства, я поняла, что лежу с закрытыми глазами на траве, что в спину впивается какая-то колючка, что руки и ноги ужасно ломит, глаза щиплет, а голова раскалывается. И еще меня только что облили ледяной водой, и кто-то нещадно трясет за плечи и просит срывающимся голосом:

– Катя, очнись! Пожалуйста, открой глаза! Катя, ты меня слышишь?

– Слышу, – проговорила я, с трудом ворочая непослушным сухим языком. – И перестаньте меня трясти – мне и так плохо.

Трясти перестали, а вместо этого обняли и прижали к груди. Мне стало очень любопытно, кто это, и я невероятным усилием разлепила веки. Глаза уже не просто щипало, они горели, но я сумела разглядеть лицо Данилы в нескольких сантиметрах от моего и от неожиданности снова зажмурилась.

– Как ты меня... нас напугала, – произнес Данила. Его голос действительно дрожал, или мне показалось?

Вас напугала? Ты себе даже не представляешь, как я сама испугалась. Никогда в жизни так не пугалась, и, надеюсь, больше не придется. Кстати, нас, это кого? Я снова открыла глаза, высвободилась из рук кузнеца и огляделась, придерживаясь за его плечо: качало меня сильно даже сидя. Оказалось, рядом стояли перепуганные Костя и Макс. Костя был перемазан сажей. Макс, быть может, тоже, но на нем разве

разглядишь? И тут я вспомнила кое-что очень важное и резко повернулась к Даниле. В глазах снова все поплыло.

– А где Шарик? Он был со мной, но я его прогнала! Ты его видел?

Данила растерянно оглянулся.

– Он бросился в дом, и залаял возле заклинившей двери. Я выломал дверь и вытащил тебя, а его больше не видел.

Кузнец посмотрел в сторону проклятого дома, я повернула голову и застыла от ужаса. В небо взвивался столб огня и дыма, в котором лишь угадывался силуэт строения.

– Он что, остался там? – слова болезненным комом застряли у меня в горле, а разум отказывался поверить в них. Данила сокрушенно молчал.

И тут Костя, уловив суть разговора, приблизился к нам, расстегнул рубашку, и оттуда высунулась родная рыжая мордочка, которая от души чихнула и твякнула, заявляя о своем желании выбраться. Костя бережно вынул песика из-за пазухи и поставил на землю. Шарик стрелой кинулся ко мне, повизгивая и виляя хвостом с запредельной скоростью. Он весь превратился в сгусток рыжей радости, который вертелся, лизался, визжал и лаял одновременно. Я схватила его на руки, уткнулась в него лицом и разрыдалась от облегчения. Слезы градом лились из глаз, облегчая жжение и смывая сажу с лица, а я шептала песику:

– Прости меня, пожалуйста, прости, я не хотела обижать тебя.

– Он прибежал к нам и позвал за собой, представляешь, – начал рассказывать Костя. – Я думал, что так только в кино бывает. А он начал лаять и крутиться на месте, а потом побежал прочь, останавливался и снова лаял. Мы кинулись за ним, а ему как будто это и нужно было, так припустил, что не догнать было. Увидели, что из дома валит дым и поняли, что с тобой беда. Когда подбежали, Данила уже ломал дверь.

– Я как раз возвращался из города, и тоже заметил дым, – объяснил Данила извиняющимся тоном, словно хотел попросить прощения у Кости за то, что опередил их. – Рванул сюда, посмотреть, не нужна ли помощь и увидел, как в дверь проскочил Шарик и юркнул куда-то вниз. Понял, что он мог так рваться только к хозяйке и начал действовать.

Я слушала его невнимательно и пристально смотрела на Костю, который, склонившись надо мной, гладил Шарика.

– Значит, ты полез в огонь за модным аксессуаром? – недоверчиво спросила я его.

– Я же знаю, как он тебе дорог, – нехотя ответил он. – Да и как я мог бросить пса, который спас свою хозяйку?

– Спасибо, – от души сказала я. Потом вспомнила, что не удосужилась поблагодарить своего спасителя, но он уже удостоверился, что падать в обморок я больше не собираюсь, оставил нас и направился к подъехавшим пожарным. Со стороны деревни бежали встревоженные люди, быстро собиралась толпа.

– Катя, ты идти сможешь? – заботливо спросил Макс.

Я попыталась встать на ноги, и к моему удивлению, это вполне удалось, я только совсем слегка покачнулась и ухватилась за Костю, чтобы не упасть. Он поддержал меня, и через его плечо я успела увидеть, как кузнец исподлобья взглянул на нас.

«Неужто ревнует?» – сердито подумала я, глядя как Данила решительно приближается к нам, хмуря брови. Но он просто бросил Косте ключи от джипа.

– Отвезите Катю к бабке Насте, она скажет, надо ли ехать в больницу.

– Конечно, нет! – запротестовала я, недовольная тем, что мое мнение при этом вообще не учитывается. Данила даже не соизволил посмотреть на меня и вернулся к своим пожарным. Наверняка в детстве спасателем мечтал стать.

Макс с Костей помогли мне залезть в машину и оттранспортировали меня к знахарке. Дома ее не оказалось, и Макс побежал на поиски по соседям, а Костя помог мне войти в дом и уложил на хозяйскую постель. Потом присел на кровать и с выражением крайнего участия и заботы спросил:

– Объясни, пожалуйста, за каким чертом тебя понесло в этот проклятый дом?

Я опешила от постановки вопроса и принялась оправдываться, как школьница:

– Это всё из-за той цыганки, Зары. Вчера я ходила к ней, вроде как погадать, и она сказала, что мы – я и мои друзья – заблудились, не можем вернуться домой, потому что туда нет

дороги. Было похоже, что она что-то знает о путешествиях между реальностями. Я пыталась расспросить её, но у там была куча народу в очереди на гадание, и она велела прийти сегодня. А когда я пришла, никого уже не застала.

– Цыгане уехали рано утром, – скривился Костя. – Вчера вечером произошла драка, чуть до поножовщины не дошло. Федотов приказал табору спозаранку убираться подобру-поздорову. А тебя, значит, эта шарлатанка заманила в ловушку.

– Никакая это не ловушка. Проводка старая заискрилась, или погасить плитку забыли. А дверь сама захлопнулась, – запротестовала я. Вариант с организованным покушением на мою персону допускать абсолютно не хотелось. – В конце концов, я взрослый человек, и сама могу решать, что мне делать.

– И найти самые невообразимые неприятности на свою голову!

– Я хотя бы что-то делаю, – проворчала я, все равно сил для полноценного скандала сейчас не было.

– Костя, ты чего на нее орешь! – напустился на приятеля Макс, едва войдя в дом вместе с бабкой Настей. – Нашел время, Кате же плохо.

– Ты прав, сейчас не время, – проворчал тот. – Завтра поговорим.

Знахарка окинула меня беглым взглядом и немедленно выставила парней, заявив, что мне нужен отдых. Потом положила мне какие-то примочки на глаза и дала отхлебнуть

что-то из стакана.

Снова вкус вьетнамского чая... Я лишь успела подумать, что так и прирастать к нему недолго, и провалилась в сон, прижимая к себе пахнущего дымом Шарика. Сон придавил пережитым кошмаром: я снова была в горящем доме, металась по замурованной комнате, стремительно наполняющейся дымом, чувствовала, как сжимается грудь от нехватки воздуха и отчаянно звала на помощь.

Проснулась я от собственного вопля, сморгнула компрессы с глаз, и с изумлением увидела Данилу, который стоял рядом с кроватью и наклонялся ко мне. Вспомнил, что ли, что забыл поцеловать спасенную деву? Увидев, что я проснулась, он отпрянул, как принц, который обнаружил, что ошибся принцессой, и с некоторым смущением объяснил:

– Прости, я не хотел тебя будить, но ты так кричала, что даже со двора было слышно. Бабушка ушла, сказала тебя не беспокоить.

– Спасибо, – просипела я.

– За что? – непонимающе переспросил Данила.

– Как за что? – возмутилась я. – За мое спасение, конечно же.

Он даже не считает это чем-то из ряда вон выходящим. Так, шел мимо, спас, пошел дальше. Мне стало смешно, я фыркнула в одеяло, и немедленно закашлялась.

– Ты кашляешь? Это от дыма? – забеспокоился Данила. – Пить хочешь? – Он протянул мне стакан с остатками «чая».

– Нет-нет, спасибо! – поспешно отказалась я. – Уже попила.

Я нервно натянула одеяло до самого подбородка, чувствуя себя крайне неудобно в его присутствии. Кузнец поковырял пальцем сучок в стене, мы еще немного помолчали. Я еще разок кашлянула.

– Я, пожалуй, домой пойду, – сообщила я, наконец.

Хватит тут валяться – чувствую себя уже вполне сносно. Да и Зинаида волнуется, наверное. Или от любопытства стограет, что более вероятно.

– Тебя проводить? – оживился кузнец.

Я подумала и кивнула. Пусть проводит – в конце концов, он теперь мой официальный спасатель. А спасатель – это все равно что врач. Никаких эмоций, только практичность и профессионализм. Моя спокойная практичность и его холодный профессионализм.

Но выходя из дома, не смогла удержаться и бросила на себя взгляд в зеркало. Лучше бы я этого не делала! Спутавшиеся волосы, красные щеки, опухшие глаза. Вот что бывает, если принцессу вовремя не поцеловать: она превращается в жабу! Запах дыма ввелся в кожу, все казалось, где-то неподалеку жарят шашлычок. Я сердито и решительно встряхнула головой и вышла на свет Божий, щурясь раздраженными глазами.

Очередной чудесный теплый летний вечер с ласковым ветерком, птичьим оркестром, коктейлем деревенских запа-

хов. Шарик принялся деловито бегать по двору, помечая по периметру укромные уголки, а я с удовольствием вдыхала свежий воздух, который приобрел особую ценность после событий сегодняшнего дня.

– Катя, – окликнул меня Данила. – Я хотел с тобой поговорить. Но если ты устала, я могу завтра зайти.

Да, я устала. Мой лимит переживаний на ближайшее десятилетие исчерпан и превышен. Поэтому я готова выслушать тебя, чтобы внести полную ясность в наши отношения. Хотя, о чем это я, какие отношения?

Я присела на низенькое крылечко.

– Говори.

Данила немного потоптался рядом и тоже уселся. Помолчал немного, собираясь с мыслями, и начал:

– То, что я собираюсь тебе рассказать, может показаться тебе либо глупым, либо невероятным. Я об этом еще никому не рассказывал. Это история о том, как я стал таким...

Он замолчал, подбирая слово.

«Бабником?» – хотела подсказать я, но удержалась.

– Короче, стал тем, кто я есть, – кузнец так и не нашел себе определение, и поспешил продолжить.

– Знаешь, я ведь никогда и не думал о том, что когда-нибудь буду кузнецом. С детства любил рисовать, хотел стать художником, после школы поступил в академию. Преподаватели даже усматривали во мне некий талант. Коренной житель центрального района, я не мог себе представить жизни

вне города. Спальные районы и то считал захолустьем. Пару раз в год приезжали бабушка и кока Зина, навестить меня и родителей, но встречи получались скомканные. Маме было не о чем с ними говорить, отец про деревенскую жизнь слышать ничего не хотел. Так, приедут, поохают «как Данилушка вырос», да и уедут. Бабуля, правда, все звала меня к себе на каникулы, но отец был решительно против.

Впрочем, мне и самому деревня, да и деревенская родня были абсолютно неинтересны, равно как и фамильное ремесло. Я полностью поддерживал отца, считал, что тот правильно сделал, уехав из Заречья. Деда представлял упертым самодуром: подумать только, прогнал родного сына с глаз долой лишь из-за того, что тот не захотел перенимать семейную бесперспективную профессию! Так я и дожил до семнадцати лет, а потом началась эта... чертовщина.

Однажды ночью мне приснилась кузница. Будто бы я подмастерье, а огромный бородатый кузнец, похожий на Сварога из книжки по славянской мифологии, учит меня кузнечному делу. Сон был настолько реальный, что я ощущал все: запах дыма от горнила, жар раскаленного железа, даже звон молота в ушах отдавался. Через несколько дней, вернее ночей, сон повторился, с той разницей, что кузнец был другой, хотя и очень похожий на предыдущего. Как сын на отца. И снова он делился со мной секретами своего ремесла. Так прошло несколько недель. Я не видел в этих снах ничего особенного – мало ли что может присниться. Но потом я

увидел во сне деда Якова. Я с ним никогда не встречался, видел лишь на редких фотографиях, которые привозила бабушка, но во сне сразу узнал. Он стоял возле остывшего горна, смотрел на меня и мрачно сказал, что я ношу чужое имя, проживаю чужую жизнь, и что без меня огонь в кузнице погаснет навсегда.

Наутро я проснулся с болезненным озарением, мне словно память вернули. Я старался убедить себя, что все это ерунда – издержки чересчур живого воображения. Пытался жить по-прежнему, но валом посыпались мелкие неприятности, будто судьба подножки ставила. Я забросил учебу, все равно вдохновения не было и все из рук валилось. А когда увидел во сне отца, понял, что дальше так не могу. Вообще-то мой отец – бухгалтер. Всю жизнь проработал на одном предприятии, всегда в костюме, с галстуком, с портфелем. Очень приличный, спокойный, принципиальный. А во сне он тоже был кузнецом, и его было не узнать – этакий лихой богатырь с огнем в глазах. И больше всего поразило, что он был таким счастливым, каким я в жизни его никогда не видел.

Данила замолчал, погрузившись в раздумья. Я немного подождала и тихо спросила:

– И что же было дальше?

– А дальше все просто, – мечтательно улыбнулся он, – Я дождался каникул и приехал к деду. Сказал, что хочу быть кузнецом. Дед будто ждал меня – сразу повел в кузницу.

Смешно сказать, я даже молот поднять не смог в первый раз. Сама понимаешь, рисование не сильно мускулатуру развивает.

Понимаю. Ты даже себе не представляешь, насколько хорошо понимаю. Прямо так и вижу перед глазами нескладного хилого художника, который не может пары слов связать, боится собак и держится подальше от лошадей.

– Дед научил меня всему, что знал, – между тем продолжал рассказывать Данила. – Он посвятил меня во все хитрости и секреты кузнечного дела, которые передавались в нашей семье из поколения в поколение. Обучение было очень интенсивным, каждый вечер я с ног валился от усталости, но утром вскакивал ни свет, ни заря, чувствуя, что могу горы свернуть. Силы, которые отдавал кузнице, возвращались ко мне десятикратно. Фантастическое ощущение, словно открыл в себе супергероя.

Он рассказывал так искренне, смущаясь и посмеиваясь над собой, и в моей душе против воли что-то ломалось и таяло, и так хотелось без оглядки верить всему, что он говорит.

– Дед спешил, будто знал, что времени у него оставалось немного, – Данила приближался к той части рассказа, о которой ему было явно тяжело рассказывать.

Он помолчал немного, собираясь с духом, привычным жестом убрал прядь волос со лба и снова заговорил. – Когда он умер, меня здесь не было. Бабушка позвонила нам лишь после похорон. Странно, смерть деда словно не была для нее

неожиданностью и, хотя она, несомненно, была очень подавлена, все же сохраняла полное спокойствие. Я тогда на нее здорово разозлился, почему она сразу не сообщила, а потом подумал – ну что бы это изменило?

Голос рассказчика дрогнул, я не выдержала и прикоснулась к его колену, и он машинально накрыл мою руку своей ладонью.

– По завещанию дед Яков оставил мне кузницу и дом, который когда-то построил для моего отца. Я понятия не имел, что мне делать с этим свалившимся наследством, и вообще, что делать в жизни дальше. Вернулся в город, снова начал рисовать и решил забыть об идее стать кузнецом, но все стало складываться само собой. Как будто все уже было решено за меня, оставалось лишь катиться по проложенным рельсам. В конном клубе, где я в поисках себя начал заниматься верховой ездой, я познакомился с ребятами из общества исторической реконструкции. Игры в рыцарей меня не интересовали, но зато заинтересовало их снаряжение, не самого высокого качества, честно говоря. Как-то мы сидели компанией, что-то отмечали. Зашел разговор о мечах, и я рассказал о технологии изготовления клинков, которой меня успел обучить дед. В компании оказался и мастер, который ковал ребятам снаряжение. Мы пообщались, и он пригласил меня поработать подмастерьем. Вот так я и оказался снова в кузнице, и снова пришлось учиться. Дед Яков передал мне мастерствоковки металла, секреты закаливания стали, но за по-

следние десятилетия кузнечное ремесло существенно продвинулось в техническом смысле. Основными инструментами кузнеца стали пневматический молот, паяльник и автоген, а главным и самым прибыльным делом – ручная художественнаяковка. Вот тут-то и пригодилось академическое образование. Овладев новыми технологиями и приложив свои творческие навыки, я смог создавать вещи, которые стали пользоваться спросом. Кованые фонари, флюгеры, решетки для лестниц, ворота – я сначала рисовал эскиз на бумаге, а потом воплощал его в металле, чуть ли не с одинаковой легкостью. Через пару лет у меня было больше заказчиков, чем у моего патрона и работать на него стало неинтересно. Я попробовал договориться с ним о партнерстве, но он и слышать об этом не хотел. Тогда я стал подумывать о собственном деле. Купить мастерскую в городе мне было не по средствам, с арендой связываться не хотелось. Тут я и вспомнил про старую дедову кузницу. Денег как раз хватало, чтобы ее переоснастить. И тогда я объявил родителям, что переезжаю в Заречье.

– Насколько я знаю, они тебя в этом не поддержали?

– Они восприняли это как известие о том, что я, например, ухожу в сектантскую общину, – со смехом признался Данила. – Мама плакала, отец кричал, что с самого начала знал, что до добра мое увлечение кузнечным делом не доведет. Но уже через год кузница полностью окупилась расходами на новое оборудование и стала приносить доход. Теперь у

меня гораздо больше клиентов, чем было раньше в городе. Даже из других городов приезжают, а реконструкторы готовы платить за мои клинки и доспехи любые деньги, мне даже неудобно бывает... Иногда...

Данила снова улыбнулся, и я сочла, что он больше не нуждается в утешении и стала потихоньку вытягивать свою руку из-под его ладони, но он неправильно истолковал мои намерения и устроил ее поудобнее под своей, а заодно и меня притянул поближе.

– Как видишь, все у меня сладилось, все получилось. А на душе все равно было беспокойно. Словно мне дали эту жизнь в аренду, и вот-вот появится настоящий хозяин и спросит: «Ты кто такой? А ну-ка уступай место!» А когда услышал, что про меня на деревне болтали, так и вообще покой потерял.

– И что же про тебя болтали? – заинтересовалась я.

Данила не сразу решился ответить.

– А то, что дед пообещал оставшиеся годы жизни в обмен на то, что я стану кузнецом, – наконец, глухо проговорил он.

– Кому пообещал? – оторопело спросила я. – Тебе?

– Нет. Тем, кто способен осуществить подобный обмен, – невнятно объяснил Данила.

– Вот теперь еще непонятнее стало, – нервно хихикнула я, прогоняя очень неприятный холодок, пробежавший по спине.

Кузнец вскочил на ноги, прошелся по двору, снова сел,

как-то воровато оглянулся по сторонам, и вполголоса продолжил, машинально вычерчивая подобранным прутиком какие-то узоры на земле:

– Видишь ли, испокон веков власть над огнем и железом простым людям казалась чем-то сверхъестественным. Кузнецов считали людьми особенными, обладателями сокровенных способностей, на границе с магическими. Вот и про деда поговаривали, что он с тайными силами знает. Не то, чтобы душу продал или дьяволу служит, но может попросить об одолжении в случае крайней нужды. Я стал расспрашивать бабушку, она долго отнекивалась, но вскоре поняла, что я все равно не отстану, и призналась, что дед прекрасно знал, когда умрет. Заранее сделал все необходимые распоряжения и ничуть не жалел о непрожитых годах, потому что для него самое главное было, чтобы род потомственных кузнецов не пресекался.

Данила прекратил рисовать, скептически оценил результат, тщательно затер его ногой, и только после этого испытующе посмотрел на меня. Наверное, ждал, что я буду поражена его рассказом, возможно, усомнюсь, сочту за выдумку. Но его история могла удивить кого угодно, только не меня. Я давно размышляла о том, что заставило Данилу вернуться к деду и занять свое место, при том, что изначально его судьба повторяла дорогу его двойника из моего мира. Неведомые силы? Ха, да я про эти силы такого порассказать могу! Вернее, не про них самих, а про их, так скажем, проделки с пе-

ресечением параллельных миров.

– Значит, твой дед знал, как заключить сделку с силами, которые управляют дорогами судьбы, – задумчиво проговорила я.

– Так ты мне поверила? – изумленно спросил кузнец.

– А что, не стоило?

– Я и не думал, что ты так легко просто поверишь, ведь это так бредово звучит, – обрадовался Данила. – Вещие сны, предназначение, таинственные силы.

Вот тут бы и мне признаться, и выяснить, насколько готов сам Данила поверить в невероятное, как вдруг он встал передо мной на колени (правда лишь для того, чтобы взглянуть мне в глаза), и с воодушевлением произнес:

– Значит, я действительно не ошибся в тебе.

Я сразу забыла о том, что собиралась в чем-то признаваться, так и застыла с приоткрытым ртом.

– В тот день, когда ты появилась в кузнице, ты как будто сразу узнала меня, но не поверила своим глазам. А я почему-то подумал: «Ну наконец-то ты пришла».

Ну да, узнала. И не поверила своим глазам, обнаружив, что Данила является продвинутой версией Дани-художника.

– А той ночью... на Ивана Купалу... – кузнец потупил взор, и, ей-богу, у него покраснели щеки. – Я потерял голову, так хотел быть с тобой. И когда тебя поцеловал, то почувствовал, что теперь только рядом с тобой буду счастлив. Впервые в жизни я испытал подобное. Но ты оттолкнула ме-

ня, и, честно говоря, в какой-то момент я был готов на все. – Данила потер рукой лоб, как бы стряхивая наваждение. – Видишь ли, когда наконец находишь ту, кого ты смутно ждал всю жизнь, кто все расставляет на свои места и озаряет темные до этого уголки души, очень сложно осознать, что совсем не обязательно и она чувствует то же самое.

Я не верила своим ушам. Неужели это притяжение с первого взгляда было взаимным? Я словно держала во рту кусочек медовых сот, и хрупкий воск ломался под языком, наполняя рот ароматной тягучей сладостью. Правда, сладость быстро сменилась противной горечью. Неподкупная память, ненадолго зачарованная историей кузнеца о таинственных силах и признаниями в том, как сильно я ему дорога, подкинула болезненное воспоминание: на рассвете после купальской ночи из кузницы выходит растрепанная Диана в тонком сарафанчике. Ревность и обида моментально вылились в едкие слова:

– И скольким девушкам ты это рассказывал? Это твой обычный прием – вызвать сочувствие своей откровенностью? И какие уголки твоей души, позволь спросить, уже успела осветить Диана?

Данила отшатнулся, словно я облила его помоями. Недоверчиво посмотрел мне в глаза, судорожно пригладил волосы ладонями, поднялся на ноги, неуклюже сделал несколько шагов, споткнулся. Он в один момент превратился в копию Дани-художника – такой же неуверенный в себе, ссутулив-

шийся и неловкий.

Этого я выдержать уже не смогла. Черт с ней, с гордостью. Я вскочила и заговорила дрожащим голосом:

– Я сбежала от тебя в купальскую ночь, потому что испугалась, что нужна тебе лишь как очередной трофей. Про тебя на деревне говорят, что тебе местные девушки не интересны, и ты любишь всякие... диковинки.

– Я даже знаю, кто это говорит, – нахмурился Данила.

– Но я все же решилась пойти, потому что... очень хотела побыть с тобой. А потом вся эта кутерьма с выборами суженого и поцелуй – у меня голова пошла кругом, и сомнения победили. Я весь остаток ночи терзалась от того, что произошло, и на рассвете отправилась к тебе, чтобы поговорить. И увидела, как из кузницы выходит Диана.

Я отвернулась. Признание далось нелегко – сердце колотилось на предельных частотах, дыхание перехватило. И тут, к моему удивлению и негодованию, я услышала смех. Ему, значит, смешно? Я перед ним всю душу вывернула, а ему смешно? Я резко развернулась и уже готова была остановить издевательский смех хорошей затрещиной, но Данила разглядел мое зверское выражение лица и проговорил:

– Нет-нет, я не над тобой смеюсь, а над идиотизмом ситуации. Успокойся, пожалуйста, и перестань так сжимать кулаки, а то я начинаю тебя бояться. Честно, я все могу объяснить.

– Попробуй, – проворчала я, но кулаки все же не разжала.

Призрак из параллельной реальности растаял. Передо мной вновь был уверенный в себе, сильный, веселый и как всегда неотразимый кузнец-молодец.

– Диана действительно была в кузнице в ту ночь. Но не со мной.

– С кем же она могла быть в твоей кузнице? – саркастически осведомилась я.

– С Никитой.

– Федотовым? С чего бы это вдруг? – не поверила я. – Да будь между ними хоть что-то, об этом бы уже все село знало.

– Потому-то они и скрывают свои отношения. Взаимная неприязнь Федотова и Морозова куда глубже и сильнее, чем кажется, и, если бы прошел хотя бы малейший слух – никому бы не поздоровилось.

– А ты им что, личный сердечный поверенный? – возмущенно фыркнула я.

– Можно и так сказать, – согласился Данила. – Мы с Дианкой в Заречье приехали почти одновременно, оба чужими были здесь. Вот и подружались. По-настоящему подружались, без флирта и притворства. Она мне как сестра, которой у меня, увы, никогда не было. И Никиту я хорошо знаю, он парень хороший и умный, самый толковый из братьев. Ему бы учиться надо, но отец считает, что для работы на земле среднего образования вполне достаточно.

– И что же, наши сельские Ромео и Джульетта так и собираются прятаться всю жизнь? А если у них дети появятся –

ты их будешь за своих выдавать?

– Дианка что-нибудь придумает, она девка упорная, – уверенно ответил кузнец. – А если ты мне не веришь, я могу ее попросить подтвердить мои слова.

В том-то и проблема, что я с радостью верила каждому его слову. Голова шла кругом – в последние дни я так усиленно гнала Данилу из головы, старательно вырисовывая отрицательный образ деревенского соблазнителя, а оказалось, он кругом положительный, к Диане относится как к сестре и к тому же помогает несчастным влюбленным. Я тихонько прыснула:

– Надо признаться, мы довольно глупо себя вели. Особенно я.

– Я тоже хорош, – признался Данила. – Тогда, после свадьбы...

– Что – после свадьбы?

– Помнишь, я заявился к тебе с утра? Я хотел узнать, не остался ли Костя у тебя на ночь.

– Костя? У меня? – возмутилась я, а потом мстительно добавила. – То, что он не вышел со мной на крыльцо, ничего не доказывает. Он мог уйти раньше.

– Не мог, – с уверенностью возразил кузнец. – Я на крыльце чуть ли не с самого рассвета сидел.

– А вдруг он в комнате остался? – не сдавалась я.

– А я в окно заглянул!

– Да как ты мог! – рассердилась я.

– Да там невысоко! – «успокоил» он.

– Обещай, что больше так делать не будешь, – я усиленно хмурилась, изо всех сил стараясь не рассмеяться.

– Так больше не буду, – с готовностью пообещал Данила.

Он проводил меня домой. Мы расстались, вспыхивая и смущаясь, как шестиклассники. Я прикрыла дверь в кладовку, и осторожно опустилась на кровать, боясь спугнуть мысль, что, пожалуй, мы с этим миром могли бы друг другу и подойти.

21. ЧТО НАЙТИ СУЖДЕНО, НА ДОРОГЕ ЛЕЖИТ

С вечера Зинаида лишь поохала надо мной, зато уж наутро оторвалась по полной, выпрашивая подробности вчерашнего происшествия. Я прилежно отвечала на вопросы, стараясь при этом не сболтнуть лишнего. Как и Костю, ее прежде всего интересовало зачем же я вообще отправилась в старый дом. Вопрос, на который было сложнее всего ответить. Ни в коем случае нельзя было говорить о том, что Зара сама позвала меня: это мгновенно дошло бы до Федотова, а там и до полиции. Одно дело, неудачно заклинившая дверь и случайное возгорание в обветшалом строении, и совсем другое, подготовленный поджог. Почему-то сама я была твердо уверена, что цыгане к пожару не имели никакого отношения.

Так что, покраснев вполне естественно, я «призналась» Зине, что не могла утерпеть, и пошла к Заре еще раз погадать. Глаза женщины загорелись, как у гончей при виде ли-

сы, и она резко перевела разговор на мое спасение ее крестником. Кроме того, разведка уже донесла ей, что нас видели вчера вместе, и она переключилась на выяснение того, что вообще между нами происходит.

Тут очень вовремя кто-то постучал в окно, я поспешила выглянуть, и, к несказанному своему изумлению, увидела Диану.

– Дианочка, здравствуй, дорогая, – зажурчала Зинаида. – Заходи в дом, чайку попьем, поболтаем.

– А я к вашей гостье, – улыбаясь, сообщила девушка. – Катя, может, прогуляемся?

Я постаралась улыбнуться в ответ. Неужто Данила посчитал, что я ему так и не поверила, и попросил Диану пойти ко мне, дабы окончательно убедить, что между ними ничего нет, кроме невинной дружбы и способствования ее взаимоотношениям с младшим Федотовым?

– Куда пойдем? – спросила я, выйдя на крыльцо.

– Куда-нибудь подальше, – ответила Диана, оглянувшись на шевелящуюся занавеску кухонного окна.

– Тогда к трем столбам, – предложила я.

Опережая нас, Шарик кинулся по знакомой дорожке. Узнай с завистью проводил его взглядом.

– Тебе записка от Данилы, – сообщила девушка с веселой таинственностью, и протянула мне бумажку.

«Катя, мне сегодня придется работать допоздна. Если захочешь, приходи вечером в кухню».

– В кузницу зовет, – задумчиво сообщила я.

– Сходи, не пожалеешь, – посоветовала Диана.

Мы переглянулись и вместе прыснули от смеха.

– Вообще-то, я пришла извиниться, – призналась девушка.

– За что?

– Как за что? – искренне удивилась она. – За то, что доставила тебе столько неприятностей. Ты же думала, что у нас с Данилой роман, а теперь ты все знаешь и вы спокойно можете... – Девушка развела руками, подыскивая слова. – Короче – теперь у вас все будет хорошо! Я так рада за Данилу, ну, и за тебя, конечно, тоже, но ведь я тебя не знаю – то есть, раньше не знала. – Слова из Дианы сыпались безостановочно, я не то, что слово вставить – кивнуть вовремя не успевала. – Я раньше никогда его таким не видела – только о тебе и говорит. Я очень тебя прошу, не обижай его!

– Вообще-то он не похож на человека, которого легко обидеть, – пробормотала я себе под нос, но Диана услышала.

– Поверь, он совсем не такой, каким кажется.

– А ты его так хорошо знаешь? – не без умысла поинтересовалась я.

– Мы с ним давно дружим, – с гордостью сообщила девушка. – С самых первых моих каникул. Признаться, я тогда сама не своя была от злости. Представь себе – вместо отдыха на Лазурном берегу мой драгоценный папочка отправил меня в деревню, с коровами знакомиться. Местные на меня

косились, чуть ли не пальцами показывали. А я отцу назло отрывалась как могла. Пока Данилу не встретила. Нас сразу друг к другу потянуло. Так хорошо было вместе – на лошадях катались, болтали о чем угодно по полночи, за земляникой бегали. А потом как-то раз поцеловались.

В этом месте Диана фыркнула от смеха, а я, почувствовав укол ревности, поспешила спросить:

– И что?

– Ой, так смешно было – мы друг другу в глаза смотреть не могли, так неловко было. А я и говорю: «Данила, может, я сумасшедшая, но у меня такое чувство, будто родного брата целую». А он ответил: «Слава Богу, а то я уже подумал, что это со мной что-то не так». Так что мы дружно сказали «нет инцесту» и поклялись друг другу в чистой дружбе. И отметили это дело почти целым бочонком пива.

Диана снова рассмеялась. Мне начинала нравиться эта веселая девица. Немного взбалмошная, конечно, но кто из нас без пули в голове?

Потом Диана посерьезнела – настроение у нее менялось быстро, как погода на море.

– В детстве я всегда мечтала о старшем брате. Всегда, когда оставалась одна, а одна я оставалась очень часто... Я ведь не помню своей матери, а отец... сколько я себя помню, он постоянно работал. Он повторял «я работаю, чтобы у тебя все было». Поэтому у меня было все – дорогие игрушки, лучшие няни и учителя, собака и даже пони. Все, кроме семьи.

Девушка грустно помолчала, а потом будто очередной порыв ветра унес облачко, и ее лицо вновь осветилось улыбкой.

– Зато здесь я нашла двух самых близких людей – Данилу и Никиту.

– Расскажи мне про Никиту, – попросила я.

Два раза просить не пришлось – Диану просто распирало желание с кем-нибудь поговорить о своем возлюбленном.

– В первый раз я увидела его на рождественских колядках. Я тогда чертом нарядилась – всех позлить хотела. Но наоборот, получилось весело. Когда под личиной не видно лица – можно ведь быть кем угодно. Мы бегали в костюмах по дворам, танцевали, пели, дурили, требовали угощения. Хозяева реагировали по-разному – кто конфетами да пирожками угостит, а кто водой окатит или собаку пригрозит спустить. В одном дворе меня и еще одного ряженого затолкали в подвал и заперли. Сначала мы еще побесились – выли дикими головами, грохотали чем придется. Потом устали и сняли маски. Вот тут-то я и увидела Никиту, и первой моей мыслью было: если у него есть девушка, я больше в Заречье в жизни не приеду, хоть режьте меня.

– «Если он женат, пусть для венчанья саван мне кроят», – улыбнулась я.

– Да, верно! – обрадовалась Диана, и сразу же помрачнела, – Но я даже подумать не могла, что все прямо по Шекспиру и выйдет. Когда отец запретил мне видаться с Никитой, я подумала, что он шутит. Но когда он при мне приказал

Никите держаться от меня подальше и заявил, что видит насквозь Федотовский план – подобраться к нему через меня, стало не до шуток. Никита был взбешен и рассказал об этом своему отцу. Тот был категоричен: никто из братьев Федотовых и близко ко мне не должен подходить. Вот так мы и оказались в положении несчастных влюбленных. Чтобы увидеться, нужно каждый раз что-нибудь изобретать, и Данила нам очень в этом помогает.

Мы проболтали с Дианой почти до обеда – за разговором время летит быстро – и расстались подругами. Никиту можно было понять – ради такой девушки любой пойдет на что угодно. Веселый и легкий нрав в ней сочетался с сильным характером и твердой волей. Она точно знала, чего хотела, и теперь я, как и Данила, готова было поверить, что своего Диана так или иначе непременно добьется.

А позже состоялся отложенный «на завтра» разговор о моем безрассудном поведении. Надо сказать, настроение у Кости не улучшилось, и он набросился на меня, как орел на ягненка.

– Катя, пообещай мне, пожалуйста, что в следующий раз, когда решишь отправиться искать приключений на свою... голову, ты предупредишь нас об этом.

– Я же тебе сказала – просто пошла еще раз поговорить с гадалкой, – раздраженно проворчала я. – И к тому же – все обошлось. Я вполне себе жива и здорова. («И счастлива», –

добавила про себя, стараясь при этом не распознаться в довольной улыбке).

– Все обошлось, ты считаешь? – ядовитым тоном переспросил Костя. – А ты знаешь, что Федотов обратился в полицию? И теперь, возможно, тебя вызовут давать показания, как потерпевшую сторону. Попросят документы, и что ты предъявишь?

– В полиции Данилина сказка про дальних родственников и знакомых точно не пройдет, – поддакнул Макс.

Об этой стороне происшествия я действительно не подумала. Голова-то совсем не тем занята была. Нам надо сидеть тихонько и не высываться, а я вместо этого устраиваю общедеревенский переполох, пусть и по своей воле.

Я расстроено понурилась и кивнула, признавая свою вину, и Костя, убедившись, что его гневная отповедь возымела надлежащий эффект, добавил:

– Пожар, к сожалению, не единственная наша проблема. Староста предупредил, что на нас в отделении лежит заявление. От Глобуса. По факту незаконных раскопок. Он, как и обещал, все-таки сообщил «куда следует». Федотов лично поручился перед следователем за нас, да и склочный характер заявителя там знают не понаслышке, но это снова лишнее внимание, чего нам совершенно не нужно.

– Так мы же ничего еще не нашли, – беззаботно заявил Макс. – А когда найдем – поздно будет. Пускай попробуют нас поискать в другой реальности!

– Чтобы что-то найти, искать надо, а вы тут непонятно чем занимаетесь! – немедленно напустился на него Костя.

– Можно подумать ты занимаешься поисками!

Парни принялись переругиваться, а мои мысли в свете предстоящего вечера формировали успокоительный вариант произошедшего, не лишенный приятности: пожар – случайность, то, что я там оказалась – неудачное совпадение, а цыганка никакая не провидица, а банальная обманщица. И значит, про то, что у нас с Данилой разные дороги, она просто-напросто наврала. Ла-ла-ла!

* * *

Вечер. За окном кузницы душистые сумерки, наполненные стрекотанием кузнечиков, которое врывается в каждый промежуток в железном перезвоне. Я сидела на верстаке и наблюдала, как на моих глазах происходит настоящее чудо: в руках мастера художественнойковки прочная сталь становилась мягкой, податливой и послушной. Бесформенный кусок металла превращался в самого настоящего дракона. Вернее, в дракончика ростом чуть побольше Шарика, но от этого не менее волшебного. Изящная изогнутая шея, выразительная морда, когтистые лапы и тончайшей работы крылья, над которыми как раз трудился Данила. Звонкие удары молота плющили раскаленный металл, заставляя его принимать нужную форму.

Казалось, мы одни не только в кузнице, но и в целой вселенной, лишь в углах оживали и двигались неведомые те-

ни. Быть может, это Данилины предки наблюдают за своим достойным преемником? Я смотрела на огонь, на искры раскаленного железа, отлетающие в разные стороны, и в ярком свете горнила откровенно любовалась Данилой, его мускулистой фигурой, сильными и уверенными руками, четко очерченным, будто выкованным профилем. Вспоминала героя финского эпоса кователя Илмаринена, который выковал чудесную мельницу Сампо, источник счастья, и вот-вот готова была поверить, что мое счастье здесь. Я прикрыла глаза, уступая мороку, позволяя чарам этого места увлечь себя. И вот уже в перезвоне металла мне послышался детский смех, и я разглядела рядом с Данилой маленького мальчика. Он был очень похож на Данилу, только глаза были не серыми, а карими. Как у меня.

Звон молота по наковальне сменил визг пилы по металлу, и наваждение рассыпалось огненными искрами. Уф, недаром кузница считается колдовским местом. Яркий свет сварочного аппарата заставил меня зажмуриться, и я украдкой вздохнула с сожалением.

Наконец, дракон был готов расправить крылья. Затаив дыхание, я провела по нему рукой. Он был еще теплым, казалось, вот-вот оживет.

– Смотри, укусит, – пошутил Данила.

– Чудесный дракон. Ты настоящий мастер! – восхищенно проговорила я.

Данила кивнул, признавая очевидное.

– Да, неплохо получилось. Бонус к основному заказу.

– В смысле – бонус? – не поняла я.

– Да это жена заказчика выпросила. Она, оказывается, видела где-то фотографию дракона, которого я делал однажды для выставки, и так его расхваливала, когда я приехал к ним утверждать эскиз ворот, что я пообещал ей сделать его в подарок.

– Ничего себе подарок, – проворчала я, спрыгивая с верстака. – Интересно, ты всем женам заказчиков такие подарки делаешь?

– Нет, только женам очень обеспеченных заказчиков, – ухмыльнулся кузнец. – Таких, которые не обратят внимания на то, что стоимость их основного заказа увеличится на сумму, равную стоимости этого самого дракона.

– Жалко, что такой красавчик уедет к какой-то богатой тетке, – вздохнула я, осторожно водя кончиками пальцев по боку дракончика.

– Хочешь, я тебе такого же сделаю? Даже лучше? – совсем по-мальчишески предложил Данила, заглядывая мне в глаза.

– И как, ты себе представляешь, я его с собой потащу, – начала я и осеклась.

– Я мог бы сам привезти его к тебе, если захочешь, – тихо сказал он.

Если бы все зависело от моего желания, мы уже были бы у меня дома, с драконом или без – это уже не так важно!

– Все не так просто, – пробормотала я.

– Но и не настолько сложно, чтобы это было невозможно объяснить, – возразил кузнец, – Катя, тебе не кажется, что уже пора бы это сделать? Объяснить, кто вы, откуда здесь взялись и что на самом деле ищете?

Я молчала, закусив губу, и упорно глядела в сторону, на прислоненную к верстаку каминную решетку. От нее и впрямь было глаз не отвести: на изящных резных листьях распускались диковинные цветы и расправляли крылья бабочки.

– Прости, – почти беззвучно шепнула я. – Я не могу.

Наверное, вид у меня был очень расстроенный, потому что Данила только вздохнул разочарованно и не стал меня дальше пытаться, а привлек к себе и прижал к груди. Грудь была влажной и голой, если не считать металлического предмета на цепочке, который вдавился мне в щеку и отвлек от грешных мыслей.

– Данила, твой... – я высвободилась и с любопытством взглянула на медальон, – квадрат Сварога может оставить клеймо на моей щеке.

– Ты разбираешься в славянских оберегах? – удивился он, а потом усмехнулся. – Ой, прости, все время забываю, что ты археолог.

– Да, разбираюсь. Немного, – коротко уточнила я. – А почему ты носишь оберег Сварога?

– Потому что Сварог – это тот самый бог-кузнец, который выковал твердь земную и твердь небесную. Он научил людей

ковать изделия из металла и считается покровителем воинов и, конечно же, кузнецов, – охотно объяснил Данила. – Этот оберег выковал мой далекий предок-кузнец и с тех пор он передается от отца к сыну. Мне его отдал дед, незадолго до смерти.

– Почему-то я раньше его на тебе не видела, – проговорила я, разглядывая знакомый такой символ – квадрат, хитро перевитый полукружьями. В голове невнятным комариком начала зудеть одна мысль...

– Видишь ли, есть одно... суеверие. Оберег не должен покидать кузницу, только здесь он обретает силу и наделяет ею мастера. Ведь у славян любая кузница считалась капищем Сварога. Я не очень-то верю в это, но иногда надеваю его перед работой.

Данила говорил, весело глядя на меня, и не понимал, почему я продолжаю смотреть на его амулет, не в силах больше вымолвить не слова. С чего мы взяли, что все символы должны быть непременно выбиты на камнях? Оберег бога-кузнеца, который не должен покидать капище...

– Мне надо срочно поговорить с ребятами, – с трудом выговорила я.

***

– Как же я раньше не догадался! – досадовал Костя. – Мы, как ослы, уперлись в эти камни, не видя ничего вокруг. Искали символ Сварога, бога-кузнеца. А саму кузницу в расчет взять не додумались!

Мы снова склонились над картой Заречья, изрядно потрепанной за время наших безуспешных поисков. Карта лежала на столе, а мы сталкивались головами, мешая друг другу и заслоняя и без того тусклый свет лампочки, свисающей на проводе с потолка кухни. Костя торжественно поставил жирную точку на месте кузницы, и соединил ее с двумя уже имеющимися.

– Получается треугольник! Равносторонний, заметьте! Мы искали четыре камня по четырем углам возможного квадрата, а надо было всего лишь начертить треугольник.

– Но символов-то четыре, – напомнила я.

– Правильно! – восторженно воскликнул Костя, – Три по углам и один в центре! Уверен, что именно он и укажет нам на место перехода!

Четкими движениями карандаша Костя расчертил получившийся треугольник тонкими линиями, разделяющими его углы пополам и сходящимися в одной точке. Приглядевшись, я заметила, что и на карте в этой точке изображен маленький треугольник.

– Это же холм с тремя столбами! – оторопела я.

– Но мы же на этом холме были множество раз, ничего там нет! – возопил Макс.

– Вот именно, были, но не искали же! – уточнил Костя. – Завтра же начнем! Да я весь этот холм перекопаю, но найду портал.

– Значит, дорога домой все время была у нас под ногами, –

проговорила я.

– Тебя это, похоже, не радует. – Костя испытующе смотрел на меня.

Что я могла сказать? Еще вчера утром я бы прыгала от радости, мечтая как можно скорее убраться из параллели, а сегодня я успела поверить, что Данила сможет стать кузнецом моего счастья, а этот мир – родным для меня. Я вздохнула и твердо произнесла:

– Я хочу все рассказать Даниле.

Макс нахмурился, а Костя жестко ответил:

– Твой Данила сочтет нас либо мошенниками, либо сумасшедшими. Если ты расскажешь ему правду, то подставишь не только себя, но и нас с Максом.

– Он поверит, – возразила я дрожащим голосом. – Ему уже довелось поверить в то, что многие сочли бы вымыслом. Возможно, он смог бы нам помочь.

– То есть ты надеешься, что он смог бы приложить свои умелые руки к поискам? – насмешливо и зло бросил Костя. – Или тебя беспокоит недостаточная откровенность ваших взаимоотношений? Ему-то ничего не мешает, судя по черным отпечаткам ладоней на твоей... спине.

Я с возмущением отвернулась. Конечно, никто здесь не поддержит идею раскрыть нашу тайну. Особенно Костя. Особенно Даниле.

Призрачная картина возможного счастья рассыпалась вдребезги. Мне будто в насмешку позволили взглянуть на

него в щелку, а потом дверь захлопнулась, стукнув меня по лбу, с лязгом задвинулся засов, и я вернулась в реальный мир. Мир, который был чужим для меня и родным для Данилы.

22. А ВОЗ И НЫНЕ ТАМ

Сомнение, сожаление и тревоги были моими спутниками в эту ночь. Сомнение: надо ли было вообще рассказывать ребятам о находке в кузнице? Сожаление: снова сбежала от Данилы практически без объяснений. Тревоги: что будет, когда мы найдем портал, а также, что будет, если портала там не окажется. Наутро, устав от бессонницы и своих мыслей, я тянула время изо всех сил, долго одевалась и завтракала, понимая, что на гору все равно придется идти. Еще на подходе к холму я увидела на нем, помимо привычной пирамидальной конструкции, три фигуры. Костя, Макс и... Данила? Шарик, который, как обычно, неся далеко впереди, достиг вершины раньше меня. Все обернулись, Макс оживленно замахал мне руками и закричал:

– Нашли!

Я взошла наверх тяжелыми ногами. В центре треугольника, образуемого столбами, уже была вырыта яма, не больше метра в глубину, и на ее каменном дне красовался триквестр идеальной формы.

– И как только обнаружим проход, сможем убраться от-

сюда, – закончил Костя начатый без меня разговор.

– Что ты имеешь в виду? – уточнил кузнец.

Наступившее молчание искрило напряжением. Неужели Костя все же решился?

– Я имею в виду, – Костя переводил взгляд с меня на Данилу, потом на Макса, а мы все ждали его ответа, как приговора. Наконец, не выдержал Шарик и твякнул. Костя вздрогнул и сказал:

– Я имею в виду, что когда мы наконец найдем то, что искали, сможем с чистой совестью отправиться домой.

– А что мы искали? – невинно спросила я.

– Как что? Могилу Рюрика. – Костя с усмешкой посмотрел на меня. – Согласно нашим расчетам, именно здесь и должно находиться захоронение. Символ определенно указывает на это. Осталось лишь найти вход в курган.

– Что ж, если понадобится помощь – обращайтесь, – бросил Данила.

Он коротко кивнул ребятам на прощание и поманил меня в сторонку. Вопреки моим ожиданиям, кузнец не был обижен или расстроен, а был подозрительно весел.

– Я должен привыкнуть, что ты постоянно сбегашь от меня? Хоть бы тужельку оставляла, что ли, для полного соответствия жанру.

Я невольно бросила взгляд на свои изрядно потрепанные в межмировых скитаниях кеды и натянуто улыбнулась.

– Я, конечно, снова решительно ничего не понимаю, но

все же не теряю надежду во всем разобраться, – уже серьезно сообщил Данила. – Костя почему-то пытается убедить меня в том, что вы исчезнете отсюда, как только отыщете Рюрика, или что вы там на самом деле ищете. Причем усиленно подразумевает, что я тебя больше не увижу – словно ты сгинешь в этом самом кургане.

Я абсолютно не знала, что сказать, поэтому просто стояла и молчала. Кузнец понял, что от меня ничего путного не добьется, разочарованно вздохнул и ушел.

Когда мы, наконец, остались втроем, Костя, к счастью, удержался от комментариев и повторил, уже для меня:

– Как я уже сказал, все определенно указывает на то, что вход в лабиринт должен быть внутри этого холма. Остается только найти его.

– Разве вы его еще не нашли? – не поняла я.

– А ты умеешь проходить сквозь камень? – ехидно поинтересовался Костя.

– Похоже, эта каменная плита очень большая, – заторопился встрять между нами Макс. – Мы натыкаемся на камень по всей вершине.

Только сейчас я заметила, что от центральной ямы по спирали расходятся множество углублений, будто кто-то внезапно решил высадить на холме деревья.

– И теперь вы собираетесь перерыть весь холм? – с недоверием спросила я. – Это ведь не огород старушке вскопать.

– Я тоже подумал об этом, – подхватил Костя. – И поэтому

я сейчас же отправлюсь к Федотову и обрадую его вестью, что желанный краеведческий музей имеет все шансы воплотиться в реальность.

– А каким образом радость Федотова нам поможет? – осведомился Макс.

– Попрошу его привлечь к делу энергичных добровольцев с лопатами, чего самим корячиться, – Костя торжествующе потер ладони.

***

Полуденное солнце жарило беспощадно, а кристально-чистый небосвод от горизонта до горизонта не давал ни малейшей надежды на передышку. Несмотря на это, холм походил на муравейник. После того, как обрадованный Федотов дал добро на оказание посильной помощи в раскопках (при условии, что это будет не в ущерб основной работе, которая, как известно всем поголовно, не волк, и никуда не убежит, а тут, глядишь, настоящего живого, то есть мертвого, Рюрика без тебя выкопают), наши помощники исчислялись десятками и все прибывали. Костя руководил работами, выглядывая с вершины неохваченные участки и распределяя по ним рабочую силу.

Примерно через час сломалась первая лопата.

– Нашел! – решил копавший мужик. Костя моментально оказался рядом.

– Да это же просто камень, – разочарованно протянул он. – Попробуй окопать его.

– А чем окопать-то, если лопата сломалась? – недоуменно спросил мужик.

– Здесь что-то есть! – послышался крик с другой стороны, и, забыв про неудачника со сломанной лопатой, главный археолог кинулся на зов.

«Что-то» оказалось еще одним камнем, об который сломалась еще одна лопата. По мере того, как палящее солнце двигалось по небосклону, количество сломанных лопат росло обратно пропорционально энтузиазму копавших. Гора ощетикивалась валунами, как броней, не желая пускать никого внутрь и раскрывать свои секреты.

Особенно хорошо это было видно со стороны, где в тенечке прохлаждались мы с Шариком. Компанию нам составляли зрители, в большинстве своем состоявшие из супругов тех, кто принимал непосредственное участие в раскопках. Из их разговоров и замечаний я сделала вывод, что ни Рюрик, ни мы сами сегодня популярностью у них не пользовались. Женщины совершенно справедливо полагали, что их благоверные могли бы проводить этот день с гораздо большей пользой для дома и семейного бюджета, и не скупилась на красочные выражения своего мнения. Я не выдержала росшего негатива и отправилась к месту боевых действий.

Костя угрюмо оглядывал картину происходящего, как князь, наблюдающий за поражением верной дружины. Макс по правилам жанра держался за его правым плечом, аки преданный оруженосец.

– Что происходит? – негромко поинтересовалась я.

– Сам ничего не понимаю, – признался Костя. – Но, похоже, этот несчастный холм представляет собой не что иное, как монолит.

– Странно, вроде бы подобная структура рельефа для этой местности нехарактерна, – задумчиво проговорил Макс.

– Это порталы в иные миры для данной местности нехарактерны! – хмуро процедил Костя. – Вы лучше придумайте, как мне перед Федотовым объясняться – вон он идет.

Судя по суровому виду старосты, возмущения народных масс уже достигли его ушей.

– Так, археологи хреновы, потрудитесь-ка объяснить, что здесь происходит? – без предисловий загремел он под непрерывный трезвон мобильного, который грозил выскочить из нагрудного кармана его рубахи.

– Проводим плановые работы по изучению перспективного участка, – Костя пытался сохранять хорошую мину при плохой игре.

– Вот ты, – Федотов для верности ткнул в него пальцем, – Ты мне сегодня утром что говорил?

– А что я говорил? – на всякий случай уточнил Костя.

– Ты мне сказал, что вы обнаружили точное местонахождение кургана! И что тебе нужно несколько – я подчеркиваю, несколько – человек для помощи в раскопках. А я вижу здесь чуть ли не половину работоспособного населения, усердно разрывающую холм! Прямо золотая лихорадка ка-

кая-то! Потрудитесь объяснить!

– Григорий Васильевич, дело в том, что возникли непредвиденные трудности, – поспешил объяснить Костя. – Тщательные исследования показали, что курган с захоронением должен быть именно здесь, но на поверку холм оказался монолитной скалой, чего никак нельзя было предугадать. Что же касается населения – их никто не звал, они сами пришли.

– Знаю я это население, им бы только в каком кипише поучаствовать вместо работы, – проворчал Федотов, остывая. – Раз у вас ошибочка вышла в этих ваших исследованиях, объявите об этом народу, пусть расходятся, хватит уже время терять и инвентарь портить.

– Да они же меня линчуют, – ужаснулся разом вспотевший Костя. – А может лучше вы объявите?

Староста сперва оторопел от подобной наглости, но потом усмехнулся и зычно крикнул:

– Народ!

Народ разом перестал копать, ломать лопаты и возмущаться и обратил внимание на Федотова.

– Наши гости благодарят вас за участие в раскопках, не сомневайтесь, вы внесли неоценимый вклад в науку. Но сейчас возвращайтесь все к своим делам.

Народ подозрительно столпился возле нас и расходиться не спешил.

– А как же Рюрик? – выкрикнул кто-то. Федотов с усмешкой посмотрел на Костю, мол, отвечай.

– С Рюриком все в порядке, продолжаем искать! – бодро отрапортовал Костя. – Как только найдем, непременно сообщим.

– То есть получается, мы тут зря полдня на солнцепеке спину гнули? – заподозревал народ.

– Почему же зря – это был метод исключения, – начал импровизировать главный археолог, – Теперь мы точно знаем, что здесь кургана нет. Когда наши исследования укажут на другой потенциальный участок, вы сможете снова поучаствовать в раскопках.

– Ну уж дудки, копайте сами свои исключения, – рассердился народ и разошелся, побросав сломанные лопаты и поминая археологию в целом и нас в частности нехорошими словами.

– Когда в следующий раз ваши изыскания на что-нибудь там укажут, извольте справляться своими силами, – резюмировал Федотов на прощание.

Убедившись, что больше ничего интересного сегодня не предвидится, разошлись и последние зрители.

– Бедный Рюрик, где бы он ни был – сегодня не раз перевернулся в своем золоченом гробу, – сочувственно пробормотала я.

– А все-таки какой у старосты авторитет, – восхитился Макс. – Костян, если бы не он, тебе бы точно морду набили.

– Возможно, не мне одному, – осадил его Костя. – Да уж, столько сил потрачено, а результатов – ноль.

– Значит, наш последний камень оказался размером с горю? – подытожила я. – И как теперь найти портал?

– Можно воспользоваться взрывчаткой, – неуверенно предложил Макс.

– Ага, решим вопрос кардинально – снесем эти столбы к чертовой матери, – фыркнул Костя, – И обеспечим себе стопроцентный интерес со стороны следственных органов.

Он был зол и раздражен до предела. Еще бы – сегодняшняя неудача разбила вдребезги все наши теории и предположения. Мы снова не знали, как найти переход в наш мир, и даже не представляли, в какую сторону двигаться дальше.

– И что же нам теперь делать? – неосторожно спросила я.

– Теперь каждый волен делать все, что угодно. Ты-то точно скучать не будешь, – сердито бросил Костя, глядя куда-то вдаль. – Макс, пойдем отсюда!

Я оторопела от подобной резкости, глянула в ту же сторону и увидела всадника, летящего к нам во весь опор со стороны реки. Ребята собрали лопаты в поле зрения, и покинули поле боя, а я осталась ждать, нервничая, как царевна, оставленная дракону на съедение. По мере приближения я разглядела, что лошадь под всадником не серая, а гнедая, да и не всадник это вовсе, а всадница.

– А что вы здесь делали? В хоббитов играли? – спросила Диана, с удивлением оглядывая разоренный холм.

– Ага. И проиграли, – невесело пошутила я.

Кальдеру пугали свежерытые ямы, она опасливо при-

нюхивалась и пританцовывала. Диана спрыгнула с лошади и принялась ее успокаивать.

– Не бойся, дурилка, никто из этих нор не вылезет и тебя не съест, – кобыла недоверчиво встряхивала гривой и встревоженно переступала с ноги на ногу. Я подошла к ней и стала гладить по изящной морде.

– Вы вместе с Данилой катались? – вырвался у меня вопрос.

Диана тоже нервно встряхнула волосами.

– Нет. Он отказался. Сидит в кузнице, раздраженный, словно его бесы донимают. Что между вами происходит?

– Ничего, – ответила я, старательно наглаживая шею кобылы и глядя на ее копыта.

– Ага. И он мне точно так ответил – ничего. Видимо, в этом-то вся проблема, – пробормотала Диана. – Ладно, не буду лезть в чужие дела.

– А как у вас с Никитой? – виновато спросила я.

– Все хорошо, – быстро ответила девушка. – Вернее, все будет хорошо. Очень скоро.

В ее словах была такая безоговорочная вера в светлое будущее, что сомнений быть не могло – очень скоро она преодолеет все препятствия и у них с Никитой все сложится самым наилучшим образом.

– Я рада за вас, – искренне улыбнулась я.

– Пока еще рано радоваться. Но непременно заскочу к тебе, чтобы сказать, когда будет пора, – загадочно пообещала

Диана.

* * *

За ужином я лениво ковырялась в своей тарелке, между тем как Зинаида увлеченно рассказывала, что чуть ли не каждый обитатель Заречья считает теперь своим долгом сообщить ей свое мнение о горе-археологах, которые сорвали рабочий день по всей деревне, заставив мужиков ломать лопаты о каменную гору.

– Да никто их не заставлял – попросили помочь, кто сможет. Мы же не знали, что чуть ли не вся деревня соберется, – посетовала я. – А с горой нехорошо вышло, я согласна. Но если бы все знали, как мы расстроены, то еще бы и посочувствовали.

Зина покосилась на меня и лишь скептически хмыкнула, выражая свои сомнения, что мы сможем дождаться сочувствия хотя бы от одного жителя Заречья.

Весь вечер я просидела в гамаке за домом, глядя как играют Шарик с Узнаем. Любимый холм был разорен, а идти к ребятам, и снова тщетно вглядываться в карту и спорить с язвительным Костей не было ни малейшего желания. Что толку переливать из пустого в порожнее. Данилу же с его вопросами без ответов я уже просто боялась.

Ночью я ворочалась с боку на бок и никак не могла заснуть. В кладовке было жарко, открыть окно невозможно из-за полчищ комаров, которые за вечер основательно распро-

бовали меня и теперь только и ждали возможности проникнуть внутрь и продолжить прерванную трапезу. Вдруг откуда-то послышалось негромкое постукивание, а потом тихонько заскрипела входная дверь. Шарик негромко заворчал во сне, но не проснулся. Правильно, порядочные собаки по ночам спят, а не лают. Из сеней донесся звук удара и приглушенное ругательство. Кадушка с кислой капустой как всегда на страже.

– Катя, ты спишь? – спросил кто-то из-за двери громким шепотом.

– Да, – так же шепотом ответила я.

За дверью задумались, а затем уточнили:

– Может, все-таки выйдешь?

– Может, и выйду, – согласилась я. – Подожди на крыльце.

В темноте, ударяясь обо все подряд – комната будто поросла углами – я натянула на себя что-то, на ощупь напоминающее джинсы и футболку. Передвигаясь по стенке, вылезла в сени. Сориентировалась, привычно стукнувшись ногой (родная ты моя кадушечка), нашла дверь и вышла на свет божий. То есть в сумрак. Данила сидел на ступеньках. Из будки доносилось мерное похрапывание Узная, который тоже был порядочной собакой и мирно дрях.

– Ты знаешь, сколько сейчас времени? – для приличия осведомилась я.

Кузнец глянул на небо.

– Часа два. Скоро рассвет.

– Вот, скоро рассвет, а я еще не сплю, – проворчала я, присаживаясь рядом.

– А почему ты не спишь?

– Жарко в доме – сил нет, – пожаловалась я. – И мысли спать не дают.

– Тогда поехали купаться, – неожиданно предложил кузнец, тактично пропустив мои слова насчет мыслей.

– Купаться? Ночью? – переспросила я. – А на чем?

– Не на чем, а на ком, – поправил меня Данила и указал в сторону забора.

Я проследила взглядом в указанном направлении и увидела над оградой конскую голову, которая мотнула ушами и фыркнула, отвечая на мой вопрос.

– Значит, ты предлагаешь мне отправиться с тобой ночью верхом купаться на озеро? – уточнила я. – Без вопросов?

– Да, я предлагаю тебе отправиться со мной ночью купаться на озеро, – подтвердил Данила с нотками смеха в голосе. – Верхом. Без вопросов. И без седла – вдруг это важно. На всякий случай обещаю не делать ничего... чего ты не захочешь.

– Ну хорошо, поехали, – сказала я тоном воспитанной барышни, которой пообещали, что в прогулке с бравым офицером по Невскому проспекту ее будут сопровождать компаньонка, тетушка и горничная.

Кузнец лихо запрыгнул на Звездопада – без седла, напоминая! Для меня это был неосуществимый трюк, и я с интересом воззрилась на него снизу вверх. Он протянул мне ру-

ку, я ухватилась и в мгновение ока уже сидела позади него, так и не поняв каким образом. Кузнец тронул коня, и мы двинулись мерным шагом по направлению к реке. Над лесом горизонт подсвечивался оранжевым отблеском заката. Воздух дарил вожделенную прохладу, а конский круп подо мной был округлым и бархатно-теплым. Я еще ни разу не ездила без седла и чувствовала себя не очень уверенно, съезжая то на одну, то на другую сторону коня.

– Держись крепче, сейчас будет рысь, – предупредил меня Данила, и я ухватилась за него.

Ехать рысью на неоседланной лошади, сидя в качестве второго всадника позади основного оказалось весьма сомнительным удовольствием. Я изрядно протряслась и устала, к тому же мне постоянно казалось, что я вот-вот соскользну, и вцеплялась в Данилу так крепко, что он несколько раз предупреждал, что ему грозит перелом ребер. Я извинялась и ослабляла хватку, но потом вцеплялась опять. Наконец впереди заблестела вода. Кузнец спрыгнул с коня и повел его в поводу, прокатив меня до самого берега. Помог мне спешиться, освободил Звездопада от уздечки и отпустил его пасть в тумане, который уже начинал таять в занимающемся на востоке рассвете.

– Ну что, кто последний, тот проиграл? – спросил он и начал расстегивать рубашку.

– Что – кто последний? – опешила я.

– Кто последний залезет в воду, тот проиграл, – хитро

улыбнулся Данила.

– И на что играем?

– По-взрослому, на щелбаны! – кузнец принялся расстегивать ремень, и я поспешно отвернулась. Позади звякнула пряжка ремня, упавшего вместе со штанами и через несколько секунд раздался энергичный всплеск, за которым последовала тишина. Я развернулась к реке и обнаружила лежащую на берегу одежду и расходящиеся по воде круги. Секунды шли, а его все не было. Я принялась стаскивать джинсы, и, прыгая на одной ноге, не отрывала взгляда от темной поверхности реки. Ну давай, выныривай уже. Оставшись в трусах и футболке, я влетела в воду, от беспокойства даже не ощутив ее температуры, сделала несколько гребков и истерично крикнула:

– Данила!

Он тут же вынырнул в десятке метров от меня, отфыркиваясь, как конь. Или не в десятке – в темноте и на воде я не могу похвастаться хорошим глазомером.

– Ты чего кричишь, наступила на кого-то? – весело осведомился он, несколькими сильными гребками преодолевая дистанцию между нами.

– Ты что, по совместительству местный Ихтиандр? – сердито спросила я, отплывая на безопасное расстояние. – Обязательно было меня пугать?

– Прости, я всегда так плаваю, – примиряюще пробулькал он, в два счета превращая безопасное расстояние в ничто.

– Данила, мне надо тебе кое-что сказать.

– Ты уверена? – спросил он, продолжая наступление.

Я отступила назад, к берегу, потом еще назад, а затем заметила, что его взгляд переместился значительно ниже моих глаз. Довольный такой взгляд. Я глянула на себя, и обнаружила, что мокрая белая футболка не только ничего не скрывает, но, скорее, даже подчеркивает. Я поспешно плюхнулась в воду.

– Так что ты там хотела сказать? – с некоторым разочарованием уточнил он.

– Хочу сказать, что мне очень жаль, что не могу рассказать, кто я и откуда. Честно, я бы хотела, но не могу.

Он легко привлек меня к себе и стал кружить в воде.

– Не думай сейчас об этом.

Мы остановились, но мир продолжал кружиться. Ну и пусть линии наших судеб не пересеклись, а, скорее, запутались, пусть будущее так неопределенно, что это даже не сформулировать, настоящее у нас никто не отнимет.

Обратно я ехала, сидя впереди Данилы, как спасенная принцесса рядом с прекрасным принцем. Честно говоря, я так себя и чувствовала. А потом с удивлением обнаружила, что мы вернулись к дому Зинаиды. Данила ссадил меня с коня и поклонился.

– Спокойной ночи, сударыня.

– А ты куда? – опешила я.

– Домой, спать. Посмотри, который час. А мне рано вста-

вать – столько работы, ты же знаешь.

– Но я подумала, – начала я, и осеклась.

– Подумать только, такая скромная, хорошо воспитанная девушка... могла решить, что я могу провести ночь с той, о ком я практически ничего не знаю, – в глазах Данилы так и плясали бесята. – Приношу свои искренние извинения, если невольно ввел вас в заблуждение.

Он отвесил еще один шутовской поклон, подмигнул мне и уехал с самой ехидной улыбкой, какую я только могла представить. Я немного постояла, растерянно и рассерженно глядя ему вслед, а потом пошла спать в свою кладовку, хлопнув дверью, и нимало не заботясь о том, что перебужу весь дом.

– Тоже мне, нашел чем шантажировать! Можно подумать, я горю желанием, – бурчала я себе под нос, устраиваясь поудобнее на скрипящей кровати. – Самодовольный наглец. Самовлюбленный красавчик. Урод. Ну и наплевать, что я сама себе противоречу. Что, Шарик? Ну да, да. Конечно, ты прав. Я люблю его!

23. НЕ РОЙ ЯМУ, САМ В НЕЕ ПОПАДЕШЬ

Несколько дней назад Макс обнаружил в глубине заросшего сада, окружавшего дом кузнеца, заброшенный колодец. Он убрал полуразвалившийся верхний сруб и обнаружил, что вода не ушла, но бревенчатые стены шахты прогнили и местами обрушились. Макс предложил Даниле отремонти-

ровать колодец и углубить его, попутно установив бетонные кольца. Катавасия с преломлением лопат на каменном холме отвлекла его от выполнения задуманного, но теперь, когда поиски портала снова зашли в тупик, он с энтузиазмом взялся за дело. Данила прислал в помощь Вовку, парнишку из местных, очень исполнительного, но страшно любопытного. Его оттопыренные уши, как локаторы, жадно ловили каждое наше слово, и нам с Максом никак не удавалось обсудить наши будничные проблемы: порталы, путешествия между мирами, и, самое главное, отношения с некоторыми коренными жителями параллели.

Сидя на старом срубе, я с известным удовольствием наблюдала за чужой работой и с рассеянной улыбкой вспоминала вчерашнюю ночь.

Значит, сударь изволил подшутить надо мной? Что ж, посмотрим кто кого. Я поймала себя на том, что гнусно подхихкиваю, продумывая планы сладкой мести, дабы сравнять счет. Воображение, как всегда, меня не подвело, и, изрядно повеселившись, я поняла, что уже совершенно не злюсь, и мстить никому не хочу. Время слишком ценно, чтобы тратить его на обиды, а когда ты в параллельном мире, и не знаешь, сколько еще здесь пробудешь – бесценно. От любой ситуации надо стараться получать удовольствие. Если же с удовольствием совсем никак не складывается, получай бесценный жизненный опыт.

В данный момент ребята вынимали старые бревна из сте-

нок колодца и вытаскивали их на поверхность. В шахте был Вовка, а Макс спускал ему веревку с крюком.

Я так погрузилась в мысли, что не сразу услышала, что меня окликают:

– Катя, ты оглохла, что ли? Слышала, что я спросил?

– А? – очнулась я.

– Получается, что мы опять застряли? – спросил Макс, ожидая, пока напарник прикрепит к веревке очередное бревно.

– В смысле? – не сразу поняла я. – А, в параллели? Ну да. На карте все выстроилось, а фактически – полный провал и никаких дальнейших догадок.

Макс глянул вниз, убедился, что Вовка не может его слышать и, понизив голос, сказал:

– А мне уже и не очень-то хочется возвращаться.

Я уставилась на него с удивлением.

– Ты это серьезно? А как же дом, родители, вся прошлая жизнь?

– Родителей, конечно жалко, – признал Макс. – Но мне уже давно пора жить самому по себе. А тут такой уникальный шанс полностью поменять свою жизнь. Даже просто поменять, а прожить совершенно другую.

– А прежняя тебя не устраивала?

– Нет, не устраивала, – твердо ответил он. – Ты пойми, я с самого детства чувствую себя везде чужим. У любого человека есть своя история, своя родина. А у меня что? Пред-

ставь себе, какой смех вызывают мои заявления, что я русский. А какой я африканец, если в Африке никогда не был, даже в Египте. Знаешь, как я устал от этой пресловутой политкорректности, когда люди мычат и придумывают как бы меня назвать? Афро-русский? Мулат? Прячут глаза, а сами пялятся исподтишка.

– Макс, ты прости, но здесь ведь то же самое, – попыталась я его образумить.

– Нет, не то же самое! Мне в глаза говорят, что я негр, и при этом относятся как к обычному человеку! Ну подумаешь, негр. Здесь и более оригинальные прозвища встречаются, и это не повод для насмешек, а просто чтобы отличить человека от других. Здесь чем-то выделяться это не только нормально, но и даже здорово. И люди другие – они искренние, честные. Если ты не нравишься, так и скажут, но если уж в гости зовут, значит, действительно рады видеть. Все всё про всех знают, но зато и друг за друга горой.

– И что же ты здесь делать собираешься, землю пахать? – скептически осведомилась я.

– А хотя бы и пахать, – с вызовом заявил Макс. – Я на любую работу согласен. Я уже и к Федотову ходил, он согласен меня взять. А дома мне придется пойти по стопам отца, хотя у меня совершенно душа к этому не лежит.

– Макс, это так неожиданно. Честно говоря, я даже представить себе не могла, что у тебя бродят в голове подобные мысли. Скажи, а твое предполагаемое будущее в Заре-

чье включает Варвару?

– Кто знает. – уклончиво ответил он. – От нее зависит. Но и от меня тоже, и это тоже здорово. Хочу дом построить, семью завести. Разве ты не хочешь того же? Остаться здесь, вместе с Данилой?

– Ох, Макс, я не знаю, – вздохнула я. – Для меня решить поменять всю свою жизнь из-за одного мужчины означает полную смену мировоззрения.

– Ну так и поменяй, рискни! Думаешь, у тебя будет когда-нибудь подобный шанс?

Макс, не трави мне душу. Не могу я тебе признаться, что думаю об этом постоянно, и прихожу в сладкий ужас от этой мысли. Я даже себе-то не могу честно в этом признаться.

– А как же Костя? Мы что, его одного отправим? С приветами для родных и друзей и просьбой не поминать лихом? – вымученно улыбнулась я.

Макс увильнул от ответа:

– Да все равно мы не имеем ни малейшего понятия, как вернуться. Так что вполне возможно, и не придется ничего решать: все уже давно решено за нас.

– Эй, Макс! – крикнул из колодца Вовка. – Ты будешь бревно вытаскивать или мне самому его наверх пихать?

– Извини! – спохватился Макс и принялся вытягивать очередной брус, отсыревший и поэтому очень тяжелый. Вытащив его на поверхность, отбуксировал к груде уже извлеченных балок и крикнул вниз:

– Вовка, вылезай, давай поменяемся.

Изрядно чумазый и промокший паренек вылез по хлипкой приставной лестнице и сел рядом со мной. Как только Макс исчез в яме, Вовка придвинулся ко мне и так душевно улыбнулся щербатой улыбкой, что я, как Пятачок, сразу вспомнила об одном срочном деле, которое ну никак нельзя отложить на потом. Я уже собралась проинформировать об этом Вовку и поспешно удалиться, как вдруг колодец ожил. Земля по краям ямы зашевелилась и стала уходить вниз, на глазах увеличивая проем. Послышался грохот падающих бревен, плеск воды и сдавленный вскрик Макса, еще несколько широких пластов земли отделились от края и съехали в яму, а потом стало тихо. Тихо и страшно.

– Вовка, беги за помощью, – негромко сказала я, боясь пошевелиться, чтобы не вызвать дополнительного обвала. Вовка не двигался и молча таращился то на меня, то на яму.

– Беги, зови мужиков на помощь! – заорала я на него диким голосом. Паренек очнулся и понесся в сторону деревни, а я осторожно, на четвереньках, подползла к краю того, что только что было колодцем, заглянула вниз и увидела земляные завалы, из которых проглядывали обломанные бревна сруба. И где-то там, под этим всем, остался Макс! А я абсолютно ничего не могу сделать! Только молиться тем самым неведомым силам, чтобы он чудом остался в живых. И безответно звать его, отгоняя мысли о том, что с тем же успехом можно было бы обращаться к могиле.

Сильные мужские руки подняли меня на ноги, оттолкнули подальше. Я как во сне отошла в сторону.

Прибежавшие мужики быстро оценили ситуацию и, подбадривая друг друга матными словечками, а заодно выражая свое отношение к сложившейся ситуации, организовали спасательную операцию. Двое принялись разрывать завал, остальные стали срывать землю по краям, чтобы предотвратить дальнейшее обрушение. Минуты тянулись мучительно, я сидела, обхватив голову руками, и представляла себе, как каждое мгновение вытягивает из Макса жизнь. Кто-то положил руку мне на плечо, я подняла голову и увидела, что рядом стоит бледный Костя.

Земля была рыхлая, а спасателей много, но время продолжало утекать. Я боялась взглянуть на часы, как будто незнание, сколько уже ушло времени, каким-то чудесным образом могло его остановить. Копавшие скрылись в колодце с головой, землю уже не откидывали, а поднимали наверх ведрами. Потом начали вытаскивать обрушившиеся бревна, а затем снизу раздался крик:

– Вот он!

Мы с Костей подлетели к яме, пытаюсь разглядеть, что происходит внизу. Там, по пояс в жидкой грязи, двое мужиков осторожно доставали из-под обломков бревен Макса, не подающего признаков жизни. Перед глазами все поплыло, душа провалилась в обледеневшие пятки, но снизу крикнули: «Живой!», и я с облегчением выдохнула.

– Живой, живой! – пошло по рядам столпившихся вокруг зевак.

Макса обвязали веревкой под мышки и осторожно подняли наверх, бережно придерживая. Вытащили из колодца и положили на принесенное кем-то одеяло. Вокруг мгновенно собралась толпа. Макс лежал с закрытыми глазами и не шевелился, и я с ужасом подумала, что спасатели ошиблись, но тут он открыл глаза, обвел всех безумным взглядом и попытался сесть. Мы с Костей с двух сторон помогли ему приподняться.

– Макс, ты как? – спросил Костя.

– Пока не понял, – хрипло ответил он. – Но вроде все цело. Только шея болит.

– Ну повезло тебе, парень, – сказал один мужчина, и я узнала в нем того, кто оттащил меня от края провала. – Твое счастье, что бревна поперек ямы застряли и тебя закрыли.

– Меня бревном по шее шарахнуло, я отключился, свалился в воду и сразу пришел в себя, – начал припоминать Макс. – Понял, что сверху придавило так, что разогнуться не могу. А вода ледяная, так я на свае сидел, то одну ногу подожду, то другую.

– Страшно было? – сочувственно спросила какая-то женщина.

– Сначала нет – я и не понял, что произошло. А потом стало страшно: темно, холодно, земля сверху сыплется. Мне показалось, целая вечность прошла, прежде чем я расслы-

шал, что меня выкапывают.

– Живой? Ну и слава Богу! – раздался зычный голос. К нам проталкивался Федотов, попутно разгоняя зевак.

– Нечего здесь толпиться, вам что, больше заняться нечем?

Федотов остановился возле Макса, свирепо уставился на нас троих и сердито спросил:

– Слушайте, археологи! Вы что тут, соревнования на выживание организовали? Мало пожара, так еще и обвал устроили?

– Мы же не виноваты, – с негодованием воскликнула я.

– Понимаю, что не виноваты! Но нельзя же так, – староста беспомощно развел руками. Вернее сказать, рукой, но мне почудилось, что и пустой правый рукав его рубашки тоже красноречиво пошевелился.

– Чего сидите-то? Тащите его в дом, да вымойте добела... То есть... дочиста, короче!

Помыться и переодеться Макс у бы и в самом деле не мешало: он походил на заготовку для лепки фигуры человека в полный рост. Федотов тем временем увещевал народ разойтись – «дайте парню прийти в себя!» Макс отказался от нашей помощи и дошел до дома сам, а там мы принялись его отмывать. Особенно сложно было выскрести грязь из волос: она забилась намертво, превратив их в копну каменных завитков. Воду мы набирали из бочки на улице, и поливали его настолько усердно, что Макс протестовал и вопил, что

его не для того выкапывали, чтобы собственные друзья утопили. Наконец, он вырвался от нас и ушел на двор, где стал обливаться сам, благо к тому времени все уже разошлись. Без всякого сомнения, чтобы разносить по деревне новость о том, что в очередной раз учудили незадачливые археологи. Видимо, он решил окатиться целиком, предварительно раздевшись до полного неглиже, потому что после нескольких заливчатских уханий и криканий мы услышали его растерянное «ой» и последовавшее за ним «ах!». «Ах» воскликнул женский голос, и было непонятно, чего в нем больше, испуга или восторга. Сразу после этого в дом вбежал смущенный Макс, прикрывающийся полотенцем, а за ним вошла зардевшаяся Варвара.

– Варя, подожди меня, я сейчас, – сконфуженно пробормотал Макс, пятясь в комнату.

Он захлопнул за собой дверь и уже через мгновение появился в синих трениках модели «мечта каждой женщины». Я уже начала соображать, какое бы нам с Костей вспомнить срочное дело, чтобы оставить их с Варварой наедине, но они сами вышли во двор. Послышался смех и веселый разговор, за которыми последовало затишье. Мы с Костей заговорщицки переглянулись и на цыпочках рванули к окну. Осторожно выглянули, но, к нашему разочарованию, никого не увидели. Подошедший тихонько сзади Макс тоже заглянул в окно через наши спины и заинтересованно спросил:

– Что показывают?

Мы разом отпрыгнули от окна и рассмеялись.

– Ну что, впечатлил девушку? – полюбопытствовал Костя.

– Костя! – одернула я его.

– Вообще-то я имел в виду, что несчастный случай и последующее спасение Макса произвели на Варвару такое впечатление, что она лично прибежала проверить, что он жив-здоров, – заметил Костя. – А ты что подумала, хотел бы я знать?

– То и подумала! – проворчала я.

У меня, да и у Кости тоже, уверена, так и чесался язык выспросить у Макса, о чем они сговорились с Варварой, но сам герой был непривычно серьезен:

– А ведь Федотов прав, у нас здесь какое-то шоу на выживание получается, – задумчиво заметил он. – Как там тебе цыганка сказала – дороги не любят чужаков?

– Да, – неохотно ответила я, припоминая слова Зары. – Сказала, что я иду не по своей дороге и добавила, смотри, мол, не споткнись.

– Так может, это здешний мир нам подножки ставит? Тебя огнем испытали, меня землей. Одного Костяна пока не трогают.

Костя молчал и хмурился – верно, готовился обрушить наши зловещие подозрения силой своих логических рассуждений. Но то, что он сказал, оказалось для нас полной неожиданностью.

– Помните историю с холодильником на ферме? Я ведь

тогда не все рассказал. Постарался не заострять внимания на этом инциденте, так, упомянул походя. Но вы даже не представляете себе, что я тогда пережил. Впрочем, теперь, после пожара и обвала, как раз и представляете. Дверь заклинило намертво, я колотил в нее, проклиная все на свете, а вокруг полная тишина, как будто все вымерли. Температура ни с того ни с сего начала стремительно падать. Молоко на глазах стало покрываться ледяной коркой, холодный воздух было трудно вдыхать, руки и ноги моментально заоченели. Даже не знаю, сколько я там пробыл, но замерз настолько, что перестал чувствовать холод и начал засыпать. На мое счастье, приехал новый ветеринар, ставить коровам прививки, заблудился и зашел в холодильник, случайно меня освободив. Я, конечно, все в шутку обратил, не хватало еще лишиться авторитета в первый же рабочий день.

Костя поежился, видимо воспоминание было настолько живым, что оно и в жаркий день навевало холод. Однако, как обычно, отбросил эмоции и немедленно пересел на любимого конька – выстраивание очередной теории:

– Вы когда-нибудь размышляли о том, как у нас здесь все легко и просто сложилось? Сразу и жильё нашлось, и работа. Документы ни разу не попросили. В историю с Рюриковым захоронением поверили, не моргнув. Два камня с символами нашлись почти сразу же. Да и с кузницей мы давно уже должны были сообразить. Нам будто создавались идеальные условия для пребывания в параллели. А также для быстрого

и незаметного ухода из нее.

– Будьте как дома, но не забывайте, что вы в гостях, – понимающе кивнул Макс.

– Именно. А чтобы не забывались, и даже мысли не допускали о том, чтобы остаться в этом мире, нас чувствительно подталкивают к выходу. И это уже наша проблема, что мы так и не смогли воспользоваться подсказками, и этот выход найти.

Мы с Максом потупились, вспомнив разговор, имевший место прямо перед несчастным случаем.

– Обоснуй! – храбро предложил Макс. – Какой-нибудь теорией пространственно-временного континуума.

– Зачем же уходить в дебри космологии? Здесь и закона Архимеда достаточно? – высокомерно ответил Костя. – Не напомнишь?

Макс явно посчитал, что над ним издеваются, но, тем не менее, воспроизвел:

– Любое тело, погруженное в жидкость, подвергается сжимающему и выталкивающему действию со стороны этой жидкости.

– Молодец! – довольно ухмыльнулся Костя. – Вот мы и есть эти самые тела, и погрузились мы в чуждую нам субстанцию, то бишь реальность. И теперь эта реальность нас всячески старается вытолкнуть, дабы восстановить вселенский баланс. А то и просто-напросто сжать сильнее, да и отправить в мир иной самым что ни на есть традиционным

способом.

Макс шумно сглотнул.

– Что же нам делать? – спросила я, не сильно надеясь на ответ.

– Я не знаю, что делать. Не знаю! – в сердцах воскликнул Костя. – Бегать по дворам и спрашивать у хозяев, нет ли у них случайно в сортире портала? Развесить объявления с текстом: срочно требуются бывалые путешественники по параллельным мирам для обмена опытом?

– На-надо найти ту цыганку, – выпалил Макс. – Она точно должна что-то знать. Не зря же она Катьке про чужие дороги втирала.

– Ее и цыганского барона и так уже полиция ищет, – устало сказал Костя. – Но я очень сомневаюсь, что найдет. Особенно, если старая гадалка и впрямь разбирается в порталах – смоемся в очередную реальность, и точка.

– От нас-то ей нет смысла скрываться, – возразила я. – Я же ее ни в чем не обвиняю. Надо постараться как-то с ней связаться.

– Вопрос как? – пожал плечами Костя. – После фиаско на холме с тремя столбами у меня не осталось ни малейшего представления как действовать дальше.

– Тогда, раз тебе все равно – я расскажу обо всем Даниле, – заявила я. – Уверена, он сможет как-нибудь нам помочь.

– Ну и рассказывай! Не сомневаюсь, что лично тебе он очень поможет. Если поверит, конечно, – мгновенно разо-

злился Костя.

– Чему я должен поверить? – раздался заинтересованный голос.

В дверях стоял Данила. Мы примолкли, а кузнец вошел внутрь и оглядел Макса с головы до ног.

– Ты как, цел? Вся деревня бурлит, как чайник с кипятиком, обсуждают твое чудесное спасение. Кое-кто даже выдаст его за воскрешение, так что не удивляйся, если на тебя будут взирать с благоговейным ужасом и пытаться поклоняться.

Макс улыбнулся смущенно и озадаченно.

Затем кузнец взглянул на нас с Костей.

– Так о чем же вы собирались мне рассказать? Формулировка "всё" звучит весьма интригующе.

Я молчала. Безумно трудно произнести слова, после которых собеседник никогда не сможет относиться к тебе так, как раньше. А возможно, даже усомнится в твоей нормальности. Особенно, если этот собеседник тебе весьма небезразличен.

Ребята тоже молчали, предоставив мне честь посвящения кузнеца в тайны вселенной.

Предвидя, что наше дружное молчание не скажет ему ничего, несмотря на высказанное намерение рассказать всё, Данила заговорил первым.

– Осмелюсь предположить – я наконец-то смогу узнать правду о том, кто вы, откуда и что ищете в Заречье?

Я кивнула.

– Тогда я попробую угадать, – Данила присел на подоконник и принялся весело предлагать варианты. – Вы инопланетяне и ищете здесь следы вашей предыдущей экспедиции, которая была послана на Землю пару-тройку миллионов лет назад.

Я досадливо помотала головой, кусая губы.

– Нет. – Данила задумался, потом выдвинул еще одну теорию. – Значит, вы скрываетесь здесь от мафии. О нет – вы сами и есть мафия! А Макс, несомненно, сын главы мафиозного клана!

Макс обиженно выпятил нижнюю губу с видом «а почему именно Макс?» Данила продолжал вдохновенно импровизировать.

– Вы явились сюда из другого мира и ищете портал, потому что тот, через который вы попали сюда, был уничтожен космическими пиратами. Или закончились запасы плутония для его активации.

– Угадал! – выпалила я. – Кроме плутония. И космических пиратов.

Кузнец недоверчиво посмотрел на меня, усмехнулся и разочарованно вздохнул.

– А я надеялся на вариант с мафией. Может, передумаешь? Все-таки он более правдоподобен.

– Катя говорит правду, – сухо проговорил Костя. – Как бы невероятно это ни звучало – мы действительно попали сюда из другого мира, существующего параллельно с вашим.

Данила испытующе посмотрел на Костю, перестал усмехаться и попросил:

– Можно подробнее, пожалуйста? И, желательно, с самого начала.

– Понимаешь, наш мир, он такой же, как ваш, но не совсем, – поспешила объяснить я. – Заречье там тоже есть, но сейчас там почти никто не живет. А мы приехали туда в поисках могилы Рюрика, раскопали курган, заблудились в нем, а когда выбрались, оказались в вашем мире. Увидели, что деревня возродилась, как по волшебству.

– Даже решили, что в прошлое попали, – вставил Макс.

– Но, когда я увидела газету у тебя в кузнице, вопрос с датой прояснился.

– Зато появились другие, и на большинство у нас до сих пор нет ответов, – Костя не выдержал и тоже подключился. – Только теория. Мы решили, что попали в одну из реальностей, которая в какой-то ключевой момент истории пошла по альтернативному пути развития.

– В смысле – в одну из? – уточнил кузнец.

– Подобных моментов может быть сколько угодно, – нетерпеливо объяснил Костя, не желая вдаваться в подробности. – И, соответственно, бесконечно много параллельных миров с теоретически возможными точками перехода.

– Но это, как мы надеемся, не придется проверять на своей шкуре, – вмешался Макс. – Нам бы в свой мир вернуться целыми и невредимыми.

– Ну, если ты больше не полезешь в колодец, а Катя не будет бродить по заброшенным домам... – начал кузнец, и тут его осенило, – Стоп, вы думаете, что эти происшествия были не случайны?

– У нас есть основания полагать, что твоему миру мы не по нраву. Настолько, что нас из него готовы выгнать любым способом, – заявил Костя и посмотрел на Данилу с осуждением, как будто тот лично отвечал за весь свой мир.

– А почему вы решили сейчас мне все это рассказать? – внезапно поинтересовался Данила.

– Наверное потому, что мы зашли в тупик... Нам надо найти и открыть портал, а мы не имеем ни малейшего понятия как это сделать, – призналась я.

– И готовы просить помощи даже у меня? Я польщен, – усмехнулся Данила.

– Ты же всех здесь знаешь. И при этом живешь здесь не так давно, взгляд не замылился, так сказать, – примиряюще сказал Макс. – И бабка у тебя знахарка.

– Единственная зацепка, которая у нас есть, и то если ее можно так назвать, ведет к старой цыганке, гадалке Заре. Но цыгане ушли неизвестно куда, а после истории с пожаром и интересом к нему полиции у нас крайне мало шансов ее найти, – пояснил Костя.

Данила молчал и хмурился. Он так и сидел на подоконнике, ссутулившись и скрестив руки на груди, словно на замок закрылся.

– Ты нам веришь? – робко спросила я.

– Скажем так – я готов принять вашу теорию, – сказал он очень спокойным тоном. И мне это его спокойствие совсем не понравилось. – Хотя, без доказательств, это всего лишь слова. Но я сделаю все, что смогу, чтобы вам помочь. Для начала, найдем Зару. Если она узнает, что вы ищете ее не для того, чтобы обвинить в поджоге и покушении, то, скорее всего, вскоре объявится. А я постараюсь, чтобы она узнала. А сейчас простите меня. Надо попытаться как-то осмыслить... все это.

Данила спрыгнул с подоконника, и торопливо вышел из дома. Я дернулась было бежать за ним, но поняла, что больше ничего уже не смогу ни сказать, ни сделать.

– Его реакция не очень-то вдохновляет, – обронил Костя. – Вряд ли он сможет чем-то помочь. Не пошел бы Федотову на нас стучать.

– Не пойдет, – возмутилась я. – Просто ему нужно время. И хоть какие-то доказательства.

И тут я кое о чем вспомнила. Будет ему доказательство!

24. ОТ СЕБЯ НЕ УБЕЖИШЬ

Мне пришлось побегать по деревне, чтобы найти Данилу. Его не было ни у бабки, ни в кузнице. Даже Зинаида его не видела! На всякий случай завернула на разоренный холм с тремя столбами, и, к своему удивлению, обнаружила кузнеца

там. Он стоял на вершине и смотрел на знак на каменном дне ямы.

– Значит, параллельный мир? – проговорил он, не глядя на меня. – Такого я не мог предположить даже в самых смелых фантазиях.

– Да, трудно поверить, – признала я. – И, тем не менее, это правда.

– И насколько наш мир отличается от вашего?

– Что касается нашей страны – весьма.

– По крайней мере Россия-то существует? – усмехнулся Данила, но глянул на меня с некоторым опасением.

– Да, но на ее долю выпало немало... испытаний, – проворчала я. – Да и сейчас все очень непросто.

Вот тут бы нам и пуститься в сравнение исторических путей нашей Родины в параллельных мирах, и, может быть, даже докопаться до того самого ключевого момента, в котором произошло столь грандиозное разветвление реальностей, но мне, честно говоря, было все равно. В этот самый момент для меня было важно одно – чтобы Данила поверил мне.

– У меня кое-что есть для тебя.

Я протянула ему листок, изрядно помятый и даже разок постиранный вместе с джинсами. Но рисунок был все еще хорошо виден – мой «фееричный» портрет.

– Узнаешь? – взволнованно спросила я.

Данила вгляделся и выхватил рисунок из моих рук. Его пальцы заскользили по изображению, повторяя контуры.

– Поразительно! Как будто бы я сам рисовал, но не помню, когда, – потрясенно сказал он. – Я таких феечек на первом курсе художки рисовал, пока в кузнецы не подался. Однокурсницам они очень нравились...

– Это твой рисунок. То есть твоего двойника из моего мира, – объяснила я.

– У меня в твоём мире есть двойник? – изумился Данила. – Мы очень похожи?

– Как клоны. И при этом абсолютно разные.

– Теперь я понимаю, почему ты так удивилась, когда в первый раз меня увидела. А мы... то есть вы... были близко знакомы?

– Нет-нет, – быстро ответила я. – Мы вообще только накануне познакомились. Ты... то есть он... в деревню к бабушке приехал – к Настасье Андреевне. На этюды.

– Значит, в твоём мире я все же стал художником? – заинтересовался Данила. – И как мои, то есть его, успехи на этом поприще?

– Не знаю, – промямлила я.

Даниле тем временем пришло в голову еще одно занятное предположение:

– Если в твоём мире есть мой двойник, то, получается, в моём мире где-то есть твой?

В сердце немедленно проснулась ревность... к самой себе? Неужели он хотел бы меня, то есть ее, найти?

– Не знаю, – повторила я, стараясь сохранять спокой-

ствие. – Возможно, мое появление на свет было возможно только в моей реальности. А возможно, у нас у всех есть двойники во всех существующих мирах, проживающие разные варианты одной и той же жизни. Подозреваю, что этого нам узнать не дано, и проследят за этим те самые могущественные силы, которые сейчас выпроваживают нас из параллели.

– Так ты веришь, что пожар и колодец – это козни неких злых сил? – недоверчиво спросил Данила.

– Да, верю, – твердо ответила я. – Помнишь, ты же сам мне рассказывал, как стал кузнецом, и что дед отдал за это остаток своей жизни? Ты же поверил в эти неведомые силы. Они не злые и не добрые, они просто обеспечивают равновесие всех миров и реальностей. А мы своим присутствием здесь это равновесие кардинально нарушаем.

– Не только мировое, – медленно произнес Данила. – Ты нарушила и мое личное равновесие, а теперь я сам должен помочь тебе уйти из мира, который я до сегодняшнего дня считал единственным. Уйти навсегда, безнадежно и безвозвратно.

Я молчала, упорно уставившись в камень, боясь, что стоит мне оторвать взгляд, как я кинусь ему на шею. И, несомненно, разрыдаюсь, и признаюсь в том, что мой мир теперь там, где он. И что я не представляю, как буду жить в реальности, в которой его совсем нет. Но камень определенно придавал мне твердости.

– Скажи, пожалуйста, а если бы ваши поиски не уперлись в монолитную скалу, и проход нашелся, ты бы ушла в тот же день? Без прощаний и объяснений? – осведомился Данила.

– Я не знаю, – прошептала я. – Все это слишком сложно.

– А мне, наоборот, теперь кажется, что все очень просто, – горько сказал он. – Просто и понятно. Это чужой для вас мир, я – чужой для тебя человек. Летний романчик из страны чудес. Забавно. Что ж, я обещал помочь, и сделаю все, что смогу.

Он спустился по склону, не попрощавшись. Что ж, наверное, так лучше. По крайней мере, для него. Разочарование охлаждает чувства не хуже зимней вьюги. А что до меня – мне уже ничего не поможет.

Ведь пора уже признаться себе, что случилось то, о чем я даже мечтать себе не позволяла. Я встретила Его. Того, кто существовал лишь где-то в глубочайшем подсознании, как нечто прекрасное и недостижимое. Как единорог, или ангел, или исполненные предвыборные обещания. Хотя сознание безжалостно высмеивало сей призрачный идеал, и саркастически шутило, что истинная любовь существует лишь в киносагах для девочек-подростков (от тринадцати до шестидесяти пяти лет). А жизненный опыт разумно замечал, что любить надо того, с чьими недостатками можно смириться, а они, как известно, у всех свои.

Но, как оказалось, он существовал во плоти (и весьма привлекательной, надо заметить). Тот самый, из подсознания.

Без недостатков. Не вампир. Не инопланетянин. И, похоже, он не на шутку заинтересовался моей скромной персоной. А я внезапно поняла, что, черт возьми, до этого жила лишь наполовину, и лишь рядом с ним почувствовала, насколько полной и насыщенной может быть жизнь. Как будто раньше все вокруг было черно-белым, и лишь сейчас заиграло невероятным буйством цвета. Когда я находилась рядом с ним, меня охватывало чувство абсолютного и полного счастья. Плохо лишь то, что я так же отчетливо понимала, что без него счастливой быть уже не смогу, и жизнь моя снова станет бесцветной, только теперь я буду болезненно ощущать отсутствие красок.

Так что же с ним не так, с моим прекрасным принцем, вернее, кузнецом? Ах, какая-то мелочь! Он всего лишь живет в другом мире, куда меня занесло непонятно как. И этому миру я весьма не по вкусу, настолько, что меня гонят отсюда в шею. А в моей реальности я заочно приговорена к пожизненному одиночеству, потому что ни один мужчина не будет тем, кого я встретила на перекрестке миров. Боль предстоящей разлуки заставляет сердце замирать в ледяном ужасе, но вот в чем парадокс – с этой болью я бы не согласилась расстаться ни за что на свете.

С того дня мы будто подвели черту под нашими отношениями. Данила сдержал слово и делал все, что было в его силах, чтобы помочь нам. Он разъезжал по соседним деревням и ненавязчиво расспрашивал о цыганской гадалке, исполь-

зовал все свои связи и знакомства, но пока все было тщетно. Мы зависли в параллели, в напряженной неопределенности. Даже столбик термометра замер – стояла невыносимая жара, и в любое время суток он упорно показывал +32. Больше всего повезло коровам: кондиционеры на ферме поддерживали комфортную температуру, и многие селяне не отказались бы в те дни поменяться местом с буренками. Макс и Костя забросили все дела и целыми днями валялись в тенилке, время от времени обливаясь водой из бочек. Деревенские жители последовать их примеру не могли: посеvy требовали ежедневного полива, а домашняя скотина – кормежки, дойки и прочего ухода. Но все быстро приспособились жить по новым правилам: на работы выходили с восходом солнца, часов в пять утра, а с полудня селение замирало в прямо-таки испанской сиесте.

Зато каждая ночь, приносящая долгожданную свежесть, превращалась в праздник с песнями и плясками под гармошку почти до рассвета. Зачастую люди с гуляний отправлялись прямо на работу, чтобы выспаться уже днем. Я, впрочем, в веселье не участвовала. Сидела вечерами в гамаке в саду под защитой москитной сетки и читала старые книги. Старые и неведомые книги параллели: о чести и достоинстве, о героизме в годы мировых войн (к сожалению, и здесь без них не обошлось), о подвигах на целине. Особенно поражало то, что многие авторы были мне знакомы, лишь сюжеты слегка видоизменились, да отсутствовала характерная для советской

литературы идеология.

Я крепко сдружилась с Дианой, и мы с ней много времени проводили на конюшне. Лошади, как и люди, страдали от жары, и мы выводили их из душных денников и обливали из шланга. Кони блаженно жмурились, подставляя под освежающие струи морды и бока. Их было немного – всего девять, включая Кальдерику, Звездопада и моего знакомца Орлика. Но когда последняя с облегчением встряхивалась после душа, в благодарность обдавая нас дождем брызг с запахом мокрой конской шерсти, первая уже успевала высохнуть до последней шерстинки, и можно было начинать все сначала. Повторив аттракцион несколько раз, мы отправлялись на реку купаться сами. Болтали о простых вещах – о погоде, лошадях и детских воспоминаниях, дел сердечных по молчаливому согласию не касались. Данила, должно быть, сказал Диане, что у нас все кончено, а ей самой тоже было радоваться нечему – Никита целыми днями пропадал в поле, спасая вместе с отцом и братьями засыхающий урожай. Федотов дневного отдыха не признавал и к вечеру сельский Ромео в прямом смысле валился с ног. Какая уж тут романтика, а тем более, конспиративная.

За затишьем, как водится, последовала буря.

В одну особенно душную ночь я ворочалась с боку на бок в раскаленной, как сауна, кладовке, и в очередной раз подумывала о том, чтобы пойти спать на улицу. Но там меня с нетерпением ждали верные комары, и, к моему стыду, ноч-

ные страхи, вроде сереньких волчков и прочей воображаемой нечисти. Поэтому я мужественно обливалась потом и завидовала Шарику, который спал в сенях возле дарящей вожделенную прохладу капустной кадушки. Стук в окно меня обрадовал – ура, наконец-то что-то случилось и не нужно мучительно пытаться заснуть.

– Выходи на улицу, – велел неопознанный сдавленный голос.

Возле крыльца меня ждала Диана.

– Ищешь компанию для ночного купания? – весело поинтересовалась я.

– Я – за!

– Нет. Я попрощаться пришла, – огорошила меня подруга.

– Ты уезжаешь? Среди ночи? Одна? – ужаснулась я.

– Нет, не одна. С Никитой, – Диана махнула рукой в сторону калитки, за которой маячил неразличимый в сумерках силуэт. – Мы решили сбежать.

– Как сбежать? Куда?

– Туда, где нас никто не найдет, – загадочно ответила девушка. – Туда, где мы сможем быть вместе, и где никто не будет решать за меня, как мне следует прожить мою собственную жизнь.

– Непростое решение, – я покачала головой. – Вы полностью измените свою судьбу, и обратной дороги, скорее всего,

не будет. Ты уверена, что все как следует обдумала и взвеси-
сила?

– Конечно. Я монетку бросила, – весело улыбнулась Диана.

– Монетку? – ошарашенно спросила я, – То есть ты готова оставить отца, обеспеченное положение, перспективное будущее и кинуться очертя голову в неизвестность, потому что так выпала монетка?

– Положение? Будущее? – искренне удивилась Диана. – Да я за Никиту жизнь отдам, ни минутки не сомневаясь. Как только я заявила к нему и предложила бежать, он согласился, не колеблясь ни секунды. Отец, конечно, так просто нам уехать не даст и подключит все свои связи для поисков, поэтому мы возьмем машину Данилы, доедем до станции, и оставим ее там на парковке. Сядем на поезд и вперед, навстречу свободе!

– Так Данила в курсе? – удивилась я.

– Нет, что ты! Он бы принялся меня отговаривать, – потупилась девушка. – Ты ему передай, что я буду очень скучать по нему. И что я страшно жалею, что его не будет на нашей с Никитой свадьбе. И пусть он позаботится о Кальдерике – не хочу, чтобы отец продал ее непонятно кому. А хочешь, я ее тебе подарю?

Я мгновенно представила, как пытаюсь запихнуть в портал все, что так хотелось бы взять с собой: увесистого кованого дракончика, упирающуюся Кальдерiku, и изумленного

Данилу, восседающего на ней, и с грустью покачала головой.

– Нет. У меня нет никакой возможности взять ее.

– Тогда оставайся сама! – с жаром воскликнула Диана. – Вот увидишь, вы с Данилой непременно помиритесь, и будете очень-очень счастливы!

Если бы и я могла бросить монетку и с такой же легкостью решить свою судьбу!

– Удачи вам, – от всей души пожелала я.

– Да, нам пора, – спохватилась девушка. – Прощай! Мне жаль, что мы так мало были знакомы.

– Я не забуду тебя, подруга, – улыбнулась я.

Мы обнялись, и она убежала. Послышался счастливый смех влюбленных, и они исчезли во тьме.

Я села на крыльцо и вздохнула. Надеюсь, у них все будет хорошо. Диана оказалась очень смелой девушкой. Она, не задумываясь, бросила все ради того, кого любит. Обеспеченное настоящее, перспективное будущее, отца, для которого она была смыслом жизни. Представляю, какой переполох поднимется утром, когда об их бегстве узнают главы враждебных кланов.

Оказалось, даже близко не представляла.

***

– Думаешь, я поверю, что ты об этом ничего не знал?

Какой у Морозова оказался громкий голос. На ферме он отдавал указания тихим, спокойным тоном – и его слуша-

лись беспрекословно. Наверное, знали, что главного лучше не злить. А сейчас он был зол как никогда.

– Игорь Павлович, повторяю, я не был в курсе намерений Дианы.

Данила стоял напротив Морозова и бесстрастно взирал, как тот рвет и мечет. Я в это время пряталась за углом кухни, ругая себя за то, что умудрилась явиться сюда в настолько неудачное время. Диана попросила меня попроситься за нее с Данилой и объяснить, где искать его машину, и, стремясь честно выполнить ее поручение, я оказалась здесь в тот самый момент, когда разъяренный отец примчался к нему требовать ответа. Я сочла за лучшее юркнуть за угол и остаться там незамеченной, дабы не попасть под горячую руку. А потом, когда эмоциональная беседа закончится, сбегать куда подальше. Я Даниле лучше потом привет от Дианы передам, когда все немного уляжется. Через пару дней. Или, еще лучше, письмо напишу.

– Вы же с ней встречались, куда ты глядел? – буйствовал тем временем Морозов.

– Ошибаетесь, мы с Дианой были просто друзьями, – спокойно объяснил Данила.

– И ты понятия не имел, что она путается с этим гадом?

– Только посмей еще раз так назвать моего сына, – послышался третий голос, негромкий, но такой угрожающий, что я так и сползла по стенке. А вот и Федотов пожаловал. Я осторожно выглянула из-за угла. Морозов и Федотов стояли друг

напротив друга со сжатыми кулаками, казалось, они вот-вот набросятся друг на друга. Но тут Морозов словно сломался. Он опустил руки, сгорбился, и словно постарел разом лет на двадцать.

– Добился-таки своего, – пробормотал он. Потом поднял глаза, и, сказал, глядя Федотову в лицо:

– Ты знал, что кроме дочери, у меня никого нет. Все что я делаю – строю, зарабатываю, планирую – все только ради нее, чтобы она ни в чем не нуждалась. А теперь можешь радоваться – она написала мне, что я никогда – слышишь, никогда! – не увижу ее. Забирай теперь все: ферму, землю – мне без Дианы ничего не нужно.

Голос его задрожал. Смущенный Федотов кашлянул, разжал свой единственный кулак и спрятал руку в карман.

– Ты, это, Палыч, не переживай так. Дело молодое, погуляют, и вернутся. Мой-то шалопай тоже ведь как партизан – ни гу-гу. Я и знать не знал, что они продолжают встречаться. А теперь вот письмо оставил: мол, люблю ее и жить без нее не могу.

– Нет, не вернутся, – горестно покачал головой Морозов. – Я знаю Диану, она своих решений не меняет.

Расчувствовавшись, я присела на землю, и вдруг какая-то сила резко подняла меня за плечи, немного поболтала мною в воздухе и, в конце концов, поставила на ноги.

– Данила, – пискнула я.

Он прижал палец к губам, взял меня за руку и практиче-

ски поволок прочь от кузницы. А сзади доносился расстроенный голос Федотова:

– Никитка, он ведь какой – тихий, тихий, а что на уме – поди догадайся. Учиться, пишет, хочу. А я всегда ему говорил – чтобы на земле работать, университетов кончать не надо, работа сама всему научит. Вот он и примолк, я думал – забыл, да где там. Упертый, весь в меня.

Когда их голоса затихли вдали, Данила, наконец, остановился, выпустив мою руку так внезапно, что я чуть не упала.

– Теперь отвечай, что ты знала об этом?

– Ничего, – быстро ответила я, решив сразу отрицать все на свете, уж больно мне не понравился блеск в глазах кузнеца.

– Катя, не надо мне врать, – вкрадчивым голосом попросил он меня. Уже знакомые мурашки кинулись по спине врассыпную, а дыхание и сердечный ритм засбоили. И это невзирая на то, что мы стояли в открытом поле, залитом ярким солнцем, а настрой мужчины рядом со мной был далек от романтического как никогда. Еще и ястреб завис в небесной вышине, фиксируя происходящее шпионским глазом. А я смотрела в глаза Данилы, позабыв, о чем он меня спрашивал, и его едва уловимое движение навстречу заставило и меня податься к нему, как для поцелуя. Но он нахмурился, и тонкие лучики между нами погасли, а может, просто почудились мне.

– Что ты знаешь о побеге Дианы? Куда они отправились? –

строго спросил он.

Вздохнув, я рассказала все, что знала.

– Твоя машина на парковке возле вокзала, – закончила я.

– Значит, их побег никак не связан с порталами, параллельными вселенными и прочими паранормальными явлениями? – недоверчиво уточнил Данила.

– Конечно, нет! – возмутилась я. – А ты думал, я помогла им сбежать в другой мир? Да мы сами-то понятия не имеем, как туда попасть!

– Кто вас знает, – проворчал кузнец, но уже не так грозно. – Я теперь во что угодно готов поверить – после ваших заявлений моя жизнь никогда не будет прежней.

– Они в этом мире, поверь, но Диана сделает все, чтобы их не нашли.

– Боюсь, что в своем стремлении замести следы она может влипнуть в серьезные неприятности, – с досадой проговорил Данила.

– Мне кажется, Диана вполне способна о себе позаботиться, – возразила я. – К тому же она не одна, а с Никитой.

– Ты должна была отговорить ее. Или сразу бежать ко мне – я бы смог их остановить и объяснить, какую ошибку они совершают, – упорствовал кузнец.

– Почему это ошибку? – удивилась я. – Они любят друг друга, готовы на все ради того, чтобы быть вместе! Разве счастье прожить жизнь рядом с любимым не стоит того, чтобы все бросить и решиться на побег? Да если бы только я мог-

ла...

Я осеклась и замолчала.

– Если бы ты могла – что? – недоверчиво спросил Данила.

– Если бы я могла, как Диана, решать и выбирать, то я бы тоже готова была все бросить и остаться! – выпалила я. – Но здесь я каждый день проживаю с таким чувством, будто меня в любой момент автобус собьет. Или земля под ногами развернется. Или что-то случится с тобой, потому что ты слишком много знаешь.

Я сделала паузу и дрожащим голосом добавила:

– Либо мы в конце концов найдем портал, ведущий домой, и в этом случае нас с тобой ждет неизбежная разлука. Качественная такая разлука со знаком «вечность».

– Люди осмеливались любить друг друга и во время войны, и будучи смертельно больными, – тихо произнес Данила.

– Это хуже, чем война, потому что тогда любовь давала надежду. – Слезы потекли по моим щекам. – Это хуже, чем апокалипсис, потому что тогда мы хотя бы умерли в один день. А мне предстоит долгая жизнь без тебя. Нельзя будет ни позвонить, ни написать, ни даже просто утешиться мыслью, что где-то в моем мире есть ты. Ты будешь лишь в моих воспоминаниях.

– Катя, посмотри на меня, – попросил кузнец. Я сердито смахнула слезинки и подняла взгляд и встретила с железной уверенностью в его глазах. – Да, будущее туманно и неопределенно, возможно, туманнее и неопределеннее, чем

когда бы то ни было. Но я здесь, и ты здесь. Мы с тобой нашли друг друга в лабиринте времен и пространств. Ведь это настоящее чудо, а значит, могут случиться и другие.

25. БЫЛ БЫ МИЛЫЙ ПО ДУШЕ, ПРОЖИВЕМ И В ШАЛАШЕ

Заречье гудело. Слухи вились над деревней, как ласточки перед дождем. История побега Дианы и Никиты обрастала новыми невероятными подробностями и сплетнями. На одном краю деревни рассказывали, что Морозов держал дочку под замком и Никита устроил ей побег, на другом утверждали, что Диана была беременна, и разъяренный отец сам выгнал ее из дома. Многие считали, что и без Данилы здесь не обошлось – то ли Диана в последний момент предпочла ему другого, то ли, наоборот, сам кузнец дал отставку бедной девушке, и она от отчаяния бросилась в объятия младшего Федотова, который предложил ей бежать, руководствуясь принципом "с глаз долой – из сердца вон". Также упоминались в разном контексте многомиллионные состояния беглецов, то ли похищенные ими, то ли потерянные по случаю экстренного лишения их наследства. Обсуждались и реакции отцов, от готовности принять и простить блудных отпрысков в случае добровольного возвращения до страшных угроз: Диану обрекали работать дояркой на ферме до самой пенсии, а Никите грозила немедленная женитьба на какой-то Надьке Ря-

бой из соседней деревни, которая только и ждет, как бы поскорее заключить молодого супруга в ежовые рукавицы.

Устав выслушивать версии происшедшего, которые с восторгом пересказывала Зинаида, носившаяся по селу со скоростью неплохого вай-фая, к вечеру я сбежала из дома на конюшню. Там, по крайней мере, ни с кем не надо было разговаривать. Кальдерика приветствовала меня тихим ржанием. Я гладила ее по бархатной морде, а она все вытягивала шею, выглядывая хозяйку.

– Прости, ей пришлось тебя оставить, – прошептала я ей на ухо. Кобыла насмешливо фыркнула. Не поверила. Подумать только, а ведь Диана могла на самом деле подарить ее мне. И у меня была бы своя собственная лошадь. Своя настоящая чудесная лошадь. Похоже, этот мир просто издевается надо мной, наглядно демонстрируя, как могли бы реализоваться мои самые заветные мечты. Посмотрела? А теперь вон отсюда!

В пестром ворохе сплетен, который вывалила на меня за сегодняшний день Зинаида, было кое-что достоверное: Федотов вместе с Морозовым еще до полудня уехали из Заречья, причем вместе с Данилой (что еще больше уверило общество в его причастности к любовному треугольнику). Чтобы окончательно добить себя, я заглянула в безнадежно пустую кузницу.

Вошла, огляделась. Все то, что было живым и горячим, когда здесь работал Данила, теперь казалось мертвым и хо-

лодным. Именно кузнец давал силу этому месту, лишь при нем просыпались духи могучих предков и являлись удивительные видения-наваждения. Без него кузница выглядела заброшенной, а по углам таились черные, как сажа, тени. Холодок пробежал по спине, и я поспешила наружу.

Сумерки тем временем сгустились. Хотя ночи все еще притворялись белыми, в неопределенное время после полуночи вдруг серым волком выскакивала тьма. Она длилась не больше часа, быстро теряя свою силу со спешащим рассветом, но успевала напомнить о ноябрьском беспросветном мраке, в который так трудно верится в середине лета. Осенняя тоска нашла живой отклик в моих расстроенных чувствах и решила остаться со мной навсегда.

Я понуро поднялась по тропинке, ведущей к дому бабки Насти, и увидела, что в окошке светится огонек. То ли лампадка под иконами теплилась, то ли старая травница готовила под покровом ночи особые зелья. Зайти я не решилась. Но идти домой по темноте, чтобы потом ворочаться без сна в жаркой и душной тесноте кладовки, растравливая душевные раны, показалось мне непосильной задачей. Взгляд упал на прислоненную к чердачному оконцу лестницу. Насколько помню, на чердаке было довольно уютно.

Я осторожно вскарабкалась по перекладинам к чернеющему проему, ухитрилась залезть в него, едва не уронив лестницу. Смело шагнула в темноту чердака, стукнулась головой о скат крыши, пригнулась, зацепилась ногой за ка-

кую-то перекладину и рухнула в кипу пахучего сена и чьи-то теплые объятия.

К объятиям добавился поцелуй, да такой, что дух перехватило, а когда он закончился, я смогла лишь вопросительно пролепетать:

– Данила?

В темноте послышался тихий смех.

– Ты всегда сначала целуешься, а потом спрашиваешь, кто это?

– А ты, между прочим, вообще не спрашиваешь! – возмутилась я.

– А я тебя узнал.

– И как же?

– Кто еще может блуждать ночью, запутавшись в мыслях о чужих дорогах и параллельных мирах, – вздохнул кузнец.

Глаза постепенно привыкали к темноте, и я различила отражение своих сожалений на его лице.

– Данила... Ты ведь все понимаешь...

– Мы оба все понимаем, – кивнул он.

– Нам надо держаться друг от друга подальше, – горько проговорила я.

– Определенно так будет лучше для нас обоих, – подтвердил он.

То, что произошло потом, противоречило логике и здравому смыслу, особенно учитывая наше единодушие в преды-

душем в вопросе. А хотя, кого я обманываю, все было абсолютно предсказуемо (но от этого не менее восхитительно). Ибо можно сколько угодно рассуждать о непреодолимых сложностях, принимать в высшей степени разумные решения и быть твердо уверенным в их непоколебимости, но тело, как правило, стремится туда же, куда и сердце – поближе к любимому.

***

Я проснулась от того, что меня колола соломинка. Вернее, меня кололи тысячи соломинок – обратная сторона романтики ночи, проведенной на сеновале. Тонкая ткань ветхих одеял ничуть не спасала от их всепроникающих укулов. Все же хорошо, что они меня разбудили – надо бы пораньше вернуться домой, не вызывая ничьих подозрений. Я мысленно поздравила себя – вот оно, деревенская жизнь накладывает свой отпечаток. Мне стало не все равно "а что люди подумают". Не то, чтобы меня сильно заботило мнение односельчан о моих моральных устоях, но и афишировать тот факт, что я провела ночь с кузнецом, почему-то не хотелось. Тем более, что в случае Зинаиды одними думами дело не ограничится, сплетни о нас с Данилой переплетутся с историей побега Дианы и Никиты, и боюсь даже представить, как на столь плодородной почве разрастется буйная фантазия деревенских кумушек. Я принялась осторожно, но решительно выпутываться из одеял, сена и Данилиных объятий. Хорошо

еще, что одежду долго искать не пришлось. Сарафан свисал с потолочной балки, как флаг о капитуляции. Ума не приложу, как он там оказался. Было еще рано и довольно прохладно, но солнечные лучи уже врываются в полумрак чердака сквозь щели, и при каждом моем движении пылинки устривали в них танцевальный флэш-моб.

Данила спал богатырским сном, серьезно и сосредоточенно, как будто выполнял важную работу. Будить его было жалко, но уйти, не попрощавшись – тем более. Была – не была. Длинная соломинка пропутешествовала по его лбу, потом проехала по щеке, задержалась на губах. Никакой реакции. Все-таки придется уйти по-английски. Я принялась пробираться к выходу, как вдруг в один момент оказалась снова в сене, аккуратно уложенная на обе лопатки.

– Снова сбежать от меня решила? – грозно поинтересовался кузнец. Он делал вид, что хмурится, и эта напускная хмурость совсем не шла к нежности в его глазах.

– Прости, не хотела тебя будить, – пискнула я.

– А зачем тогда соломинкой щекотала?

– Думала, ты проснешься.

– Ты просто воплощенное противоречие, – сказал он ласковым таким тоном, и мне сразу перехотелось уходить. Но все же я ухитрилась вывернуться и принять более приличествующее положение.

– Надо бежать домой, а то моей репутации будет нанесен непоправимый урон.

– А как насчет моей репутации? – кузнец беззаботно принялся вытаскивать соломинки из волос.

– Думаю, ей-то как раз ничего не угрожает, – усмехнулась я. – Скорее, наоборот.

– Распространенное заблуждение, – вздохнул парень. – Но мне тоже пора – к семи меня ждут взволнованные отцы чтобы продолжить поиски заблудших чад.

– Вам удалось что-нибудь разузнать вчера? – поинтересовалась я.

– Только то, что они взяли билет до конечной станции.

– Но сойти могли на любой, – догадалась я.

– Да, так что будем продолжать объезжать все по очереди и выспрашивать, не видел ли их кто.

– Значит, мы сегодня не увидимся, – погрустнела я.

Данила взглянул на меня и пообещал:

– Я постараюсь вернуться как можно скорее.

Утром куда проще поверить в чудо. Наверное, в каждом из нас коренятся крупницы первобытного страха, что когда-нибудь солнце не взойдет и мир погрузится во тьму. Поэтому вместе с пташками, приветствующими рассвет, нет-нет, и в душе что-то невнятно чирикнет на жизнеутверждающую тему «все будет хорошо».

Несомненно, что утреннее мое радостное легкомыслие проистекало из легкомыслия ночного, но я позволила себе помечтать, что все как-нибудь да сложится. Ведь это на са-

мом деле чудо – я попала в параллельный мир, оказалась в возрожденной деревне своего детства, наконец, встретила Данилу! Ну и что, что мы здесь не очень-то желанные гости. Так ведь мы и незваные гости! Чего еще мы ожидали, нарушив законы мироздания? И на том спасибо, что все еще живы и здоровы, высшие силы пока ограничились лишь предупреждением. И теперь я не намерена терять ни минутки драгоценного времени!

Стараясь соблюдать конспирацию, я сделала крюк, обогнув огороды, и выбежала к трем столбам. Там постояла, выравнивая дыхание, и пошла неторопливым прогулочным шагом. Вошла во двор и сразу столкнулась с Зинаидой, которая шла доить корову.

– Доброе утро! – поздоровалась я, как ни в чем не бывало.

– Доброе! – протянула она, с подозрением оглядывая меня с головы до ног. – Ты откуда в такую рань?

– Да вот, проснулась пораньше, решила прогуляться по росе, пока не жарко, – бодро отрапортовала я. Потом невинно улыбнулась и с достоинством прошествовала мимо нее в дом, где уже скребся и поскуливал услышавший мой голос Шарик.

Уж не знаю, как кузнецу это удалось, но едва солнце перевалило за полдень, как он был у моих ног. Вернее, я у его, потому что он вновь восседал на Звездопаде и, кроме того, привел для меня слегка ошарашенную Кальдерику.

– И как же тебе удалось отделаться от глав обоих равноуважаемых семейств? – спросила я, взирая на него снизу вверх и щурясь от солнца?

– Я наставил их в поисках и предоставил возможность скрепить возрожденную дружбу совместными действиями, – беспечно отмахнулся Данила.

– Что-то судьба подруги тебя уже не так сильно волнует, – съехидничала я.

– Просто после некоторых событий я, так скажем, пересмотрел свои взгляды на судьбы влюбленных, которым судьба подстраивает козни! – вдохновенно продекламировал кузнец и немедленно скосил глаза, наблюдая за моей реакцией.

Я, естественно, сделала вид, что не понимаю, о чем это он, и отправилась переодеваться. Снова влезла в свои родные джинсы, которые за время пребывания в параллели стали ультра-модными, обзаведясь множеством потертостей и дыр. Так как футболка после ночного купания в озере превратилась в пахнущую тиной тряпку, пришлось надеть сомнительную блузку без рукавов с оборочками по вырезу. Вид у меня стал как у какой-нибудь Красотки Сью из рекламы жевательной резинки, только ковбойской шляпы не хватало.

Данила восхищенно присвистнул, увидев меня. Он-то с нарядом не напрягался: изрядно потертые брюки неопределенного цвета и растянутая майка. Кузнец подвел кобылу к крыльцу, и я постаралась грациозно вскарабкаться на нее.

Кальдерика была такой же высокой, как Звездопад, но тоньше и изящней, с более плавными движениями. Поначалу я чувствовала себя на ней ненадежно, уж больно ногам не хватало ощущения округлых конских боков – словно лошади под тобой и вовсе нет, одно седло. Кобыла тоже нервничала – как всадница я была ей незнакома. Хорошо, что рядом был Звездопад. Он вел себя как настоящий мужчина – шел рядом с кобылой бок о бок, время от времени ободряюще тыкался ей мордой в шею и успокоительно пофыркивал. Такая слаженность движений позволяла нам с Данилой ехать нога к ноге и держаться за руки. Сегодня не хотелось стремительных галопов и свиста ветра в ушах – хотелось вечно ехать вот так рядом по бесконечному залитому солнцем полю.

Добравшись до леса, мы собирали землянику на опушке, пока лошади мирно паслись в тени березовой рощи. Блестящие темно-красные ягоды притворялись, что прячутся в густой траве, но на самом деле так и манили к себе. Столько земляники я не ела с детства, а такой вкусной, по-моему, вообще никогда. Может быть, в этом сыграло роль то, что Данила собирал для меня самые крупные ягоды, а потом целовал меня ("Должен же я быть уверен, что они достаточно сладкие")? После мы отправились к реке. Кузнец снял со Звездопада седло и заехал в воду верхом. Жеребец с удовольствием медленно шагал по дну, рассекая мощной грудью водную гладь, заходя все глубже и глубже, а потом поплыл, шумно отфыркиваясь. Данила соскользнул с коня и

поплыл рядом.

Кальдерика лишь капризно топала копытом по воде возле берега, с интересом наблюдая за разлетающимися брызгами, но в реку зайти не решалась. На ее морде было написано явное неодобрение. Наконец, пловцы повернули к берегу и вышли на сушу. Вода текла с них ручьями.

– Теперь надо как следует просушиться, – многозначительно сообщил кузнец, спрыгнув с коня, и принялся стягивать майку.

– Мне не надо – я же не купалась, – в тон ему ответила я, поворачивая кобылу от воды, от греха подальше.

Но тут жеребец совершил подлость, и, я уверена, без сговора с хозяином тут не обошлось. Проходя мимо Кальдерики, он встряхнулся всем телом, как мокрая собака, и обдал нас таким ливнем брызг, что кобыла от неожиданности и возмущения подпрыгнула сразу всеми четырьмя ногами метра на два вверх. Не ожидая такого подвоха, я вылетела из седла и шлепнулась в воду.

– Ну почему каждая прогулка к реке заканчивается для меня подобным образом! – возмущенно возопила я.

– Я же говорил – без просушки не обойтись! – со смехом отозвался Данила.

В результате опытным путем было выяснено, что две пары штанов полностью высыхают на солнце за час. Или за два.

Обратный путь мы все-таки проделали галопом. Оба были голодны, как волки. Скакать на Кальдерике было все рав-

но, что оседлать ветер, такой широкий и плавный был у нее аллюр. Почуввав конюшню, кони скакали все быстрее и быстрее, стараясь обогнать друг друга. Я забыла, как дышать, и как думать. Скорость, кони, лето, Данила – все смешалось в стремительном потоке летящего в лицо счастья.

– А теперь к бабуле. Сразу обедать и ужинать, – заявил Данила, когда мы завели коней в денники.

У бабки Насти нас ждал сюрприз – стол был занят.

Хозяйка как раз доставала из печки горшок, от которого валил умопомрачительный запах тушеного с картошкой мяса, а за столом с предвкушающим видом сидели Костя и Макс. Когда мы ввалились в дом, смеясь и держась за руки, они изумленно воззрились на нас.

"Я взрослая и независимая женщина, имею право встречаться с кем хочу и когда хочу, и не должна никому давать отчета", – подумала я. Но почему-то при этом чувствовала себя так, будто родители внезапно с дачи приехали. Потихоньку вытянула свою ладонь из Данилиной руки, и постаралась притвориться, что мы только что внезапно встретились у калитки. Кузнец притворяться не стал, но от публичных демонстраций чувств воздержался, и на том спасибо. Виляя хвостом, ко мне подбежал Шарик, оказывается, он тоже был здесь. Он облизнулся и укоризненно на меня посмотрел.

– Мы зашли за тобой, а Зинаида сказала, что тебя весь день нет, и неизвестно, когда вернешься, – объяснил Макс. – Шарик с нами напросился.

Прости, милый, у хозяйки крышеснос по полной программе. Я погладила песика, он бодро встряхнулся, и вернулся к миске с кусочками мяса.

– Как раз к ужину подоспели, – обрадовалась бабка Настя.

Мы подсели за стол. Я изо всех сил старалась сохранять нахмуренно-сосредоточенное выражение лица, но мне это плохо удавалось. Костя глядел в сторону, Макс изучал трещины на столе. На Данилу смотреть я не рисковала. К счастью, хозяйка поставила на стол тарелки. Парни с аппетитом принялись за еду, а я с подозрением принялась.

– Настасья Осиповна, а что это за мясо?

– Кролик. С утра еще горшок в печку томиться отправил. Все пальчики оближешь, – пообещала мне бабка Настя, хитро подмигивая.

Кролик? Пушистый, со смешным носом и трогательными глазками? Бедный. Но такой вкусный! Особенно тушеный в сметане, с молодой картошечкой и ароматными травами. Вегетарианца из меня точно не получится. Я проголодалась, как волчица, которая весь день пробегала со своим волком по лесам, напрыгалась по полям, навалялась в траве. И эта волчица с жадностью и без зазрения совести набросилась на еду, умяла порцию в два счета, и, слегка стесняясь, попросила добавки.

– Что сегодня делали? – невзначай поинтересовался Макс. Кусок застрял у меня в горле.

– С утра я ездил с Морозовым и Федотовым, помогал ор-

ганизовать поиски, – как ни в чем ни бывало ответил Данила, и принялся рассказывать о том, что предприниматель привлек к поискам Дианы и Никиты все ресурсы, но беглецы как в воду канули. Макс с интересом слушал, попутно делясь своими соображениями, а Костя за все время не сказал ни полслова.

Когда обед закончился, ребята не стали засиживаться, и вышли, кратко поблагодарив хозяйку. Я помедлила и выско-чила вслед. Макса еще успела застать возле калитки, а Ко-стина спина уже маячила вдалеке.

– Макс, прости, – начала я.

– Тебе не за что извиняться, – мягко улыбнулся он. – Это твой выбор. Скорее, ты нас извини. Уж очень вы неожидан-но нагрянули и были слишком... сияющие, что ли. Простые смертные слегка ослепли.

Он немного помолчал, и добавил:

– Ты знаешь, я решил порвать с Варей, хотя только-только что-то начало налаживаться. Ох, и обиделась она – гордая ведь. Но это было бы нечестно и несправедливо.

– А мне было уже поздно что-то решать, – со вздохом при-зналась я. – Я пропала, Макс. Возможно, в тот самый день, когда в первый раз увидела его в кузнице.

Макс кивнул.

– Да я все понимаю. И Костя тоже.

– Он тебе что-то говорил? – вскинулась я.

Макс грустно улыбнулся.

– Как будто ты не знаешь, что об этом не говорят, а молчат. Так что он молчит. Очень сильно.

Я вернулась в дом, присела на лавку рядом с Данилой, он взял меня за руку. Бабка Настя принялась убирать со стола. Я подумала, что надо бы ей помочь, но так хорошо было сидеть рядышком с кузнецом, да и в сон после сытного ужина и малосонной ночи потянуло. Я все же попыталась встать из-за стола, но хозяйка меня остановила.

– Сиди уж, я сама справлюсь. Мне-то старой, одно удовольствие на вас глядеть. – Она с умилением посмотрела на нас и добавила, – Как же быстро вы выросли, детки. А ведь помню, Катерина, какая ты была маленькая да слабенькая, когда тебя гадюка укусила. Тебе ведь тогда лет пять было?

– Шесть, – машинально поправила я.

– Напугала ты тогда всех. Еще каких-то полчаса – и уже никто бы помочь тебе не смог.

– Да, мне мама рассказывала, – подтвердила я. – А я сама почти ничего не помню.

Стоп! А откуда об этом может знать бабка Настя? Здесь, в параллели!

– Но как? – только и сумела выговорить я, потрясенно глядя на нее.

Старая знахарка немного поколебалась, потом присела напротив нас и нехотя заговорила.

– Мы, ведуньи, можем занять сил в другом мире, если сво-

их не хватает. Это тяжело и опасно. Я ни разу чужим пользоваться не пробовала, но зато узнала, что такое, когда тянут силу из тебя. – Она нахмурилась. – На всю жизнь запомнила. Я с ведрами от колодца шла, и так меня скрутило. Не вдохнуть, не выдохнуть, в глазах потемнело. И вдруг вижу, что я в доме, а дом мой, да не мой. Девочка тоненькая на столе лежит, и жизни в ней осталось на один вдох. Но знаю, что я не одна, как будто меня – много, и все мы стараемся из тебя яд выгнать. Последнее, что помню, как ты вдохнула последний раз, обмерла на несколько мгновений, а потом задышала ровно и глаза открыла. И тут меня как по лбушибануло и вытряхнуло оттуда. Лежу я на тропке, воздух ртом хватаю, рядом ведра опрокинутые лежат. До дому чуть не ползком добиралась.

– Выходит, вы с самого начала знали, что мы заявились сюда из другого мира! Почему же нам ничего не сказали? Нам было бы гораздо легче с вашей помощью во всем разобраться, – недоуменно проговорила я.

– И вовсе не с самого начала, – преспокойно поправила меня бабушка Настя, – А только когда ногу тебе лечила. Знахари, видишь ли, работают прежде всего с духом человека, с его внутренней... как ее...

– Сущностью? – подсказал удивленно внимающий Данила.

– Во-во, внутренней сущностью, – довольно поддакнула знахарка. – Я тебя в лицо поначалу и не узнала, а когда рану

заговаривала, в душу заглянула и вспомнила. Душа, она ведь не меняется с возрастом, только зарастает, что ли. Как пруд ряской. У иных так затянет, что и пробраться невозможно. А у тебя, как в детстве, все прозрачно.

– Но когда вы догадались, что мы из другого мира, почему не признались нам? Мы так отчаянно искали хоть кого-то, знающего о путешествиях между мирами.

– Да что я знаю, милая? – развела руками бабка. – Я лишь ведунья, силами ведаю, могу ими пользоваться, чтобы людям помогать. А о том, как из одного мира в другой попасть, и сколько их, этих миров – того знать не знаю. Это вам надо Зару спрашивать, цыгане издавна с путями-дорогами наколотке.

– Значит, чтобы вернуться домой, нам надо сначала найти ее?

– Зара найдется сама, когда это будет нужно, – авторитетно заявила Настасья Осиповна.

«И пусть не находится как можно дольше», – подумала я, а вслух поблагодарила знахарку.

– За что? – удивилась она.

– Как за что! – улыбнулась я. – За то, что спасли меня от гадюки. Раз уж по всем мирам мне не пройти, я благодарю всех ваших двойников в вашем лице.

– Да на здоровье, – удивленно отозвалась бабка. На ее лице блуждало уже знакомое мне выражение человека, который пытается себе представить всю бесконечность парал-

лельных миров.

26. СИЛА УБЕЖДЕНИЯ

Как водится, счастье было недолгим. Уже на следующее утро Зинаида влетела ко мне, распираемая важными новостями.

– Цыгане вернулись! – выпалила она.

– Все? – почему-то спросила я, подскочив на кровати.

– Нет! Только Рустам и Зара! Они сейчас у Федотова.

Я мигом скатилась с кровати, оделась и выбежала из дома, не реагируя на взволнованные возгласы хозяйки. Вот что значит не иметь времени на размышления: я точно знала, что собираюсь предпринять. Признаюсь откровенно – в моих намерениях не было и намека на то, чтобы выяснять, где находится ведущий домой портал и как он открывается. Единственным стремлением было узнать у сведущей в дорогах гадалки, как связать наши с Данилой жизненные пути. Возможно, попросить ее слегка перетасовать их, как карты, она же цыганка, в конце концов.

Подбегая к Федотовскому дому, я сразу заприметила возле забора обшарпанное авто, явно из цыганского «табуна». Двор был пуст. Я постояла немного, переводя дыхание, а потом решительно взбежала на крыльцо и громко постучала в дверь. Не дождавшись ответа, смело вошла и остановилась, прислушиваясь. В глубине дома кто-то громко спорил.

Недолго думая, я пошла на голоса, стараясь ступать как можно тише.

– А я вам снова заявляю, что мои люди никогда бы такого не сотворили – гремел чей-то звучный голос.

Я осторожно заглянула в столовую: Федотов и Рустам стояли и кричали друг на друга. Зара сидела за столом, спокойно пила чай и хрустела сушками, как будто ее это все не касалось.

– Вот, значит, как за гостеприимство оплатили, – бушевал староста. – Сначала драка, потом поджог! Не зря вас нигде принимать не хотят.

– Принимать не хотят, потому что все несчастья на цыган всегда вешают, – возмущался Рустам. – Что касемо драки, признаю, наши ребята подрались с вашими, но кто виноват – это еще разобраться надо. А чтобы поджог устроить – это уж слишком.

– Слишком, говоришь? – окончательно рассвирепел Федотов. – А знаешь ли ты, что на пожаре чуть девчонка городская не погибла? Хорошо еще, ее вовремя вызволили, а то мы бы сейчас совсем не так разговаривали.

– Успокойся, Григорий Васильич, лучше сядь да меня послушай, – тихим, спокойным голосом произнесла Зара. Федотов открыл рот, явно не намереваясь успокаиваться, но цыганка взглянула на него, сверкнув глазами, и староста как-то сразу присмирел и послушно сел рядом.

– Слушай меня, Григорий, и запоминай, – все тем же ров-

ным голосом продолжала гадалка, глядя ему в глаза. – Цыгане ни в чем не виноваты, поджога не было.

– Не было, – совершенно неожиданно согласился Федотов.

– Ты заберешь заявление из полиции, и объяснишь, что нас оклеветали. Это обычное дело, так что тебе поверят.

– Поверят, – послушно повторил староста, устремив перед собой невидящий взгляд.

Я замерла за дверью, боясь пошевелиться. И что здесь происходит? Сеанс профессионального цыганского гипноза?

– Григорий, ты меня слышишь? – окликнула цыганка старосту обычным тоном. – Заснул, что ли?

Федотов встрепенулся и недоуменно заозирался. Зара незаметно кивнула Рустаму.

– Так что, Григорий Васильевич, теперь понятно, что мы к пожару отношения не имеем? – осторожно спросил «цыганский барон».

– Понятно все, что же непонятного. Ошибка вышла, ты уж не обессудь, – растерянно подтвердил староста, и потряс головой, словно не понимая, кто вложил ему эти мысли в голову.

– Да ладно, – невесело усмехнулся Рустам. Видно было, что ему эти манипуляции неприятны. – Ты тоже не обессудь.

Я поняла, что разговор близится к финалу и начала потихоньку отступать к выходу. Осторожно приоткрыла дверь и

выскользнула на улицу.

Получается, Зара владеет особым даром убеждения?

Я присела на ступеньку, переводя дух. Вот это гадалка. Такая не то, что нагадает – убедит судьбу в чем захочет. Как раз то, что мне нужно!

Дверь открылась и вышел Рустам.

– Не слишком круто ты с ним? – спросил он, придерживая для Зары дверь.

– В самый раз. Ты же знаешь, доказать свою невиновность мы никак не сможем, – раздраженно дернула головой цыганка.

Я вскочила и кинулась к гадалке:

– Зара, мне очень нужно с вами поговорить.

– Давай поговорим, – охотно согласилась Зара.

– А как это вы уговорили Федотова? – ляпнула я совсем не то, о чем хотела спросить.

– Убедила, – проворчала цыганка, сочла, что наш разговор окончен и двинулась со двора. Я догнала ее и пошла рядом. Рустам недоуменно следовал за нами.

– Значит, вы обладаете особым даром убеждения? Можете любого человека изменить свое мнение на совершенно противоположное?

– Это возможно, если у человека есть сомнения, – неохотно ответила гадалка. – Тогда я усиливаю эти сомнения и превращаю в уверенность, что так оно и есть. Федотов не хотел нас обвинять в поджоге, он так сделал, потому что на него

давили.

– Он же нас не первый год знает, и никогда ничего серьезнее драк не было. – вмешался Рустам. – А в этот раз, кстати, ваши, то есть деревенские, драку затеяли. Пристал один к девчонке нашей, ее парень защищать стал, а тот дружков привел, ну и началось. Но у людей известно, во всем цыгане виноваты.

– И меня можете в чем угодно убедить? – не отставала я. Зара возвела глаза к небу, но все же взяла мою руку, внимательно рассмотрела ладонь и сказала, сокрушенно качая головой:

– Эх, вижу, ничего у тебя не получится. То, что ты затеваешь, принесет одни несчастья и тебе, и твоим близким.

Я сразу почувствовала, как мое настроение начало меняться, словно облака затянули небосклон, а на горизонте возникла огромная грозовая туча, и поспешно выдернула ладонь из руки цыганки.

– Любопытная техника, надо будет как-нибудь на дорожном инспекторе попробовать, – смущенно пробормотала я.

– Попробуй, – с хитрой усмешкой согласилась цыганка. – Я с представителями власти не связываюсь. – Она остановилась посреди дороги и спросила. – Это все, о чем ты хотела со мной поговорить?

– Нет, – замялась я. – Я хотела спросить... о дорогах.

– Хорошо, – величаво кивнула Зара, звякнув массивными серьгами. – Но не здесь. И не сейчас. Приходи к трем столбам

сегодня на закате.

– Я к подруге обещала заглянуть, – обратилась она к Рустаму. – Завтра утром за мной приезжай.

Рустам молча кивнул и направился к своей колымаге.

Было крайне наивно надеяться, что весть о возвращении Зары не дойдет до ребят. Я встретила их на обратном пути, крайне возбужденных. Все обиды были позабыты, и даже жара как будто перестала быть такой удушающей. В воздухе определенно ощущались перемены. Мне пришлось признаться, что я уже успела поговорить с гадалкой и назначить с нею встречу. Попутно я посвятила их в тайну дара старой цыганки. Или одного из даров.

– Одной идти тебе на встречу с ней нельзя! – категорически заявил Костя.

– Это почему же? – попыталась протестовать я.

– Эта цыганка мастерски владеет психологическим гипнозом. Вот так гадалки и убеждают людей отдавать все, что у них есть.

– А у меня ничего нет, – хмыкнула я. – Кроме, пожалуй, Шарика.

– Надо всем вместе идти, – поддержал друга Макс. – А то она тебе внушит, например, уйти вместе с табором. Или с горы спрыгнуть. А сразу троих загипнотизировать она не сможет.

– Ну, хорошо, – согласилась я. – В конце концов, это нас

всех касается.

А сама подумала, что из кожи вон вылезу, но после поговорю с Зарой наедине.

«На закате» – понятие очень относительное. Когда считается, начинается это «на закате»? С того момента, как солнце начинает клониться к горизонту, понемногу окрашивая облака в золотисто-розовый цвет? Или же когда оно исчезает за краем земли, сверкнув последним прощальным лучом, оставляя небо краснеть то ли от стыда, то ли от счастья? Мы решили, что пора идти, когда светило лишь коснулось макушек дальнего леса, потому что ожидание становилось невыносимым. Как ни странно, когда мы поднялись на вершину холма, Зара уже была там и с интересом обозревала многочисленные ямы по склонам.

– Вы что здесь, клад искали? – осведомилась она вместо приветствия.

– А разве вы не знаете, что мы здесь искали? – смело спросил Макс.

– Знаю, – легко согласилась цыганка. – Искали ход внутрь горы, думали, он приведет вас туда, откуда вы пришли.

– А вы знаете, откуда мы пришли? – уточнила я.

– Понятия не имею, – пожала плечами гадалка.

– Как это? – опешила я.

– Откуда я знаю, из какой двери вы сюда шагнули.

– Двери, дороги, вы так непонятно говорите. Скажите

честно, что вы знаете о путешествиях между реальностями? – взмолилась я.

– Девочка, я не разбираюсь в научной фантастике. И в теории параллельных миров не сильна, – заявила цыганка, заставив Костю удивленно поднять бровь. – Я просто знаю, что у каждого своя дорога, и у меня есть дар эти дороги видеть.

Зара насладились нашим замешательством и продолжила:

– Правда, бывает, что какие-нибудь невежды путаются в трех соснах и выбирают на чужой путь, и смело шагают, и даже бегут, не глядя под ноги. А там ведь и камни, и ямы, да и вступить можно во что-нибудь. Как дети малые, честное слово!

– Ну уж извините, мы в этом не разбираемся, и сюда не специально попали, – обиделся Макс.

– А цыгане, как я вижу, разбираются, – проникательно заметил Костя.

– Мы вечные путешественники, куда только не заносит, – уклончиво подтвердила Зара. – Ну да ладно, давайте о вашем деле поговорим. Вы хотите вернуться, откуда прибыли?

Мы нестройным хором подтвердили свое намерение.

– Так слушайте и запоминайте! – хрипло возвестила гадалка, закашлялась, и продолжила уже обычным голосом. – Первое: сколько пришло – столько и уходит. Второе: ключ otvorит нужную дверь. Третье: проход не откроется при небесном свете. Вот и все.

– Стоп, стоп! – Костя поднял руку, – Давайте по порядку

и подробнее. Для начала объясните, где портал?

– Да здесь же, – нетерпеливо притопнула ногой цыганка, а потом рассмеялась. – Я-то думала, что вы и так все поняли: вы же нашли все маяки, этот центральный, он и открывает дверь.

– Прямо здесь? – недоверчиво переспросила я.

– Ну конечно. – Зара для верности возвела глаза кверху, на момент прикрыла их и повела руками вокруг себя, как будто нашаривая что-то, и добавила нечто совсем непонятное. – Да тут еще и глаз дракона, какие могут быть сомнения.

– А что там про небесный свет? – осведомился Макс.

– Солнце, звезды, луна – отправные точки любого мира, их свет не должен пересекаться по ту сторону.

– А что будет, если пересечется?

– Проход захлопнется, вместе с особо любопытными, – отрезала цыганка.

Макс сглотнул.

– Что же нам теперь, солнечного затмения ждать? – вмешался Костя.

– Зачем затмения? В новолуние дождитесь, когда солнце сядет, а звезды еще не зажгутся. – Она задумчиво оглядела столбы. – Или накройте тут все куполом каким-нибудь.

– В принципе можно было бы возвести навес... Он должен только нас накрыть? Или столбы тоже? – деловито осведомился Макс, оценивая на глаз масштаб предполагаемого сооружения. – Правда, материалу уйма уйдет.

Зара лишь раздраженно отмахнулась от него – мол, мое дело рассказать, а уж ваше дело сообразить. Макс обиженно шевелил губами, договаривая уже про себя.

– Значит, нам всего-то надо дождаться безлунной ночи и после заката собраться здесь втроем? – недоверчиво спросил Костя. – А где взять ключ?

– Вчетвером, – цыганка указала на заскучавшего Шарика. – Это и есть ваш ключ.

– Шарик – наш проводник в иные миры? – изумилась я.

– Ключ нужен, чтобы не заблудиться на перекрестке и вернуться именно на свою дорогу, – Заре стала уже надоедать наша непонятливость.

– А что, есть другие варианты? – удивился Макс.

– А ты как думал? – усмехнулась гадалка. – Перекресток дорог Вселенной – это не то же, что и перекресток обычных дорог. Можно попасть куда угодно. Обычно в качестве ключей используются предметы, имеющие особую связь с нужным миром. Ну а у вас есть собака – кто еще сможет лучше найти дорогу домой?

– А когда у нас ближайшее новолуние? – спросила я, затаив дыхание.

Гадалка глянула на погасшее небо и уверенно заявила:

– Послезавтра.

– Уже? – вырвалось у меня.

Зара с удивлением взглянула на меня и, присмотрелась, и с сочувствием покачала головой. Не иначе, поняла, как глу-

боко увязла бедная птичка в чужом мире. Потом оглядела всю команду.

– Если что не ясно – я в Заречье до завтрашнего утра, ночевать буду у Настасьи, – объявила она и, мелодично позванивая украшениями, удалилась в вихре развевающихся юбок. Спокойно и невозмутимо, как будто только что объяснила, как дойти до дома культуры, а не поведала о тайне перехода в иную реальность.

"Сколько пришло – столько и уходит". Этими словами Зара вынесла мне приговор. Лишь теперь я осознала, как сильно надеялась, что каким-то чудом смогу здесь остаться. Оказалось, только этой робкой надеждой я и дышала последние дни, и, не признаваясь самой себе, уже приняла решение оставить свой мир, семью, друзей и всю свою прошлую жизнь ради того, чтобы быть с Данилой. Но без меня Макс с Костей не смогут вернуться домой.

Я нашла в себе силы кивнуть ребятам, и, кусая изо всех сил губы, спустилась с холма.

Шарик деловито бежал впереди, ничуть не сомневаясь в том, куда направляется его удрученная хозяйка.

Выслушав меня, кузнец сказал только одно:

– С этого момента я не расстанусь с тобой ни на минуту.

– Даже в туалет вместе будем ходить? – попыталась пошутить я.

Он улыбнулся, обнял меня и поцеловал в макушку.

– Если бы это помогло, то да, – пробормотал он.

– Ничего не попишешь, ребятки, – сокрушалась бабка Настя, разливая чай, – Видать, не суждено вам вместе быть. И то радуйтесь, что хоть краткое счастье выпало. А сколько людей и без того по жизни бредут.

– Бабуля, ты ведь рассказывала, как деду удалось изменить мою судьбу, – нетерпеливо спросил Данила. – Быть может, есть какой-то способ и Катину судьбу переменить?

– Даже не думай! – прогремел сварливый голос Зары из дверей. Цыганка входила в избу, нагруженная свертками и пакетами. – Ишь, куда замахнулся. Яков еще дешево отделался – всего-то десятком лет жизни. А могло быть куда хуже.

"Куда хуже?" – подумала я, но спрашивать не стала, вдруг поняла, что есть куда, и мне это совершенно не хочется знать.

– Я же говорила: ходить по чужим дорогам – обязательно во что-то вляпаешься, – с удовлетворением проворчала гадалка, усаживаясь за стол.

"Получается, мы в друг друга вляпались", – грустно подумала я.

Тем временем бабка Настя и Зара вели себя, как давние подружки, очевидно предвкушая увлекательные посиделки за бутылочкой настойки по особому рецепту. Я толкнула кузнеца под локоть и показала глазами на выход.

– Нам пора, – сказал он, поднимаясь. Перед уходом Настасья взяла с меня слово, что мы ни в коем случае не исчезнем, не попрощавшись, а Зара прожгла нас строгим взглядом и погрозила пальцем.

– Куда отправимся? – спросил меня кузнец, когда мы оказались на улице.

Было уже совсем темно и, на удивление, прохладно.

– Как будто погода меняется, – заметила я.

– Ты меняешь тему? Я спросил, где мы проведем эту ночь? – строго переспросил он.

– Это звучит волшебно. Спроси еще раз, – прошептала я.

– Я спросил: где мы проведем эту ночь? – повторил он, целуя меня в щеки, в лоб, в кончик носа.

Я улыбнулась и показала пальцем наверх.

– Что поделаешь, раз терем с дворцом кто-то занял, – улыбнулся он, пропуская меня вперед на лесенку.

Вы когда-нибудь чувствовали, каким ценным может быть время? Как песок нашей жизни, который высыпается неумолимо, безвозвратно и безостановочно, вдруг превращается в чистое золото? И тогда одна ночь стоит всех ночей – и прошлых, и будущих. Быть вместе, зная, что придется расстаться, встречать рассвет, сожалея, что нельзя его задержать. Но все проходит, и все остается. Остается драгоценным воспоминанием в сердце, в памяти, в душе. И когда-нибудь ты поймешь, что именно ради тех бесценных часов, минут и се-

кунд и стоило жить.

27. ОДНО СЕГОДНЯ СТОИТ ДВУХ ЗАВТРА

Утром мы были разбужены настойчивым стуком в дверь избушки. Стук был громким и бесцеремонным, точно стучавший ни на секунду не сомневался в своем праве. Из дома не доносилось ни звука: бабка Настя и Зара либо крепко спали, либо куда-то сбежали с утра пораньше. Стук повторился и дополнился окриком.

– Хозяева! Открываем!

Мы с Данилой переглянулись. Такая наглая самоуверенность не предвещала ничего хорошего. Данила прижал палец к губам, и принялся передвигаться по направлению к окну. Но сделать бесшумно это ему не удалось. Неудачный шаг – и ветхие перекрытия заскрипели оглушительно и протяжно. Кузнец замер, но было поздно.

– Эй, там, на чердаке! Спускаемся! – скомандовали снизу.

Данила выглянул, нарочито зевая и потягиваясь.

– Что случилось?

– Слезай, поговорить надо.

Он перелез на лестницу, едва заметно качнув мне головой, чтобы я не высовывалась.

– Старший лейтенант Бирюков, – представился незванный гость, и мне захотелось зарыться в сено с головой.

А может, он по Зарину душу? Просто Федотов замотался

в поисках сына и не успел еще забрать заявление.

Но следующие слова заставили меня похолодеть:

– В связи с жалобами на незаконные раскопки я разыскиваю приезжих молодых людей, утверждающих, что они археологи.

Все. Нам конец. Сначала выяснится, что у нас нет разрешения на раскопки, потом, что у нас вообще нет никаких документов. А в конце концов, что мы просто не существуем. Или, чего хуже, где-то есть точно такие же Макс, Костя и Катя, которые могут свои личности подтвердить, в отличие от нас. Нам устроят очную ставку, и начнется нечто невообразимое.

Я тихо, как мышка, проскользнула к выходу и стала подглядывать за происходящим сквозь щель между досками.

Рядом с Данилой поблескивал лысиной коренастый человек в форменной одежде.

– Мне сообщили, что лже-археологи временно проживают в доме местного кузнеца. Вы не знаете, где его найти? – строго спрашивал он.

Данила прикидывался простачком.

– Где кузнеца найти? В кузнице, знамо дело, где же еще, – заговорил он, старательно коверкая слова на простонародный манер. – Он там днюет и ночует. А эти... хренологи... вроде как сами по себе.

– Еще с ними была девушка, Екатерина. Она где остановилась?

– Катька-то? А ее к какой-то тетке на постой определили, – Данила запустил пятерню в макушку и от души почесался. И без того спутанные волосы стали похожи на воронье гнездо с торчащими там и сям соломинками. Рубаха навыпуск и выцветшие штаны прекрасно дополняли облик. Оставалось только слюни пустить и вполне можно было сойти за деревенского дурачка.

Служитель закона начал терять терпение.

– А ты сам-то кто? И что здесь делаешь? Здесь ведь проживает Кузнецова Анастасия Осиповна? Ты кем ей приходишься?

– Я Васька Гусь. То есть Василий Дементьев, – испуганно поправился Данила.

– А что на чердаке делал? – повторил Бирюков.

– Так я... это... не один там был, а со Светкой, – смущенно пробурчал "Васька", старательно ковыряя землю босой ногой.

– С какой еще Светкой?

– Ну Светка Семенова, девушка моя. Мамке она не нравится, вот нам и приходится тайком видеться. Светка, покажись!

Я наудачу пошарила в ближайшем углу, провела запачкавшейся рукой по лбу и щекам, взлохматила волосы и, вытаращив глаза, выглянула в чердачное окно.

Бирюков глянул вверх цепким взглядом бывшего следователя. От этого взгляда мне снова сделалось нехорошо, но

я героически продолжила играть свою роль и глупо улыбнулась до ушей. Следователь поморщился. Судя по выражению его лица, он полностью разделил с мифической Васькиной мамкой неприязнь к избраннице сына.

– Вот что. Проводи-ка меня в кузницу, – распорядился он, обращаясь к Даниле.

– Не могу, мне домой пора, а то мамка подозревать начнет, – запричитал тот. – И Светке на ферму бежать пора, на утреннюю дойку опоздает. А до кузницы тут рукой подать – с горки спуститесь, и сразу увидите.

Бирюков еще раз взглянул на меня, раздраженно скривился и ушел. Как только он скрылся за поворотом, Данила мигом взлетел ко мне, и мы свалились от смеха в сено.

– Васька Гусь! – всхлипывала я. – Ты посмотри на себя!

– Ты сама на себя посмотри! – простонал он в ответ. – Я еле сдержался, когда ты выглянула.

– Не вижу ничего смешного! – донесся снизу строгий голос.

А вот и Зара. Выходит, они с бабкой тихонько сидели в доме, пока мы с Данилой изображали из себя дурачков перед следователем. Сразу стало не смешно, и мы спустились вниз.

– Ты понимаешь, чем это все грозит? – напустилась на меня гадалка.

– Прекрасно понимаю, – вздохнула я, усердно глядя Шарика, который тоже ночевал внизу и теперь зевал и потягивался всеми лапками по очереди.

– Ничего ты не понимаешь, – проворчала цыганка. – До сих пор вас здесь будто бы и не было. Ну, подумаешь, какие-то ребята забрели в деревню, что-то искали, потом потихоньку уехали, ни с кем не попрощавшись. Будто камушек бросили в воду – разошлись круги и исчезли бесследно. Но если этот следователь до вас доберется, поднимется такая волна, только держись.

– Катерина, так чего же ты стоишь? – всполошилась бабка Настя, старательно вслушивающаяся в наш разговор. – Беги к Максимке с Костей, да прячьтесь где-нибудь!

– Так что же нам теперь, до завтрашнего вечера в подвале сидеть? – растерялась я.

– Может, и не надо, – задумчиво сказала Зара, вглядываясь куда-то вдаль. – Чую, Заречье ждет такая суматоха, что этот Бирюк позабудет, кто он и кого искал.

Я уже открыла было рот, чтобы поинтересоваться об истоках подобной уверенности, как вдруг за забором показалась изрядно запыхавшаяся Зинаида. Глаза ее блстели, щеки горели. Она бодрым галопом внеслась во двор и остановилась, ухватившись за Данилу и стараясь отдышаться.

– Дианка с Никиткой вернулись, – наконец смогла выговорить она. – Они поженились!

– Ой, что будет! – вырвалось у меня.

– Будет весело! – заключила Зара, довольно потирая руки.

– Точно, – поддержала ее кокушка, и, боясь, что вездесущая гадалка урвет хоть кусочек лакомых новостей, затарато-

рила: – Они, значит, родителям говорят: «Теперь мы муж и жена, и никто нам не указ. Воля ваша, хотите – благословите, хотите – прокляните».

– А родители что?

– Да они оба, что Федотов, что Морозов, рады-радешеньки, что чада заблудшие домой воротились, на все согласны. Только недолго им радоваться.

– Почему недолго? – насторожилась я.

– Дианка-то с Никиткой, вон чего заявили – уезжаем из Заречья в город жить, нам жизнь деревенская поперек горла. Там хотят учиться да работать. Федотову-то что, у него еще трое сыновей на земле остаются, а вот Морозову-то снова несладко.

Тут Зинаида аж подскочила на месте.

– Да что это я, стою тут, с вами лясы точу, того гляди на свадьбу опоздаю.

– На какую свадьбу? – женщина уже начала отступать к калитке, но мы шагали за ней, так до конца и не разобравшись в непредвиденном повороте шекспировского сюжета.

– Федотов кулаком по столу стукнул, и заявил, что свадьбу надо по-людски справить. Дианка сразу в контры, да Никитка ее уговорил.

– И когда свадьба?

– Так сегодня же! – воскликнула Зина. – Всем миром решили помочь ребятам отгулять. Все, я побежала!

И с этими словами она лихо выскочила из калитки и была

такова, только пыль столбом поднялась.

– Чего стоите? – спросила у нас цыганка. – Можете еще на свадьбе погулять напоследок.

На свадьбу мы с Данилой отправились одни: Костя заявил, что сыт по горло деревенскими праздниками, и предпочитает отсидеться у бабки Насти. И добавил, что, учитывая рыщущего по Заречью следователя, он настоятельно рекомендовал бы и остальным последовать его примеру. Макс остался с ним. Как бы ему не хотелось попрощаться с Варварой, он прекрасно сознавал, что его в толпе приметить проще всего.

– А я хочу с Дианой увидеться напоследок, – уперлась я.

– Ты понимаешь, что подвергаешь риску всех? – напустился было на меня Костя, но Данила оборвал его.

– За Катю я отвечаю, – спокойно проговорил он, глядя на Костю в упор. Некоторое время они прожигали друг друга взглядами, потом Костя отвел глаза и с деланным равнодушием пожал плечами.

Заречье напоминало разворошенный муравейник. Все суетились, куда-то бежали и что-то тащили. Мужики несли на Федотовский двор столы и табуретки, укладывали длинные доски для импровизированных лавок. Женщины бесперебойным потоком выставляли на столы все, что нашлось в закромах – от вчерашнего борща до сегодняшних блинов. Жена Федотова командовала невестками, братья жениха выка-

тывали из подпола массивные бочки.

Времени начала празднования никто не объявлял, но к пяти часам, как по уговору, все деревенское общество собралось за накрытыми столами и скандировало «Горько!» Впрочем, большинство осушало стаканы, не дожидаясь, пока молодые «подсластят» содержимое, так что еще немного – и повод гуляний был бы забыт.

Но они все же предстали перед гостями. Диана в красном вечернем платье – последний протест. Жених (он же новоявленный супруг) еще пытался напустить на себя веселый вид, а невеста откровенно хмурилась, кусала губы, и, казалось, вот-вот сорвется.

Как же эта свадьба отличалась от предыдущей. Даже не сумбурностью и не несчастным положением молодых, которых обязали сыграть эту роль, а общим настроением веселья с нотками отчаяния. Будто не свадьба игралась, а тризна справлялась. Федотов-старший и Морозов сидели за отдельным столом и что-то обсуждали. Вид у обоих был невеселый.

Тем временем горизонт понемногу темнел на западе. В воздухе вместо вечерней прохлады застыло душное и томительное напряжение. Люди поглядывали на небо с надеждой: дождь был нужен созревающему урожаю, как благословение.

Уже женщины завели первые заунывные песни, уже на одном краю мужики принялись выяснять извечный вопрос о взаимном уважении, а мы с Данилой все прятались на задворках, не решаясь показаться. Неугомонный Бирюков и

не думал прекращать расследование. Надоедливый Глобус крутился рядом, размахивал руками, горячился. Он чуть ли не тянул следователя за рукав, видно, обещая показать, где прячутся им же заложенные «черные археологи», но почему-то тот не спешил воспользоваться предлагаемой помощью. Он переходил от компании к компании, подсаживался к столам, расспрашивал. Каждый считал своим священным долгом прежде всего предложить стакан приезжему стражу порядка, но тот отнекивался и ссылался на необходимость воздержания при исполнении. В конце концов Глобус обиделся и ушел, и вот тут-то изможденный жарой и раздраженный неудачными поисками Бирюков и пал жертвой местного гостеприимства, уступив уговорам попробовать боярского пива (да что тут пить-то, квас и то крепче!) И пошло-поехало по накатанной: вишневое, можжевельное, красное, белое... Когда я увидела, как сыщик с потерянным видом стучится в дворовый сортир, предлагая кому-то добровольно сдать, ибо чистосердечное признание учтется при вынесении приговора, то решила, что теперь могу наконец перемолвиться парой словечек с Дианой. Данила вызвался покараулить, чтобы Бирюков внезапно не вспомнил о служебном долге, а я побежала искать куда-то запропастившихся молодых, о которых кроме меня, похоже, уже никто и не вспоминал.

Нашла с трудом – под шумок ребята сбежали в тихий уголок, под прикрытие будки с цепным псом, и там обнимались

себе и ворковали, как и положено влюбленным новобрачным. Переевший объедков со свадебного стола кобель сыто рыкнул, и они заметили меня.

– Катька! – Диана кинулась обниматься.

Я от души поздравила их, Никита кивнул, немного смущаясь, и отошел в сторону, чтобы дать нам поговорить.

– Возвращение блудных детей! – Диана сделала шуточный реверанс, но лицо выдавало ее напряженность.

Я даже не успела ничего ответить, как она торопливо продолжила:

– Как хорошо, что ты пришла – мне так надо хоть кому-то выговориться. Никите я уже все это столько раз повторила, что он, наверное, уже готов со мной развестись.

Девушка нервно рассмеялась и принялась гладить растерявшегося пса, не привыкшего к подобным нежностям.

– Я ведь честно готова была на все, чтобы быть вместе с Никитой. Но реальная жизнь в роли беглецов оказалась какой-то... слишком реальной. Я, наверное, покажусь тебе избалованной принцессой, но пока мы доехали до города на общественном транспорте, я уже готова была пересмотреть свою позицию. А ночевка в захудалой гостинице! И регистрация брака в районном ЗАГСе. Та женщина, объявившая нас мужем и женой... Она мне теперь в кошмарах будет сниться. И я подумала, что не обязательно сжигать все мосты, надо попробовать еще раз поговорить с родителями. Возможно, для того, чтобы нам быть вместе, вовсе не обяза-

тельно от всего отказываться. И почему бы не жить в своей квартире, а не в семейном общежитии, да и вообще для наших родителей помочь нам встать на ноги не составило бы особого труда...

Цепной кобель совершенно размяк, шлепнулся на бок, а потом и вовсе перевернулся на спину, как щенок. Диана принялась чесать ему брюхо, не обращая внимания, во что превращается расшитый подол ее шикарного платья. Ее глаза заблестели, а нос подозрительно покраснел.

– Скажи, ты считаешь меня капризной девчонкой? И Никита, наверное, тоже так считает.

– Никита прекрасно знает тебя и любит, – я ободряюще улыбнулась, – И он понимает, что ты привыкла к определенному уровню жизни.

– Да мне ведь ничего особенного не нужно, – запротестовала девушка, шмыгая носом. – И мы сами будем зарабатывать... Потом...

– Слушай, ну чего ты так расстраиваешься? – возмутилась я. – Ты же вышла замуж на Никиту? Вышла. Значит, теперь вас разлучить никто не сможет. Так что хватит мучать себя. И мужа.

Диана поднялась на ноги, оглянулась на Никиту и прошептала:

– Еще мне папу жалко – я его никогда таким не видела. Он от счастья чуть не плакал, когда я вернулась. А когда узнал, что вернулась я лишь для того, чтобы снова уехать, он просто

окаменел. Я ему объясняла, что хочу сама решать, кем мне быть в жизни, а он только сказал: "Я работал, чтобы тебе дело оставить, а так – ради кого мне стараться".

–Так ты напомнила бы ему, что в перспективе ему очень даже будет ради кого стараться, – усмехнулась я. Диана непонимающе вскинула на меня глаза.

–Если я не ошибаюсь, у Федотовых в роду одни мальчишки, – многозначительно добавила я.

–Точно, надо поскорее отца внуком осчастливить! – воскликнула Диана, – Никита! Иди сюда скорей!

Воодушевленная новобрачная попрощалась на ходу и кинулась к супругу решать не терпящий промедления вопрос о пополнении семейства. Тем временем пес, расстроенный тем, что его прекратили чесать, несколько раз призывно дернул задней лапой, но не дождался продолжения. Пришлось вставать. Он встряхнулся, зевнул, показав зубастую пасть, и, вспомнив о своем долге, раскатисто гавкнул. Воровато выглянув из-за угла, я пошла искать Данилу.

Гуляние словно замерло. Все уже были по горло сыты, умеренно пьяны, а парящая духота не располагала к переходу в более активную стадию веселья. Люди понемногу расходились, лишь самые стойкие оставались за столами.

Данилы нигде не было. Я снова увидела Бирюкова – изрядно притомившись, он сидел под дверью сортира. Похоже, он решил взять предполагаемого преступника измором, и наизусть зачитывал параграфы уголовного кодекса. Сего-

дня его уже можно было не опасаться.

Неожиданно налетел сильный порыв ветра, взметнул скатерти, опрокинул стаканы. Предупредительно зашумели вершины деревьев, где-то со звоном стукнуло окно. Пару раз моргнул свет. Тревожно взлаяли собаки и наступила тишина, только высоко в небе угадывался отдаленный рокот, будто там, в сумеречном мареве, прятался самый настоящий дракон, скрытно парил на расправленных крыльях, умело управляясь с воздушными потоками. Внезапно молния распоролла небо, осветила мертвенно-бледным сиянием все вокруг, вспышкой поймала испуганные, ошеломленные, восторженные лица. Гром, как обычно, опоздал, и от досады грохнул так, что земля под ногами вздрогнула. Послышались испуганные крики женщин, заревели дети, завyli собаки. То тут, то там начали падать тяжелые капли, звеня по посуде, стуча по столам, попадая на разгоряченных людей. И хлынул потоком дождь. Он вымочил всех до нитки, но никто не спешил бежать и прятаться. Люди вскакивали из-за столов, кричали, смеялись. Дождь, дождь! Он напоит землю, вдохнет жизнь в посевы. Запах мокрой листвы и травы наполнил воздух. Откуда-то послышалась музыка – гремящая и веселая, как сам ливень. Это музыканты на крыльце под укрытием козырька принялись наигрывать бодрую мелодию. Народ кинулся плясать, хлопая в ладоши, топая по мгновенно образовавшимся лужам, гикая и хохоча. Кто-то подхватил меня и бешено закружил.

– Данила!

– Можно пригласить даму на танец? – спросил он, склоняясь в шутовском поклоне. Его волосы были мокрые, рубашка была расстегнута, а сам он был горячим, как пламя кузнечного горна. Готова поклясться – от него даже пар шел.

– Ты же говорил, что в танцах не силен, – рассмеялась я.

– И тебе предоставился прекрасный шанс в этом убедиться, – улыбнулся он.

Конечно, все он врал. Он великолепно вел в танце. Правда, вальс не сильно подходил к русской плясовой, или, вернее, музыка не подходила к нему. Все равно, я видела только Данилу, двигалась вместе с ним в идеальном ритме: раз-два-три, раз-два-три. Я хочу быть с тобой, прожить жизнь с тобой, хочу, чтобы мое сердце всегда билось в одном ритме с твоим. И уже не было ни дождя, ни чужого мира. Был только этот перекресток реальностей, на котором мы встретились. Были мы вдвоем – а вокруг вся вселенная со всеми возможными мирами и измерениями.

– Катя!

Мы чуть не налетели на Костю, который вырос на нашем пути, как из-под земли. Все вернулось, и все изменилось – дождь, который уже не приятно охлаждал, а противно стекал по спине, липнущие к лицу мокрые волосы, шумная нестройная музыка. И обстоятельства непреодолимой силы, неизбежно разлучающие нас.

– Думаю, нам пора.

За его спиной стоял Макс. Он многозначительно указал на непроглядное небо. Действительно, момент был идеальный.

– Собирайся. Встречаемся у трех столбов, – коротко бросил Костя.

Я думала, у нас еще впереди целая ночь, и целый день, бесконечные сутки – часы, минуты, секунды, а это бесценное время безжалостно выдернули у меня из-под ног. Только бы не упасть.

– Хорошо, – спокойно проговорила я, чувствуя, как в груди с острой болью рвется какая-то струна, а слезы на щеках смешиваются с каплями дождя.

Данила решительно стиснул мне руку.

– Я иду с тобой.

Я уходила, не оглядываясь, тупо шагая по лужам, и каждый шаг отзывался в моем мозгу: не-воз-мож-но, не-воз-мож-но. Невозможно тебе уйти со мной. Невозможно мне остаться с тобой. Невозможно жить без тебя.

У Зинаиды я переоделась в свою одежду, схватила сонного Шарика, сунула в карман давно заброшенный телефон. Сумбурно попрощалась, поблагодарив за гостеприимство. Она не поняла, к чему такая спешка, но все-таки обняла меня и от души пожелала всего хорошего. И пригласила приезжать к ней в любое время, можно без предупреждения.

Забежав к бабушке Насте, я благодарилась ей за все, а она держала мое лицо в своих теплых мягких ладонях, будто наглядеться не могла, и качала головой то ли с грустью, то ли с

укоризной.

И вот мы уже стояли под проливным дождем на холме вокруг камня. Одной рукой я прижимала к себе Шарика, другую все так же крепко сжимал Данила. У Шарика капало с ушей, хвост намок и бессильно свисал, морда выражала крайнюю степень неодобрения. Роль ключа к нашему миру его совсем не вдохновляла, и он не понимал, зачем надо было вытаскивать его из теплой и сухой кладовки на этот ливень.

Гроза еще бушевала, но на краю неба уже виднелась полоска чистого горизонта с тающими отблесками заката.

– Надо спешить! – поторопил нас Костя.

– Куда? – пробормотала я, дрожа от холода. – Мы и так уже здесь.

– Нас больше, чем нужно! – выкрикнул он, указывая на Данилу. – Пока он не уйдет, портал не откроется. Сколько пришло, столько и уходит!

– Тогда останусь я! – рявкнул вдруг Макс.

– Еще чего, – накинулся на него Костя. – Тоже мне, герой нашелся. Решил, будто портал, это как лифт, куда помещаются не более трех человек и одной собаки, и можно просто взять и поменять одного пассажира на другого?

– Тихо! – крикнул кузнец и поднял руку. Все послушались его, даже гроза притихла.

– Катя, прощай, – сказал он. Взглянул в глаза, прикоснулся губами к моим губам. – Я никогда не забуду тебя. – Потом

перевел взгляд на Макса и Костю. – Удачи вам в вашем мире. Я рад, что наши дороги пересеклись.

Он еще мгновение подержал мою руку в своей, потом отпустил и стал спускаться с горы. "Я ведь ничего не сказала ему на прощание", – подумала я. Нет, я должна успеть сказать – ведь больше я не скажу это никому и никогда!

Я повернула голову, увидела его смутный удаляющийся силуэт внизу и успела крикнуть:

– Данила!

В ту же секунду столбы вспыхнули ослепительно-белым светом, образуя светящуюся пирамиду, и раздался оглушительный грохот. Холм задрожал под ногами, грани потеряли очертания.

"Молния ударила в вершину столбов, и они падают прямо на нас", – успела подумать я. – "Теперь точно все. А я так и не успела сказать, что люблю его".

28. А ЛАРЧИК ПРОСТО ОТКРЫВАЛСЯ

Я лежала на чем-то холодном, в мокрой насквозь одежде, настолько замерзшая, что не сразу поверила, что жива. Открыла глаза, и ужаснулась, что ослепла. Но потом где-то наверху стал проявляться какой-то тусклый отблеск, и я поняла, что не ослепла, а нахожусь в полной темноте. Поблизости кто-то завозился и закашлялся.

– Макс? – наобум спросила я.

– Ага, – хрипло отозвался он.

– Где мы?

– По-моему, снова в пещере, – испуганно проговорил он и резко дернулся, пытаясь встать. Раздался грохот падающей мебели и приглушенное ругательство.

– Скорее, это подвал, – подал голос Костя. – Здесь каменные стены, земляной пол и рухлядь какая-то свалена.

– А где Шарик? – спохватилась я и позвала громче, – Шарик! Мальчик, ты где?

Тишина была мне ответом. Я похолодела. Неужели после всего пережитого Шарик потерялся по пути? Посвистела непослушными губами, и, к неопишуемому облегчению, расслышала знакомое тьякканье где-то в отдалении, как будто за стеной. Осторожно, на ощупь, стала продвигаться вперед, и вдруг он гавкнул совсем рядом. Звук гулко отдался в стенах и Шарик материализовался прямо у меня под ногами радостным пушистым невидимкой. Он лизал мне ноги и весело прыгал вокруг, а потом снова исчез куда-то. Вновь его лай послышался из-за стены. Я продолжила движение вперед и через несколько шагов уперлась рукой в холодное железо. Провела ладонью ниже, и нащупала ручку.

Помещение, наполняющееся дымом. Дышать все труднее. Кашель раздрает горло. А я бьюсь, бьюсь в запертую дверь и беззвучно кричу о помощи.

– Я знаю, где мы, – медленно проговорила я. – Этот тот самый проклятый подвал в дурном доме. Никогда не забуду,

как отчаянно ломилась в эту самую дверь.

– И как мы здесь оказались? – недоуменно спросил Костя.

А Макс ничего спрашивать не стал. Он отодвинул меня в сторону, нащупал ручку, уперся покрепче и дернул что было сил.

Сил у него было много, а вот дверь, как оказалось, не была заперта. Не ожидавший такого подвоха с ее стороны парень выпустил ручку и повалился навзничь. Из дверного проема полился тусклый свет. Я нерешительно перенесла ногу через порог и огляделась. Увидела полуразвалившийся коридор с закопченными стенами и дверной проем с обугленными наличниками. Макс с Костей встали за моей спиной, и мы втроем шагнули в неведомый мир.

Мир был наполнен запахами мокрой после дождя земли и травы. Черно-синяя туча стремительно отступала, оставляя за собой до блеска вымытое глубокое сумеречное небо с кристаллами звезд и хирургически тонким серпом месяца.

Остов дома чернел бесформенной глыбой древних камней. Шарик как ни в чем не бывало сидел на траве и ждал нас.

– Очень хотелось бы понять, на каком мы свете, – пробормотал Костя за моим плечом.

– Похоже, что на нашем, – отозвался Макс. – Вон те дома-развалюхи и остатки заборов не могут быть Заречьем из параллели. Пойдем, поищем, стоят ли еще наши палатки?

– И цела ли моя машина, – хмуро обронил Костя.

В кармане тренькнул телефон. Я вынула его и уставилась на экран. Сообщение от мамы: "Когда же ты позвонишь? Я начинаю волноваться."

Ничего себе! Я больше месяца пропадала, а она только начинает волноваться?

И тут Костя, беззастенчиво заглядывающий в экран из-за моего плеча, судорожно выхватил мобильник из моих рук.

– Ты чего? – опешила я.

– Ты видела дату? – заорал он. – Ты видела, какое сегодня число?

Он сунул телефон мне под нос.

– Мы что, вернулись в прошлое? – поразилась я. – Получается, что мы отсутствовали всего-то пару дней.

Костя восторженно подбросил телефон в воздух перед тем, как вернуть мне:

– Наверное, в параллели время течет по-другому. Хотел бы я знать законы, по которым работают эти порталы. Могу лишь предположить, что это как-то связано с тем, что мы вышли не там, где вошли.

– Кстати, вам тоже показалось, что перед тем, как мы перенеслись, в столбы попала молния и они рухнули? – взволнованно спросил Макс.

– Да, я думал нам точно крышка, – нервно усмехнулся Костя. – Представляю, какой переполох там поднялся. Или поднимется. Знать бы теперь, где осталось то Заречье, в котором мы провели столько времени.

«Ты больше никогда его не увидишь», – сказал мне кто-то на ухо так отчетливо, что я обернулась. Парни недоуменно покосились на меня.

«Вот и галлюцинации подоспели», – со вздохом подумала я.

Мы вновь шли по разоренному временем Заречью, а перед глазами, как призрак, вставала деревня из параллели. Вот здесь был ярко-синий забор, там в будке жил злощипый-презлющий пес, лающий на всех подряд до хрипоты. А тут стоял дом Зинаиды – лишь труба торчит из разрушенного остова.

По дороге я позвонила маме, и успокоила ее. Да-да, у меня все в порядке, я отдыхаю за городом, в пансионате. С кем? Ой, мама, здесь такая плохая связь! Пока, я скоро перезвоню.

Вот и горушка, и раскоп на склоне виднеется. Мы, не сговариваясь, прибавили шагу. Я с содроганием сердца заглянула в яму.

–Что и следовало ожидать, – произнес Костя после обоюдного молчания.

Раскоп был пуст. Ни каменных балок, ни деревянных перекрытий. Просто яма.

– Глядите-ка, здесь три столба стоят как ни в чем ни бывало, – заметил Костя.

– Костян, а вон и тачка твоя, – хохотнул Макс. – Целая и невредимая.

Костя ревниво оглядел свое средство передвижения, и остался доволен. Дернул ручку передней двери и с изумлением обнаружил, что она не была заперта.

А я с ужасом понимала, что наша реальность стремительно забирает меня к себе, что еще немного – и я сама не поверю, что путешествие в параллель, цветущее Заречье, Данила – все это было на самом деле. Я остановилась, сориентировалась, и решительно пошла в другую сторону.

–Катя, ты куда? – удивленно спросил Макс.

– Мне нужно, мне очень нужно, – я даже не пыталась ничего объяснить, просто отстранилась, чтобы меня не пытались остановить.

После вечерней грозы деревня как никогда казалась вымершей. Деревья стояли потрясенные, мокрые и взъерошенные. Кое-где валялись сломанные ветки, а по дороге все еще текли потоки воды. Я с содроганием продолжала узнавать уже ставшие привычными закоулки Заречья. Шарик бежал за мной, перепрыгивая лужи. Его нимало не смущали произошедшие метаморфозы. Главное – я здесь, и он будет сопровождать меня, пока у него останутся силы.

Домик бабки Насти тоже изменился. Казалось, что он не разваливается лишь потому, что врос в землю по самые окна. Вместо аккуратного забора с кованой калиткой – ветхая изгородь, которая не падала лишь каким-то чудом.

Так же тускло теплился свет в оконце, как и в ту самую, незапамятную ночь.

Я стояла перед низкой дверью, не решаясь ни войти, ни постучаться, и вдруг она распахнулась сама.

– Ты чего, девонька, заблудилась? – раздался скрипящий голос, и я с трудом признала бабушку Настю.

Как же она отличалась от полной жизни Данилиной бабушки из параллели! Неряшливая одежда, потухшие глаза. Седые пряди нечесаных волос выбивались из-под засаленного платка, кое-как повязанного на голове. Казалось, Настасья Осиповна, которую я знала, разом превратилась в древнюю старуху. Она была как большинство домов в Заречье – пустые окна и осиротевшие очаги, лишь остов былого вместилища жизни.

– Я домом ошиблась, – едва смогла выдавить я. – Простите.

Бабушка сурово покачала головой, и продолжала качать, беззвучно бормоча что-то. Я отступила, кивнула головой, прощаясь. Здесь мне делать нечего.

– Спасибо вам, – беззвучно шепнула я, и побрела прочь.

На что я надеялась? На чудо, на что же еще. Бабушка Настя была единственной ниточкой, связывающей два мира. Но с этой стороны ниточка осыпалась прахом.

Значит, я вернулась, и обратного пути нет. Я больше не увижу Данилу.

Я в своем мире. А его здесь нет.

Здесь родители, друзья, дом, работа. А Данилы никогда и не было.

Разом навалилась усталость, придавила плечи непосильным грузом. Я еле дошла до лагеря. Не сказав никому не слова, молча залезла в сырую палатку, и не заснула, а просто выключилась.

Утреннему солнцу было все равно в каком мире светить и греть. Из палатки я вылезла с тяжелой головой. Макс собирал вещи. Шарик укрывался от солнца в тенечке возле рюкзаков и задумчиво почесывал ухо. Неподалеку на склоне Костя собирал оборудование.

– Ты как, нормально? – неловко поинтересовался Макс.

– Да, – кивнула я, и добавила, немного помедлив. – Спасибо тебе.

– За что? – удивился он.

– За то, что готов был остаться вместо Данилы.

Макс совсем расстроился.

– Да ладно. Ничего же не получилось, – он помолчал и добавил, – А я к Варваре ходил.

– Как? – вскинулась я, не сразу сообразив, – А, к этой Варваре. И что?

Он торжествующе улыбнулся.

– Обменялись телефонами, я пригласил ее на следующие выходные погулять по городу.

– Удачи, – вежливо пожелала я.

Подошел Костя, хозяйским взглядом окинул лагерь.

– Я все собрал, можно ехать, – с довольным видом сообщил он. И, дабы ускорить отправление, навьючил на себя все

оставшиеся рюкзаки и потащил их в машину. Лишенный те-ни Шарик возмущенно встряхнулся и побежал следом.

Макс быстро упаковал и мою палатку. Выпрямился, недо-верчиво оглядывая опустевшую поляну.

– Вот это поездочка. Рассказать кому... В дурдом сдадут. Ладно, Катюха, ждем тебя в машине.

Я побрела на вершину горушки, чтобы в последний раз поглядеть на поле внизу, расстилающееся далеко-далеко, до блестящей реки, изгибающейся в синеющих зарослях под-леска. И понять, что все, что было, ушло безвозвратно. Как детство. Как само Заречье.

У подножия склона я заметила какое-то движение. При-смотрелась и разглядела, что это Даня-художник работает на пленэре, установив холст на разложенный мольберт. Я не хо-тела встречаться с ним, даже боялась, но теперь поняла, что просто должна увидеть его.

Парень так вдохновенно орудовал кистью, что не заметил, как я подхожу. Его футболка была повязана на голове, что-бы защитить макушку от палящего солнца, и худые плечи и спина уже изрядно обгорели, но художника это, похоже, ни-чуть не беспокоило.

– Давно не виделись, – задыхаясь, проговорила я. Как это жестоко – любимые черты на чужом лице, знакомое созвездие родинок на плече.

– Вы куда-то уезжали? Когда я работаю над картиной, бы-вает, теряюсь во времени, – извиняющимся тоном сказал Да-

ня, не отрывая взгляд от холста.

– Мы тоже немного потерялись, – пробормотала я больше для себя, он все равно не слушал.

Я обошла его, чтобы взглянуть на картину и застыла. Работа еще не была завершена, но уже было видно, что художнику удалось не только натуралистично изобразить открывающийся перед ним пейзаж, но и удивительно точно передать впечатление летнего дня: напоенные солнцем цветы и травы, дрожащий знойный воздух, манящую прохладой реку вдалеке, темнеющий на горизонте лес.

Но не это потрясло меня, а фигуры в центре, над которыми как раз работал Даня. По волнующемуся морю трав неспешным шагом удалялись два всадника. Девушка на гнедой лошади, мужчина на высоком сером коне. Кони шли бок о бок, а всадник и всадница держались за руки, украдкой поглядывая друг на друга. Девушка с каштановыми кудрями, в которых купались солнечные лучи, и парень с волосами в масть своего скакуна.

Я судорожно вцепилась в Данино плечо, он невольно ойкнул от боли, с удивлением оглядывая покрасневшую кожу.

– Кто это? – спросила я, вцепляясь в его плечо еще сильнее.

Художник непонимающе посмотрел на меня.

– Эта пара всадников – кто они? – нетерпеливо переспросила я.

– Понятия не имею, – Даня с некоторым изумлением изу-

чил свое творение.

– То ли приснилось, то ли привиделось. Со мной так бывает. Образ приходит в голову, и надо срочно браться за работу, иначе не будет покою.

Он еще что-то объяснял, но я, не в силах сдержаться, отвернулась и пошла прочь. Шла и улыбалась, сквозь слезы, охваченная внезапной сокрушительной, абсолютно необоснованной, абсурдной надеждой на... что-то невозможное.